

МОЛОДЫЕ НЕВОЛЬНИКИ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

МАЙН РИД

МАЙН РИД

МОЛОДЫЕ НЕВОЛЬНИКИ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

МАЙН РИД

**МОЛОДЫЕ НЕВОЛЬНИКИ
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ**

Пермь
«Янус»
1992

В течение десяти лет Пермское книжное издательство радовало своих читателей сериалом Т. Майн Рида. ОсОО «Янус», продолжая эту традицию, предлагает вашему вниманию очередной том этого сериала и оповещает любителей приключенческой литературы о том, что оно планирует начать выпуск книг и других знаменитых и неизвестных советскому читателю мастеров этого жанра. В течение 1993 года в аналогичном оформлении выйдут книги Т. Майн Рида, К. Мая и У Смита.

Литературно-художественное издание

ТОМАС МАЙН РИД

**МОЛОДЫЕ НЕВОЛЬНИКИ.
СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ**

Редактор *Н. Яковлев*
Художник *Н. Горбунов*
Художественный редактор *О. Иванов*
Технический редактор *Т. Сайтарова*
Корректор *В. Обросова*.

Сдано в набор 11.09.92. Подписано к печати 13.10.92. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Усл. печ. листов 17,64. Усл. кр.-отт. 18,9. Уч.-изд. л. 19,87. Тираж 100 000 экз. Заказ 324. С-0200.

ОсОО «Янус», 614016, Пермь, а/я 10119.
Типография ИПП «Уральский рабочий», 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Рид Томас Майн.

Р49 Молодые невольники. Смертельный выстрел
/Пер. с англ.; Худ. Н. Горбунов.— Пермь. Янус,
1992. с.

Два малоизвестных романа вошли в том классика английской приключенческой литературы Томаса Майн Рида (1832—1883). На этот раз местом действия стала Африка и излюбленный Ридом Дальний Запад.

Р 4703010100—02 00
Д 25(03) — 92 — без объявления

ISBN 5—87916—011—4

ББК 84.4 Вл
© Оформление
Н. П. Горбунов.
1992.

МОЛОДЫЕ НЕВОЛЬНИКИ

Глава I ДВЕ ПУСТЫНИ

Мореплаватели всех стран знают и больше всего боятся опасностей, грозящих им около западных берегов Африки, между Сузом и Сенегалом. Но, несмотря на все предосторожности, здесь чаще всего и случаются кораблекрушения.

Две необъятные пустыни, из которых одна — Сахара, а другая — Атлантический океан, идут бок о бок на протяжении целых десяти градусов широты. Пустыни эти разделяет только одна воображаемая линия. Водная пустыня обнимает песчаную, которая так же опасна, как и первая, для тех, кто потерпел крушение около этого негостеприимного берега, справедливо называемого Варварийским.

Частые кораблекрушения объясняются тем, что здесь проходит одно из течений Атлантического океана, настоящий Мальстрем для тех, кто, по несчастью, оказался в этом районе.

Образовалось это течение под влиянием страшной тро-

пической жары Сахары, иссушающей всякую влагу и убивающей растительность, присутствие которой безусловно умерило бы нестерпимый зной на поверхности земли. Но зелень здесь видна только в оазисах. Раскаленный воздух беспрепятственно поднимается в более холодные слои атмосферы, и в то же время к земле устремляются влекомые непреодолимой силой воды океана.

Между Боядером и Бланко, этими двумя хорошо известными каждому моряку мысами, на несколько миль в море выдается узкая песчаная коса земли, высохшая, побелевшая под тропическим солнцем и похожая на длинный язык змеи, стремящейся утолить свою жажду в море.

В один июльский вечер четверо потерпевших кораблекрушение плыли к этой песчаной полоске земли; все они держались на довольно большом обломке мачты. Их едва ли можно было бы рассмотреть с берега даже и в очень сильную зрительную трубу: так ничтожна была эта черная точка, подвигавшаяся к берегу, и так мало выделялась она из окружавшей ее почти такой же темной массы воды.

Что касается самих потерпевших крушение, то, как ни напрягали они свое зрение, они видели только воду.

Трое из пловцов на обломке мачты были одеты совершенно одинаково: голубого сукна куртки, украшенные медными полированными пуговицами, воротники с вышитыми на них короной и якорем. Одного взгляда на эту форму было достаточно, чтобы сказать, что потерпевшие кораблекрушение — мичманы английского флота. На вид они были ровесники: самому младшему могло быть приблизительно лет семнадцать.

По первому же взгляду можно было узнать в одном из них англичанина, в другом ирландца и в третьем шотландца. Каждый из них был настолько типичен, что во всем Соединенном королевстве нельзя было бы найти более подходящих представителей для каждой из этих наций.

Звали их Гарри Блаунт, Теренс О'Коннор и Колин Макферсон.

Что касается четвертого из пловцов, то лета всех троих его товарищей все-таки не составили бы еще числа его лет.

Ни по каким признакам положительно нельзя было угадать, какой именно из этих трех наций принадлежит честь считать его своим. На нем была надета обыкновенная матросская одежда и звали его Биллом; но на

погибшем фрегате его все называли не иначе, как старый Билл.

Все четверо были с потерпевшего крушение фрегата, крейсировавшего около Гвинейских берегов. Застигнутый бурей, он получил пробоину и стал быстро погружаться в воду. Многие искали спасения вплавь, хватаясь за сброшенные за борт шлюпки, за обломки мачт или просто за доски. Кто из экипажа спасся,— не знал ни один из четверых моряков, добравшихся теперь к берегу.

Наверняка они знали только то, что фрегат пошел ко дну.

Весь остаток этой долгой ночи они носились по волнам. Не раз волны почти вырывали у них из рук ненадежную опору, не раз за эту ночь они с головой погружались в морскую пучину. Когда же, наконец, настало утро, их взорам предстали только бескрайние просторы океана.

Буря стихла, и, судя по восходу, день предстоял солнечный и спокойный; впрочем, волнение моря еще продолжалось и потерпевшие крушение, чтобы добраться до берега, энергично стали работать руками, наудачу подвигаясь вперед.

Весь день они видели лишь море и небо. Еще с утра они решили плыть все время на восток, потому что только там надеялись найти землю. Закат помог им скорректировать направление, которого следовало держаться.

Когда солнце зашло и наступила ночь, звезды заменили им компас.

Снова настал день, но желанной земли все еще не было видно. Страдая от голода и жажды, истомленные непрерывными усилиями, они готовы были впасть в отчаяние, когда вдруг заметили под собой отблеск солнечных лучей. Морское дно было совсем близко, белый песок отражал солнечный свет.

Такое мелководье предвещало близость берега; ободренные надеждой скоро ступить на твердую землю, моряки удвоили усилия.

Но еще до наступления полудня им пришлось на время прекратить работу. Они находились почти под самой линией тропика Рака. Стояла как раз середина лета, и в полдень тропическое солнце с зенита невыносимо палило им головы.

Несколько часов провели они в безмолвии и бездействии, отдаваясь на волю течения, гнавшего их поти-

хоньку к берегу. Они не могли сделать ничего больше для улучшения своего положения. Оставалось только ждать.

Когда солнце стало склоняться к горизонту и жара спала, моряки опять принялись грести руками, направляя обломок мачты к востоку. Вдруг при последних лучах светила они заметили несколько белых вершин, которые точно поднимались из океана.

Линии вершин были ясно обрисованы на тускнеющем фоне неба.

Крик «Земля!» одновременно сорвался со всех уст. Руки стали работать энергичнее, обломок мачты быстрее заскользил по воде. Голод, жажда, утомление — все было забыто!

Моряки полагали, что остается преодолеть еще несколько миль, прежде чем они достигнут берега, но старый Билл, подняв глаза, издал веселый возглас, который тотчас же повторили его спутники: они увидели длинную песчаную косу, точно дружественную руку, протянутую им в виде радужного приветствия.

Почти тотчас же они вдруг почувствовали, к великой своей радости, что ноги их скользят по песку.

В ту же минуту все четверо оттолкнули мачту, погрузились в воду и побежали к берегу. Они остановились только тогда, когда достигли крайней точки полуострова.

Выбравшись на берег, они, казалось, забыли, что больше двух суток во рту у них не было ни крошки, ни маковой росинки. Да это и понятно: страшное напряжение физических сил и долгая бессонница, — а бодрствовать они должны были поневоле, чтобы не сорваться с мачты, — требовали прежде всего отдыха. И все четверо, шатаясь, едва-едва смогли пройти несколько шагов по песку, а затем улеглись и заснули как убитые.

Оконечность косы всего на несколько футов поднималась над уровнем моря, а середина ее, несмотря на то, что находилась ближе к земле, едва возвышалась над поверхностью воды.

Моряки спали уже около двух часов, когда их разбудило ощущение холода: вода заливала их песчаное ложе, кипела и пенилась вокруг них.

Умирая от усталости и больше всего на свете желая уснуть, они совсем забыли про прилив, который теперь так неприятно вывел их из оцепенения.

Оставаться там, где они находились, было верной

погибелью — следовало как можно скорей искать другого убежища. Они решили идти за волнами спиной к ветру, но скоро увидели, что вода быстро поднимается и доходит им почти до плеч.

Несчастные повернули в другую сторону и, после некоторых усилий, нашли более мелкое место; но как только они опять попытались идти навстречу волнам, то снова погрузились до плеч.

Скоро валы стали разбиваться уже над их головами. Времени для раздумий не оставалось — надо было вооружиться храбростью и плыть до берега.

Из четверых моряков только трое умели плавать!

Для того, чтобы спастись этим троим, надо было покинуть четвертого...

Глава II

РАЗЛУКА ПОНЕВОЛЕ

Из четверых потерпевших крушение не умел плавать только один. Старый морской волк не обладал искусством, которое, казалось бы, должно быть чуть ли не врожденным у каждого моряка.

Только одно великодушие так долго удерживало при нем трех его молодых спутников. Будучи отличными пловцами, они еще в самом начале прилива, если бы смело бросились в воду, могли бы без труда достигнуть берега.

Вдруг громадная волна, каких еще не налетало до сих пор, прокатилась над их головами и отнесла трех мичманов далеко от того места, где они находились.

Все их попытки стать на ноги не увенчались успехом: вода поднялась слишком высоко. Несколько секунд побарахтались они, пытаясь разглядеть в темноте то место, откуда их снесло, и где, как им казалось, черной точкой поднималась над водой голова Билла.

— Эй! Молодцы! — донесся до них голос старого моряка. — И не думайте возвращаться сюда... это все равно ни к чему... меня вам все равно не спасти!.. Подумайте лучше о себе!.. Держитесь крепче, и прилив отнесет вас к берегу. Прощайте, друзья!

После минуты борьбы и колебаний мичманы с грустью поплыли к берегу.

Не успели они проплыть по бухте полмили, как

Теренс, плававший хуже остальных своих товарищей, почувствовал, что ноги его задевают за что-то твердое.

— Мне кажется,— крикнул он прерывающимся голосом,— что я достал до дна. Слава Тебе, Пресвятая Дева, я не ошибся! — Он встал на ноги, и голова и плечи его остались над поверхностью воды.

— Верно,— подтвердил Гарри, становясь рядом с ним.— Слава Богу! Это — берег.

— Слава Богу! — повторил Колин, подплывая в это время к ним.

Потом все трое инстинктивно повернулись к морю, и одно и то же восклицание сорвалось с их уст: «Бедняга старый Билл!»

— Право, нам бы следовало захватить его с собой,— проговорил Теренс, с трудом переводя дыхание.— Неужели мы не могли бы спасти и его?

— Конечно, могли бы,— отвечал Гарри,— если бы только знали, что нам придется так мало плыть.

— Ну, а что если бы нам попробовать вернуться... может быть, нам и удалось бы еще...

— Нечего и думать! — перебил Колин.

— И это говоришь ты, Колин?! А еще считаешь себя самым лучшим пловцом из всех нас... Не стыдно тебе... — слышались восклицания двух остальных мичманов, желавших во что бы то ни стало спасти старого матроса.

— Если бы я надеялся спасти его, я сам первый бросился бы сейчас к нему,— отвечал Колин,— но только это ни к чему не приведет! Ведь в темноте ничего не увидишь. Идемте!..

Печально опустив головы, побрели они к берегу, не переставая оплакивать своего товарища, покинутого ими только потому, что они не знали, что берег так близко. Теперь он уже, наверное, потонул и погребен под волнами прилива.

Они остановились, хотя воды было еще по колено. Так простояли они больше двадцати минут, смотря сквозь темноту на кипевшее вокруг них море и с грустью замечая, что прилив продолжает расти. Вода должна была подняться, по крайней мере, на один метр со времени отплытия их с отмели. На этом основании они вывели печальное заключение, что старый моряк, должно быть, уже утонул.

Затем они вновь потихоньку направились к берегу,

все еще озабоченные участью своего спутника больше, чем своей собственной.

Не успели они сделать и десятка шагов, как вдруг крик позади них заставил их поспешно обернуться.

— Эй! Подождите! — донеслось словно из глубины океана.

— Это Билл! — воскликнули одновременно все три мичмана.

— Это я, детки, я! Я страшно устал и теперь немножко передохну. Потерпите немножко, и я через пять минут подойду к вам! Дайте мне только взять рифы моего марселя.

Мичманы были очень обрадованы и очень удивлены внезапным появлением того, кого они считали уже мертвым. Между тем все сомнения рассеялись при виде темной фигуры, выходящей из воды.

— Билл! — вскричали мичманы.

— Ну, конечно! А кого же еще думали вы увидеть? Быть может, старого Нептуна или морскую сирену? Ну, давайте руку, друзья! Биллу, видно, на роду написано не утонуть.

— Но как это тебе удалось, Билл? Вода ведь еще прибывает...

— Я приплыл на плоту, который и вы все отлично знаете. Это тот самый обломок мачты, который донес нас до песчаной косы.

— Наша мачта? — воскликнул Гарри.

— Она самая. Как раз в ту самую минуту, когда я готовился испустить последний вздох, что-то ударило меня по голове, да так сильно, что я чуть не пошел ко дну. Это «что-то» оказалось нашей брамреей. Я, само собою разумеется, недолго думая, взобрался на нее и просидел на ней до тех пор, пока не почувствовал, что ноги мои достают до дна.

Мичманы крепко обняли старого моряка, поздравляя его с чудесным спасением, а затем все четверо продолжили путь к берегу.

Не больше как минут через двадцать выбрались они, наконец, на песчаное побережье, но продолжали идти все вперед для того, чтобы быть совершенно вне опасности на случай, если бы прилив поднялся еще выше.

Но прежде чем им удалось найти такое место, они преодолели огромное пространство мокрого песка. Зато теперь, взобравшись на холм, они могли уже не бояться прилива и решили остановиться на ночлег.

Становилось все холоднее, и, конечно, было бы очень и очень кстати развести огонь, чтобы обогреться около него и просушить мокрое платье. У Билла, как оказалось, отлично сохранились трут и огниво, которые он держал в герметически закрытом оловянном ящичке, но недоставало самого главного — дров. Обломок брамреи, который отлично им пригодился бы теперь, плавал от них за целую милю.

Поняв, что приходится отказаться от надежды развести огонь, они сняли с себя одежду и изо всех сил выжали её, а затем снова надели все на себя.

Луна вдруг выплыла из-за туч, и при ее бледном свете они ясно могли разглядеть берег, к которому пристали.

Песчаный берег был не гладкой поверхностью, а состоял из целого ряда холмов, образующих лабиринт, который, казалось, тянулся до бесконечности. Они ршили подняться на самый высокий холм и оттуда осмотреть все побережье, заодно выбрать местечко, где можно было бы на первое время надежно приютиться.

Скоро они поняли, пытаясь взобраться на вершину холма, что еще не достигли конца своих мучений; с каждым шагом их ноги все глубже погружались в сыпучий песок.

Поэтому восхождение показалось им чрезвычайно тяжелым, хотя холм возвышался не больше как на сотню футов. Наконец, они достигли вершины холма. Но куда они ни смотрели, везде видели только дюны. Песок блестел, как серебро, под бледными лучами и можно было подумать, что находишься в заснеженной Швеции или в Лапландии.

Спустившись вниз, моряки очутились в узком овраге. Вершина, которую они только что покинули, была самой высокой точкой в этой длинной цепи дюн, примыкавших к берегу. Другая цепь холмов пролежала параллельно первой дальше по берегу. Подошвы холмов каждой гряды сходились так близко, что образовали острый угол.

При виде этого неудобного узкого прохода моряки были неприятно удивлены, но усталость брала свое, и они решились провести здесь остаток ночи.

Они устроились в полувертикальном положении, опершись спиной об одну дюну и ногами о другую.

Но скоро пришлось убедиться, что при этих условиях им не удастся уснуть. Теренс, более других нетерпеливый,

объявил, что немедленно отправится искать себе другое ложе. С этими словами он встал, но Гарри Блаунт остановил его:

— Мы поступим очень неблагоприятно, если будем расходиться в разные стороны,— внушительно проговорил он.— Разойдясь, мы легко можем потерять друг друга.

— В этих словах есть доля истины,— согласился молодой шотландец.— Мне тоже кажется очень неосторожным удаляться одному от другого. А как считает наш мудрый Билл?

— Я думаю, что нам следует остаться здесь,— не колеблясь ответил старый моряк.

— Но какой черт сможет здесь заснуть! — отвечал сын Эрина*. — Разве лошадь или слон; а что касается меня, то я предпочитаю шесть футов в длину даже на голом камне, чем в этой проклятой яме из мягкого песка.

— Постойте, Терри,— крикнул Колин,— у меня появилась мысль!

— Послушаем, что придумал твой шотландский мозг. Ну говори скорее, в чем дело...

— Да, да, Колин, говори,— вмешался и Гарри Блаунт.

— Объявляю вам, что вы можете совершенно спокойно провести ночь до утра; смотрите и учитесь,— покойной ночи! — И Колин соскользнул на дно овражка, где и растянулся во всю длину.

Товарищи последовали его примеру, и скоро все спали так крепко, что их не могли бы разбудить даже пушечные выстрелы.

Глава III САМУМ

Так как ущелье было слишком узко, чтобы позволить им улечься рядком, то они вытянулись один за другим, начиная с Колина и кончая старым моряком. Билл заснул последним; товарищи его уже мирно посапывали, а он еще долго прислушивался к реву моря и жалобному вою ветра. «Это начинается буря, и она разыграется в самом скором времени,— сказал он сам себе,— но здесь, слава Богу, нам нечего бояться».

Едва старый морской волк закрыл свои глаза, как

* Так называют ирландцев, а их родину — «островом зеленого Эрина». (Прим. переводчика.)

предсказание его сбылось: ветер африканских пустынь, ужасный самум, приблизился.

Туманный пар, некоторое время висевший в атмосфере, унесло первым порывом ветра, и туман заменило облако белого песка, которое, крутясь, поднималось к небу и даже несло над океаном.

Если бы не ночь, то можно было бы увидеть, как огромные песчаные облака завивались над дюнами и, превращаясь в столбы, гордо шествовали по вершинам холмов для того, чтобы вдруг разбиться и распасться белой массой песка.

Потерпевшие крушение продолжали спать, несмотря на вой бури и на засыпавший их песок.

Над ними уже носилось дуновение смерти, а они так и лежали неподвижно, как разбитые параличом. Они не слышали завывания ветра, не чувствовали пыли, набивавшейся им в рот, в ноздри и в уши и грозившей задушить их.

Не прошло еще часа с начала бури, а уже над телами спавших было несколько дюймов песка.

Головы их, лежавшие выше тела, были, впрочем, не совсем еще засыпаны; песчаная пыль слегка прикрывала их и давала еще доступ воздуху.

Вдруг все четверо были разбужены далеко не обыкновенным образом: им показалось, что по их телам ступали ногами, что их давила какая-то огромная масса.

Так как это давление повторилось два раза с промежутками не больше, как в одну секунду, то этого было достаточно, чтобы привести моряков в чувство. Они скорее инстинктивно, чем сознательно, поняли, что, наверное, будут раздавлены, если не сделают отчаянных усилий, чтобы выйти из этого положения.

Прошло, однако, еще несколько времени, прежде чем кто-либо из них смог произнести хоть слово, и тогда оказалось, что каждый рассказал одну и ту же историю. Каждый чувствовал, что его чем-то давили сверху, и видел, хотя и неясно, как над ним прошла какая-то огромная масса, без сомнения, какое-то животное... Весь вопрос заключался только в том, какое это животное. Ответить на это никто не мог. Они знали только одно, что это было гигантское животное, странное, с тонкой шеей и таким же туловищем, длинными ногами и огромными ступнями, которыми оно, тяжело ступая, причиняло им болезненное ощущение.

Едва оправившись от кошмара и все еще смутно сообщая, что такое с ними случилось, они стали гадать, какое это было животное. Они делали самые странные предположения, не догадываясь, от какой опасности их избавило появление зверя, если это даже и дикий зверь, и как они должны быть ему благодарны за это. Когда прошли первые минуты удивления и разговоры смолкли, все стали с дрожью прислушиваться. Рокот моря, стоны ветра, шелест падающего песка — были единственными звуками, которые они сначала слышали.

Но вскоре, однако, они расслышали продолжительный топот, а через некоторое время к нему примешались всхрапывание и крики на совершенно незнакомом языке. Старый Билл, уверявший, что знает крики животных всего мира, и тот не мог объяснить их.

— Пусть меня повесят, — прошептал он своим спутникам, — если я что-нибудь тут понимаю.

— Тс! — проговорил Гарри Блаунт.

— Ай! — крикнул Теренс.

— Тс! — прошептал Колин. — Что бы это ни было, оно приближается, будьте внимательны!

Молодой шотландец был прав — шум шагов, храп и крики приближались, хотя производившее их существо все еще оставалось невидимым в песчаном тумане. Казалось, что чье-то огромное тело быстро спускается по склону ущелья и притом несется с такой необузданной быстротой, что следовало как можно скорее убираться с дороги, по которой бежит зверь.

Потерпевшие крушение стали инстинктивно, как могли, искать защиты на склоне песчаного ущелья.

Едва они успели переменить позицию, как совсем близко от них пронеслась огромная масса.

Если бы моряки не знали, что находятся на берегах Африки, изобилующей странными животными, они подумали бы, что это некое сверхъестественное существо. Но по мере того, как к ним возвращались способность мыслить и хладнокровие, они решили, что перед ними пронесся не дикий зверь, а самое обыкновенное, хотя и очень большое, четвероногое животное.

Прежде всего обращало на себя внимание наблюдателя ничем не объяснимое странное поведение животного. Зачем уходило оно сначала к самому верху прохода, а потом спустилось вниз и понеслось по ущелью, точно спасаясь от преследования?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно было ждать, пока хоть немного станет светлее.

К рассвету самым прекратился, и наконец потерпевшие крушение узнали, с кем они имели дело.

Это действительно было четвероногое животное, и если оно показалось им странным в темноте, то не менее странным оно выглядело и теперь. У него была длинная шея, голова почти совсем без ушей, ноги, оканчивавшиеся широкими раздвоенными ступнями, худой и тонкий хвост, большой горб, возвышавшийся на спине.

— Ба! Да это не кто иной, как верблюд! — сказал Билл, как только свет дал ему возможность хорошо рассмотреть животное. — За каким чертом он сюда забрался?

— Наверное, — высказал предположение Теренс, — он-то и ходил по нашим телам, пока мы спали. Я чуть не задохнулся, когда он наступил мне на живот.

— И я также, — сказал Колин. — Он на целый фут втоптал меня в песок. Ах! Хорошо еще, что на нас лежал толстый слой песка; мы ему обязаны спасением жизни: не будь песка, эта крупная скотина растоптала бы нас в лепешку.

Моряки подошли к животному. Оно лежало вовсе не так, как ложатся животные, собираясь отдохнуть; видно было, что эту позу верблюд выбрал не по доброй воле. Длинная его шея словно запуталась в передних ногах, а голова лежала ниже, уже наполовину засыпанная песком. Так как верблюд лежал неподвижно, то моряки предположили, что он убит насмерть во время падения. Это могло объяснить его скачки, происходившие, без сомнения, от предсмертных конвульсий.

Однако, осмотрев верблюда хорошенько, они увидели, что он не только жив, но даже находится в добром здравии, и поняли причину его странных движений: крепкий недоуздок, обвязанный вокруг его головы, запутался в передних ногах, и благодаря этому верблюд упал. Длинный конец веревки крепко был замотан вокруг его ног.

Меланхолическая поза верблюда развеселила смотревших на него моряков. Они были очень голодны, и мясо верблюда, не особенно лакомое кушанье в обыкновенное время, теперь казалось роскошью. Кроме того, они знали, что внутри верблюжьего горба они найдут запас воды, который даст им возможность утолить снедавшую их жажду.

Но, осматривая верблюда, они сделали открытие, что вовсе нет надобности убивать животное для того, чтобы утолить мучительную жажду: на верхушке его горба находилась небольшая плоская подушка, крепко привязанная толстым кожаным ремнем, проходившим под животным. Это был мехари, или верховой верблюд, одно из тех быстроногих животных, которых используют арабы при своих продолжительных поездках по пустыне Сахаре.

Но не седло привлекало внимание моряков, а нечто вроде мешка, висевшего за горбом мехари. Мешок был из козьей кожи, и после осмотра оказалось, что он наполовину полон воды. Это действительно была «ля герба», принадлежавшая хозяину животного, составлявшая часть выюка и более необходимая, чем само седло.

Четверо потерпевших крушение, страдая от жажды, не задумываясь присвоили себе содержимое мешка. Они отстегнули его, вырвали пробку и, по очереди передавая друг другу драгоценную влагу, жадно выпили все до последней капли.

Утолив жажду, они стали советоваться, каким бы образом утолить им также и мучивший их голод, который сильно начинал давать себя знать. Убить им верблюда или нет.

Убийство, по-видимому, было единственным средством утолить голод, и горячий Теренс уже вытащил из ножен свой кортик, чтобы вонзить его в шею верблюда.

Колин, более спокойный, посоветовал ему подождать, по крайней мере, до тех пор, пока они решат окончательно этот вопрос.

Мнения по этому вопросу разделились. Теренс и Гарри Блаунт предлагали, не раздумывая долго, немедленно убить верблюда и позавтракать. Старый Билл присоединился к мнению Колина.

— Сначала употребим его на то, чтобы он нас куда-нибудь перенес,— проговорил молодой шотландец.— Мы можем еще один день пробыть без пищи, и тогда уже, если ничего не найдем, мы изрежем животное на куски.

— Ну, на что можно надеяться в подобной стране? — спросил Гарри Блаунт.— Посмотрите кругом: ни малейшего клочка зелени, кроме моря, в какую бы сторону ни повернуться... не видно ничего, из чего можно было бы приготовить обед хотя бы для сурка!

— Быть может,— возразил Колин,— пройдя несколь-

ко миль, мы встретим другую природу. Мы можем идти вдоль берега. Может быть, нам удастся найти каких-нибудь раковин, которыми мы еще лучше, чем верблюжьим мясом, подкрепим наши силы? Посмотрите туда, я-вижу темное место на побережье. Я положительно уверен, что мы там непременно найдем раковины.

В ту же минуту все глаза направились в ту сторону, за исключением взгляда Билла. Старого моряка заинтересовало совсем другое. Вдруг послышалось его радостное восклицание, привлечшее внимание его товарищей.

— Это самка,— объявил Билл.— У нее был детеныш недавно. Смотрите, у нее есть молоко, его хватит на всех нас, за это я ручаюсь.

И точно желая доказать, что он говорит правду, старый моряк стал на колени около все еще лежавшего животного и, приблизив свою голову к ее вымени, начал сосать.

Верблюдица не оказывала ни малейшего сопротивления; если она и удивилась странному виду детеныша, то только благодаря цвету его кожи и странному костюму, потому что, без всякого сомнения, верблюдица была приучена оказывать такую же услугу своему африканскому владельцу.

— Превосходно! Первый сорт! — крикнул Билл, отодвигаясь, чтобы передохнуть.— Подходите!.. каждому свой черед; хватит на всех!

Молодые люди встали на колени, как это уже делал моряк, один за другим и всласть напились из «фонтана пустыни».

Когда каждый выпил приблизительно около пинты этой питательной жидкости, опавшее вымя верблюдицы дало им знать, что запас молока истощился.

Глава IV КОРАБЛЬ ПУСТЫНИ

Больше никто уже и не заговаривал о том, чтобы убить верблюда: это значило бы убить курицу, которая неслла золотые яйца.

Весь вопрос теперь заключался в том, в какую сторону следует направиться.

Верблюд был оседлан и взнуздан,— значит, животное убежало от своего хозяина очень недавно, наверное,

во время бури, и просто-напросто заблудилось. Это-то больше всего и беспокоило потерпевших крушение.

Они понимали, что хозяином заблудившегося верблюда должен быть какой-нибудь араб, и, если они станут искать его, то найдут его не в доме, не в городе, а в палатке и, по всей вероятности, в обществе других таких же арабов.

Теренс все же предложил поискать хозяина верблюда. Молодой ирландец не слышал ничего о страшной репутации жителей Варварийского берега. Билл, хорошо знавший, с кем бы пришлось иметь дело, наоборот, боялся встречи с хозяином верблюда.

— Увы, Терри! — вздохнув, проговорил старый моряк, становясь таким серьезным, каким молодые товарищи его еще никогда не видели. — Нас ждет печальная участь, если, не дай Бог, мы попадем в руки этих разбойников.

— Что же ты нам советуешь?

— И сам не знаю, — отвечал старый моряк, — но думаю, что всего лучше будет держаться поближе к берегу и не терять из виду воды. Если мы повернем внутрь страны, мы можем быть уверены, что так или иначе, а пропадем; а если будем идти все к югу, то можем дойти до какого-нибудь торгового порта, находящегося в сношениях с Португалией. А пока нам лучше затаиться и осмотреться.

По совету старого моряка, который, по-видимому, знал пустыню так же хорошо, как и море, потерпевшие крушение улеглись таким образом, чтобы их не было видно с побережья.

Едва успели они принять это положение, как старый Билл, все время бывший настороже, объявил, что он видит какие-то предметы.

Две темные тени подвигались вдоль берега с юга, но они были еще на таком далеком расстоянии, что нельзя было даже сказать, кто это: животные или люди.

— Дай мне посмотреть, — предложил Колин, — к счастью, со мной моя зрительная трубка. Она была у меня в кармане, когда нам пришлось покинуть корабль.

Сказав это, молодой шотландец вытащил из кармана куртки маленькую подзорную трубу и навел ее на указанную точку, стараясь держать голову как можно ниже.

— Это люди, — объявил, наконец, Колин. — Я вижу

ярких цветов шали, красные головные уборы и полосатые плащи. Один сидит на лошади, другой — на верблюде, на таком же точно, как и наш. Они едут тихо и точно осматриваются кругом.

— Ах, этого-то я и боялся! — сказал Билл. — Это хозяева нашего верблюда; они его ищут. Хорошо еще, что песком занесло его следы, иначе они приблизились бы прямо к нам. Нагнитесь, нагнитесь, Колин! Не надо показывать им наших голов: у этих разбойников глаза острые, они за целую милю увидят даже шестипенсовую монету.

Колин понял правдивость замечания моряка и тотчас же еще больше нагнул голову.

Случай этот ставил потерпевших крушение в положение и утомительное, и тревожное в одно и то же время. Любопытство вызвало в них желание наблюдать за движениями приближающихся кочевников. Наблюдать было необходимо и для того, чтобы знать, когда, наконец, можно будет поднять головы, при этом не рискуя быть замеченными всадниками.

К счастью, Колин нашел средство выйти из затруднения.

— Ах! — объявил он. — Мне пришла в голову хорошая мысль. Я буду наблюдать за этими разбойниками и в то же время лишу их возможности видеть нас, ручаясь вам в том.

— Каким образом? — спросили остальные.

Колин ничего не ответил им на это; он просунул свою трубку сквозь верхний гребень песка таким образом, что конец трубки вышел по ту сторону. Как только все приготовления были окончены, шотландец приложил глаз к стеклу и затем сообщил своим товарищам шепотом, что видит.

— Я могу вам даже сказать, какие у них лица, — прошептал Колин. — Сказать правду — физиономии не из особенно красивых. У одного лицо желтого цвета, а другой — весь черный. Последний, должно быть, негр, потому что у него курчавые волосы; он сидит на верблюде, на таком же, как этот. Желтолицый человек сидит на лошади... у него довольно большая борода клином. Я думаю, что это араб. Это, должно быть, хозяин негра. Вот он делает какие-то жесты, точно отдает ему приказание. Ага! Они остановились и смотрят в нашу сторону.

— Спаси, Господи! — прошептал Билл. — Они увидели трубку.

— В этом нет ничего невозможного,— подтвердил и Теренс,— стекло должно блестеть на солнце, и глаза араба, наверное, заметили его.

— Не лучше ли будет убрать сейчас же трубку? — спросил Билл.

— Совершенно верно,— отвечал Колин,— но я думаю, что теперь уже слишком поздно: если они остановились потому, что их внимание привлекла трубка,— нам пришел конец.

— Все-таки отодвиньте ее потихоньку; если они не будут ее видеть, то могут и не дойти до нас.

Колин хотел последовать этому совету, когда, бросив последний взгляд, заметил, что путешественники направились вдоль берега, как будто не видели ничего, что могло бы их заставить свернуть с дороги.

К счастью для потерпевших кораблекрушение, не блеск стекла заставил остановиться араба и негра. Другой овражек, пролежавший через всю цепь дюн, гораздо более широкий, чем тот, в котором скрывались наши моряки, выходил на побережье немного пониже. Это-то именно и привлекло внимание обоих всадников, и, судя по их жестам, Колин мог сказать, что именно об этом они и совещались, так как, по всей вероятности, находились в нерешительности — идти ли им в эту сторону или продолжать свой путь к берегу. Разговор их кончился. Желтый человек пустил лошадь в галоп, а черный последовал за ним.

Было очевидно по взглядам, которые они бросали во все стороны, что они чего-то искали.

— Ну, этак они долго будут ездить,— сказал Колин, как только увидел, что всадники скрылись за дюной,— иначе плохо бы нам было.

Когда всадники удалились, берег опять сделался пустынным.

Хотя моряки не видели уже более ни малейших следов живых существ, они считали необходимым не выходить из своего убежища и даже не поднимали голов иначе, как через промежутки, для того, чтобы увериться, что берег все еще продолжал оставаться свободным, и, только уже окончательно успокоившись на этот счет, они опять спрятались, и до того часа, когда закат стал обагрять море, никто не сделал шагу из тайника.

Верблюды не шелохнулись; впрочем, они приняли меры, чтобы он не мог удалиться от них в случае, если

бы ему пришла на то фантазия, крепко связав ему ноги. Под вечер животное подоили так же, как и утром, и, освежившись питательным молоком, моряки приготовились покинуть убежище, ужасно им наскучившее.

Они быстро собрались. Им оставалось только развязать верблюда и вывести его на дорогу или, как сказал Гарри смеясь, снять корабль пустыни с якоря и начать путешествие.

Когда последние лучи дня скрылись за белыми гребнями дюн, они вышли из своего убежища и начали путешествие, продолжительность и исход которого были им неизвестны.

Посоветовавшись, они решили ехать на верблюде поочередно, но скоро вынуждены были отказаться от этого удовольствия: качка слишком сильно давала себя знать. Мехари опять был свободен и предоставлен в распоряжение старого Билла, все время не выпускавшего из рук повод.

Глава V ПРЕРВАННЫЙ ТАНЕЦ

Бесплодные попытки молодых мичманов должны были заставить и старого моряка отказаться от попытки проехать на верблюде, тем более, что он сам признавался, что никогда в своей жизни не садился в седло. Но ходьба по зыбучему песку для человека, не любившего много ходить, вынудила Билла рискнуть и испытать иной способ передвижения.

Ему не пришлось делать много усилий, чтобы взобраться в седло, так как хорошо дрессированный мехари становился на колени всякий раз, когда чувствовал, что на него желали сесть. Моряк только укрепился в седле, как взошла луна и засияла с блеском, который почти соперничал с дневным светом. Посреди этого пейзажа, на белом песке, тени верблюда и седока как-то странно удлинялись; и хотя один был в переносном смысле корабль, а другой — старый морской волк, вид их представлял самый комичный из контрастов.

Верблюд быстро побежал вперед. Некоторое время товарищи Билла могли следовать за ним, делая усилия, но скоро расстояние между ними заметно увеличилось. Старому моряку стало очевидно, что он должен укротить

пыл животного, или скоро он будет разлучен с следовавшими за ним пешком друзьями.

Но уменьшить ход животного было делом трудным, и Билл чувствовал себя положительно неспособным на это. Правда, он держал повод, но это давало ему мало власти над верблюдом.

Вдруг животное издало странный крик, нечто вроде храпа, и после крика так усилило свой бег, что оставило далеко позади себя мичманов, которые через несколько минут видели только тень человека и животного, да и эта тень вскоре совершенно исчезла за дюнами.

Осознав свое положение, Билл стал думать только о том, как бы изо всей силы уцепиться за седло.

Куда привезет его верблюд? Этот вопрос больше всего волновал моряка.

Ему не долго пришлось раздумывать над решением этого вопроса, потому что мехари достиг вершины холма, и глазам Билла представилось зрелище, оправдавшее все худшие опасения.

Через несколько секунд он мог хорошо видеть открывшуюся перед ним картину. В долине, куда нес его мехари, виднелся освещенный круг метров двадцать в диаметре, посреди которого взволнованно двигались мужчины, женщины и дети. Вокруг них Билл заметил различных животных: лошадей, верблюдов, овец, коз и собак. Слышались голоса, крики, песни и странная музыка — играли на каком-то грубом инструменте. Мехари во весь дух рванулся к этому кружку. Лагерь был расположен у подошвы горы. Билл собрался было соскочить во что бы то ни стало на землю, но не успел: прежде чем он мог сделать движение, он понял, что его увидели. Крики, поднявшиеся из палаток, не оставили ему никакого сомнения в этом отношении. Было уже слишком поздно, чтобы пытаться бежать, и он остался, точно приклеенный к седлу и пораженный столбняком. Верблюд отвечал диким криком на призыв своих товарищей и ринулся прямо в круг танцующих. Там, посреди восклицаний мужчин, визга женщин, криков детей, ржанья лошадей, блеяния овец и коз и лая не менее двадцати собак, верблюд остановился так круто, что его седок сделал головокружный скачок и упал наземь, подняв кверху все четыре конечности. Вот таким образом Билл вступил в арабский лагерь.

Билл, по воле Провидения, поднялся без серьезных

ушибов, несколько ошеломленный падением, но, сделав всего несколько шагов, совершенно пришел в себя и ясно понял свое положение: он стал пленником шайки бедуинов. Моряк был очень удивлен, увидя у входа в одну из палаток, самую большую из всех, ворох вещей, подобранных с потерпевшего крушение корабля.

Билл не имел ни малейшего сомнения относительно корабля, которому все это принадлежало. Он узнал многие вещи, бывшие его собственными. С другой стороны лагеря он заметил вторую кучу морской экипировки, охраняемую, как и первая, стражей. Билл осмотрелся кругом в надежде увидеть кого-нибудь из экипажа; может быть, кому-нибудь удалось, как и ему и его товарищам, добраться до берега на бочонках или обломках мачт. Но, кроме бедуинов, в лагере никого не было.

Скорей всего они утонули, решил он, или же их постигла гораздо более горькая участь после того, как они попали в руки береговых грабителей.

Обстоятельства, при которых Билл делал эти предположения, должны были заставить его считать второе более вероятным. Его схватили два человека, вооруженные длинными кривыми саблями, споря, по-видимому, только о том, кому должна принадлежать честь отрубить ему голову.

Эти двое, по всей вероятности, были шейхами племени и оба, казалось, очень спешили его обезглавить. Билл считал свою голову в такой опасности, что после того, как его выпустили, он несколько секунд не мог поверить, что она держится еще на плечах. Он не понимал ни слова из того, что говорилось между соперничающими сторонами, хотя сказанного было достаточно для того, чтобы заполнить заседание парламента.

Спустя несколько времени моряк угадал — не по речам, а по жестам, — что именно происходило между ними: длинные сабли были взяты не для того, чтобы срубить ему голову, — их хозяева грозили ими друг другу.

Билл понял, что лагерь состоял из двух племен, по всей вероятности, соединившихся с целью грабежа.

Было очевидно по двум частям добычи, тщательно разделенным и охраняемым перед палаткой каждого из начальников, что они поделили между собою выброшенные на берег остатки корвета. Положение Билла было, действительно, весьма серьезным.

Между обоими начальниками, спорившими из-за

Билла, существовало громадное внешнее различие. Один был маленький человечек с желтым лицом, с жесткими и угловатыми чертами, в которых нетрудно было узнать арабское происхождение. У другого кожа была цвета черного дерева, геркулесовское сложение, широкое лицо, курносый нос и толстые губы, огромная голова с густой копной торчащих и лоснящихся волос.

Арабский шейх хотел захватить моряка, потому что знал, что, уведя его на север, он может выгодно продать его или европейским купцам в Мединуане, или европейским консулам в Могadore. Это был не первый из потерпевших крушение у берегов Сахары, возвращенный таким образом своим друзьям и своей родине, как нетрудно угадать, вовсе не из чувства человеколюбия.

Его черный соперник мечтал примерно о том же. Только он намеревался отвести Билла в Тимбукту. Он знал, что на юге Сахары за раба дадут хорошую цену.

После нескольких минут, проведенных в перебранке и угрозах, оба соперника перестали размахивать своими саблями.

Однако спор был еще не кончен. Оба вождя говорили поочередно, и хотя Билл не понял ни одного слова из их перебранки, но ему показалось, что маленький араб основывал свое право на том, что ему принадлежал верблюд, на котором прибыл пленник.

Черный показывал на обе кучи обломков и, по-видимому, доказывал, что на его долю при дележе досталось меньше.

В эту минуту появилась новая личность: молодой человек, который, насколько мог заключить Билл, пользовался у бедуинов особым уважением. Билл подумал, что это был посредник. Сделанное им предложение, казалось, удовлетворило обе враждующие стороны, и они, по-видимому, приготовились разрешить спор другим способом.

Оба шейха направились в сопровождении своих сторонников к ровному и песчаному месту возле лагеря. На песке был начерчен четырехугольник, в котором сделали несколько рядов маленьких длинненьких дырочек. Потом оба соперника сели каждый на своей стороне. В руках у них были маленькие комочки, скатанные из верблюжьего помета, которые были помещены в дырочки, и началась игра.

Ставкой, как понял Билл, был он сам.

Игра состояла в перемещении шариков из одной дырочки в другую. Противники не обменивались ни одним словом. Они сидели на корточках один против другого с такими же серьезными лицами, как два игрока в шахматы. Когда партия была окончена, снова поднялся шум. Послышались восклицания торжества со стороны победителя и его сторонников и проклятия среди сторонников проигравшего. Таким образом Билл узнал, что он принадлежит черному шейху. Впрочем, последний тотчас же за ним пришел.

Но, вероятно, на моряка сделали ставку без одежды, потому что его в ту же минуту раздели до рубашки, и все это было отдано другому шейху.

Потом старого моряка повели в палатку его хозяина.

Глава VI

СЛЕДЫ БИЛЛА

Во время игры Билл служил предметом любопытства для женщин и в особенности для детей. Моряк, полумертвый от голода, напрасно выражал знаками свое страдание. Впрочем, равнодушие толпы его не особенно удивляло: он слишком хорошо знал характер этих сирен Сахары и манеру их обращения с несчастными, попадающими к ним в руки.

После окончания игры на голову Билла посыпались всевозможные ругательства женщин. Ему засыпали глаза пылью и плевали в лицо, более жестокие били его палками, царапали и кололи, дергали его баки так сильно, что чуть не вывихнули ему челюстей, и пучками вырывали волосы из головы.

Напрасно старый морской волк отвечал им самой энергичной руганью, напрасно кричал им: «Оставьте меня!» Его яростные крики, его призывы только возбуждали палачей. Одна женщина между всеми остальными особенно выделялась своим остервенением. Ее звали Фатима. Несмотря на такое поэтическое имя, это была одна из самых страшных тварей, когда-либо виденных моряком. Ее два глазных зуба торчали так сильно вперед, что она почти не могла закрыть рта, и притом видны были обнаженные зубы верхней челюсти. Судя по ее ко-

стюму и манерам, можно было угадать в ней жену властелина, султаншу или королеву.

И действительно, когда черный шейх вырвал Билла, чтобы избавить от возможной порчи свою новую собственность, Фатима последовала за ним в его палатку с таким видом, который говорил, что она если и не любимая, то во всяком случае старшая жена в гареме шейха.

Что касается оставшихся на берегу мичманов, то их веселость была непродолжительной: она прекратилась с исчезновением Билла.

Было ясно, что мехари понес Билла. Крики и призывы моряка доказывали, что «корабль пустыни» не слушался своего вожака.

Нужно было решить главное — дожидаться ли возвращения Билла или же идти по его следам, чтобы попытаться его догнать. Если мехари увез его в лагерь дикарей, то, естественно, его схватят как пленника. Но вряд ли старый моряк позволит мехари увести себя к своим врагам.

Трое молодых людей устремили взгляды на ущелье, через которое исчез мехари. Светлые лучи месяца скользили по белому песку. Вдруг им показалось, что они слышат голоса и крики животных. Если бы не непрерывный шум волн, докатывавшихся почти до того места, где они находились, то у них не могло бы возникнуть ни малейшего сомнения на этот счет. Колин поднял руку, прислушался, а затем объявил, что эти нестройные звуки несутся с той стороны, куда умчался верблюд. Товарищи, знавшие тонкий музыкальный слух Колина, поверили его словам.

Стало ясно, что оставаться на месте нельзя. Долг обязывал их идти искать своего старшего товарища. И трое мичманов пустились в путь по направлению, откуда донеслись голоса и крики животных.

Они двинулись вперед с осторожностью. Колин заменил собою подозрительного Билла. У молодого англичанина не было столько недоверия к «туземцам», как у Колина, а что касается О'Коннора, то он упорно продолжал твердить, что большой опасности при встрече с людьми быть не могло.

— Колин предполагает, — проговорил Теренс, — что слышал голоса женщин и детей; наверное, рассказ о жестокостях, которые им приписывают, не больше, как рассказы моряков. Если недалеко лагерь, пойдемте туда

и попросим гостеприимства. Разве вы ничего не слышали о восточном гостеприимстве?

— Он прав,— согласился Гарри.

— Вы не знаете того, что я читал и слышал об этом от очевидцев,— бросил Колин,— не знаете даже того, о чем мог судить немного я сам. Тсс! Слушайте...

Молодой ирландец остановился. Его товарищи сделали то же самое. Крики женщин, детей и животных слышались совершенно отчетливо. Они не предполагали, что это было то самое время, когда оба шейха решали судьбу Билла. Но вслед за этим всплеском шума наступила глубокая тишина.

Во время этой минуты затишья друзья двинулись вперед по оврагу и проползли между холмами, окружавшими лагерь. Скрытые ветвями какого-то сухого кустарника, они смогли видеть все, что происходило в лагере посреди палаток.

Тут они признали вполне справедливыми опасения Колина. Билл предстал перед ними посреди женщин, которые не знали границ в выражении своей ярости против него.

Молодые люди поняли, что оставить старого товарища в руках разъяренной толпы значило то же, что и покинуть его на песчаной косе под угрозой утонуть во время прилива. Даже хуже, потому что волны теперь казались менее страшными, чем эти арабские ведьмы.

Но что они могли сделать, вооруженные своими маленькими кортиками, против такого большого количества врагов? У туземцев были ружья, мечи. Было бы безумием пытаться освободить Билла.

А потом молодые люди могли только молиться за него и, к сожалению, ничего больше!

Теперь они думали только о том, чтобы быстрее увеличить расстояние между собой и арабским лагерем.

Было ясно, что они ничего не выигрывают, возвращаясь назад, как не выигрывают ничего, уклоняясь направо или налево. Другой дороги не было, другого решения нельзя было принять, оставалось одно — взобраться на гору, бывшую перед ними, и проползти возможно быстрее по выемке.

Но прежде следовало подождать, пока скроется луна. Эту мысль высказал осторожный шотландец, и его спутники хорошо бы сделали, если бы прислушались к ней. Но прием, оказанный Биллу в лагере арабов, внушал им

слишком сильное желание удалиться как можно скорее от опасного соседства.

Колин не стал спорить. Он взял назад свое предложение, и все трое начали взбираться на холм.

Глава VII

СТРАННОЕ ЖИВОТНОЕ

На полдороге они остановились, пораженные: на вершине они увидели странное животное, какого ни один из них не встречал. Оно было не больше сенбернарской собаки, но казалось длиннее. Оно имело собачьи формы, но голова его была какая-то странная, широкая и четырехугольная. Передние ноги животного были гораздо выше задних, отчего вся спина его шла покато к хвосту.

Молодые мичманы отлично могли наблюдать животное: луна сияла сверху и ни одно из его движений не ускользало от них.

Оно ходило вдоль и поперек, подобно бдительному часовому, ни на один фут не отдаляясь от вершины дюны.

Завороженные видом животного, молодые люди притаились.

Нельзя отрицать, чтобы здесь не о чем было подумать. Животное, которое от лунного света, а также, быть может, и от страха, «у которого глаза велики», представлялось им величиной с быка, вовсе не было препятствием, которым можно было пренебрегать, в особенности, если оно, как это казалось, не намерено было добровольно уступить им дорогу. Даже сам Гарри Блаунт почувствовал себя смущенным.

Если бы не было опасности в возвращении назад, быть может, наши смельчаки снова повернули бы в долину; но надо было принять решение. Мичманы вытащили свои кортики и боевым строем двинулись к дюне.

Странное животное тотчас же исчезло, приветствовав их таким страшным хохотом, что не могло уже оставаться сомнения, какого именно зверя видят они перед собой.

Когда странное животное, угрожавшее им преградить дорогу, спряталось, мичманы перестали о нем думать и стали заботиться только о том, чтобы пробраться через дюну не будучи замеченными из лагеря.

Они вложили кортики в ножны и продолжали осторожно продвигаться вперед.

Быть может, они выполнили бы свой замысел, не случись обстоятельства, которого они не могли предусмотреть: хохот странного четвероногого был услышан арабами и произвел большое волнение в лагере. Многие из мужчин, узнав голос смеющейся гиены, схватили ружья в надежде на охотничью удачу. Каждый из них рассчитывал добыть шкуру, считавшуюся украшением любой палатки.

Они бежали в ту сторону, откуда донесся хохот, но увидели не гиену, а три человеческих существа, освещенных полным светом луны. По их одежде и блестящим пуговицам арабы с первого же взгляда узнали в них моряков: не колеблясь ни секунды, все мужчины кинулись из лагеря, испуская крики радости и удивления.

Бесполезно говорить, что теперь мичманы прекрасно знали, что им грозило. Они слышали крики арабов и видели, что те бегут и потрясают руками как сумасшедшие.

Они не стали больше смотреть на бегущую толпу, и все трое повернулись спиной к лагерю и прыгнули в овражек, из которого так неосторожно удалились.

Так как ущелье было не очень длинно, то они быстро спустились с холма, перебежали через дюны и снова очутились на берегу.

Предполагая, что им более нечего бояться, молодые моряки остановились, чтобы решить о дальнейших действиях. Идти берегом и держаться как только возможно далее от арабских палаток — таково было мнение всех троих.

Сказано — сделано, они направились к югу с такой быстротой, какую допускали их дрожавшие ноги и мокрая одежда.

Едва прошли они несколько десятков метров, как были вынуждены остановиться, так как они услышали шум в стороне овражка. То был храп, который издавало какое-то животное, и они предположили, что это опять была гиена, укрывшаяся в ущелье при их приближении. Огромное животное выходило из-за дюн, и по его неуклюжим формам они узнали верблюда, а на его спине человека, вооруженного длинным ружьем. У человека было разъяренное лицо, и он направлял своего верблюда прямо на них.

Мичманы сразу поняли, что пропала всякая надежда

ускользнуть от этого врага. Усталые, путаясь в мокрой одежде, они не могли бы состязаться в быстроте даже с хромоу уткой. Решив покориться своей судьбе, они стали ждать, не шевелясь, приближения седока.

Глава VIII ХИТРЫЙ ШЕЙХ

У ехавшего на мехари всадника были угловатые черты лица и желтая кожа, сморщенная, как пергамент.

Ему, по-видимому, было лет около шестидесяти. Его костюм и в особенности манера держать себя — что-то гордое и властное виднелось во всей его наружности — указывали на его высокое положение среди соплеменников. Это был владелец найденного накануне моряками мехари. Он был в отчаянии, когда проиграл Билла, и теперь был рад восполнить потерю, забрав в плен вместо одного троих моряков.

В несколько секунд старый шейх был возле мичманов. Вместо приветствия он начал грозить молодым людям. Он поочередно направлял дуло своего длинного ружья и знаками приказывал им следовать за собой в лагерь.

Первым движением измученных усталостью юношей было повиноваться. Теренс и Колин уже сделали знак согласия, но Блаунт взбунтовался.

— С какой это стати стану я слушаться приказаний этой старой обезьяны? — крикнул он. — Позорно идти за ним следом! Никогда ничего подобного не будет. Если меня и возьмут в плен, то уж не без борьбы!

Теренс, стыдясь того, что так легко готов был подчиниться, перешел от одной крайности к другой.

— Клянусь святым Патриком, — крикнул он, — и я с тобой, Гарри!.. Лучше умрем, чем сдаваться!..

Колин, прежде чем высказаться, посмотрел вокруг себя и на устье овражка, чтобы удостовериться, что араб действительно был один.

— Черт его побери! — вскричал он после осмотра. — Если он нас возьмет, то для этого нужно, чтобы он с нами подрался. Ну, слезай, старый кремь! Ты встретишь настоящих британских морских волков, готовых сразиться с двадцатью такими, как ты!

Молодые люди выстроились треугольником для того, чтобы окружить мехари.

Шейх, не ожидавший ничего подобного, казалось, не знал, что ему делать. Потом вне себя от ярости, не будучи в состоянии дольше пересиливать своего раздражения, он поднял ружье и прицелился в Гарри Блаунта, первого угрожавшего ему.

На одну минуту облако дыма окутало молодого человека.

— Промых! — спокойным голосом проговорил Гарри.

— Слава Богу! — вскричали Теренс и Колин. — Теперь он наш! Он не успеет снова зарядить ружье. Валай на него все разом!

И трое товарищей кинулись на мехари.

Араб, несмотря на свой возраст, казалось, ни в чем им не уступал.

Ловкий, как кошка, он бросил наземь свое ружье, ставшее бесполезным, так как он не мог его снова зарядить, и начал размахивать вокруг себя саблём, которую держал в судорожно стиснутой руке.

Вооруженный таким образом, он имел преимущество над нападающими: в то время, как он мог достать того или другого одним движением, они не могли подойти ближе из боязни, что шейх выбьет у них кортики, а то и снесет голову. Благодаря этому юноши все время должны были держаться на известном расстоянии от шейха, и оружие их не приносило им никакой пользы.

Шейх, сидя на верблюде, само собой разумеется, мог не бояться своих противников, тогда как каждый из его ударов мог сделать одного из молодых людей негодным к битве.

— Убьем верблюда, — крикнул Гарри Блаунт. — Тогда старый мошенник будет к нам ближе, а там...

Но Теренс придумал нечто другое и теперь готовился выполнить задуманное.

Еще учась, он славился своим искусством прыгать при игре в чехарду. И теперь только и ждал возможности им воспользоваться. Наконец, он выбрал минуту, когда мехаря повернулся к нему задом, и в ту же минуту он сделал отчаянный прыжок и опустился на спину верблюда.

К счастью для шейха, молодой наездник-гаер уронил при прыжке свое оружие, иначе мехари недолго нес бы на себе двойной груз.

Оба противника помещались на спине мехари таким образом, что можно было принять их за одного седока. Худой, как кощей, араб совершенно исчезал в объятиях

Теренса — так сильно последний сжимал его, а сабля, недавно еще такая грозная, валялась на песке у ног мичманов.

Борьба продолжалась на спине мехари.

Араб сидел крепко, зная, что если только он очутится на земле, то будет во власти молодых людей, с которыми еще недавно полагал легко справиться. Он понимал, что бегство было единственным шансом на спасение, так как во что бы то ни стало надо разлучить своего врага с его двумя компаньонами.

И он издал крик. Услышав голос хозяина, мехари, хорошо выдрессированный, завертелся на месте, как волчок, а затем быстрым аллюром помчался в сторону овражка.

Молодой ирландец был так занят желанием сбить с верблюда своего противника, что не обратил внимания на сигнал. Когда он увидел опасность, то решил отказаться от борьбы с арабом и уже не думал о том, чтобы стащить шейха со спины мехари, а желал только сам убраться поскорее. Все его усилия остались бы бесполезными, не случись обстоятельства, совершенно неожиданно поблагоприятствовавшего исполнению его намерения.

Повод животного тащился по земле, потому что араб, занятый борьбой с врагом, выпустил его из рук. Недоуздок запутался между раздвоенными пальцами мехари, и верблюд упал на песок. Груз его был опрокинут этим ударом; оба противника, ошеломленные падением, оставались несколько мгновений без чувств.

Они еще не пришли в себя, когда Гарри Блаунт и Колин подбежали к ним. Но в это время, испуская адские крики, из-за дюн появился целый отряд странных созданий, которые окружили их.

Выстрел, сделанный шейхом, был услышан в лагере, и арабы тотчас же поспешили к берегу. Таким образом, сопротивление стало невозможным. Мичманы, захваченные врасплох, дали себя связать и увезти в палатки.

Они приблизились к дуару с таким же отвращением, как и Билл час тому назад. С них прежде всего сняли одежды, оставив им только рубашки, да и то они предпочли бы быть от них избавленными — до такой степени они были мокры. Но когда одежды их были розданы отряду, согласно обычаю, шейх потребовал троих своих пленников и их рубашки, как часть их кожи, и после некоторого пререкания его требование было удовлетворено.

Вот в таком-то смешном наряде мичманы снова очутились перед Биллом, одеяние которого было не лучше. Его молодым товарищам не было дозволено приблизиться к нему. Хотя они принадлежали другому арабскому вождю, но им пришлось испытать на себе, подобно старому моряку, ярость женщин и детей до той минуты, когда, боясь за порчу своей добычи, хозяин, наконец, пришел за ними, чтобы укрыть их в своей палатке. Остальная часть ночи прошла довольно спокойно.

В ту минуту, когда Билл явился верхом на верблюде в лагерь, оба шейха, с общего согласия, собирались снять свои палатки. Сын Иафета направлялся на север к марокканским рынкам, а потомок Хама шел на юг в Тимбукту.

Неожиданное пленение моряка и троих мичманов изменяло их планы; они отложили свой отъезд до следующего дня и удалились в свои палатки для отдыха.

Лагерь безмолвствовал. Крики женщин и детей прекратились. Слышен был только лай собак, ржание лошадей или храп мехары.

Трое мичманов говорили между собой, временами повышая голос, чтобы их мог слышать Билл, которого стерегли на другом конце лагеря, а они так нуждались в его советах.

Арабы не понимали ни слова из того, что говорили молодые люди, и поэтому не мешали им продолжать беседу.

— Что они с тобой делали, Билл? — спросили молодые люди своего старого товарища.

— Все, что могли придумать, чтобы сделать старого морского волка как можно несчастнее; на моем теле нет ни одного местечка, которое не было бы изранено. Мой худой остов должен походить теперь на старую цедилку. Лагерь разделен между двумя вождями, и один из них — тот старый плут цвета копченой селедки. Они долго ссорились из-за меня и, наконец, разыграли меня.

— Как ты думаешь, куда они поведут нас, Билл?

— Бог один знает. Я же уверен только, что нас далеко увезут отсюда!

— Значит, нас разлучат? — поинтересовался Колин.

— Клянусь кровью, Колин, я этого очень боюсь.

— Почему ты думаешь, что это будет именно так?

— Потому что я это слышал и видел. Мне кажется, они хотят идти по разным дорогам. Я немного понимал из того, что они говорили, но все время слышал, что они

говорили про Тимбукту и про Сок-Атоо, два больших негритянских города, и я думаю, что мой хозяин направится к одному или к другому из этих портов.

— Но почему же ты думаешь, что нас не поведут в ту же сторону?

— Потому что вы принадлежите старому шейху, который, конечно, араб; он собирается направиться на север.

— Это довольно правдоподобно, — сказал Колин.

— Видите ли, нас поймали две акулы, и мы можем быть уверены, что они продадут нас тем, кто пожелает нас купить...

— Надеюсь, — перебил Теренс, — что ты ошибаешься. Неволю было бы очень тяжело переносить одному. Вместе какое бы то ни было горе мы перенесем гораздо легче. Я все-таки надеюсь, что нас не разлучат.

Разговор окончился на этом пожеланий, и невзирая на свое печальное положение, они вскоре заснули.

Глава IX ДУАР НА РАССВЕТЕ

С первыми лучами утреннего солнца весь дуар был уже на ногах.

Женщины поднялись первыми и теперь готовили завтрак, состоявший из просяной похлебки.

Там и сям виднелись мужчины, доившие верблюдиц; некоторые же из более нетерпеливых просто-напросто высасывали молоко из полного вымени верблюдицы. Остальной народ занят был разбираaniem палаток, так как предстоял переезд на новое место.

Трое мичманов, дрожа от холода, с любопытством смотрели на это зрелище. Старый моряк тоже весь дрожал от ночного холода. Разбойники-арабы оставили на нем только рваные бумажные панталоны.

Причина, почему все четверо отчаянно мерзли, была в том, что в Сахаре, после знойного дня, ночью и утром температура бывает до того низка, что кажется, будто наступил зимний холод.

Это не мешало, впрочем, молодым людям видеть все, что происходит вокруг них, делиться друг с другом своими наблюдениями.

Но им недолго пришлось разговаривать: арабы не за-

медлили со свойственной им грубостью напомнить пленникам о себе и приказали им помогать хозяевам при сборах к отъезду.

Билла его хозяин призвал к работе пинком ноги. Моряк нехотя поднялся, покорно принялся за исполнение своих новых обязанностей раба.

Как мало понадобилось времени на приготовление завтрака, так же скоро он был уничтожен. Скучность завтрака удивила молодых мичманов. Самые важные лица из шайки получили на свою долю лишь маленькую порцию молока и похлебки. Одним только шейхам подали нечто похожее на завтрак. Все же остальные и в том числе и черные невольники должны были довольствоваться менее чем пинтой кислого молока, наполовину разбавленного водой. Арабы называли это блюдо «шени».

Ну, а что же дадут пленникам? Вопрос этот сильно занимал как молодых мичманов, так и старого Билла. Они были голодны, как гиены, а им ничего не давали есть. Наконец, они стали знаками выражать свою просьбу, но их жалобные призывы только вызвали смех арабов. Арабы не рассчитывали дать работу их желудкам, зато руки и ноги пленников, по их мнению, не должны были оставаться в бездействии. Как только все было готово к отъезду, пленников нагрузили тяжелыми ношами, с угрозами, заставившими их понять, что всякое сопротивление будет бесполезно. Теперь моряки явственно осознали, что они стали рабами.

Еще убирая палатки, пленники заметили разницу между двумя шейхами, в руки которых они так несчастливо попались. Как уже было сказано, черный шейх представлял собой истинно африканский тип, и большая часть его подчиненных принадлежала той же расе; лишь некоторые, должно быть, были из другого племени, да и те, по всей видимости, были невольниками.

Шайка другого шейха состояла из таких же арабов, как и он сам, лишь за немногими исключениями.

Покончив все приготовления, обоим шейхам оставалось только обменяться прощальными приветствиями, но эти приветствия все не произносили. Можно было подумать, что шейхам не хотелось расставаться и что их взаимные чувства были самые сердечные.

И действительно, черный шейх вместо того, чтобы сказать арабу «селям алейкум», возвысил голос и потребовал у него разговора наедине по важному делу.

Само собою разумеется, мичманы ничего не поняли из разговора обоих шейхов, но взгляды, которые бросали на них араб и негр, их оживленные жесты лучше всяких слов давали им понять, что предметом разговора служили именно молодые пленники.

Через полчаса им показалось, что разговаривающие пришли к соглашению. Араб направился к месту, где были собраны невольники черного вождя и, тщательно их осмотрев, выбрал троих самых сильных, самых толстых, самых молодых негров из всей толпы и велел им стать отдельно.

— Нас, очевидно, будут менять...— прошептал Теренс.— Мы будем принадлежать негру и, вероятно, будем путешествовать вместе с Биллом.

— Погодите немного,— сказал Колин,— мне кажется, не все еще кончено.

В эту минуту черный шейх двинулся вперед к троице невольникам и прервал их разговор.

Чего он хотел? Вероятно, взять с собой, как это сделал араб с тремя неграми.

К их великому огорчению, только один О'Коннор был уведен африканцем, а что касается двух остальных, то им угрожающими жестами было приказано оставаться там, где они были. Итак, значит, условия обмена были трое черных за одного белого.

Теренса отвел его новый хозяин и поставил возле троих черных.

Но этим дело не кончилось. Старый Билл, судя по тому, что он уже раньше видел, и по делаемым опять приготовлениям, крикнул своим товарищам:

— Мы будем тут ставкой, Терри, вот посмотрим! Вы пойдете со мной, потому что чернокожий побьет желтокожего, это верно!

Дырочки, в которых играли в хельгу накануне вечером, были снова проделаны, и игра началась.

Предсказание Билла оказалось верным: черный шейх выиграл Теренса О'Коннора.

Араб казался очень недовольным, и видно было по его беспокойным движениям, что он на этом не остановится.

У него оставалось еще двое белых — с ними он мог

еще отыграться. Игра началась снова, но с тем же результатом.

Трое мичманов присоединились к Биллу и стали возле черного шейха. Не прошло после этого и двадцати минут, как все четверо уже продвигались через пустыню к Тимбукту.

Четверо моряков входили в состав каравана из шестнадцати взрослых и шести или семи детей.

Все они сделались собственностью черного шейха.

Пленники скоро узнали, что негра звали Голахом — имя, без сомнения, происходившее от испорченного «Голиаф».

Конечно, Голах был человек умный, созданный для того, чтобы повелевать. У него было три жены, владевшие даром замечательной говорливости; но одного слова, взгляда, движения вождя достаточно было, чтобы их остановить.

У Голаха было семь верблюдов, четверо из которых несли на себе его самого с женами, детьми, палатками и багажом.

Три остальных верблюда были нагружены добычей, собранной после кораблекрушения.

Двенадцать человек взрослых из всего отряда были принуждены идти пешком и поспевать за большими шагами верблюдов.

Один из черных мужчин был сын Голаха, молодой человек лет восемнадцати. Он был вооружен длинным мавританским мушкетом, тяжелой испанской шпагой и кортиком, отнятым у Колина.

Главным его занятием, казалось, было стеречь невольников с помощью другого молодого мальчика, как мичманы позднее узнали, — брата одной из жен Голаха. Последний тоже был вооружен мушкетом и саблей. Рабов было еще шестеро, кроме Билла и его спутников.

Билл решил, что двое из этих шести невольников должны быть круменами. Он часто встречал похожих на них в качестве матросов на кораблях, возвращавшихся от африканских берегов.

Другие были гораздо менее темнокожими; старый моряк называл их «черными португальцами». Все они, по-видимому, только с недавнего времени сделались невольниками.

Моряки чувствовали сильное негодование против своих поработителей. К этому чувству присоединялись стра-

дания голода, жажды, утомление, испытываемое ими от ходьбы по горячему песку равнины под жгучим солнцем, палившим над их головами.

— С меня довольно,— сказал Гарри Блаунт своим спутникам.— Мы можем потерпеть еще несколько дней, но я не вижу цели делать опыт, сколько именно дней я выдержу без воды, еды и одежды.

— Продолжай. Ты думаешь и говоришь за меня, Гарри,— перебил Теренс.

— Нас четверо,— продолжал Гарри.— Все мы принадлежим к той нации, которая хвалится, что никогда не знала гнусного рабства; кроме того, у нас еще шесть товарищей по плену, а они тоже могут значить кое-что в стычке; неужели мы так и останемся безропотными слугами трех черных скотов?

— Я именно это и думал,— сказал Теренс.— Если мы не убьем старого Голаха и не сбежим с его верблюдами, то заслуживаем, чтобы окончить дни наши в неволе.

— Хорошо сказано. Когда же мы начнем? — спросил Гарри.— Я жду.

Во время этого разговора потерпевшие крушение заметили, что один из круменов старается держаться возле них и, по-видимому, внимательно прислушивается к разговору. Его блестящие глаза выдавали самое живое любопытство.

— Разве вы нас понимаете? — строго спросил его Билл, повертываясь к нему.

— Да, сэр, немного,— отвечал африканец, словно не замечая гнева моряка.

— А зачем вы подслушиваете?

— Чтобы слышать, что вы говорите,— мне хотелось бы бежать с вами.

Билл и его товарищи с большим трудом понимали язык крумена и все же поняли из его рассказа, что он служил на английских кораблях и там немного научился английскому языку, и что он был в плену уже четыре года и тоже вследствие кораблекрушения.

Крумен успокоил моряков, сказав им, что так как Голах не имеет средств содержать невольников, то они, вероятно, скоро будут проданы какому-нибудь береговому английскому консулу.

Крумен еще прибавил, что у него нет надежды даже и на это, потому что его родина не выкупает подданных, попавших в неволю. Когда он увидел, что у Голаха

есть невольники англичане, он порадовался, что, может быть, и его выкупят вместе с ними, потому что он раньше служил на английских кораблях.

Дорога через пустыню казалась бесконечной.

Черные невольники, хорошо зная свои обязанности, подбирали куски сухого верблюжьего помета, который служил топливом на бивуаках.

Голах приказал остановиться только на закате. Верблюды были быстро развьючены, палатки расставлены, огонь для приготовления пищи разведен. Около четверти всей похлебки, которой едва хватило бы на одного человека, было роздано невольникам на обед, а так как они ничего не ели с самого утра, то пища эта показалась им прелестной.

Осмотрев невольников, Голах удалился в свою палатку, из которой через несколько минут слышались звуки, походившие на раскаты грома.

Сторожить лагерь и пленников остались сын и шури́н Голаха.

Но их дежурство было напрасно: измученные, истомленные, умирающие от голода и усталости белые пленники думали только об отдыхе, который им, наконец, позволено было вкушать.

На рассвете следующего утра невольникам дали выпить немного шени, и затем караван снова отправился в путь.

Солнце, поднимаясь на безоблачном небе, палило, казалось, еще сильнее, чем накануне; ни одного дыхания ветра не проносилось по бесплодной пустыне. Атмосфера была так же горяча и неподвижна, как и песок под ногами. Пленники уже не чувствовали голода: жажда неутолимая, палящая заглушала всякое другое чувство.

— Скажите им, чтобы мне дали напиться, или я умру,— прошептал Гарри крумену сдавленным голосом.— Я стою денег и, если Голах даст мне умереть из-за капли воды, то он безумец.

Крумен отказался передать эти слова начальнику.

— Это кончится только тем,— объявил он,— что навлекуте на себя гнев шейха, и он вас приберет.

Колин обратился к сыну Голаха и знаками дал ему понять, чего он просит. Черный юноша, вместо всякого ответа, соорудил ему насмешливую гримасу.

Отряд неутомимо двигался вперед.

У одной из жен шейха было трое детей, а так как

каждая мать сама должна смотреть за своим потомством, то ей приходилось дорогой сильнее утомляться, чем ее товаркам. От нее требовалась большая бдительность, чтобы трое ее непослушных малышей, качавшихся на спине мехари, не слетели на землю. Путешествовать таким образом ей казалось очень утомительным, и она не прочь была бы найти себе помощника или няньку.

Ей хотелось заставить кого-нибудь из невольников нести старшего ребенка, мальчика четырех лет.

Колину суждено было поступить в услужение к негритянке. Все усилия молодого шотландца избавиться от ответственности, угрожавшей ему, были напрасны. Женщина действовала решительно, и Колин должен был повиноваться, хотя он сопротивлялся до тех пор, пока она не погрозила позвать Голаха. Этот аргумент показался мичману убедительным, и молодую обезьяну посадили ему на плечи. Негритенок ногами обвил шею моряка, а руками крепко держал его за волосы.

В то время, как Колин вступал в новую должность, начинало темнеть, и двое черных, служившие сторожами, пошли вперед с намерением выбрать место для постановки палаток.

Нечего было бояться, что кто-нибудь из невольников попытается бежать: они все слишком желали получить то маленькое количество пищи, которое обещала им вечерняя остановка.

Изнемогавший от усталости и к тому же обязанный тащить ребенка, Колин остался позади. Мать ребенка, внимательно следившая за своим первенцем, умерила шаг своего мехари и направила его к молодому шотландцу.

После того, как верблюды были развьючены и палатки поставлены, Голах занялся распределением ужина. Порции были еще меньше, но они были уничтожены пленниками еще с большим удовольствием, чем прежде.

Билл объявил, что то краткое мгновение, в которое он съедал свою порцию похлебки, вполне вознаграждало его за все перенесенные страдания в течение дня.

На следующее утро, когда караван выступил в путь, черный мальчуган был опять поручен Колину, впрочем, ему не все время приходилось его нести: малыш часто шагал рядом с ним.

В продолжение первой части дня шотландец и его ноша довольно удачно шли рядом со всем караваном.

Иногда они даже бывали впереди. Внимание мичмана к ребенку было замечено Голахом, лицо которого высказало немного человеческого чувства гримасой, долженствовавшей изображать улыбку.

Около половины дня Колин, казалось, утомился своим дневным путешествием и начал отставать, как и накануне. Мать, обеспокоенная, остановила своего верблюда и дождалась, пока шотландец и ребенок догнали ее.

Билл был очень удивлен поведением Колина в предыдущий вечер, особенно терпением, с которым он подчинился обязанности нянчиться с ребенком. Здесь была тайна, которой он не мог понять и которая также интриговала Гарри и Теренса, несмотря на их личные заботы.

Спустя немного после полудня негритянка пригнала Колина к каравану, заставляя его идти впереди себя резкими криками и нанося ему удары сплетенным концом веревки, которая ей служила для понукания верблюда.

Гарри, шагая рядом с круменом, попросил его объяснить значение слов, выкрикиваемых негритянкой по адресу шотландца.

Крумен сказал, что она называла его свиньей, лентяем, христианской собакой и неверным и грозила убить его, если он будет отставать от каравана.

Гарри и Теренс продолжали свой путь, огорченные за своего друга, которому и в этот день могло грозить такое же обхождение негритянки, как и накануне. Билл даже убавил шаг, чтобы лучше все видеть и слышать...

— Я теперь несколько не удивлюсь, — сказал Билл, догоняя обоих мичманов, — почему Колин так интересуется маленькой обезьянкой.

— Что такое, Билл? Что ты узнал? — спросили Гарри и Теренс.

— Ярость негритянки и все эти крики и удары — одно притворство.

— Ошибаешься, Билл, это все твои выдумки, — сказал Колин, который с ребенком на спине шагал теперь рядом со своими спутниками.

— Нет, нет, я не ошибся, женщина к тебе благоволит, Колли... Ну-ка, скажите, что она дает вам есть?

Видя, что бесполезно скрывать свою удачу, Колин сознался, что негритянка, как только ей удавалось не быть замеченной, давала ему сухие финики и молоко, хранившееся в кожаной бутылке, которую она носила под плащом.

Товарищи Колина открыто позавидовали его удаче и сказали, что готовы целыми днями таскать какого угодно негритенка, только бы получать за это молоко и финики.

Но они и не подозревали в эту минуту, что скоро придется им переменить свое мнение и что предполагаемое счастье Колина будет скоро источником несчастья для всех них.

Глава XI ВЫСОХШИЙ КОЛОДЕЦ

В этот день после полудня сделалось особенно жарко, а Голах как нарочно пустил своего верблюда таким быстрым ходом, что невольники с большим трудом могли за ним поспевать.

Билл устал первым и, наконец, решил, что не в силах будет идти дальше. Если он и не падал еще от усталости, то во всяком случае терпению его настал конец.

Он сел на землю и объявил, что дальше не пойдет. Целый поток ударов посыпался на него. Но они не заставили его изменить решения. Оба молодых негра, родственники Голах, не зная, какие бы средства пустить в ход, обратились за помощью к шейху.

Последний немедленно повернул своего мехари к строптивому невольнику.

Прежде чем он достиг места, где лежал Билл, трое мичманов употребили все свое влияние на своего товарища, стараясь убедить его встать до прибытия тирана.

— Ради Бога, — вскричал Гарри, — если ты только в силах, поднимись и пройди хоть немного!

— По крайней мере, попробуй, — советовал Теренс, — мы тебе поможем. Ну, же, Билл, сделай это усилие из дружбы к нам, вот Голах уже близко.

Говоря таким образом, Теренс и Гарри, с помощью Колина, схватили несчастного Билла и пытались поставить его на ноги, но старый моряк упрямо опускался на песок.

— Быть может, я и могу пройти еще немного, — сказал он, — но я не хочу. Довольно с меня! Я хочу ехать на верблюде, а Голах пускай пойдет в свою очередь пешком. Он способнее меня на это. А вы, мальчишки, будьте благоразумнее и не беспокойтесь очень за меня. Все, что вам следует делать, это смотреть на меня: вы

научитесь кой-чему. Если у меня нет молодости и красоты, как у Колина, чтобы составить мне счастье, я зато больше его прожил на свете и приобрел опытность, а моя ловкость заменит мне остальное.

Доехав до места, где сидел моряк, Голах узнал, что произошло и что обычное средство не достигло своей цели.

Он вовсе не казался недовольным этим сообщением: его лицо даже выразило некоторое удовольствие. Он спокойно приказал невольнику встать и продолжать свой путь.

Моряк, истомленный усталостью, умирая от голода и жажды, дошел до крайнего отчаяния. Он сказал крумену, чтобы тот передал шейху, что он готов продолжать путь, но не иначе, как сидя на одном из верблюдов.

— Значит, ты хочешь, чтобы я тебя убил? — крикнул Голах, когда слова моряка были ему переданы. — Ты хочешь украсть у меня то, что я отдал за тебя? Этого не будет. Ты меня еще не знаешь.

Билл с клятвой повторил, что не двинется с места и что его не принудят двигаться иначе, как верхом на верблюде.

Этот ответ, переданный круменом, заставил шейха задуматься.

Он размышлял одну минуту, отвратительная улыбка искривила его черты.

Взяв повод от своего верблюда, он привязал его одним концом за свое седло, а другим концом обвязал кисти рук моряка. Тщетно пытался Билл сопротивляться: он был точно ребенок в могучих руках черного шейха.

Сын и зять Голаха стояли возле него с заряженными ружьями, готовые выстрелить при первом же движении товарищей моряка. Когда последний был связан, начальник приказал своему сыну провести верблюда вперед, и Билл потащился следом за животным по песку.

— Теперь ты идешь вперед! — кричал Голах победоносно. — Вот новый способ путешествовать на верблюдах. Бисмиллях! Я остался победителем!

Путешествовать таким образом было слишком великим мучением, чтобы возможно было терпеть долго. Билл решился встать на ноги и идти. Он был побежден, но в наказание за его возмущение шейх продержал его привязанным у седла верблюда весь остаток дня.

Никто из белых невольников не поверил бы, что они

будут в состоянии переносить такое обращение с собой и позволят товарищу терпеть подобное унижение.

Между тем ни у одного из них не было недостатка в истинной храбрости; но их гордость уступала перед высшими силами голода и жажды. Голах рассчитывал именно этим путем подчинить себе своих невольников, и вот таким образом он торжествовал над теми, которые при других обстоятельствах оспаривали бы свою свободу до последней крайности.

На следующее утро Голах сказал своим пленникам, что они пойдут к источнику и останутся там на день.

Это известие было передано Гарри круменом, и все были в восторге, что наконец-то отдохнут и, кроме того, будут иметь воды вволю.

Гарри довольно долгое время разговаривал с круменом, и последний выразил свое удивление, что белые пленники так легко подчиняются неволе. Он сообщил, что дорога, по которой они идут, если продолжать держаться все в том же направлении, поведет в глубь страны, по всей вероятности, в Тимбукту. Поэтому крумен советовал просить Голаху отвести их скорей в какой-нибудь береговой порт, где их мог бы выкупить английский консул.

Крумен обещал действовать в качестве переводчика при Голахе и сделать все, что будет в его силах, чтобы содействовать удачному окончанию переговоров. Он пообещал убедить шейха изменить направление пути, сказав ему, что он сможет гораздо выгоднее продать свой «товар», если поведет своих пленников в такое место, куда приходят корабли, капитаны которых охотно выкупают пленников.

В заключение крумен прибавил таинственно, что есть еще один предмет, относительно которого он хотел сделать им предостережение. На предложение объясниться крумен долго молчал и, видимо, находился в сильном замешательстве. Наконец, он кончил тем, что сказал, что их друг Колин никогда не покинет пустыни.

— Почему? — спросил Гарри.

— Потому что шейх убьет его.

Гарри попросил его определенно высказать свое мнение и объяснить, на чем оно основано.

— Если Голах заметит, что мать ребенка дает вашему товарищу хотя бы только по одному финику в день или по капле воды, он убьет их обоих, это верно. Голах вовсе не дурак — он все видит.

Гарри обещал предупредить своего товарища о грозящей ему опасности, чтобы спасти его прежде, чем пробудятся подозрения Голаха.

— Ничего хорошего, ничего хорошего,— добавил крумен.

Для того, чтобы объяснить эти слова, переводчик сказал Гарри, что если молодой шотландец откажет женщине в какой бы то ни было просьбе, оскорбленное самолюбие негритянки превратит ее симпатию в ненависть, и тогда она постарается возбудить против него гнев Голаха, что, конечно, будет иметь роковое значение для его жертвы.

— Что же тогда делать, чтобы спасти его? — спросил Гарри.

— Ничего,— отвечал крумен,— вы ничего не можете сделать. Любимая жена Голаха любит его, и он умрет — это верно.

Гарри передал Биллу и Теренсу весь разговор с круменом, и все трое стали советоваться.

— Мне кажется, черномазый прав,— сказал, наконец, Билл.— Если Голах заметит, что одна из его жен оказывает предпочтение мистеру Колину,— бедный малый пропал.

— В этом нет ничего невозможного,— добавил Теренс.— Я вижу, что с какой стороны ни взгляни, Колин попал в плохое положение: непременно надо его предупредить, как только он к нам присоединится.

Вскоре Колин нагнал своих друзей.

— Послушай,— сказал Гарри,— держись подальше от этой негритянки. Тебя уже заметили; крумен только что предупредил нас; и, если Голах увидит, что она тебе дает что-нибудь есть, ты погибший человек.

— Но что я могу сделать? — ответил молодой мичман.— Если бы эта женщина предлагала вам молока и фиников, когда вы умираете от голода и жажды, могли бы вы отказаться от них?

— Нет, признаюсь, и желал бы только, чтобы поскорей случилась подобная перемена; устраивай только так, чтобы держаться от нее подальше. Ты не должен отставать от нас и все время иди рядом с другими.

Между тем караван приближался к тому месту, где Голах рассчитывал найти известный ему источник и сделать долгожданный для всех привал.

Глава XII

ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЕ

Прошло еще два дня утомительного путешествия, прежде чем караван, наконец, дошел до источника.

Четверо белых невольников к этому времени находились уже в самом печальном положении. Тропическое солнце немилосердно жгло их своими знойными лучами, рот высох, кожа потрескалась, а израненные от долгой ходьбы по горячему крупному песку ноги отказывались служить.

Голодные, снедаемые мучительной жаждой, обессиленные, еле тащились пленники за своим хозяином, восседавшим на верблюде.

Увидев издали небольшой холмик, покрытый довольно густым кустарником, Голах обернулся и жестом указал невольникам на чахлую зеленую листву.

Все поняли значение этого сигнала, и у них вдруг явилась надежда на спасение. Силы прибавилось точно чудом, и каждый без всякого принуждения удвоил шаг, и немного спустя караван был уже у подошвы холма.

Нечеловеческие усилия, которые употребили изнемогавшие от жажды невольники, чтобы поскорее достигнуть источника, должны были бы вызвать к ним сострадание черного шейха, но не такой он был человек. Чужие страдания его, по-видимому, только забавляли.

Сначала он приказал развьючить верблюдов и поставить палатки. Пока одни невольники занимались этим, другие отправились на поиски топлива.

Покончив с устройством лагеря, шейх собрал все имевшиеся меха и сосуды для воды и разместил их возле колодца.

Медленно, точно нарочно испытывая терпение остальных, привязал он затем на веревку кожаное ведро и, доставая им воду из колодца, начал наполнять все расположенные кругом сосуды, стараясь не пролить ни капли драгоценной влаги.

Когда все сосуды были наполнены водой, шейх велел подойти к себе женам и детям и дал каждому из них почти по целой пинте воды. После этого всем им приказано было отойти и дать дорогу невольникам.

Женщины и дети безропотно покорились суровому голосу владыки.

Только после этого уже подошли невольники, и тут

началась настоящая сумятица: вырывали друг у друга сосуды, наскоро наполняли их водой, залпом осушали по целой кружке и тянулись к воде, радуясь утолить так долго мучившую их жажду.

Шейх с усмешкой наблюдал за толчеей у колодца.

Часа через два после прибытия этого каравана к источнику подошел другой караван. Голах встретил прибывших настороженно. И, несмотря на традиционные приветствия, выставил на ночь охрану.

На следующее утро у Голах состоялся длинный разговор с хозяином каравана, после чего все заметили, что он вернулся в свою палатку с недовольным видом.

Новоприбывший караван состоял из одиннадцати человек, восьми верблюдов и трех лошадей. Они шли с северо-запада. Кто они были и куда шли — Голах так и не узнал, а объяснения, полученные им от шейха, его не удовлетворили.

Несмотря на то, что Голах сильно нуждался в провизии и ему необходимо было как можно скорее возобновить истощившиеся запасы, он решился провести весь этот день у источника. Крумену удалось узнать, что шейх решился поступить таким образом, боясь неприятных действий со стороны новоприбывших.

— Если он их боится, — заметил Гарри, выслушав сообщения крумена, — так, по-моему, он должен уходить отсюда как можно скорее.

Крумен отвечал на это, что если предположение Голах верно и пришельцы действительно занимаются грабежом в пустыне, то они не тронут Голах, пока он будет стоять у колодца.

Билл подтвердил, что крумен говорит правду: разбойники никогда не нападают на свои жертвы в харчевне, а всегда на больших дорогах, пираты не грабят кораблей в гавани, а непременно в открытом море. То же самое повторяется и на великом песчаном океане — Сахаре.

— Я бы очень желал, чтобы эти арабы оказались разбойниками и чтобы они отбили нас у Голах, — проговорил Колин. — Может быть, они согласятся отвести нас к северу, где рано или поздно за нас заплатят выкуп. Если же нас поведут в Тимбукту, как заявил нам Голах, то мы никогда не выберемся из Африки.

— Об этом следует подумать теперь же, — сказал после некоторого раздумья Гарри. — Каждый день пути к югу

удаляет нас от нашей родины и все уменьшает надежду возвратиться в неё когда-нибудь. Может быть, эти арабы могут нас купить и отвести на север. Что, если мы попросим крумена поговорить с ними об этом?

Все с этим согласились. Подозвали крумена и сообщили ему свои намерения. Он молча выслушал пленников и сказал, что никто из каравана не должен видеть, когда он будет говорить с арабами. Он подтвердил то, что заметили и сами мичманы еще раньше: Голах и его сын не теряли их из виду. И потому найти случай поговорить с арабским шейхом будет нелегко.

Вскоре невольники увидели, что арабский шейх направился к колодцу. Невольник встал и осторожно стал приближаться к нему. Но Голах его увидел и с угрозой приказал ему вернуться назад. Крумен согласно кивнул, но не особенно торопился повиноваться и сделал знак, что замучился от жажды. Остановившись рядом с шейхом спиной к Голаху, он принялся жадно пить.

Вернувшись назад, крумен передал Гарри, что ему все-таки удалось поговорить с новоприбывшим шейхом и сказать ему: «Купите нас, вы возьмете за нас потом хорошие выкупы». На это шейх отвечал: «Белые невольники — собаки, они не стоят того, чтобы их покупать».

— Значит, с этой стороны у нас нет никакой надежды! — грустно заключил Теренс.

Крумен покачал головой, как будто не разделяя мнения, только что высказанного молодым моряком.

— Как! Вы думаете, что еще есть какая-нибудь надежда?

Невольник сделал утвердительный знак.

— Как? Каким образом?

Крумен отошел от них, не дав другого объяснения.

Когда солнце собиралось садиться, арабы сняли свои палатки и ушли по направлению к высохшему колодцу, который Голах и его караван недавно миновали. Как только они исчезли за холмом, сын Голаха взобрался на вершину холма и оттуда следил за арабами, пока женщины и дети навьючивали верблюдов и складывали палатки.

Дождавшись, пока последние тени ночи спустились на землю, Голах отдал приказ продолжать путь по направлению к юго-востоку. Этим путем он удалялся от берега и отнимал у невольников всякую надежду когда-нибудь вернуть себе свободу.

Крумен, напротив, был, по-видимому, рад, видя, что они едут этой дорогой.

Несмотря на ночное путешествие, Голах все еще боялся, что его нагонят арабы, и так велико было его желание насколько возможно увеличить между ними расстояние, что он сделал привал только тогда, когда солнце уже часа два стояло над горизонтом. Фатима, его любимица, несколько времени шла около него и говорила с ним очень оживленно. По жестам и поморщиванию бровей хозяина видно было, что он выслушивал важное известие.

Как только палатки были расставлены, он приказал негритянке, матери ребенка, которого нес Колин, подать ему мешок с финиками, которые ей поручено было сохранять.

Женщина встала и повиновалась, но при этом дрожала всем телом. Крумен бросил на белых невольников взгляд ужаса, и хотя последние не поняли приказа Голаха, но почувствовали, что произойдет что-то ужасное.

Женщина подала мешок, оказавшийся наполовину пустым.

Финики, которые раздавались невольникам три дня тому назад еще возле иссохшего колодца, были взяты из другого мешка, хранившегося у Фатимы.

Значит, мешок, который в эту минуту подавала Голаху вторая жена, должен быть нетронутым, и Голах спросил, почему мешок наполовину пуст.

Негритянка с дрожью отвечала, что она и ее дети ели финики.

Услышав этот ответ, Фатима насмешливо засмеялась и произнесла несколько слов, заставивших задрожать негритянку.

— Я переведу вам, — сказал крумен, сидевший возле мичманов, — что сказала Фатима Голаху: «Собака-христианин поел финики». Голах убьет как его, так и жену.

Затем крумен пояснил морякам, что по законам пустыни нет большего преступления, чем похищение у путешественника пищи или воды или же, путешествуя с другими, есть или пить потихоньку от своих спутников. Неумолимый закон пустыни — строго наказывать виновных.

Провизия, которую отдают на сохранение кому-нибудь, должна быть сохранена даже в том случае, если бы для этого пришлось пожертвовать жизнью.

Ни в каком случае такое доверенное лицо не имеет права располагать ни малейшей частицей пищи без общего согласия всех, и все должно быть разделено поровну.

Если Фатима сказала правду, то преступление, совершенное негритянкой, само по себе было настолько велико, что она могла быть осуждена на смерть, но, как оказалось, вина ее была еще больше.

Она покровительствовала невольнику, собаке-христианину и возбудила ревность своего повелителя.

Фатима казалась счастливой, потому что знала — по меньшей мере надо было случиться чуду, чтобы спасти жизнь второй жены, ненавистной соперницы.

Вытащив свою саблю и зарядив ружье, Голах приказал невольникам сесть на землю в одну линию. Этот приказ был немедленно выполнен.

Сын Голах и другой страж стали против них тоже с заряженными ружьями. Им было приказано стрелять во всякого, кто встанет. Тогда шейх направился к Колину и, схватив его за темно-русые кудри, оттащил в сторону и тут оставил его одного.

Голах раздал затем порцию шени всему каравану, за исключением негритянки и Колина.

Шейх считал излишним давать пищу тем, которые должны умереть. Между тем видно было, что он еще не решил, каким образом предать их смерти.

Оба стража, с ружьями в руках, зорко следили за белыми невольниками, пока Голах разговаривал с Фатимой.

— Что же нам теперь делать? — спросил Теренс. — Старый негодяй придумывает какую-нибудь мерзкую штуку, но как ему помешать исполнить то, что он задумал? Не можем же мы позволить ему убить бедного Колина?

— Надо действовать немедленно, — сказал Гарри, — мы и так слишком долго ждали, скверно только, что мы отделены от остальных невольников!.. Билл, что ты нам посоветуешь?..

— И сам не знаю, что вам сказать, — тихо отвечал моряк. — Если мы кинемся на них дружно, пожалуй, нам удастся убить человека два или даже три при первом натиске, и, пожалуй, все бы кончилось отлично, если бы остальные черные невольники согласились к нам присоединиться.

Крумен, услышав слова старого Билла, сообщил, что

готов присоединиться к ним. Еще он прибавил, что уверен — его соотечественник тоже готов помогать. Что же касается остальных черных, то он за них не отвечает.

— Тогда отлично, — объявил Гарри, — нас было бы шестеро против троих; ну, что же, подавать сигнал?

Это был отчаянный план, но, по-видимому, все были согласны сделать смелую попытку. Со времени своего ухода от колодца они были убеждены, что не могут иначе избавиться от рабства, как вступив в бой с порабощателями.

— Ну, все согласны? Я начинаю, — прошептал Гарри, стараясь не возбуждать внимания стражи. — Раз!

— Остановись! — вскричал Колин, внимательно прислушивавшийся к тому, что затевалось. — Двое или трое будут немедленно убиты, а остальных шейх докончит своей саблей. Лучше пусть он убьет меня одного, если уж он так решил, чем вам жертвовать собою всем четверым в надежде меня спасти.

— Мы хлопочем не об одном тебе, — отвечал Гарри, — у нас тоже не хватает больше терпения подчиняться этому дикарю.

— Ну, в таком случае бунтуйте тогда, когда у вас будут хоть какие-нибудь шансы на успех, — возразил Колин. — Вы все равно не можете спасти меня и только рискуете поплатиться за это жизнью.

— Голах наверняка собирается кого-нибудь убить, — сказал крумен, устремив глаза на шейха.

Последний в это время все еще говорил с Фатимой, и на лице его читалось выражение страшной жестокости.

Женщина, судьбу которой они в эту минуту решали, ласкала своих детей, без сомнения предчувствуя, что ей осталось лишь несколько минут, чтобы сказать им последнее «прости». Ее черты носили странный отпечаток спокойствия и покорности. Третья жена удалилась в сторону. Держа своих детей на руках, она смотрела на все происходившее с любопытством, смешанным с удивлением и сожалением.

— Колин, — вскричал Теренс, — мы положительно не в силах оставаться здесь спокойными зрителями твоей смерти на наших глазах! Не лучше ли нам сделать попытку освободить тебя и себя, пока еще имеются некоторые шансы на успех. Пусть Гарри подаст сигнал.

— Но ведь это безумие! — возразил опять Колин. — Подождите, по крайней мере, пока мы не узнаем, что

он думает делать. Быть может, он решит сохранить меня для будущей мести, и вы тогда будете иметь возможность предпринять что-нибудь в удобную минуту, а не так, как теперь, когда перед вами стоят два человека насто-роже, готовые всадить вам пулю в лоб.

Мичманы сознавали, что товарищ их говорит правду, и они решили ждать молча, устремив глаза на палатку шейха.

Вскоре Голах двинулся в их сторону. Скверная улыбка играла на его лице.

Прежде всего он достал кожаные ремни, которые были привязаны у седла его верблюда, потом повернулся к обоим сторожам и оживленно с ними заговорил, приказывая, по всей вероятности, им хорошенько сторожить, потому что они тотчас же направили свои мушкеты на пленников и, казалось, только ждали приказа стрелять.

Затем шейх сделал Теренсу знак приблизиться к нему. Последний колебался.

— Ступай, товарищ,— сказал Гарри,— он тебе не желает зла.

В эту минуту Фатима вышла из палатки своего мужа, вооруженная саблей и, по-видимому, очень желавшая иметь случай пустить ее в дело.

Теренс, повинувшись знаку начальника, приподнялся. Затем крумен получил точно такой же приказ, и Голах увел их обоих в палатку. Фатима последовала за ними.

Тогда шейх сказал несколько слов африканцу. Последний перевел их молодому мичману:

— Голах велел передать тебе,— сказал крумен,— что одно только может спасти тебя — полное повиновение. Тебе свяжут руки, и он советует тебе, если ты дорожишь своей жизнью, не звать на помощь своих товарищей. Если ты останешься спокойным, то тебе нечего бояться, но малейшее сопротивление с твоей стороны будет сигналом смерти для всех белых.

Теренс был одарен редкой для своего возраста силой, но он понимал, что в борьбе с африканским колоссом был бы неизбежно побежден. И он решил, что было бы безумием рисковать сражаться с ним одному. А не дать ли своим товарищам условленный сигнал? А что, если это подвергнет их немедленной смерти? Их стражи уж, наверное, не промахнутся при первой же попытке возмущения.

И он подчинился.

Голах вышел из палатки и тотчас же вернулся с Гарри Блаунтом. Увидев Теренса и крумена связанными, молодой человек бросился к выходу и стал бороться, желая высвободиться из объятий негра. Но усилия его были напрасны. Побежденный своим страшным соперником, который в то же время ограждал его от ярости Фатимы, он тоже должен был позволить себя связать.

Затем Теренс, Гарри и крумен были выведены наружу на то место, которое ранее занимали.

Билла и Колина ожидала такая же участь.

— Чего этому черту от нас надо? — спросил старый моряк, пока Голах связывал ему руки. — Уж не собирается ли он нас убить?

— Нет, — отвечал крумен, — он убьет только одного.

И глаза его обратились на Колина.

— Колин! Колин! — крикнул Гарри. — Видишь, что ты наделал... Ты не хотел нашей помощи вовремя, а теперь мы уже и не можем помочь тебе.

— Тем лучше для вас! — ответил последний. — По крайней мере, с вами не случится ничего дурного.

— Но если у него нет дурных намерений, зачем он нас так связал? — спросил моряк. — Странная манера доказывать свою дружбу.

— Да, зато этот способ самый надежный. В этом виде вы не можете подвергать себя опасности безумным сопротивлением его воле.

Теренс и Гарри поняли, что хотел сказать Колин и почему с ними так поступил начальник: он хотел лишить их возможности вмешаться, когда он будет расправляться с осужденными на смерть.

Как только Голаху удалось так хорошо устроить дело с белыми невольниками, а остальных ему нечего было бояться, он и оба сторожа удалились в палатку закусить.

Через некоторое время Голах вышел из палатки и направился к одному из верблюдов. Он достал из вьюков две лопаты и передал их двоим черным невольникам, которые тотчас же принялись копать яму в песке.

— Они копают могилу для меня или для этой бедной женщины, а может быть, и для нас обоих, — сказал Колин, смотря на них спокойно.

Трое остальных европейцев согласились со словами своего товарища, но промолчали.

Тем временем Голах активно занялся приготовлениями к отъезду.

Когда невольники вырыли в мягком песке яму глубиною около четырех футов, шейх приказал им копать другую.

— Будут две жертвы,— сказал Колин.

— Ему следовало бы убить всех нас! — вскричал Теренс.— Мы подлые трусы потому, что не боролись за нашу свободу.

— Да,— согласился Гарри,— безумцы и трусы! Мы не заслуживаем сожаления ни в этом мире, ни в будущем. Колин, друг мой, если с тобой случится несчастье, клянусь отомстить за тебя, как только мои руки будут свободны.

— И я клянусь вместе с тобой,— добавил Теренс.

— Не заботьтесь обо мне, товарищи,— сказал Колин, бывший спокойнее остальных.— Но как только вы будете иметь возможность, постарайтесь отделаться от этого чудовища.

В эту минуту внимание Гарри привлек Билл. Старый моряк сделал знак одному невольнику развязать ему руки, но последний, вероятно, боясь, что его увидит Голах, отказался.

Второй крумен, оставшийся связанным, предложил своему соотечественнику развязать его, но тот также отказался.

Несчастливая женщина, которой грозила месть Голаха, оставалась все такой же спокойной. Дети ее с плачем прижимались к ней, а мичманы, вне себя от ярости и стыда, хранили гробовое молчание.

Одна Фатима казалась торжествующей.

Вторая яма была вырыта на небольшом расстоянии от первой, и когда она достигла той же глубины, Голах приказал неграм прекратить работу.

Тем временем палатки были опять сложены, верблюды навьючены. Все было готово к отъезду.

Оба стража снова заняли свой пост перед белыми невольниками. Тогда Голах направился к негритянке, которая освободилась от своих детей и встала при его приближении.

В лагере воцарилась глубокая тишина.

Но тишина и неизвестность длились недолго.

Голах схватил женщину за руки, приволок ее к одной из ям и бросил в нее. Потом невольникам было при-

казано засыпать яму, оставив снаружи только голову несчастной.

— Бог да сжалится над ней! — закричал Теренс с ужасом. — Чудовище зарывает ее живой в землю! Нельзя ли нам ее спасти?

— Мы будем недостойны называться мужчинами, если не попытаемся спасти ее, — сказал Гарри, поднимаясь на ноги.

Его примеру тотчас же последовали его товарищи. Сторожа подняли ружья и прицелились, но быстрый жест Голах остановил выстрел.

Сын шейха, по приказу своего отца, кинулся к яме, где стояла женщина, в то время, как Голах сам шел навстречу мятежникам.

В одну минуту бунтовщики были укрощены: он схватил двоих, Гарри и Теренса, за волосы и оттащил их на то место, где они лежали раньше.

Затем Голах направился к яме, в которую была опущена негритянка, уже наполовину засыпанная песком.

Она не пробовала сопротивляться и даже не издала ни одного стога, казалось, покорившаяся своей участи. Одна только ее голова виднелась над могилой, где она была осуждена умирать. В ту минуту, когда шейх уходил, она сказала ему несколько слов, не тронувших этого бесчувственного варвара, зато слезы наполнили глаза крумена и покатались по его щекам медного цвета.

— Что она говорит? — спросил Колин.

— Она просит его быть добрым к ее детям, — отвечал тот дрожащим голосом.

Оставив свою жену, Голах направился к Колину. Сомневаться в его намерениях было невозможно: оба человека; навлекшие на себя его гнев, должны умереть одинаково.

— Колин! Колин! Что можем мы сделать, чтобы тебя спасти? — с отчаянием закричал Гарри.

— Ничего, — отвечал последний. — И не пробуйте даже — это ни к чему бы не привело. Предоставьте меня моей судьбе.

В эту минуту несчастный Колин также был опущен в яму и сам Голах держал его в вертикальном положении до тех пор, пока невольники не наполнили всей ямы песком.

Колин, следуя примеру женщины, не сделал ни одного

движения, не произнес ни одной жалобы и скоро был зарыт по плечи. Товарищи его были поражены.

Затем шейх объявил, что он готов к отъезду. Он приказал одному из невольников сесть на верблюда, на котором ездил зарытая женщина, и трое детей несчастной были помещены вместе с ним.

Голаху оставалось только отдать еще приказание, вполне достойное той, которая его ему внушила, а именно Фатимы.

Наполнив сосуд водой, он поставил его между двумя ямами, но на таком расстоянии, что ни той, ни другой жертве невозможно было до него дотянуться. Возле сосуда он положил также несколько фиников. Эта сатанинская мысль имела целью возбуждать их страдания видом того, что могло бы их облегчить. Затем он приказал трогаться в путь.

— Не трогайтесь с места! — сказал Теренс. — Мы еще дадим ему работу.

Голах взобрался на своего верблюда и стал во главе каравана, когда невольники пришли известить его, что белые пленники отказываются идти.

Шейх вернулся назад в страшном бешенстве. Он стал действовать прикладом и, кинувшись на Теренса, который был к нему ближе всех, начал бить его изо всей силы.

— Встаньте! Повинуйтесь! — кричал Колин. — Ради Бога, уходите и оставьте меня! Вы ничего не можете сделать, чтобы меня спасти!

Ни просьбы Колина, ни удары Голаха не могли заставить мичманов покинуть своего товарища.

Затем шейх кинулся на Билла и Гарри, схватил их обоих и бросил возле Теренса. Соединив их всех троих таким образом, он послал за верблюдом. Приказ был немедленно исполнен. Шейх взял в руку уздечку.

— Нечего делать, нам придется идти, — сказал Билл. — Он опять начинает ту же игру, которая удалась ему со мной недавно. Я не дам ему повода вторично беспокоиться.

Пока Голах привязывал веревку к рукам Гарри, пронзительный голос Фатимы привлек его внимание. Обе женщины, правившие верблюдами, навьюченными добычей с корабля, отошли вперед почти на двести ярдов от того места, где находился хозяин, и теперь были окружены, равно как и черные невольники, кучкой людей, сидевших на верблюдах и на лошадях.

Глава XIII

НОВОЕ РАБСТВО

Не без причины боялся Голах арабов, с которыми встретился у колодца и приказал своему отряду идти ускоренным маршем всю ночь.

Забыв на время о невольниках, черный шейх схватил свой мушкет и в сопровождении сына и шурина кинулся вперед защищать своих жен. Он опоздал. Прежде чем Голах успел подойти к ним, женщины, невольники и вся добыча были уже во власти врагов. Грабители-арабы навели на него целую дюжину ружей.

Голах благоразумно покорился силе.

Пробормотав что-то, он сел и предложил победителям установить ему условия сдачи.

Видя, что караваном завладели теперь арабы, крумен крикнул своим товарищам, чтобы они развязали ему руки, после чего сейчас же побежал на помощь к белым невольникам.

— Голах больше не наш хозяин, — сказал он, развязывая руки Гарри.

В одну минуту веревки были развязаны, и мичманы, став свободными, принялись откапывать из земли Колина и несчастную негритянку. Билл, Гарри и крумен принялись за дело с таким рвением, что через несколько минут Колин и негритянка были уже освобождены. Радость матери, целовавшей своих детей, была так трогательна, что у крумена на глазах показались слезы.

Между тем, переговоры Голаха с арабами окончились не так, как он рассчитывал.

Арабы предлагали ему двух верблюдов и одну из его жен на выбор с условием, что он вернется на свою родину и даст клятвенное обещание никогда больше не возвращаться в пустыню.

Черный шейх с гневом отказался подчиниться этим условиям и объявил, что скорее умрет, чем поступится хоть чем-нибудь из того, что ему принадлежит.

Отказ был выражен так категорично и таким угрожающим тоном, что арабы сочли нужным обезоружить непокорного черного шейха и затем даже связать его.

Как только белые невольники увидели Голаха на земле, в ту же минуту они добровольно передались арабам.

В ту же ночь Голах и его сын с зятем бежали, захватив несколько верблюдов и убив четырех арабов из

одиннадцати. Утром было найдено также тело второй жены Голаха — с отрубленной головой.

Глава XIV

МЕСТЬ ГОЛАХА

К вечеру того же дня моряки своими глазами увидели, что солнце заходит за блестящий горизонт, который вовсе не походил на горизонт песчаной пустыни, по которой они уже так давно тащились.

Отдаленное появление любимой стихии больше всех обрадовало старого Билла.

— Это наша родина! — вскричал он. — Мы не будем зарыты в песке! Теперь я уже больше не хочу терять море из виду, хочу окончить жизнь свою под водой, как христиан!

Мичманы были так же счастливы, как Билл. Но море было еще слишком далеко, и они не могли подойти к нему в тот же вечер. Лагерь устроили в пяти милях от берега. Ночью трое арабов постоянно стояли на страже, и на следующее утро все пустились в путь — некоторые с надеждой, а другие, напротив, с боязнью, что Голах больше не покажется.

Арабы желали встретить его днем, надеясь отнять при этом похищенных животных, и так как они хорошо знали эту часть берега, то были почти уверены, что желание их исполнится. В двух днях пути находилось единственное место, где можно найти воду, и, если они дойдут туда раньше Голаха, им придется только дожидаться его там. Он наверняка должен будет прийти туда, чтобы не дать животным умереть от жажды.

В полдень они сделали короткую остановку недалеко от берега: старому шейху хотелось добраться до колодца как можно скорее. Мичманы воспользовались остановкой, чтобы выкупаться в море и кстати набрать раковин — и пополнить свой скудный рацион моллюсками.

Освеженные купанием и подкрепившись сытной пищей, белые невольники переносили трудности пути гораздо легче. Благодаря этому караван достиг колодца задолго до захода солнца.

Старый шейх и другой араб предусмотрительно сошли на землю, чтобы осмотреть следы, оставленные теми, кто побывал раньше на этом месте. Им пришлось силь-

но разочароваться: Голах уже побывал здесь, и — в этом не было никакого сомнения — прошло не больше двух часов со времени его отъезда, потому что следы казались совершенно свежими. По всей вероятности, черный шейх был недалеко и только выжидал удобный случай для ночного визита к своим врагам.

Страх арабов был велик. Они положительно не знали, как им быть и что предпринять. Мнения разделились. Одни советовали пробыть несколько дней у колодца, пока запас воды, взятый с собой врагами, истощится и тогда Голах будет вынужден прийти за новым. Мысль была недурная, но, к несчастью, запасы провизии не позволяли такой долгой остановки и решено было уйти немедленно.

В ту минуту, когда они снимались с лагеря, с юга прибыл караван купцов и старый шейх спросил их, не встречали ли они кого-нибудь дорогой. Купцы отвечали, что дорогой у них купили провизии три человека, и, судя по описанию наружности этих людей, это были именно те негры, о которых расспрашивал старый шейх.

Неужели арабы могли предполагать, что Голах откажется от мести? На это нечего было и рассчитывать.

Старый шейх объявил, что имущество погибших будет разделено между оставшимися в живых, затем караван тронулся в путь.

После небольшого перехода опять остановились отдыхать, и невольники получили позволение собирать раковины, но уже не для себя исключительно, а для всего каравана. Большинство арабов думало, что черный шейх ушел, наконец, в свою страну; удовольствовавшись местью. Они даже считали, что на будущее время не зачем будет ставить стражу на ночь.

Крумен не разделял этого мнения и сделал все, что мог, чтобы убедить своих новых хозяев, что им в эту ночь, точно так же, как и в предыдущие, грозит посещение Голаха.

Он всеми силами старался доказать им, что если Голах для удовлетворения жажды мщения убивал у них людей даже в то время, когда он был один и почти безоружный, то теперь, отлично вооруженный, истребив почти половину своих врагов, он, конечно, уже не оставит их в покое, тем более, что к нему присоединилось еще двое: сын и шури.

— Скажите арабам,— вмешался Гарри,— что если они

не хотят сторожить, тогда мы сами об этом позаботимся, с условием, что они дадут нам какое-нибудь оружие.

Крумен передал это предложение шейху, который только улыбнулся вместо ответа. Мысль доверить охрану дуара невольникам и особенно дать им оружие казалась ему очень забавной.

Гарри понял значение этой улыбки: это был отказ.

— Шейх — старый дурак, — сказал он переводчику. — Уверь его, что мы так же боимся попасть в руки Голаха, как и он. Дай ему понять, что мы желаем идти на север, где, надеемся, нас выкупят, и уже по этой причине будем сторожить лагерь с такой же тщательностью и верностью, как и сами арабы.

Эти доводы, казалось, поразили вождя. Убежденный аргументами крумена, что Голах может напасть на них в эту ночь, как и в предыдущие, он приказал, чтобы дуар и в эту ночь тщательно охраняла стража, к которой присоединятся и белые невольники.

— Вы пойдете на север и будете проданы вашим соотечественникам, — пообещал он, — если сдержите слово. Теперь нас немного, нам тяжело путешествовать весь день и сторожить еще ночью. Если вы действительно боитесь снова попасть во власть этого проклятого дикаря, если вы хотите помочь нам защищаться от его нападений — милости просим. Но если хоть один из вас вздумает нас обмануть, вам всем четверым тотчас же отрежут головы. Клянусь бородой пророка.

Итак, шейх согласился, наконец, назначить стражу, но он все еще слишком не доверял белым невольникам, чтобы позволить им сторожить вместе.

Он спросил у крумена, кто из белых больше всего пострадал от жестокого обращения Голаха. Крумен указал на Билла.

— Бисмиллях! — вскричал старый араб, когда узнал, что вытерпел моряк. — Я теперь не боюсь, что он нам изменит. Пусть он сторожит первым, и после всего, что ты мне сказал, я легко поверю, что его желание отомстить помешает ему закрыть глаза в течение целого месяца!

Один из часовых был поставлен на берегу в сотне шагов к северу от дуара. Ему было приказано проходить пространство около ста шагов. Другой был поставлен на таком же расстоянии к югу от лагеря, а Билл должен был прогуливаться между двумя араб-

скими часовыми. Каждый из них, встречая его в конце назначенного ему обхода, должен был произносить слово: «акка».

Что касается арабов, то предполагалось, что они достаточно опытные, чтобы отличить врага от друга, не имея надобности прибегать к паролю.

Шейх пошел в одну из палаток и затем вынес оттуда огромный пистолет, или, скорее, мушкетон. Он отдал его моряку, советуя ему через толмача стрелять только тогда, когда он будет уверен, что убьет Голаха или одного из его спутников.

Билл питал такой страх к своему бывшему тирану, что с радостью дал обещание, несмотря на свою усталость, ходить всю ночь и не терять из виду приюта.

Оба араба, которым было поручено сторожить вместе с Биллом, знали по опыту, что если на караван будет сделано нападение, то они первые подвергнутся наибольшей опасности, и одного этого достаточно было, чтобы заставить их неусыпно бодрствовать на своих постах.

Оба они ходили, как им было указано, и каждый раз, как Билл приближался к концу назначенной дистанции, он ясно слышал условный сигнал — «акка».

Один из арабов, тот самый, который стоял к югу от дуара, внимательно осматривал только окружающую его пустыню, предполагая, что лагерь вполне защищен со стороны моря.

Он ошибался. Враг приблизился к лагерю со стороны моря.

Голах решил повторить проделку мичманов. Он вошел в воду, выставив из нее только свою волосатую голову. Таким образом он наблюдал за малейшими движениями часовых, не будучи видим ими.

Если бы стоявший у берега более внимательно осматривал и морской берег, ему, вероятно, было бы легко открыть врага, но все его внимание было направлено в сторону бескрайнего песчаного океана.

Он уже в сотый раз начинал свой обход, когда Голах, воспользовавшись тем, что часовой шел, повернувшись спиной к берегу, подкрался к нему. Шум его шагов терялся в рокоте волн, разбивавшихся о валуны.

У Голаха была только одна сабля, но в его руках это было очень опасное оружие. Он близко подошел к часовому, поднял над ним свою могучую руку, и араб рухнул, издав вздох, которого никто не слышал.

Убийца взял ружье убитого и пошел в направлении движения часового. Он шел смело навстречу новому противнику, потому что предполагал, что шум его шагов будет приписан его жертве, но никого не встретил. Негр остановился, стараясь взглянуть в окружающий мрак, и, не видя ничего, прилег на землю, прислушиваясь.

Затем, приподнявшись, он заметил впереди какой-то темный предмет. Не зная, что бы это могло быть, он двинулся вперед ползком, пока не увидел человека, лежавшего на земле, который, по-видимому, также прислушивался, как и он сам. К чему? Конечно, не к приближающимся шагам товарища, которого ему не было надобности остерегаться. И Голах решил, что второй охранник спит.

А если это так, значит, случай ему благоприятствует, и с этой мыслью негр продолжал ползти к лежавшему человеку.

Хотя последний не делал ни малейшего движения, у Голах возникло сомнение в том, что он спит. Он сделал новую паузу, и тогда его пронзительные глаза устремились на видневшееся впереди тело с удвоенным вниманием. Если этот человек не спит, зачем позволяет он врагу подходить к себе так близко? Чем объяснить эту неподвижность? Почему не поднимает он тревоги? Голах подумал, что если ему удастся отделаться от этого стража, как и от того, без шума, то ему можно будет с двумя его товарищами, ждавшими результата его вылазки, проскользнуть затем в дуар и взять обратно все, что он потерял.

Негр подвинулся еще немного и увидел, что человек лежал на боку, повернув к нему лицо, наполовину закрытое согнутой рукой.

Шейх не заметил в руках этого человека ружья — следовательно, ничего опасного нет. Голах взял свою саблю в правую руку, рассчитывая убить эту вторую жертву, как и первую, одним ударом.

Стальной клинок сверкнул в темноте, и могучая рука шейха с силой сжала рукоятку оружия.

Билл! Старый моряк! Неужели ты изменил своему слову? Разве ты забыл свою обязанность? Берегись! Голах приближается, его рука занесена над тобой, и в мыслях он уже видит тебя мертвым.

Глава XV

СМЕРТЬ ГОЛАХА

Проходив два часа взад и вперед и не слыша ничего другого, кроме слова «акка», и ничего не видя, кроме серого песка, Билл начал чувствовать усталость и очень сожалел, что старый шейх почтил его своим доверием.

В продолжение первого часа своего караула он внимательно осматривал восточную сторону горизонта, свято исполняя взятые на себя обязанности часового, но затем, не видя нигде и следов неприятеля, он постепенно стал забывать о грозящей ему опасности и — что случилось с ним очень редко — начал вспоминать прошедшее и мечтать о будущем. Но скоро и это ему надоело, и, не зная, чем развлечься, он принялся осматривать врученное ему шейхом оружие.

«Вот знатный мушкетон, — подумал он. — Надеюсь, мне не придется пускать его в дело. Ствол такой тоненький, а пуля должна быть величиной с куриное яйцо. Вот раздастся грохот, если выстрелить... А что, как арабы забыли его зарядить... Как это не пришло мне в голову удостовериться с самого начала?»

Осмотревшись кругом, старый моряк заметил валяющуюся на земле небольшую палочку, поднял ее и измерил длину ствола снаружи, потом, опустив палочку в дуло пистолета, увидел, что снаружи ствол длиннее, чем внутри.

Значит, пистолет заряжен, но, судя по незначительности места, занятого зарядом, пули быть не должно. Затем старый матрос осмотрел затравку и нашел все в полном порядке.

— Понимаю, — пробормотал он, — старый шейх хочет, чтобы я только побольше на шумел, в случае если увижу что-нибудь подозрительное. Он не зарядил пистолета пулей из боязни, чтобы я не употребил оружия против них. Нельзя сказать, чтобы он мне особенно доверял! Они хотят, чтобы я только залаял в нужную минуту, не имея возможности укусить! Ну, это мне совсем не по нутру. Честное слово! Я отыщу себе хорошенький камешек и опущу его в дуло вместо пули!

Рассуждая таким образом, Билл стал искать по берегу камешек подходящей величины, но нигде не мог найти ничего подходящего: под руку попадался только мелкий песок.

Пока моряк разыскивал пулю для своего пистолета, ему показалось, что он слышит шаги человека, идущего совсем не с той стороны, откуда он должен был услышать обычное «акка».

Билл остановился и стал внимательно присматриваться, но впереди не было ничего подозрительного.

Со времени своих невольных странствований по пустыне Билл много раз замечал, что арабы ложатся на землю, когда хотят прислушаться. Он употребил тот же способ.

Опустившись на землю, Билл сделал еще одно открытие: в этой позе он мог видеть на гораздо большее расстояние, чем стоя. Земля казалась ему больше освещенной, чем в то время, когда он смотрел на нее с высоты четырех или пяти футов, и отдаленные предметы яснее выделялись на горизонте.

Вдруг он услышал шум шагов, как будто кто-то шел со стороны побережья, но убежденный, что это были шаги часового, моряк не обратил на это особого внимания. Он лежал, прислушиваясь, не повторится ли шум шагов, который, как ему показалось, доносился с противоположной стороны.

Но больше ничего не было слышно, и моряк решил, что он ошибся.

Но вот странное обстоятельство. Часовой с левой стороны подошел к нему ближе обыкновенного и до сих пор еще не произнес условленного «акка».

Билл повернул голову и стал смотреть в эту сторону. Шум шагов прекратился, но зато моряк увидел на небольшом расстоянии от себя фигуру человека, который стоял выпрямившись и внимательно осматривался кругом.

Этот человек не мог быть часовым.

Араб был маленького роста и худощав, а стоявший перед Биллом был чуть ли не великаном.

Вместо того, чтобы, остановившись, произнести условленный пароль, незнакомец пригнулся, приложив ухо к земле, и стал слушать.

Старый матрос воспользовался этим временем, чтобы набить песком дуло своего пистолета.

Что ему теперь делать? Выстрелить, поднять тревогу и затем бежать в лагерь?

Нет! Может быть, это все напрасные страхи. Человек, который в эту минуту слушает, пригнувшись к земле, может быть, не кто иной, как араб-часовой, по

своей привычке проверяющий, все ли спокойно кругом.

Пока Билл раздумывал в нерешительности, Голах приближался к нему ползком. Он подполз шагов на десять к моряку и вдруг поднялся.

Тут Билл уже с уверенностью мог сказать, что перед ним не араб-часовой, а сам черный шейх!

Во всю свою жизнь не испытывал старый моряк такого страха, как в эту минуту. С испугу он хотел было уже разрядить свой пистолет и затем бежать к дуару, но подумал, что раньше, чем успеет подняться, шейх убьет его ударом сабли, и, весь дрожа от страха, остался лежать неподвижно.

Голах подошел еще ближе, и моряк решился, наконец, действовать.

Он навел свой пистолет на черного шейха, спустил курок и в ту же минуту вскочил на ноги.

Раздался громкий выстрел, за которым последовал ужасающий крик.

Билл не дождался результатов своего удачного выстрела: он стрелой летел к лагерю, где его встретили перепуганные арабы.

Поднялся страшный крик. Кричали все: мужчины, женщины и дети.

С той стороны, куда выстрелил Билл, слышно было, как кто-то кричал: «Мулей! Мулей!»

— Это голос Голаха! — сказал крумен по-арабски. — Он кличет своего сына, а того зовут Мулей.

— Они нападут на дуар! — сказал арабский шейх.

Слова шейха еще больше увеличили смятение арабов.

В то время, пока арабы в испуге метались по дуару, обе жены Голаха, забрав своих детей, убежали из лагеря. Никто этого даже не заметил.

Женщины услышали тревожный крик тирана-властелина, которого они боялись в дни его могущества и к которому теперь чувствовали жалость.

Арабы приготовились встретить страшного шейха, но время шло, а враг не показывался. Вслед за страшным шумом наступила тишина, и можно было подумать, что тревога, поднявшая на ноги весь дуар, была лишь беспричинной паникой.

Заря начинала уже заниматься на востоке, когда арабский шейх, оправившись от своего страха, решил осмотреть дуар и проверить число людей.

Два важных факта не позволяли думать, что тревога

была неосновательна: часовой, поставленный к югу от дуара для его охраны, исчез, исчезли также и обе жены Голаха.

Исчезновение женщин не требовало никаких особенных объяснений: они убежали, желая присоединиться к человеку, звавшему Мулея.

Но куда девался араб?

Неужели и он пал жертвой кровожадного Голаха?

Билл, считая свои обязанности часового оконченными, отправился спать. Шейх велел крумену разбудить его.

— Спроси его, — сказал шейх крумену, — зачем он стрелял.

— Зачем? Затем, чтобы убить черномазого Голаха и, если не ошибаюсь, я, кажется, хорошо исполнил свои обязанности часового.

Когда этот ответ был переведен шейху, на его устах показалась улыбка недоверия. Затем он велел спросить Билла, видел ли он черного шейха?

— Он спрашивает, видел ли я Голаха? Конечно! — отвечал моряк. — Он был всего в четырех шагах от меня, когда я выстрелил в него. Говорю вам, что он ушел и больше уже никогда не вернется.

Шейх покачал головой, и та же улыбка недоверия снова появилась на его губах.

Эти вопросы были прерваны известием, что нашли труп часового, который все тотчас же окружили.

Голова у трупа была почти совсем отрезана от его туловища. Нанесенный ему удар, очевидно, был делом рук черного шейха. Около трупа виднелись следы ног, которые могли оставить только громадные ступни Голаха.

Теперь было совершенно светло, и арабы, осматривая южную сторону берега, сделали еще другое открытие: они увидели в полумиле от себя двух верблюдов и лошадь. Оставив одного араба стеречь дуар, шейх в сопровождении всех остальных мужчин тотчас же отправился в ту сторону, в надежде захватить пропавших животных.

Дойдя до места, где виднелись верблюды, арабы нашли зятя Голаха, который караулил животных. Он лежал на песке, но при приближении арабов вдруг поднялся, протягивая им обе руки.

Он не был вооружен, и жест его означал: «Мир!»

Обе женщины, окруженные своими детьми, стояли возле него и, казалось, были очень огорчены. Они даже

не подняли глаз при приближении старого шейха.

Ружья и другое оружие валялись кругом на земле. Один из верблюдов был убит, и молодой негр пожирал кусок сырого мяса, вырезанный из горба животного.

Арабский шейх спросил негра про Голах. Негр в ответ на этот вопрос молча показал рукой на море, где два тела бились в волнах прибоя. По приказанию шейха трое мичманов отправились вытаскивать трупы.

В мертвых признали Голах и его сына Мулея. Лицо черного шейха, по-видимому, было сильно изуродовано, а глаза чем-то выбиты.

Снова принялись за зятя Голах и потребовали от него объяснения того, что здесь произошло.

— Я услышал, как вождь стал звать Мулея после выстрела, и поэтому решил, что он ранен. Мулей побежал сейчас же к нему на помощь, а я на это время остался стеречь животных... Я голоден! Мулей недолго проходил и скоро вернулся с отцом, который бесновался, как одержимый злым духом. Он бегал туда и сюда, размахивая своим мечом во все стороны, точно желая убить и нас обоих, и верблюдов. Он ничего не видел, и только поэтому нам удалось от него увернуться... Я голоден!

Молодой негр на этом окончил свой рассказ и, откусив кусок сырого мяса верблюда, стал пожирать его с быстротой, доказывавшей истину его слов.

— Поросенок, — вскричал шейх, — прежде расскажи все, а потом поешь!

— Хвала Аллаху! — сказал негр, продолжая свой рассказ. — Голах набежал на одного из верблюдов и убил его. После этого шейх успокоился. Злой дух покинул его, и он сел на песок. Тогда жены его подошли к нему. Он ласково с ними говорил и, положив руки на головы детей, называл их по имени. Дети, подняв на него глаза, вдруг закричали, но Голах сказал им, чтобы они не пугались, что он вымоет лицо и тогда уже не будет таким страшным. Один из самых маленьких мальчиков повел его к морю, и он вошел в воду чуть не по самую шею. Он шел туда умирать. Мулей побежал остановить его и спасти, но течение увлекло их, и они оба утонули. Я не мог им помочь — я был голоден!

Донельзя истощенные лицо и тело негра подтверждали истину его рассказа. Он шел день и ночь в течение почти целой недели и теперь изнемогал от голода и усталости.

Невольники по приказанию шейха похоронили трупы. Избавившись, наконец, навсегда от ужасного врага, арабский шейх решил дать себе отдых на целый день к великой радости невольников, которые разделили мясо верблюда.

Оставалось только разъяснить еще одну тайну по поводу смерти Голаха. Снова потребовали крумена, который, впрочем, должен был служить только переводчиком. Когда шейх узнал, каким образом Билл сделал из своего пистолета смертоносное оружие, зарядив его песком, он выразил большое удовольствие моряку за такое добросовестное исполнение своего долга.

В награду за оказанную им услугу он обещал, что не только сам Билл, но и все остальные его товарищи будут отведены в Могадор и возвращены их друзьям.

Глава XVI

БЕРЕГОВЫЕ ГРАБИТЕЛИ

Еще два дня утомительного пути показались невольникам целым веком страданий: голод, жажда, утомление и удушающая жара довели их до такого состояния, что они сами начинали просить смерти. Но все это было забыто, когда, наконец, подошли к источнику. Моряки с первого же взгляда узнали место, где они попали в руки Голаха.

— Храни нас Бог! — проговорил Гарри Блаунт, — мы здесь уже были. Я боюсь, что мы не найдем здесь воды: мы оставили здесь ровно столько, чтобы наполнить два ведра, а так как дождя с тех пор не было, то источник должен высохнуть.

Отчаяние изобразилось на лицах его товарищей, но беспокойство их было непродолжительно, и они могли вволю утолить свою жажду, потому что воды нашли в изобилии: довольно сильная гроза прогремела несколько дней тому назад над этой маленькой долиной.

На следующее утро караван снова тронулся в путь.

Арабы не питали никакой злобы против молодого человека, помогавшего Голаху убивать их товарищей.

Теперь негр состоял в числе невольников и, насколько можно было судить по его внешности, вполне примирился со своей участью — он только сменил хозяина.

Еще целых восемь дней шел караван по направлению к северо-востоку.

Вечером на восьмой день караван подошел к ложу недавно высохшего потока. Хотя ручей и высох, но в нем еще оставались кое-где лужи стоячей воды. Около одной из этих луж и раскинули палатки.

К северу на холме росло несколько деревьев. Туда и отвели верблюдов. Листья, и даже тонкие стволы были тотчас же съедены голодными животными.

Палатки раскинули в сумерках, и в эту минуту все увидели двух людей, шедших к лагерю. Они вели верблюда и несли меха из козьей кожи, без сомнения, с целью набрать воды. Они, по-видимому, были удивлены и раздосадованы, встретив около лужи чужестранцев.

Видя, что они не могут убежать незамеченными, вновь прибывшие смело пошли вперед и стали наполнять свои мехи.

Тем временем они сказали старому шейху, что составляют часть каравана, расположившегося недалеко отсюда, что они идут на юг и завтра утром отправятся дальше.

После их ухода арабы стали совещаться.

— Они нам сказали ложь,— проговорил старый шейх.— Они не путешествуют, иначе они сделали бы привал здесь, около воды. Клянусь бородой пророка, они солгали!

Все были того же мнения и решили, что оба этих человека принадлежат к каравану, расположившемуся возле берега и занимавшемуся собиранием добычи с какого-нибудь разбитого корабля.

Это был случай, который не следовало упускать. Арабы решились получить свою долю из находки, выпавшей на долю их соседей.

Рано утром на следующий день караван уже шел к морскому берегу, отстоявшему очень недалеко. Дуар из семи палаток виднелся почти на самом берегу. Несколько человек вышли вперед встретить прибывших.

Произошел обмен обычными приветствиями, и ново-прибывшие стали осматриваться вокруг. Несколько куч деревянных обломков, разбросанных на берегу, доказывали, что арабы не ошибались, предполагая, что здесь недавно произошло кораблекрушение.

— Бог един и равно добр ко всем,— сказал старый шейх.— Он выбрасывает корабли неверных на наши берега, и мы пришли требовать нашу долю от Его щедрот.

— Мы охотно готовы уступить вам все, что вы имеете

право от нас требовать,— отвечал человек высокого роста, по-видимому, начальник.— Магомет — пророк Того, кто посылает нам добро и зло. Осмотрите берег и постарайтесь найти что-нибудь.

На основании такого любезного приглашения верблюды были развьючены и арабы разбили палатки.

После этого новоприбывшие немедленно принялись за поиски остатков от кораблекрушения.

Но, к их удивлению, вся добыча ограничивалась несколькими обломками мачт и досок, не имевших для арабов никакой цены.

Сиди-Ахмет — так звали начальника — сказал, что они работают уже целых четырнадцать дней, вытаскивая груз, а между тем работа их еще и наполовину не кончена, так как вытаскивать грузы из корабля очень трудно. Старый шейх спросил, в чем состоит этот груз, но не получил ответа.

Тут была какая-то тайна. Семнадцать человек работали четырнадцать дней над разгрузкой разбившегося корабля, а нигде не видно и следов собранного товара!

Новоприбывшие решили ждать и во что бы то ни стало узнать правду, а затем потребовать своей доли, если окажется, что найденный груз этого стоит.

Оказалось, что арабы таскают на берег огромные камни-песчаники в несколько пудов весом каждый.

Удивление, выразившееся на лицах Билла и его товарищей, укрепило грабителей в убеждении, что они открыли нечто очень ценное. Это открытие только еще больше увеличило рвение арабов, и они работали на славу.

Крумен попытался было объяснить своему хозяину, что эти камни, которым все придают, по-видимому, такую ценность, не что иное, как простой балласт.

Слова крумена были встречены улыбкой недоверия. Остальные арабы также не верили этому.

Люди Сиди-Ахмета решили, что крумен или лжец, или безумец, и продолжали свою работу с тем же усердием.

Старый шейх, услышав, что крумен настаивает на своем, покачал головой.

— Не могут же люди быть такими безумцами,— рассуждал шейх,— чтобы предпринять длинное морское путешествие только для того, чтобы перевозить ничего не стоящие камни.

А так как на корабле нет ничего похожего на груз, то камни должны быть ценные.

Пока крумен старался объяснить шейху, зачем иногда нагружают корабли камнями, подошел один из грабителей и сказал, что один белый больной лежит в одной из палаток и желает поговорить с неверными невольниками, о прибытии которых он только что узнал.

Крумен сообщил эту новость морякам, и они поспешно направились к больному в надежде увидеть, может быть, даже соотечественника, который, как и они, имел несчастье быть выброшенным на негостеприимный берег Сахары.

Войдя в указанную им палатку, моряки нашли там лежавшего на земле человека лет около сорока. Он страшно исхудал — кожа да кости — но вовсе не казался больным и во всяком другом месте, кроме Африки, он никогда бы не мог считаться белым.

— Вы — первые англичане, которых я вижу за целые тридцать лет, — сказал он им, — а я уверен, судя по вашим чертам, что вы именно из Англии. Вы — мои соотечественники. Я также был прежде белым, но и вы станете такими же черными, каким сделался я, если, как меня, вас будет сжигать африканское солнце в течение целых сорока трех лет.

— Как! — вскричал Теренс. — Неужели вы так долго невольником в Сахаре? В таком случае, да хранит нас Господь! Какую же можем мы питать надежду хоть когда-нибудь вырваться на свободу?

Голос молодого ирландца звучал отчаянием.

— Вероятнее всего, что вы никогда не увидите вашей родины, милый мальчик, — продолжал больной. — Однако же теперь у меня есть некоторая надежда вырваться из неволи, а также выручить и вас, если только вы сами не испортите всего дела. Все зависит от вас и ваших товарищей. Ради самого неба не говорите арабам, что они безумствуют, собирая, словно какое-нибудь сокровище, балласт с погибшего корабля. Если вы это сделаете — я погиб, потому что я уверил их, что эти камни имеют большую ценность. Сделал я это для того, чтобы заставить их отвезти камни в какое-нибудь такое место, откуда я мог бы бежать. Это единственный случай, представляющийся мне за эти годы. Не лишайте же меня этой надежды, если только у вас есть хоть капля жалости к соотечественнику!

Невольник рассказал затем, как он странствовал по пустыне более сорока раз с пятьюдесятью различными хозяевами.

— Неужели вы действительно надеетесь,— спросил Гарри Блаунт,— что они повезут балласт так далеко, как вы советуете, не справившись о его действительной ценности?

— Да, я уверен, что они перевезут его в Могадор, и на этом-то я основываю свою надежду.

Пока мнимый больной говорил таким образом, Билл смотрел на него с необычайным интересом.

— Извините, если я перебую вас и скажу вам, что считаю вас гораздо моложе, чем вы думаете, дорогой товарищ,— сказал Билл,— и я никогда не поверю, что вы в самом деле уже сорок лет разгуливаете по пустыне; наверное, не так давно!

Оба разговаривавшие, посмотрев друг на друга некоторое время, кинулись затем с распростертыми объяснениями.

— Билл!

— Джим!

Старые друзья нашли, наконец, друг друга.

Эта сцена не требовала объяснения. Оставив старых друзей, мичманы вернулись к крумену. Последнему, наконец, удалось доказать старому шейху, зачем именно нагружают таким камнем корабли. Но Сиди-Ахмет и его товарищи все еще не хотели этому верить.

Они передали другу Билла мнение, выраженное новоприбывшими относительно стоимости их добычи.

— Само собой разумеется,— отвечал на это Джим,— что они во что бы то ни стало будут уверять вас, что груз не имеет цены. Они очень были бы рады, если бы вы его оставили для того, чтобы им завладеть. Разве здравый смысл не доказывает, что это обманщики?

— Который из вас меня выдал? — спросил Джим у мичманов, когда они остались одни.

Ему объяснили, что так как крумен не был предупрежден, то ошибка его невольная.

— Я должен с ним поговорить,— сказал Джим.— Если только эти арабы откроют, что я их обманул, они в ту же минуту меня убьют и, кроме того, ваш хозяин, старый шейх, наверное, лишится своей собственности.

Крумена и шейха привели к нему в палатку.

— Не рузуйтеяйте моих хозяев,— сказал Джим старику,— и они будут так заняты, что отпустят вас уйти спокойно. Иначе, если они узнают правду, они отберут у вас все, что вы имеете. Вы уже достаточно наговорили

им, чтобы возбудить подозрение. Они ежеминутно могут убедиться, что я их обманул. Жизни моей грозит большая опасность, если я останусь у них. Купите меня и уйдемте вместе как можно скорее.

— Вы больны,— сказал шейх,— и, если я вас куплю, вам нельзя будет идти.

— Позвольте мне сесть на верблюда, пока я буду на глазах у моих хозяев,— торопливо проговорил невольник,— а потом вы увидите, могу ли я ходить. Они очень дешево меня продадут, потому что считают меня больным, а я не болен.

Старый шейх казался расположенным сдаться на этот совет и приказал делать приготовления к отъезду.

Сиди-Ахмет охотно променял Джима на старую рубашку и палатку из верблюжьей шерсти.

Шейх и его товарищи, купив Джима, немедленно тронулись в путь, оставив Сиди-Ахмета со всей шайкой продолжать их бесцельную работу.

Глава XVII АРАБСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Караван направился по большой дороге, проложенной в плодородной стране, по обеим сторонам которой тянулись сотни акров, засеянных ячменем.

В этот вечер по какой-то неизвестной причине арабы не делали остановки на ночлег в обычное время. Белые невольники прошли уже через несколько деревень, но арабы не останавливались даже и там, чтобы возобновить сильно истощившиеся запасы воды и съестных продуктов.

Несмотря на жалобы бедных невольников на голод и жажду, в ответ они слышали только приказание идти скорее. Удары подгоняли непокорных и подбадривали изнемогавших от усталости.

К полуночи, когда последние силы стали уже покидать невольников, караван подошел к деревне, окруженной стенами. Арабы остановились, шейх прокричал что-то и ворота раскрылись перед путниками. Старый шейх объявил невольникам, что здесь они напьются досыта. К этому шейх прибавил, что в деревне караван простоят дня два или три.

В деревню они вошли ночью и поэтому, естественно,

не могли рассмотреть, куда занесла их судьба. На другой день утром оказалось, что караван стоит в центре квадрата, застроенного двумя десятками домов, окруженных высокой стеной. Здесь же на площади и между домов бродили стада овец и баранов, а также довольно большое количество лошадей, верблюдов и ослов.

Джим объяснил своим спутникам, что арабы Сахары имеют постоянные жилища, где они живут большую часть года в таких же деревнях, окруженных стенами.

Стены строят на случай нечаянного нападения, и для того, чтобы использовать их как изгородь большого скотного двора.

Из этого объяснения белые невольники заключили, что арабы приехали домой, потому что навстречу прибывшим вышли женщины и дети. Теперь стало ясно, почему арабы так быстро подвигались вперед весь предыдущий день.

— Я боюсь, что мы попали в такие руки, из которых нам не скоро удастся освободиться,— сказал Джим.— Если бы эти арабы были купцами, они отвели бы нас на север для продажи. А теперь мне почему-то кажется, что это — фермеры, земледельцы, занимающиеся грабежом только по необходимости. В ожидании, пока созреет ячмень, они совершили экспедицию по пустыне в надежде добыть нескольких невольников, которые помогли бы им во время жатвы.

Джим в этом случае не ошибался. Когда он и его спутники спросили у старого шейха, когда он рассчитывал отвести своих невольников в Свеору*, араб отвечал:

— Наш ячмень теперь поспел, и мы не можем оставить его неубранным. Вы нам поможете во время жатвы, и это даст нам возможность отвести вас поскорей в Свеору.

— Вы в самом деле хотите отвести ваших невольников в Могадор? — спросил крумен.

— Конечно,— отвечал шейх.— Разве мы не обещали им этого? Но мы не можем бросить так наши поля. Бисмиллях! Наш ячмень пропадет.

— Этого именно я и боялся,— сказал Джим, выслушав крумена.— Они не имеют никакого намерения вести нас в Могадор. Подобное обещание двадцать раз давали мне различные хозяева.

* Свеора — арабское название Могадора.

— Что же нам делать? — спросил Теренс.

— Вы спрашиваете, что делать? А ничего,— отвечал Джим.— Мы никоим образом не должны помогать им. Если мы окажемся им полезными, они не выпустят нас. Я давно был бы свободен, если бы не старался заслужить благосклонность моих хозяев, работая на них. Это была с моей стороны большая ошибка. Мы не должны ни в чем помогать им.

— Но они заставят нас работать силой,— заметил Колин.

— Нет, не заставят, если мы будем твердо стоять на своем. По-моему, уж гораздо лучше быть убитым сразу, чем подчиняться арабам. Если мы станем работать во время жатвы, они заставят нас делать потом что-нибудь другое и лучшие дни вашей жизни пройдут в рабстве, как прошла и моя жизнь. Каждый из нас должен сделаться невыносимым, должен все портить своему хозяину, и тогда они нас непременно продадут какому-нибудь купцу из Могадора, который наживет хорошие денежки, получив за нас выкуп. Это, по-моему, единственный исход. Арабы не уверены, что получают деньги за нас в Могадоре, и благодаря этому они, конечно, не рискнут на такое далекое путешествие. К тому же они разбойники и уже по одному этому никогда не осмелятся войти в город. Мы должны во что бы то ни стало заставить их продать нас какому-нибудь купцу.

Все белые невольники дали клятву следовать советам Джима, хотя были заранее уверены, что их ждут жестокие страдания за отказ подчиняться требованиям арабов.

Началась борьба. Невольники отказывались работать, арабы стали их морить голодом и жаждой. Так продолжалось два дня. Наконец, арабы, испугавшись, что все невольники перемрут и они останутся в убытке, принесли воду и похлебку. Все это время невольники были заперты в каком-то хлеву.

Действие пищи на этих голодных людей было почти чудесным. Они сразу ожили и стали благодарить Джима за мужество и настойчивость.

— Все идет как по маслу! — вскричал старый моряк.— Мы победили! Нам не придется работать в поле, нам будут давать пищу, откармливать нас и продадут, а может быть, и отведут в Могадор. Возблагодарим Бога, давшего нам силу выждать время!

Так прошло еще два дня, в течение которых белым

невольникам давали хорошие порции похлебки, а за водой им было позволено делать несколько шагов до колодца.

На пятый день вечером белых невольников в хлеву посетили трое арабов, которых они еще не видели. Гости были очень хорошо одеты, прекрасно вооружены.

Джим немедленно вступил с ними в разговоры. Он узнал, что это были купцы, путешествовавшие с караваном и попросившие приюта в деревне на ночь.

— Вы и есть те люди, которых мы желали встретить,— выпалил Джим.— Мы хотели бы быть купленными купцами, которые отвели бы нас в Могадор, где наши друзья внесут за нас выкуп.

— Один раз я купил двух невольников,— сказал один из арабов,— и с большими издержками отвел их в Могадор. Они мне сказали, что их консул купит их, но уже слишком поздно я узнал, что в городе у них не было консула. Мне пришлось вести их обратно, и я потерял деньги, потраченные на путешествие.

— Это были англичане? — спросил Джим.

— Нет, испанцы.

— Я так и думал. Англичане наверняка выкупили бы.

— Это еще неизвестно,— сказал купец.— Английский консул не всегда бывает в Могадоре и, кто знает, согласится ли он еще внести выкуп за своих соотечественников.

— Как бы там ни было, для нас не имеет никакого значения,— сказал Джим.— У одного из молодых людей, находящихся здесь, есть дядя, богатый купец, живущий в Могадоре, и он заплатит выкуп не только за него, но и за всех его друзей. Трое молодых людей — офицеры английского флота. Отцы их богаты, они все великие шейхи в своей стране, и они служили, чтобы сделаться капитанами, когда их судно потерпело кораблекрушение. Дядя одного из них выкупит нас всех.

— У кого из них богатый дядя? — спросил один из арабов.

Джим указал на Гарри Блаунта.

— Вот у него,— проговорил он.— У его дяди много кораблей, которые приходят ежегодно в Свеору с богатым грузом.

— Но черный человек не англичанин? — спросил еще араб.

— Нет, но он говорит по-английски. Он плавал на английских судах и будет куплен вместе с нами.

Затем арабы оставили моряков и пообещали вернуться на другой день утром.

После их ухода Джим передал своим товарищам весь разговор с арабами. У каждого из них в душе промелькнул проблеск надежды.

Арабы сдержали слово и на другой день утром пришли. Все невольники встали и позволили себя подробно осмотреть.

Убедившись, что все невольники могут вынести путешествие, один из арабов сказал Джиму:

— Мы купим вас, если вы докажете нам, что не обманываете нас, и если вы примете наши условия. Скажите племяннику английского купца, что мы требуем за каждого из вас выкуп в полтора ста испанских долларов.

Джим сообщил об этом Гарри, который немедленно согласился на требуемую сумму. При этом Джим сделал оговорку, что за крумена «дядя» едва согласится дать больше ста долларов.

Несколько минут арабы тихо говорили между собой, и затем один из них сказал:

— Хорошо. Мы согласны на сто долларов за негра, а теперь приготовьтесь к отъезду. Завтра утром на рассвете мы отправимся в путь.

Затем арабы ушли от невольников. После их ухода глубокая радость овладела последними: надежда на освобождение снова улыбнулась им.

Джим передал свой разговор с предполагаемыми новыми хозяевами.

— Я хорошо знаю характер арабов,— сказал он,— и нарочно не хотел принимать всех их условий, не поторговавшись немного. Иначе они подумали бы, что мы обманываем их. К тому же, ввиду того, что крумен не английский подданный, для получения выкупа за него могут встретиться большие затруднения и поэтому следовало во всяком случае условиться о возможно меньшей цене.

Вечером им принесли добавочную порцию пищи. По ее изобилию они заключили, что она была приготовлена на счет их новых хозяев, что предвещало хорошее будущее.

Они легли спать и, наверное, в первый раз со времени кораблекрушения провели превосходную ночь.

Глава XVIII

НОВЫЕ МУЧЕНИЯ

На следующий день утром арабы привели трех ослов, на которых во время путешествия по очереди могли садиться белые невольники. В качестве племянника богатого купца Гарри Блаунт пользовался наибольшей благосклонностью своих новых хозяев: в его личное распоряжение дали особого верблюда.

Гарри всеми силами старался отклонить такое ничем не заслуженное преимущество. Арабы не обратили внимания на его возражения, а несколько слов Джима заставили его скоро умолкнуть.

— Они рассчитывают, что вместе с вами выкупит и нас ваш богатый родственник. Вы ни в коем случае не должны поэтому отказываться от верблюда, иначе это может возбудить в них известные подозрения и тогда пропало все наше дело. Кроме того, разве вы забыли, что в случае неудачи на вас ляжет вся ответственность и вы должны будете жизнью заплатить за обман, если на наше несчастье в Могадоре никто не согласится внести за нас выкуп. Принимайте же смело теперь награду за тот риск, которым грозит вам это путешествие. Ведь они обещали отрубить вам голову, если то, что мы им наговорили, окажется обманом.

Гарри не пришлось больше уговаривать — он с удовольствием оседлал верблюда.

Сделав около двенадцати миль, арабские купцы подошли к водоему, вокруг которого они и решили расположиться лагерем на ночлег. Ночь прошла спокойно, и рано утром маленький караван отправился в путь.

К вечеру подошли к колодцу, вокруг которого уже стоял лагерь пришедший еще раньше большой арабский караван. Хозяева моряков решили устроиться рядом. Невольники быстро поставили палатки, а женщины принялись за приготовление пищи. Предоставленные самим себе моряки с любопытством наблюдали нравы и жизнь большого каравана. У одной из палаток они в первый раз увидели приготовление масла арабским способом. Козий мех, наполненный смешанным ослиным, верблюжьим, овечьим и козьим молоком, был подвешен при входе в палатку. Две женщины мерно раскачивали этот кожаный мешок. Раскачивали до тех пор, пока масло не сбивалось. Затем женщины вытаскивали его своими черными пальцами.

По словам Билла, арабы с гордостью говорят, что именно им первым принадлежит открытие способа делать масло.

— Заслуга, надо сказать правду, не из особенно важных,— заметил Колин.— Необходимость наливать молоко в козьи меха и раскачивание их во время переезда на спине верблюдов должны были сами по себе внушить им мысль о возможности получить масло именно таким способом.

На этой стоянке невольникам раздали несколько ячменных лепешек и немного масла. Оно показалось им восхитительным, несмотря на не совсем опрятный способ приготовления.

После еды три купца и несколько арабов из большого каравана уселись в кружок. Они закурили большую трубку, и каждый, сильно затянувшись, передавал ее своему соседу. Пропустив трубку пару раз по кругу, арабы оживились.

Они стали громко говорить между собой, причем часто упоминать Свеору, то есть Могадор.

— Разговор, видимо, идет о нас,— заметил Джим.— Нужно узнать, о чем именно они толкуют. Боюсь, как бы не случилось чего.

— Да, узнать надо,— согласился Билл.

— Крумен,— обратился он к африканцу,— они не знают, что ты говоришь на их языке. Ложись поближе к ним и притворись спящим, и не пропускай ни одного слова.

Крумен согласно кивнул и, сделав вид, что ищет, где бы поудобнее улечься на ночь, подошел к арабам и растянулся вблизи кружка.

— Меня так часто обманывала надежда получить свободу,— сказал Джим, не отрывая глаз от крумена,— что я каждую минуту боюсь, что какое-нибудь непредвиденное обстоятельство расстроит все дело. Эти люди говорят о Могадоре, и мне не нравятся их взгляды. Смотрите-ка! — он кивнул в сторону сидевших кружком арабов.— Что это они хотят делать? Мне кажется, что эти арабы делают предложение нашим хозяевам на наш счет. Да ниспошлет на них проклятье их пророк, если это так!

Разговор арабов затянулся до позднего вечера. Белые невольники с понятным нетерпением ожидали возвращения крумена.

Наконец, он пришел и все окружили его.

— Я все понял, отлично понял, но, к сожалению, не узнал ничего хорошего, — сказал крумен.

— В чем дело? — спросил Джим.

— Двух из вас продадут завтра утром!

— А кого именно? — поинтересовался Гарри.

— Не знаю.

Затем крумен сообщил, что, как ему удалось выяснить, один из вновь прибывших арабов был богатый скотовод, и совсем недавно он вернулся из Свеоры. Этот скотовод уверял купцов, что они не получают ожидаемого большого выкупа за своих невольников в этом городе и даже не покроют издержек, которые они понесут во время такого далекого путешествия. Затем он еще прибавил, что никогда христианский консул или иностранный купец в Могадоре не согласится уплатить большого выкупа, а если и уплатит, то только за двоих или троих невольников, а отнюдь не за шестерых. Кроме того, консулы в этих случаях уплачивают только расходы по путешествию и платят одинаково как за знатного человека, так и за последнего бедняка.

После долгих переговоров купцы решились продать скотоводу двух своих невольников. Последний должен был выбрать, кого именно он желает купить завтра утром.

— Я так и чувствовал, что они что-то затевают, — сокрушался Джим, — но мы не должны соглашаться добровольно на разлуку, хотя бы за это нам грозила смерть или вечное рабство. Надо будет постараться, чтобы наши хозяева отвезли нас всех в Могадор, конечно, за это нам придется вытерпеть немало мучений, но будем тверды и тогда все перенесем. Помните, сила воли уже спасла нас однажды.

Все обещали повиноваться Джиму и спустя несколько минут заснули глубоким сном, растянувшись один возле другого.

На другой день во время завтрака к палатке подошел скотовод, о котором рассказывал крумен.

— Кто из них говорит по-арабски? — спросил он у купцов, кивнув на белых невольников.

Купцы указали на Джима, и араб немедленно выбрал его в число двух невольников, назначенных в продажу.

— Скажи им, чтобы они купили вместе с тобой и меня, — проговорил Билл. — Мы должны плыть вместе,

хотя мне очень жаль расставаться с молодыми джентльменами.

— Мы сделаем все возможное, чтобы воспротивиться этому, — отвечал Джим, — только нам придется много выстрадать. Покажем себя настоящими мужчинами — это наше единственное спасение.

Затем скотовод, уже не спрашивая ничего у купцов, выбрал Теренса. Сделав выбор, он начал переговоры с купцами. Торг достиг своего высшего накала, когда с ними заговорил Джим.

Он стал их уверять, что он и его спутники решили лучше умереть, чем расстаться, что ни один из них не согласится ни на какую работу; пока они будут в неволе: все они хотят идти в Свеору.

Арабы только улыбались, слушая Джима, и продолжали толковать о цене.

Джим попробовал тогда сыграть на их жадности и сказал купцу, что дядя даст гораздо большую цену, чем скотовод.

Но все было напрасно: его и Теренса отвели в сторону.

Оставшимся четверым невольникам купцы приказали следовать за собой. Гарри Блаунт, Колин, Билл и крумен в ответ на это спокойно уселись на песке.

Арабы во второй раз повторили то же самое приказание, но на этот раз угрожающим тоном.

— Повинуйтесь, — крикнул Джим. — Мы скоро последуем за вами. Они не удержат нас здесь!

Колин и Билл сели на ослов, а Гарри вскарабкался на верблюда. Арабские купцы казались удовлетворенными поведением своих невольников.

Джим и Теренс, словно ничего не произошло, решили последовать их примеру. Но их новые хозяева были готовы к этому и по их приказу несколько арабов бросились на невольников и крепко их связали.

Гарри, Колин и Билл повернули поводья, соскочили с животных и снова уселись на землю, выражая своим видом твердое намерение остаться со своими спутниками.

Арабы понимали, что оставался только один выход из этого затруднительного положения: разлучить невольников силой — четверых, принадлежащих купцам, увезти с собой, а двух остальных оставить тем, кто согласился их купить.

И арабы решили действовать. Гарри схватили и силой

посадили на спину верблюда, крепко привязав веревками ноги.

Точно так же поступили с Колином, Биллом и круменом. Их силой посадили на ослы и связали им ноги, пропустив веревки под брюхом животных.

Затем купцы за небольшую сумму заручились помощью нескольких арабов, чтобы они присматривали за невольниками в течение первых двух дней, пока доставят их до марокканской границы.

При отъезде один из купцов сказал Джиму:

— Передай племяннику богатого английского купца, что мы отправляемся в Свеору в уверенности, что он нам говорил правду, и поэтому мы теперь уводим его туда силой, а если только он каким-нибудь образом обманул нас, ему за это придется поплатиться жизнью.

— Он не обманул вас, — сказал Джим. — Отведите его и вы непременно получите богатый выкуп.

— Так почему же не идут они добровольно?

— Потому что не хотят расставаться с нами.

— Неблагодарные собаки! — крикнул купец. — Они должны благодарить судьбу, которая так счастливо свела их с нами. Может быть, они считают нас жалкими рабами и хотят заставить нас подчиняться их воле?

Джим ничего не ответил купцу. И скоро купцы вывели на дорогу свой караван, и минуту спустя Гарри Блаунт, Колин и Билл расстались со своими товарищами, не имея надежды когда-нибудь увидеть их снова.

Глава XIX

ХАДЖИ

Целый час Гарри, Колин и Билл ехали привязанные.

Этот способ передвижения оказался таким неприятным, что они были вынуждены попросить крумена сказать арабам, что они беспрекословно последуют за ними, если их развяжут. До этого времени африканец никогда не говорил с арабами.

Узнав, что крумен говорит по-арабски и до сих пор скрывал это, арабы страшно разозлились и жестоко избили его, наградив предварительно целым градом ругательств. Затем они развязали невольников и пустили их во главе каравана. Двое людей, нанятые для присмотра за невольниками, следовали за ними по пятам.

Поздно ночью путешественники подошли к высокой стене, окружавшей небольшой городок.

Пропустив вперед невольников, арабские купцы вошли последними и, сделав нужные распоряжения о помещении невольников на ночь и приказав дать им поесть, сами отправились к шейху, который передал приглашение отдохнуть после утомительного перехода.

Невольникам подан был ужин, состоявший из одних только ячменных лепешек и молока. Затем их отвели в большой хлев, где они провели остаток ночи, все время сражаясь с насекомыми.

Никогда еще ни одному из них не приходилось проводить ночь в помещении, где была бы такая масса насекомых, обладавших, к тому же, самым ненасытным аппетитом.

Кончилось, однако, это тем, что они все-таки заснули, устав телом и душой, и, на другой день проснулись уже тогда, когда им принесли завтрак.

Солнце в это время уже высоко стояло на небе. Невольники недоумевали, почему до сих пор не делалось никаких приготовлений к отъезду. Им начинало казаться, что их ожидает какая-нибудь новая неудача. Часы шли за часами, а арабы и не думали показываться.

Волнуясь, они обсуждали, что могло бы это значить. Ничем не объяснимая медлительность была тем более странна, что купцы обещали им как можно скорее отвести их в Могадор. Эта новая отсрочка сулила впереди новые препятствия, и они начинали бояться, что их заветным мечтам грозит какая-то страшная опасность.

Только уже к вечеру арабы дали им возможность разрешить загадку.

Они сказали крумену, что Гарри обманул их. Шейх, гостеприимством которого они пользовались, отлично знал Свеору и всех живущих в ней иностранцев и клятвоу уверял, что у Гарри там не было и не могло быть никакого дяди.

— Мы вас не убьем, — сказал один из арабов Гарри, — потому что решили не делать ради этого такого далекого путешествия. И, кроме того, мы не хотим сами себе причинять убыток. Вместо этого мы отведем вас опять в пустыню и там продадим кому придется.

Затем купцы сообщили, что узнали о ситуации с невольниками, приведенными из пустыни в Марокко. Оказавшись в Марокко невольники могли отдать себя под

покровительство местного правительства, что нередко и случалось. Тогда их отпускали на волю, не заплатив выкупа, и арабы, которые брали на себя труд приводить невольников, должны были возвращаться назад, не получив даже благодарности за свои труды.

Один из купцов по имени Бо-Музем, по-видимому, больше остальных своих товарищей был расположен благосклонно выслушать объяснения Гарри. Но ему помешали другие арабы. Благодаря этому все уверения молодого англичанина о богатстве своих родственников, о своей ценности и ценности своих товарищей как флотских офицеров не имели никакого успеха.

Наконец арабы удалились, оставив Гарри и Колина в глубоком отчаянии. Билл и крумен тоже потеряли всякую надежду на успех и теперь сидели убитые горем. Перспектива вернуться в пустыню отняла у них способность мыслить и чувствовать. Старый моряк, всегда энергично выражавший свои чувства, точно лишился дара слова и не произносил обычных для него в такие минуты проклятий.

Вечером на другой день после прибытия каравана в деревню двое путешественников довольно поздно постучались в ворота, прося гостеприимства на ночь. И как только один из них произнес свое имя, его тотчас приняли с большим почетом.

Купцы далеко за полночь просидели вместе с новоприбывшими в палатке местного шейха. Но это, впрочем, им не помешало подняться на другой день на рассвете, чтобы заняться приготовлениями к отъезду.

Всем невольникам дали позавтракать, приказав торопиться, чтобы помочь навьючить верблюдов.

Мичманы теперь окончательно узнали, что возвращаются в Сахару, где будут проданы первому встречному.

— Как же нам теперь быть? — спросил Колин у своих спутников. — Что, по-вашему, лучше: смерть или рабство?

Никто не отвечал. Глубокое отчаяние овладело всеми.

Купцам пришлось самим делать все приготовления к отъезду и вьючить верблюдов. В ту минуту, когда они хотели употребить жестокие меры, чтобы заставить невольников подняться идти с караваном, им пришли сказать, что Эль-Хаджи хочет говорить с христианами.

Через несколько минут к мичманам подошел один из прибывших накануне странников.

Это был древний старец, почтенного вида, с длинной

седой бородой, ниспадавшей на грудь. Он только что совершил путешествие в Мекку на поклонение святыне магометан и с титулом «хаджи» приобрел право на уважение и гостеприимство каждого истинного мусульманина.

При посредничестве крумена, исполнявшего обязанности переводчика, Эль-Хаджи задал несколько вопросов невольникам и, казалось, был очень тронут их ответами.

Он узнал от них название корабля, потерпевшего крушение, сколько времени они находились в неволе и какие им пришлось перенести с тех пор страдания.

Гарри сказал ему, что у него и у Колина есть отец и мать, братья и сестры, которые, наверное, оплакивают их как мертвых, что он и его спутники уверены, что их выкупят, если бы только их отвели в Могадор. Затем он прибавил, что хотя теперешние их хозяева дали им слово отвести их в Могадор, но отказываются исполнить свое обещание из боязни не получить вознаграждение за свои труды.

— Я сделаю все, что только могу, чтобы помочь вам, — отвечал Эль-Хаджи, когда крумен передал ему слова Гарри. — Я обязан это сделать, чтобы уплатить долг благодарности одному из ваших соотечественников. И я заплачу этот долг, если только это в моей власти. Я заболел в Каире и умирал от голода. Один английский морской офицер подал мне золотую монету. Эти деньги спасли мне жизнь, и я мог продолжать свое путешествие и снова увидеть родственников и друзей. Мы все — дети единого Бога, и наш долг — помогать друг другу. Я поговорю с вашими хозяевами.

Затем старый пилигрим обернулся к стоявшим невдалеке арабам.

Крумен переводил своим товарищам слова старца.

— Друзья мои, — сказал он им, — вы дали обещание этим невольникам-христианам отвести их в Свеору, где друзья могли бы их выкупить. Разве вы не боитесь Бога, что отказываетесь исполнить свое обещание?

— Мы думаем, что они нас обманули, — ответил один из купцов. — Мы боимся вести их в Марокко, где они могут уйти от нас без выкупа. Мы — люди бедные и уже много потратили на этих невольников. Потеря их нас разорит окончательно.

— Вам нечего бояться ничего подобного, — отвечал старый Хаджи, — они принадлежат к нации, которая

не оставляет в рабстве своих соотечественников. Ни один английский купец не откажется выкупить их. А если бы и нашелся такой человек, он бы потом не осмелился вернуться в свою страну. В ваших же интересах, помоему, отвести их в Свеору.

— А что, если по прибытии туда они пожалуются на нас губернатору? Тогда нас сейчас же вышлют из города и не дадут ничего. Это часто случалось. Здешний шейх знает купца, с которым поступили таким же образом. Он потерял все, а губернатор взял выкуп и положил его в свой карман.

Эль-Хаджи не знал, что и ответить на это, но, подумав, сумел найти выход из затруднительного положения.

— Не отводите их в Марокко,— сказал он,— пока вам не уплатят выкупа. Двое из вас могут остаться здесь с ними, а третий отправиться в Свеору с письмом от этого молодого человека к его друзьям. Вы ведь до сих пор еще не имеете никакого доказательства, что он хочет вас обмануть, и поэтому вы ничем не можете объяснить причину, почему отказываетесь исполнить свое обещание. Отвезите письмо в Свеору. Если вы не получите денег, тогда будете иметь право не вести туда невольников и можете делать с ними, что захотите. Так вы будете правы и никому не удастся вас обмануть.

Бо-Музем, самый молодой из купцов, первый одобрил предложение пилигрима и стал энергично поддерживать его.

— Нужен только один день,— сказал он,— чтобы достигнуть Агадэца, пограничного города государства Марокко, а оттуда до Свеоры не больше трех дней езды.

Двое остальных купцов совещались несколько минут и затем объявили, что готовы последовать совету мудрого Эль-Хаджи. Бо-Музем отвезет в Свеору письмо от Гарри к его дяде.

— Скажите молодому человеку,— сказал один из купцов переводчику,— скажите ему от меня, что если там не заплатят выкупа, то он непременно умрет по возвращении Бо-Музема.

Крумен перевел эти слова, но Гарри, не задумываясь, принял условие.

Вскоре Гарри принесли кусок грязной бумаги, заржавленное перо и немного чернил.

В то время, как он писал, Бо-Музем приготавливался к отъезду.

Зная, что единственная надежда на спасение состояла в сообщении их положения какому-нибудь соотечественнику, живущему в Могадоре, Гарри взял перо и написал следующие строки:

«Сэр!

Два мичмана с английского военного корабля, потерпевшего крушение несколько недель тому назад у мыса Бланко, и два матроса в настоящее время находятся в неволе в небольшой деревушке на расстоянии одного дня пути от Агадэца. Податель этой записки — один из наших хозяев. Цель его путешествия в Могадор — узнать, будет ли заплачен за нас выкуп. Если он не найдет лица, которое согласилось бы заплатить за нас выкуп, пишущий вам это письмо будет убит по возвращении посланного. Если вы не можете или не хотите заплатить суммы, назначенной за наше освобождение (сто пятьдесят долларов за каждого из нас), то будьте добры указать подателю письма кого-нибудь из европейцев, который согласится дать эту сумму.

Другой мичман и матрос находятся также в рабстве на расстоянии двух дней пути к югу от этой деревушки.

Может быть, податель этого письма Бо-Музем выкупит также и их, если он будет уверен, что получит выкуп и за них.

Г а р р и Б л а у н т».

Молодой англичанин адресовал это письмо: «Английскому купцу в Могадоре».

Бо-Музем быстро собрался. Перед отъездом он велел передать Гарри, что если его путешествие в Свеору будет неудачно, то только смерть молодого собаки-христианина в состоянии будет вознаградить его за это.

Затем он сел на верблюда и, обещая вернуться не позже, как через неделю, уехал.

Глава XX

ПУТЕШЕСТВИЕ БО-МУЗЕМА

Бо-Музем, несмотря на свою профессию полу-купца полу-разбойника, был человек относительно честный и теперь, хотя и ехал в Могадор, но в душе почти вовсе не

верил в трогательную историю про богатого родственника, рассказанную молодым англичанином. Сам он вполне разделял мнение, высказанное шейхом. Но после разговора с престарелым Эль-Хаджи он считал необходимым совершить это путешествие, чтобы сдержать данное обещание. Они дали слово белым собакам-христианам и прежде, чем отказаться вести их в Могадор, они должны убедиться, что за них действительно не дадут никакого выкупа.

Он спешил, как только мог, и, перебравшись через Атласские горы, вечером на третий день подъехал уже к небольшому городку, также окруженному стенами, всего в трех часах пути от знаменитого морского порта Могадора.

На ночь он решил остановиться в этом городке, чтобы на рассвете снова пуститься в путь. Зайдя в город, Бо-Музем прежде всего наткнулся на своего знакомого. Это был тот самый скотовод, которому он несколько дней тому назад продал Теренса и Джима.

— А! Друг мой, ты разорил меня,— сказал скотовод, подойдя к Бо-Музему.— Я лишился этих двух бездельников-христиан, которых ты продал мне. Я теперь несчастный человек!

Бо-Музем просил его объясниться.

— После твоего отъезда,— начал скотовод,— я пытался заставить их немного поработать, этих неверных собак, но они и слышать не хотели о работе, говоря, что готовы лучше умереть, чем согласиться приняться за работу. Я — бедный человек и не мог кормить их, если они не будут работать. Не мог я также, к несчастью, доставить себе удовольствие убить их, хотя, признаюсь тебе, мне этого очень хотелось. На другой день после твоего отъезда я получил известие из Свеоры, куда меня немедленно просили приехать по важным делам. Рассчитывая найти в этом городе какого-нибудь сумасшедшего христианина, который согласился бы что-нибудь сделать для своих соотечественников, я взял и их с собой. Они уверяли меня, что если я отведу их к английскому консулу, он даст за них большой выкуп. Мы пришли в Могадор и отправились в дом консула. Тогда собаки-христиане объявили мне, что они свободны, и с презрением отвечали на мое приказание идти за мной из города. За все мои труды и расходы я не получил ни одной монеты. Губернатор Свеоры и император Марокко состо-

ят в дружественных отношениях с правительством неверных и точно так же относятся с презрением к бедным арабам пустыни. Для нас нет справедливости в Могадоре. Если вы поведете своих невольников в город, можете быть уверены, что они улизнут от вас.

— Я ни за что не поведу их туда,— отвечал Бо-Музем,— пока не буду уверен, что за них заплатят выкуп.

— Вы никогда не получите его в Свеоре. Их консул не даст ни одного доллара, а вместо того постарается освободить их так же, как и моих невольников.

— Но у меня есть письмо одного из невольников к его дяде, богатому купцу, живущему в Свеоре, который и даст деньги.

— Собака обманул вас. Здесь нет у него дяди. Если ты хочешь, я могу это тебе доказать. Как раз в этом городе есть еврей из Могадора, который знает всех неверных купцов в городе и, кроме того, он понимает их язык. Покажи ему это письмо.

Бо-Музем, горя нетерпением узнать истину, с благодарностью принял это предложение и в сопровождении скотовода направился к дому, где жил еврей. Разбудив его, Бо-Музем попросил перевести письмо.

Еврей взял письмо Гарри и на вопрос араба, желавшего знать, кому оно было адресовано, ответил:

— Английскому купцу в Могадоре.

— Бисмиллях! — вскричал Бо-Музем и вырвал письмо из рук еврея. — Все английские купцы не могут быть дядями собаки-христианина, написавшего это письмо!

— Довольно,— сказал Бо-Музем,— я не пойду дальше, я сейчас же возвращусь назад. Собака, насмеявшаяся над нами, будет предана смерти, а его двух товарищей мы продадим первому встречному за что попало.

На другой день рано утром Бо-Музем выехал из города и направился к деревне, где его возвращения ожидали с нетерпением. Скотовод отправился также вместе с ним, объяснив, что по делам ему нужно было ехать в ту же сторону.

— Я хочу,— сказал последний, когда они уже выехали из города на дорогу,— купить первых попавшихся невольников.

— Бисмиллях! Зачем же это? — удивленно спросил Бо-Музем. — Ты же сам говорил мне, что совсем разорился, лишившись денег, заплаченных за твоих двух невольников?

— Да,— отвечал скотовод,— и именно поэтому-то я и хочу купить неверных, чтобы иметь возможность выместить на них свою неудачу. Невольники, которых я теперь куплю, умрут от работы и с голода. О! Я им покажу!

— Ну, в таком случае и я не прочь помочь тебе,— отвечал Бо-Музем.— У нас ведь еще останется двое товарищей молодого собаки-христианина, которого я поклялся бородой пророка убить. За исключением его, мы с удовольствием продадим тебе остальных.

Скотовод предложил десять долларов за каждого невольника и верблюда. Цена устроила Бо-Музема, и они ударили по рукам.

Бо-Музем и не предполагал, что дал себя обмануть. История бегства обоих невольников, Теренса и Джима, была целиком вымышлена.

Глава XXI РАИС-МУРАД

Прошло шесть дней, в течение которых с белыми обходились сравнительно недурно. По крайней мере, они не страдали от голода и жажды.

Под конец этого времени их хозяева посетили их в сопровождении какого-то мавра.

Мавр приказал им встать и поочередно внимательно осмотрел их, как купец, не желающий покупать товар за глаза.

На мавре был надет богатый кафтан, весь вышитый на груди и на рукавах и завязанный вокруг талии роскошным поясом. Широкие сафьяновые сапоги и красный шелковый тюрбан дополняли его костюм.

Судя по тому, с каким почтением относились к нему купцы, мавр, должно быть, являлся знатной особой. Вместе с ними прибыла многочисленная свита на великолепных арабских скакунах.

Осмотрев невольников, мавр ушел, а немного спустя арабы вернулись и объявили, что те перешли в собственность этого знатного чужестранца.

Надежда на освобождение, которую питали в продолжение нескольких дней несчастные молодые люди, разлетелась как дым при этом известии.

— Пойдем к нашим хозяевам, арабским купцам,—

вскричал Гарри,— скажем им, чтобы они не продавали нас! Идите все! За мной!

Молодой англичанин опрометью выскочил из хлева в сопровождении своих товарищей. Все они направились к жилищу шейха.

— Зачем вы продали нас? — начали они говорить, когда отыскиали купцов.— Разве вы забыли свои обещания? Зачем же в таком случае один из ваших отправился получать за нас выкуп?

Крумен еле успевал переводить вопросы своих друзей.

— Что же из этого? — отвечали арабы.— Если даже Бо-Музем и найдет в Могадоре человека, который согласился бы внести за вас выкуп, какую цену должен он будет получить с этого человека?

— Сто долларов за меня,— отвечал крумен,— и по сто пятьдесят долларов за каждого из моих товарищей.

— Верно. Значит для того, чтобы получить эти деньги, мы должны отвести вас в Свеору и еще тратиться дорогой?

— Да,— согласился крумен.

— Ну так вот, а Раис-Мурад заплатил за каждого из вас по сто пятьдесят долларов. Уж не считаете ли вы нас круглыми дураками, чтобы за ту же цену вести вас в Могадор? А там еще может случиться, что мы и ничего не получим. Но теперь поздно: мы покончили дело с Раис-Мурадом. Отныне вы принадлежите ему.

Получив такой ответ, мичманы увидели, что их судьба бесспорно изменилась и теперь они стали собственностью мавра. Они попросили крумена попытаться разузнать, куда собирается вести их новый хозяин.

Но как раз в эту минуту им было приказано возвратиться в хлев и поскорей оканчивать свой обед. Билл объявил, что у него пропал аппетит и он не в силах проглотить и куска.

— Не горюй, старина Билл,— сказал Гарри,— надежда еще не вся потеряна!

— А по-моему, теперь все пропало! — заметил Колин.

— Если мы постоянно будем менять хозяев, то, в конце концов, попадем на такого человека, который поведет нас в Могадор.

— Так вот в чем твоя надежда на избавление из плена! — проговорил Колин разочарованным тоном.

— Вспомните бедного Джима,— вмешался в разговор старый моряк,— он переменял по крайней мере целый

десяток хозяев и все же до сих пор он еще не вырвался на свободу, да, по всей вероятности, никогда и не вырвется.

— Что же, будем повиноваться нашему новому хозяину? — спросил Колин.

— Да, — отвечал Гарри, — моя спина еще не зажила от побоев. Прежде, чем подвергаться новым побоям, надо удостовериться, принесет ли это упорство какую-нибудь пользу.

Раис-Мурад, желая поскорее окончить путешествие, купил четырех лошадей для невольников. Пока седлали лошадей, невольники старались разузнать, куда мавр собирается ехать, но вместо ответа на этот вопрос они услышали следующее:

— Это знает один Бог. Ему угодно, чтобы люди слепо повиновались Ему. Как же мы можем сказать вам вперед, куда мы придем?

В этот момент, когда мавр и его отряд собирались уезжать, Бо-Музем в сопровождении скотовода въезжал в ворота деревушки.

Глава XXII

ВОЗВРАЩЕНИЕ БО-МУЗЕМА

Завидя Бо-Музема, белые невольники бросились к нему навстречу.

— Спроси его, — вскричал Гарри, обращаясь к крумену, — дадут ли за нас выкуп, будем ли мы, наконец, свободны!

— Сюда! Сюда! — выпалил Билл, схватив африканца за руку и указывая на скотовода. — Узнай у этого человека, где Джим и мистер Теренс.

Крумену не удалось исполнить просьбы ни того, ни другого, потому что, завидя мичманов, Бо-Музем в ту же минуту дал волю своему гневу.

— Собаки! Обманщики! — завопил он. — Пусть соберутся женщины и дети и пусть все будут свидетелями, как я отомщу собаке-христианину, который осмелился обмануть Бо-Музема!

Но в этот момент в разговор вмешались двое остальных арабов, которые попытались объяснить Бо-Музему, что белые невольники не принадлежат уже им больше.

Если бы Гарри Блаунт не попал в число невольников,

проданных мавру, Бо-Музем ничего бы не имел против этой выгодной сделки, но, видя, что намеченная им жертва ускользает, он пришел в бешенство. С проклятиями объявил он, что товарищи его не имели права продавать невольников во время его отсутствия, потому что эти собаки одинаково принадлежат как ему, так и другим.

В это время подъехал Мурад, который тоже вмешался в разговор, отдав предварительно приказание своим слугам окружить белых и немедленно отправляться в путь.

Приказ мавра был выполнен, и караван выехал из деревни, не обращая внимания на раздраженного Бо-Музема. Только один человек симпатизировал Бо-Музему: это был хитрый скотовод, который дорогой договорился относительно продажи невольников.

Как лицо заинтересованное, он вмешался в спор и, подойдя к мавру, сказал, что невольники были куплены им еще вчера. Он принялся горько жаловаться, что раз уже потерпел убыток и теперь его опять обманывают, и грозил привести, если понадобится, хоть двести человек, чтобы отстоять свои права.

Но Мурад не обращал никакого внимания на его требования. Он развернул своего скакуна и догнал свой отряд. Подъехав, он приказал отряду ехать по дороге в Агадэц.

Повернувшись, он увидел скотовода, галопом направлявшегося в противоположную сторону.

— Мне хотелось узнать от этого человека, что случилось с Джимом и Теренсом, — сказал Колин, кивнув на удаляющуюся фигуру скотовода, — но теперь слишком поздно.

— Да, слишком поздно, — повторил за ним Гарри. — Какое несчастье, что он не купил также и нас — мы бы, по крайней мере, были все вместе.

— А я об этом ни капельки не горюю, — вмешался Колин. — Несколько минут тому назад мы были в отчаянии, что нас уступили мавру, а теперь он спас жизнь Гарри.

— Билл, о чем ты мечтаешь, старина? — спросил молодой шотландец у моряка.

— Ни о чем. Я не хочу и не буду ни мечтать, ни думать.

— Мы идем по дороге в Свеору, — сказал крумен, подъехав в это время к белым.

— Неужели это правда? — вскричал Гарри. — Значит, несмотря ни на что, мы все-таки идем в Могадор?

— Э! Теперь и это меня не радует! — грустным тоном проговорил Колин. — Разве не при вас говорил Бо-Музем, что не нашел там охотника внести за нас выкуп?

— Он не был в Могадоре, — вмешался крумен. — Он не мог в такой короткий срок съездить туда и обратно.

— Я думаю, что африканец прав, — заметил Гарри. — Я хорошо помню, как говорили арабы, что для того, чтобы добраться только туда, нужно ехать четыре дня, а он успел даже вернуться назад всего на шестой день.

Дальнейшему разговору невольников помешали мавры, которые приказали им подгонять лошадей.

Сумерки быстро спустились, и накатила темная южная ночь. Они проехали достаточно долго в полной темноте, когда Билл вдруг заявил, что не в состоянии управлять сухопутной шлюпкой. Он, по его словам, и так с большим трудом сидел на лошади. Неожиданно для всех он слез с лошади и отказался ехать дальше, объявив, что он не желает сломать себе шею, что непременно случится, если он сядет на «шлюпку» в такой кромешной тьме. Об этом доложили Раис-Мураду, который сперва страшно рассердился, но потом скоро успокоился, узнав, что один из невольников говорит по-арабски.

— Ты и твои товарищи желаете получить свободу? — спросил он, подъехав к крумену.

— В этом заключается вся наша надежда, — ответил тот.

— Ну так скажи этому человеку, что свобода не здесь, а со мной. Пусть он немедленно следует за мной.

Крумен перевел эти слова Биллу.

— Я не хочу слышать больше о свободе, — возразил последний. — Я слишком много наслышался подобных обещаний и отлично знаю им цену.

Ни просьбы, ни угрозы не могли заставить моряка двинуться вперед.

Тогда Раис-Мурад отдал приказание остановиться, сказав, что остаток ночи они проведут на этом месте.

При первых проблесках наступающего дня отряд снова тронулся в путь. Взошло солнце, и с вершины высокого холма, на который поднялся отряд, на расстоянии не больше четырех миль все увидели белые стены города Санта-Круза, или Агадэца, как называют его арабы.

Кавалькада приближалась к плодородной равнине. Там и сям виднелись небольшие поселения, окруженные

виноградниками и рощами финиковых пальм. Путники остановились около одного из таких поселений.

Белые невольники, выбрав тенистое местечко под густой купой пальм, опустились на землю и почти в ту же минуту заснули.

Через три часа их разбудили и подали завтрак, состоявший из ячменных лепешек и меда.

К концу завтрака Раис-Мурад вступил в разговор с круменом.

— Что говорит мавр? — спросил Гарри у крумена.

— Он говорит, что отведет нас в Свеору к английскому консулу, если мы обещаем хорошо вести себя.

— Скажи ему, что мы согласны, и скажи еще, что ему заплатят хороший выкуп.

Мавр кивнул и заявил, что желал бы иметь от пленников письменное обязательство, что ему заплатят известную сумму. Он требовал по двести долларов за каждого и, достав письменный прибор, сам написал на арабском языке расписку от имени белых невольников. Затем он приказал крумену слово в слово перевести содержание расписки товарищам. Последний повиновался и прочел следующее:

«Английскому консулу

Мы — четыре невольника-христианина. Раис-Мурад купил нас у арабов. Мы обязуемся уплатить ему по двести долларов за каждого из нас, то есть, восемьсот долларов за нас четверых, если он отведет нас в Свеору.

Будьте добры заплатить немедленно».

Гарри и Колин подписали без размышлений. Билл взял бумагу и торжественно приготовился начертать свое имя. Его рука несколько минут раскачивалась из стороны в сторону и, когда ему удалось изобразить несколько иероглифов, которые, по его мнению, означали «Вильям Мак-Нил», он протянул расписку Гарри. Последний написал на другой стороне по-английски принятое всеми ими обязательство.

Спустя два часа все снова были уже на лошадях и рысью ехали по дороге в Санта-Круз.

Отъехав немного, они обернулись и увидели отряд человек в тридцать всадников, которые неслись за ними крупным галопом.

Раис-Мурад вспомнил об угрозе скотовода и приказал своим людям ехать быстрее.

Но плохие лошади, на которых сидели невольники, не могли взбираться галопом по склону горы.

Отряд арабов с каждой минутой все ближе и ближе приближался к ним. Между двумя отрядами было уже не более полумили.

Мавр, как мог, торопил своих спутников. До стен города оставалось еще около мили.

В тот момент, когда Раис-Мурад и его люди приближались к цели своего путешествия, головы лошадей их врагов показались на вершине холма позади них. Пять минут спустя белые невольники слезали с лошадей и благодарили Бога за избавление их от опасности.

Бо-Музем, скотовод и их друзья прибыли на четверть часа позднее и рысью проскакали мимо часовых. Казалось, они хотели разорвать Гарри, который особенно возбуждал в них злобу.

Но Раис-Мурад подозвал стражу и объявил Бо-Музему, что он не имеет права нападать на него в стенах города. Кроме того, он должен дать слово вести себя тихо. Арабы поняли, что они находятся в марокканском городе, и принуждены были уступить. Оба отряда были размещены в различных кварталах.

Глава XXIII «ПРЫЖОК ИУДЕЯ»

На другой день утром Раис-Мурада и его невольников потребовали к губернатору города. Мавр беспрекословно повиновался этому приказанию и вслед за солдатом отправился в дом губернатора.

Бо-Музем и скотовод были уже там. Через несколько минут в зал вошел губернатор. Это был пожилой человек с очень симпатичной наружностью. Гарри и Колинг безбоязненно ожидали теперь приговора, как бы заранее уверенные, что он будет и справедливым, и благоприятным для них.

Бо-Музем заговорил первый. Он объяснил, что в компании с двумя другими купцами купил стоящих здесь невольников и совсем не согласен на продажу всех их мавру, потому что вовсе не желает продавать одного из невольников, которого он считает своей собственностью. Что же касается двух остальных невольников, то они принадлежат Магомету, его другу-скотоводу, которому

он их продал во время своей поездки в Свеору, которую он совершал с согласия своих товарищей.

Заявив свои требования, Бо-Музем умолк, и заговорил Магомет. Он сказал, что купил троих христианских невольников у своего друга Бо-Музема, заплатив ему по двести долларов и по четыре верблюда за каждого.

Невольники эти силой уведены Раис-Мурадом, но он считает их своей собственностью.

Губернатор спросил мавра, на каком основании он удерживает у себя чужую собственность.

Раис-Мурад ответил, что двое арабских купцов продали ему невольников, за которых он уплатил наличными деньгами по сто пятьдесят долларов за каждого.

Губернатор молча сидел несколько минут, а затем повернулся к Бо-Музему.

— Твои товарищи, — спросил он его, — предлагали ли тебе разделить деньги, полученные за невольников?

— Да, — отвечал купец, — но я не взял их.

— Ты и твои товарищи получили ли от человека, который заявляет права на троих невольников, двенадцать верблюдов и тридцать долларов?

После некоторого размышления Бо-Музем отвечал отрицательно.

— Невольники принадлежат Раис-Мураду, — объявил губернатор, — идите!

Все отправились к выходу. Магомет и Бо-Музем, выходя из дома губернатора, нарочито громко жаловались, что в Марокко нечего искать справедливости для бедных арабов.

Мавр отдал приказание собираться в дорогу и неожиданно для всех предложил Бо-Музему проводить его за городские ворота. Последний согласился, но с тем условием, что возьмет Магомета с собой.

Странная улыбка появилась на губах Раис-Мурада, когда он согласился на это предложение.

— Милый друг, — сказал он покровительственным тоном Бо-Музему, когда они выехали за городские ворота, — тебя обманули. Если бы вы отвели, как обещали, этих невольников в Свеору, вы не только бы с изыском вернули свои расходы, но у вас остался бы еще и хороший барыш. К счастью, я встретил твоих товарищей и, благодаря им, я обделал выгодное дельце. Тот, кого ты называешь своим другом, а именно Магомет, купил у вас двух других христиан и продал их ан-

глийскому консулу, с которого получил за них двести пиастров. Для этой же цели он хотел купить и этих невольников. Он обманул тебя. Нет Бога, кроме Бога, и Магомет Его пророк, а Бо-Музем — простофиля.

Бо-Музем тотчас же сообразил всю справедливость этих слов. Он понял вероломство скотовода и, недолго думая, бросился на него. Скотовод, наблюдавший за разговором мавра и Бо-Музема, ожидал нападения. Он понял, что его хитрость раскрыта. Он спрыгнул на землю и выхватил саблю.

Белые невольники равнодушно смотрели на схватку, не сочувствуя ни одному, ни другому.

В борьбе мусульманин больше полагается на справедливость своего дела, чем на свою силу и ловкость, и когда чувствует себя виноватым, то теряет значительную долю мужества.

Ввиду доказанной измены Бо-Музем сражался смело и почти был уверен в победе: он дрался, не сомневаясь в исходе борьбы.

Совсем иначе сражался скотовод, обуреваемый противоположным чувством: он отступал с каждой минутой. Наконец он упал мертвым к ногам своего противника.

— Честное слово, одним мошенником меньше! — сказал Билл. — Как жель, что он не привел с собой сюда Джима и Теренса! Что он с ними сделал?

— Спроси у мавра, — отвечал Гарри, — он должен это знать и, может быть, купит и их.

Крумен по просьбе Гарри подошел было спросить об этом мавра, но Раис-Мурад решительным тоном приказал невольникам занять свои места для отправления в путь.

Дав совет Бо-Музему остерегаться отряда, приведенного Магометом, мавр стал во главе каравана, и все тронулись по дороге в Могадор.

Дорога, по которой ехал Раис-Мурад, шла по холмистой стране. Приходилось то двигаться по узкой долине вдоль берега моря, то взбираться по тропинке, выбитой в крутой горе. По тропинке приходилось ехать поодиночке, и всадники должны были пускать в ход все свое искусство, чтобы вместе с лошадью не слететь в пропасть.

Во время очередной стоянки крумен нашел под плоским камнем огромного скорпиона. Он вырыл яму в песке и бросил туда насекомое. Затем он начал искать других

тварей, чтобы составить компанию пленнику. Он обнаруживал их почти под каждым перевортываемым камнем. Когда в яме их собралось около дюжины, он принялся дразнить их палкой.

Скорпионы, выведенные из себя таким обращением, вступили в смертельную борьбу между собой, на которую мичманы смотрели с таким же холодным любопытством, как и на битву Бо-Музема и Магомета.

Борьба между врагами подобного рода начинается горячей стычкой, каждый старается схватить другого своими клешнями.

Когда одному из них удастся крепко схватить противника, последний, по-видимому, расположен сдаться, но ему нет помилования, и он скоро издыхает от смертельных укулов своего врага.

Последнего скорпиона крумен прикончил сам.

Когда Гарри стал упрекать африканца за его бесполезную жестокость, последний ответил, что каждый порядочный человек должен уничтожать скорпионов, как только к этому представится случай.

После полудня караван достиг местности, называемой «Прыжок иудея». Это была узкая тропинка, поднимавшаяся по склону горы, подошва которой омывается морем. В длину она была около мили, а в ширину от четырех до пяти футов. Направо возвышалась скалистая стена, а налево клекотало море.

Если случалось кому-нибудь срываться тут вниз, он погибал в волнах бушующего прибоя.

Ни кустика, ни деревца — ничего, за что бы мог ухватиться падающий человек.

Крумен знал эту дорогу. Он сообщил своим товарищам, что никто не решается ездить по ней в дождливое время года и что вообще эту тропинку считают чрезвычайно опасной, но она сокращает путь на семь миль в горах и поэтому по ней часто ездят. Она называлась «Прыжок иудея» потому, что мавры при встрече здесь с иудеями обыкновенно сбрасывали последних в море.

Прежде чем пуститься в этот опасный путь, Раис-Мурад заботливо убедился, что никто не едет навстречу с противоположной стороны. Он несколько раз громко крикнул, спрашивая, нет ли кого впереди, и только тогда уже приказал своему отряду следовать за собой, дав совет невольникам полагаться больше на лошадей, чем на себя. Два мавра ехали в арьергарде в виде охраны.

Не успели они сделать и половины дороги, как лошадь Гарри Блаунта вдруг чего-то испугалась и стала нервно дергать головой. Это было молодое животное, привыкшее к равнинам пустыни и совсем не знакомое с горными дорогами. Пройдя еще несколько метров, лошадь вдруг остановилась.

При других условиях Гарри, конечно, постарался бы принудить ее к повиновению, но тут об этом нечего было и думать. Оставалось только одно — слезть с лошади. Но вместо того, чтобы слушать приказание хозяина и стоять, испуганное животное неожиданно подалось назад. А за молодым англичанином ехал мавр. Испугавшись за свою безопасность, мавр ударил упрямое животное, чтобы заставить его идти вперед.

В одно мгновение лошадь осела на задние ноги и, казалось, готова была свалиться вместе со своим всадником в бездну, хотя и старалась из последних сил сохранить равновесие. Тогда Гарри схватил лошадь за уши и, сделав отчаянное усилие, благополучно перескочил через ее голову.

Несчастливая лошадь, предоставленная своей участи, свалилась в море, и ее тело с глухим шумом упало в воду.

Когда опасный проход остался позади, спутники Гарри стали хвалить его за хладнокровие и ловкость.

Молодой человек молчал.

Его душа была слишком полна признательности к Богу, чтобы выслушивать слова людей.

Глава XXIV ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На другой день Раис-Мурад вместе со своими спутниками благополучно подъехал к Могадору, но так как было уже слишком поздно, то стража непустила их в город.

Гарри, Колин и Билл не спали всю ночь. На этот раз они были почти уверены, что не позже утра следующего дня получат свободу.

Они поднялись с рассветом, сгорая нетерпением узнать свою судьбу. Но мавр, зная, что раньше полудня ничего не сделаешь, не позволил им идти в город.

В страшной тревоге ожидали они наступления этого момента. Наконец Раис-Мурад позвал их и направился

с ними к воротам, с которых они не сводили глаз с самого утра.

Пройдя несколько улиц, белые невольники увидели дом, на котором развевался флаг. При виде этого флага у них забилося сердце: то было знамя старой Англии!

Они подошли к жилищу консула. Раис-Мурад смело шел впереди, приказав им следовать за собой. Проходя по двору, они увидели двух человек, бежавших к ним навстречу: это были Теренс и Джим!

Вслед за тем европеец почтенной наружности подошел к Гарри, Колину и Биллу, пожал им руки и сердечно поздравил с благополучным прибытием.

Присутствие Теренса и Джима в могадорском консульстве вскоре же выяснилось. Скотовод, купив их, отвел их в Свеору. Консул тотчас же уплатил выкуп, назначенный Магометом. Магомет же в свою очередь пообещал выкупить остальных трех невольников и привести их в Могадор.

Раис-Мураду консул тоже без всяких проволочек выдал сумму, обещанную Гарри, Колином и Биллом. Но он не считал себя вправе тратить деньги правительства на выкуп крумена, который не был английским подданным.

Услышав эти слова, бедный негр впал в глубокое отчаяние.

Его товарищи по несчастью не могли оставаться равнодушными. Они пообещали сделать все возможное, чтобы его освободить. У них у всех были богатые родители и они надеялись найти какого-нибудь английского купца в Могадоре, который согласился бы дать им займы нужную сумму.

Они не ошиблись. На другой же день крумен был выкуплен и освобожден.

Спустя несколько дней высокие мачты корабля с развевающимся британским флагом отбросили тень на воды Могадорской бухты.

Трое молодых людей встретили радушный прием в офицерской кают-компании, где в их честь был произнесен не один тост, а Билл, Джим и крумен так же хорошо устроились на баке.

Все они потом отличились на службе и заняли видные места. Но когда им удавалось сходиться вместе, они любили вспоминать то время, когда они невольниками бродили по пескам Сахары.

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Глава I ГОЛОВА БЕЗ ТЕЛА

Ровная и гладкая степь, как спящее море. Нет ни деревца, ни кустика, лишь расстилается вокруг огромный ковер короткой и выжженной солнцем травы. Даже змея не может спрятаться между ее стеблями.

Любой предмет на поверхности степи можно заметить издалека. Но вряд ли в степи есть предметы, на которые стоит обращать внимание путешественнику. Нет смысла беспокоиться, заметив стаю степных волков, а еще более бессмысленно гнаться за ними. Но стоит призадуматься, если над стаей волков реют большие черные птицы. Когда они вместе, то можно держать пари, что где-то рядом имеется добыча. В этом случае путешественнику лучше пришпорить коня, предоставив четвероногим и птицам возможность пировать.

Но в эту минуту в степи не видно ни путешественника, ни охотника. Зато можно прекрасно разглядеть стаю голодных степных волков и реющих над ними черных птиц.

Волки, окружив какой-то странный предмет, осторожно и с непонятной опаской приближаются к нему. Птицы медленно спускаются к тому же предмету.

Но когда до добычи остаются считанные футы, волки шарахаются и возвращаются к исходной позиции, птицы взмывают в небо.

Через некоторое время животные повторяют свою попытку. И вновь она заканчивается тем же.

Что же так привлекает их и одновременно пугает?

Издали это напоминает человеческую голову. На меньшем расстоянии сходство усиливается. Да это и есть голова человека!

Что же тут удивительного? Человеческая голова в степях Техаса! Ровно ничего, если она без волос. Это означает только то, что какой-нибудь несчастный — траппер, путешественник или охотник за дикими лошадьми был захвачен дикарями, обезглавлен и оскальпирован.

Но эта голова не оскальпирована; напротив, на ней сохранились еще волосы, хорошие волосы, кудрявые и обильные.

Она не лежит на земле, как лежала бы, конечно, если бы была брошена по отделении от туловища. Нет, она поставлена и держится прямо на траве; подбородок почти касается поверхности, словно она еще на плечах, с которых должны ее снять. Если бы у нее щеки были бледные или окровавленные, а глаза были бы закрыты или стекловидны, то все было бы ясно. Но щеки ее ни бледны, ни окровавлены, глаза у нее не закрыты и не стекловидны. Они смотрят, блестят, ворочаются... Боже! Эта голова — живая!

Не удивительно, что волки бегут назад в испуге, что птицы, спустившись к ней, сейчас же отлетают. Живая голова смущает их и обращает в бегство.

Между тем они чувствуют, что это живая плоть. Им это говорят их зрение, обоняние и инстинкт: они не могут ошибиться.

И это мясо живое; мертвая голова не может ни сверкать, ни ворочать глазами. Временами голова раскрывает рот, показывает два ряда белых зубов и испускает крик, который всякий раз далеко прогоняет хищников.

Крик этот раздавался в течение большей части продолжительного летнего дня, чтобы удержать их на безопасном расстоянии.

Сумерки спускаются и покрывают степь пурпурными

отливами, а нападающие не меняют положения, и голова находится в прежнем положении. Еще довольно светло, чтоб видеть блеск пламенных глаз, грозное выражение которых удерживает какую-то таинственной силой хищнический инстинкт этих животных.

Что же это может быть? Человеческая голова, лежащая на земле, с глазами, которые могут сверкать и видеть, со ртом, способным раскрываться и показывать зубы, с горлом, из которого выходят человеческие звуки: вокруг этого странного, почти сверхъестественного предмета стадо волков, а над ними стая птиц!

Во все продолжение сумерек картина остается та же, есть только перемена в положении четвероногих и птиц. Голова остается на прежнем месте, так как она неподвижна и может только раскрывать рот и ворочать глазами.

Сумерки в тexasских степях непродолжительны: там нет ни гор, ни высоких холмов. И, когда золотой диск скрывается за западным горизонтом, несколько минут льется серо-пурпурный свет, а потом вдруг наступает ночь. И вот она наступила, а с нею произошла и перемена в картине. Птицы, повинуясь своим инстинктам, улетели к своим гнездам. Волки, напротив, остались; мрак им благоприятствует, и они надеются сожрать этот круглый предмет, который кажется человеческою головою и который своими криками и грозными взорами мог долго держать их на расстоянии. Но, к величайшему их смущению, за сумерками почти непосредственно взошла луна, серебряный свет которой, почти равняясь дневному, озарил степь, и они опять увидели гневные взгляды, в то же время как выходившие из раскрытых уст крики стали еще страшнее в глубокой тишине ночи.

Но вот картина стала казаться еще страннее, чем прежде. Туман, подобно завесе, растекся над степью. Голова как бы приняла размеры сфинксовой головы, и волки, по той же самой причине, стали казаться величиною с канадских оленей.

Картина оригинальная, таинственная! Кто же может ее объяснить?

Глава II

ДВА РАБОВЛАДЕЛЬЦА

В прежние времена невольничества в южных Соединенных штатах люди много страдали от притеснения. Правда, в большинстве рабовладельцы были гуманны, иные были даже по-своему филантропы, склонные придавать патриархальный характер гнусному учреждению.

Хотя мысль эта так же стара, как и невольничество, и вместе с тем, так же современна, как и мормонизм, в среде которого она имела своих самых грубых представителей.

Нельзя отрицать, что невольничество Южных штатов во многих случаях было кроткого характера, но, тем не менее, нельзя и отрицать, что были примеры и вопиющего насилия. Были рабовладельцы добрые и были жестокие.

Недалеко от города Натчеза, в штате Миссисипи жили два плантатора, владения которых лежали по соседству. Характеры этих людей были крайне противоположны. Полковник Арчибальд Армстронг, потомок старинной виргинской аристократической фамилии, поселившийся в штате Миссисипи, когда из него ушли индейцы-уактоны, представлял собою доброго рабовладельца, а Ефраим Дарк из Новой Англии, переселившийся сюда гораздо позже, являл тип рабовладельца жестокого. Он происходил из пуритан, которые вообще были против невольничества. Это может показаться странным, а между тем история очень обыкновенная, известная всем путешествующим в Южных штатах. Известно, что самый жестокий плантатор всегда или сам был невольником, или происходил от отцов-странников, высадившихся в Плимут-Рок. Так как во многих отношениях мы уважаем отцов-странников, то и хотели бы верить, что это обвинение ложно и что Ефраим Дарк был исключением. По всей долине Миссисипи никто бесчеловечнее не обращался с невольниками. И дома у него, и на полях хлопчатника беспрерывно раздавался свист кнута, и черные жертвы его произвола и злобы подвергались ударам бича, который постоянно носили он сам, его сын и управитель, как эмблему сатанинской жестокости. Они никогда не возвращались домой, не истерзав какого-нибудь несчастного негра, которого злая судьба подводила к ним на встречу во время объезда плантации.

Невольники полковника Армстронга, напротив, никогда не ложились спать, не помолясь за доброго массу, в то время, как невольники Дарка, чаще всего избитые,— проклинали своего господина.

Увы! Мы должны повторить старую истину, что одинаковые причины производят одинаковые следствия: злой благоденствовал, а добрый жил в несчастии. Полковник Армстронг, открытый, великодушный, гостеприимный до излишества, тратил больше, нежели получал от своих плантаций. Через некоторое время он сделался должником Ефраима Дарка, который не проживал своих доходов.

Между ними не было ни особой вражды, ни особой дружбы. Гордый виргинец из благородного семейства шотландских горцев времен колонизации презирал своего соседа, потомка пришельцев. Тем не менее он откладывал гордость в сторону, занимая деньги у Дарка, который всякий раз спешил исполнить просьбу. Он давно уже точил зубы на землю Армстронга и знал, что закладная будет первым шагом, который приведет его к овладению имением.

Таковы были отношения между соседями-плантаторами.

Дарк давно решил сделаться обладателем обеих плантаций. И вот, когда дела соседа постепенно дошли до отчаянного положения, Ефраим Дарк мог исполнить свой замысел без малейшего сопротивления. Должник его слишком запустил уплату процентов, и это позволяло в любое время описать имущество Армстронга.

У Дарка был сын Ричард, во всем похожий на отца, но только гораздо злее: ибо жадный эгоизм крайнего пуританизма не улучшается от соприкосновения с крайней распущенностью юга. Жадность и распущенность в одинаковой доле составляли характер Ричарда Дарка. Он был жаден, а между тем имел наклонность к мотовству и беспорядку. Он был членом общества петушиного боя и завсегдатаем других увеселительных организаций. Будучи распутнее всех, он не имел ни одной великодушной черты, каковая нередко встречается у кутил. Единственный сын Ефраима Дарка и, следовательно, наследник всех его имений — невольников и плантаций, Ричард, пользуясь полным доверием отца, знал, что невольники и плантации соседа перейдут к нему также со временем.

Хотя Ричард Дарк очень любил деньги, но было нечто, чего он жаждал еще больше, — а именно старшую дочь полковника Армстронга. У последнего было их две: Елена и Джесси, обе очень хорошенькие, но старшая, Елена, была более нежели хорошенькая — все соседи признавали ее красавицею.

Ричард Дарк был в нее влюблен, насколько его эгоистическое сердце могло любить. Это была единственная страсть, которую он когда-либо испытывал. Отец одобрял эту страсть или скорее не противился ей, ибо этот молодой человек, злой и распутный, имел большое влияние на отца, который воспитывал его с целью сделать из него такого же, как он сам, обманщика.

Пользуясь правами кредитора над должником, Ефраим Дарк и его сын имели преимущественное положение — они могли диктовать условия.

Что же говорили обо всем этом полковник Армстронг и его дочь?

Прислушаемся к их разговору, который и послужит нам ответом.

Глава III СЕСТРЫ

— Ты не любишь его, Елена?

— Неужели надобно спрашивать об этом? Кто же, папа, может любить подобного человека?

— Не правда ли, он сделал тебе предложение?

— Да.

— Когда?

— Сегодня утром.

— Я так и думал, хотя, признаюсь, в подобный час я мог ожидать чего-нибудь хуже.

— Чего-нибудь хуже? Чего же вы могли бояться, папа?

— Ничего, это тебя не касается. Скажи мне, что ты отвечала ему?

— Одно только слово «нет!»

— О, этого словечка достаточно. Боже мой, боже мой, что будет с нами?

— Папа! — воскликнула девушка, положив ему руку на плечо и стараясь прочесть у него в глазах: — Зачем вы так говорите? Разве вы недовольны, что я отказала? Невозможно, чтоб вы желали видеть меня женою Ричарда Дарка.

— Елена! Ты говоришь, что не любишь его, стало быть, не хотела бы быть его женою?

— Не хотела бы и не могла бы. В нем нет сердца, это негодяй. Я предпочла бы смерть такому мужу.

— Довольно! Я должен разориться!

— Разориться? О, объясните мне все. Стало быть, есть тайна, существует опасность. Доверьтесь мне, милый папа, скажите, в чем дело?

— Я могу тебе все рассказать, потому что это не может долго храниться в секрете! Мне грозит опасность, потому что я кругом должен. Знай, дочь моя, долг мой Дарку так велик, что я положительно у него во власти. Все, что я имею — земля, дом, невольники, — все это может перейти к нему в каждую минуту, даже завтра, если он захочет, а он захочет, в силу твоего словечка «нет». Это приведет к краху, которого я боюсь уже давно. Нужды нет, я встречу его как подобает мужчине. Я скорблю о тебе и о твоей сестре, Елена. О, бедные дети, какая перемена в вашей судьбе! С этих пор вы будете питаться грубою пищею, носить грубую одежду и жить в деревянной хижине.

— Ну, и что ж это значит, милый папа? Для меня это решительно ничего, и я уверена, что и для сестры тоже: Но нет ли средства...

— Выпутаться мне из долгов, ты хочешь сказать? Нет надобности и спрашивать, дочь моя. Не одну бессонную ночь провел я, думая об этом. Нет, одно только и было средство. Я никогда о нем не говорил и даже не думал. Я знал, что из этого ничего не будет. Я знал, Елена, что ты не любишь Ричарда Дарка и никогда не согласишься выйти за него. Ты ведь не можешь выйти за него, дочь моя, не правда ли?

Елена Армстронг не ответила тотчас, но не потому, что не имела готового ответа.

Выйти за Ричарда Дарка, за этого негодяя, за этого недостойного человека, при всем его богатстве, за этого злого подлеца! Выйти за этого человека в то время, как другой, казалось ей, обладал всеми лучшими качествами, красотою, отвагою, благородством души, — одним словом, всеми достоинствами, и когда этот другой признался ей в любви!..

Для девушки с подобным характером было все равно — имел ли он состояние и было ли его общественное положение ниже ее положения.

Ответ ее был тот же самый; заставляла же ее колебаться в эту минуту мысль о несчастье, тяготевшем над ее отцом.

Последний, ошибаясь насчет причины ее молчания,— а перед ним, может быть, носился призрак нищеты, который склонял его на низость, как он часто склоняет натуры самые благородные,— сказал дочери:

— Елена, можешь ты выйти за него замуж? Скажи откровенно,— продолжал он, дав ей время обдумать.— Если ты полагаешь, что не можешь быть с ним счастлива, то гораздо лучше не выходить. Посоветуйся с собственным сердцем, дитя мое, не подчиняйся моему влиянию и не увлекайся моею бедностью. Говори, можешь ли ты выйти за него?

— Я уже вам сказала, что нет. Вы говорите о перемене в нашем положении, о бедности и о других несчастьях. Что же! Мне все равно, я боюсь только за вас. Но если я должна выбирать между этим замужеством и смертью, то скажу вам, папа, что соглашусь скорее умереть, чем сделаться женою Ричарда Дарка.

— В таком случае и говорить нечего. Ты никогда не будешь его женою. Надо подготовиться к бедности и переселению в Техас.

— В Техас, папа, если угодно, но не говорите о бедности. Вы будете богаты любовью, потому что, где бы вы ни были, в деревянной ли хижине или в палатках,— вы можете рассчитывать на мою безграничную любовь.

И с этими словами она бросилась на грудь отца.

Дверь отворилась, и в комнату вошла другая девушка, такая же почти хорошенькая как и Елена, только годом или двумя моложе.

— И не только моя привязанность,— воскликнула она при виде вошедшей,— но также и привязанность Джесси, не правда ли, сестра?

Джесси не знала в чем дело, тем не менее видела, что от нее ожидали чего-то. Она схватила только слово «привязанность» и заметила расстройство отца и смущение сестры. Она, однако ж, недолго колебалась и, подбежав к отцу, положила ему руку на другое плечо.

Разместившись таким образом, эти три osoby составили семейную картину, изображавшую самую чистую любовь. Посредине полковник, ветеран, участвовавший во многих битвах, с седой головой и седыми усами. По обеим сторонам две красивые девушки, алебастровые

руки которых обвивались вокруг его шеи, — а между тем они не были похожи одна на другую, словно между ними не существовало никакого родства. Елена была брюнетка, словно настоящая цыганка, а Джесси — блондинка.

Так сидели они втроем, представляя как бы олицетворение взаимной любви — искренней и чистой.

Глава IV ЮПИТЕР И ЮЛИЯ

Жестокое обращение Ефраима Дарка со своими невольниками приводило к обычному результату. Временами они убегали. Потом приходилось печатать в местных газетах объявление о беглецах и обещать награду за поимку. Таким образом, жестокость стоила ему дорого.

Но расходы плантатора Дарка отчасти вознаграждались деятельностью его сына. Ричард славился как знаменитый охотник за беглыми неграми. Он держал нарочно выдрессированных собак и много времени проводил в погоне за беглыми невольниками своего отца. После каждой поимки он требовал вознаграждения, словно беглецы принадлежали постороннему. Отец платил без сожаления и без ропота — и, может быть, это была единственная уплата, производимая из одного кармана в другой. Притом же отец гордился, что сын его исполнял обязанности сыщика с таким искусством.

На опушке обеих плантаций и соседних, лежавших по одной линии, находилось болото, поросшее кипарисами; оно тянулось вдоль речного берега на несколько квадратных миль. Это было не просто болото, но сеть ручьев, заливчиков и лагун. Часто болото заливалось водой, и тогда через него иначе нельзя было переправиться как в лодке. Но находились там и грязные пространства, до которых нельзя было добраться и на лодке. Там постоянно царили сумерки. Солнечные лучи не могли проходить сквозь ветви деревьев, обремененные громадными растениями-паразитами — *tillandsia usneoides*.

Эта часть леса и представляла убежище для беглых невольников, которые пробирались сюда из самых отдаленных мест, как преследуемый кролик бежит в свою нору.

Ричар Дарк давно облюбовал себе пост на опушке. Кипарисовый лес служил ему охотничьим парком. Дичь

в этом парке была человеческая, и поэтому он преследовал ее с двойным рвением.

Ричард знал, что и не было надобности проникать в непроходимые места для того, чтобы ловить невольников: последние должны были выходить за пищу или к друзьям, которые приносили им съестные припасы. Поимщик негров рассчитывал более на эту естественную потребность беглецов, чем на преследование с собаками.

Спустя месяц после отказа мисс Армстронг Дарк отправился на очередную охоту. Он никак не мог напасть на след «дичи», за которой охотился; этой дичью был, как всегда, беглый негр, на этот раз один из лучших работников на плантации его отца.

Уже несколько недель, как Юпитер (так звали невольника) скрылся. Объявление с его приметами и с обозначением награды поимщику было напечатано в газетах. Подозревая, что он еще прячется в болоте, Ричард Дарк не раз побывал там в надежде найти его следы. Но все было тщетно.

Всякий раз Дарк возвращался домой в дурном расположении духа, и не потому, что не успел найти беглеца — это был вопрос денежный, а денег он имел довольно, — но потому, что, проходя мимо плантации Армстронгов, он вспоминал о своей отвергнутой любви, о своих погибших надеждах.

И вот, оставив болото позади, он пробирался вдоль полянки, отделявшей плантацию его отца от соседской, как вдруг заметил нечто, обещавшее облегчение его смущенному сердцу: по направлению от дома полковника к болоту шла молодая девушка.

Это была любимица и наперсница Елены — мулатка Юлия. Ричард Дарк узнал ее с первого взгляда и даже в отдаленье под темною тенью деревьев.

— Слава Богу, сам дьявол посылает ее мне, — прошептал он. — Это возлюбленная Юпитера. Она, без сомнения, идет на свидание. Хорошо, если не ошибаюсь, я буду свидетелем их встречи. Двести долларов награды за Юпитера плюс удовольствие высечь собственноручно черного дьявола по возвращении домой. Хорошо, милая Юлия, ты выступишь для меня лучше, чем все гончие Миссисипи.

И ловец негров скрылся за кусты. Сквозь листья он зорко следил за молодой девушкой, пробиравшейся между деревьями.

Она шла не по тропинке и постоянно оглядывалась, что еще более подтверждало подозрение Ричарда.

Когда девушка миновала его засаду, он вышел и стал красться за нею, стараясь быть незамеченным и не потерять ее из вида.

Скоро она остановилась под большой магнолией, ветви которой покрывали обширное пространство.

Дарк стоял за деревом, откуда мог видеть все движения Юлии. Не отрывая от нее глаз, он повторял про себя: «Двести долларов мне и полторы тысячи отцу — это стоимость Юпитера».

Каково же было его удивление, когда девушка вынула из кармана письмо и, приподнявшись на цыпочки, вложила его в дупло магнолии. После этого она повернулась и, не останавливаясь ни на минуту под тенью дерева, поспешила обратно.

Ричард был не только удивлен, но и глубоко огорчен этой двойной неудачей: высечь Юпитера и заработать двести долларов.

Он оставался в своей засаде неподвижен, пока мулатка не скрылась из виду. Он понял, что в письме могла заключаться тайна, которая способна принести ему утешение. Он решил узнать ее и отправился к дереву.

Да, он скоро узнал эту тайну, но она не принесла ему утешения.

Содержание положенного таинственного письма было таким, что Дарк, несмотря на всю свою злость и бессердечность, по прочтении его зашатался, словно пьяный, и был вынужден облокотиться о дерево, чтоб не упасть.

Через минуту он пришел в себя, снова прочел письмо и долго рассматривал фотографическую карточку, вложенную в тот же конверт.

Потом из уст его вырвались странные слова угрозы, подкрепленные ужасной бранью.

Он произнес чье-то имя и, сжав губы, удалился большими шагами. Глаза его сверкали гневом, это был явный признак того, что жизнь человека, упомянутого им, подвергалась опасности.

Глава V

ФОТОГРАФИЯ В ЛЕСУ

Без малейшего предостережения! Без единого слова! Выстрел последовал сзади. Кленси ощутил в левой руке нечто, подобное прикосновению раскаленного железа или капли кипятка, и, если бы не грохот ружейного выстрела, раздавшийся одновременно, он и не догадался бы, что в него стреляли.

Рана — простая царапина — не обессилила его. Он резко обернулся, готовый выстрелить в свою очередь, но никого не увидел.

Он понял, что выстрел последовал из охотничьего ружья, заряженного пулей. А затем Кленси попытался сообразить: кто стрелял и почему. Он шел по лесной тропинке берегом реки Миссисипи, а не по большой дороге, посещаемой разбойниками. Совершенно очевидно, что его хотели убить и что только один человек в мире мог иметь желание это сделать. И ему показалось, что выстрел словно произнес имя этого человека — Ричард Дарк.

Глаза Кленси сверкнули гневом; он начал осматривать лес, пытаясь по пороховому дыму определить место, откуда был произведен выстрел.

Он видел только стволы деревьев и их ветви, фантастически убранные испанским мхом, космы которого спускались до самой земли. Ничего похожего на дым он не заметил. Дым, вероятно, поднялся очень быстро в вершины деревьев и смешался с мхом.

Но ни сумрак, ни теснота деревьев не помешали собаке Кленси открыть убежище убийцы. С лаем животное бросилось вперед и остановилось шагах в двадцати от огромного кипариса. Кипарис был со всех сторон окружен пнями в несколько футов вышиною, которые в сумерках можно было принять за людей.

Кленси вскоре очутился среди них и, стоя между двумя пнями, увидел того, кто пытался убить его.

Кленси не требовал никакого объяснения.

Он взвел курок и прицелился.

— Дик Дарк! — крикнул Кленси. — Вам принадлежит первый выстрел, а теперь моя очередь.

С этими словами он опустил палец на спусковой крючок.

Дарк выскочил из убежища, чтоб действовать сво-

боднее. Он поднял свое двуствольное ружье, но рассудив, что уже поздно, вместо того, чтоб спустить курок, поспешил вновь скрыться за деревом. Он был проворен, как рысь, и проворство спасло его от пули Кленси.

Пуля пробила полу его платья, но не причинила ему даже царапины.

Он снова выскочил из-за дерева с криком торжества, с ружьем наготове, потому что был уверен в своей победе.

— Вы неловкий глупец, Чарльз Кленси,— сказал он насмешливо,— и к тому же плохой стрелок, если дали по человеку промах в десяти шагах. Я этого не сделаю на таком расстоянии. Выстрел за выстрел — вещь справедливая. Мне принадлежал первый и мой же будет последним. Примите ваш смертельный выстрел.

При этих словах огненная полоса блеснула из его двустволки. Несколько секунд Кленси был невидим; дым окружал его облаком. А когда пороховой дым рассеялся, Кленси лежал на земле: ручеек крови, окрасивший уже его рубашку, лился из груди.

Кленси должен был чувствовать приближение смерти, судя по медленным и отрывистым словам:

— Бог вам судья, Ричард Дарк! Вы убили меня.

— Таково было мое намерение,— ответил Дарк безжалостно, подходя к жертве.

— О небо! Скажите же, несчастный, за что такая жестокость?

— О, вы очень хорошо знаете, за что: за Елену Армстронг. Впрочем, я убил вас не за это, а за ваше проклятое нахальство, за вашу мысль, что вы могли завладеть ею: вы не могли сделать этого, ибо она никогда не заботилась о вас, чему я имею доказательства. Может быть, для вас будет утешением убедиться в этом перед смертью. Так как нет вероятности, что вы увидите ее когда-нибудь, можете полюбоваться ее портретом. Вот он: эта прелестная девица прислала мне его сегодня утром, а вот и ее почерк, как видите. Сходство поразительное! Что скажете вы об этом? Говорите свое мнение откровенно. В вашем положении всегда говорят правду.

Разбойник держал фотографию у Кленси перед глазами: умирающий мог еще видеть портрет любимой девушки.

Он смотрел на изображение с любовью, но недолго: подпись внизу поглотила его внимание — он узнал почерк.

Страх смерти был ничто в сравнении с отчаянием, овладевшим его душою, когда темневшими уже глазами он прочел:

*«Елена Армстронг
Тому, кого любит».*

У Ричарда Дарка был ее портрет — значит, и эти нежные слова были адресованы к нему.

— Милая девушка! — воскликнул Дарк, вливая эти горькие слова в ухо своей жертвы, — она мне прислала его сегодня утром. Ну, Кленси, говорите же, что вы думаете о портрете?

Кленси не отвечал ни словом, ни жестом, ни взглядом. Губы его были немые, глаза стекловидны, тело неподвижно, как и земля, на которой он лежал.

— Черт возьми! Он издох! — заключил Ричард и сплюнул.

Глава VI ПОД КИПАРИСАМИ

Гнусные и зверские слова произнес Ричард Дарк. Зверство и сквернословие были характерными чертами его жизни. Он прибавил к ним еще и преступление — убийство.

И когда он наклонился над бездыханным телом своей жертвы, никакое раскаяние, никакое сожаление не обнаружилось ни в его взоре, ни в лице. Напротив, его черные глаза как бы еще сверкали ревнивою ненавистью, в то время как он сжимал рукоятку обнаженного до половины ножа, словно он хотел вонзить его в неприятеля. Но Кленси был уже мертв. К чему еще тут нож? И Ричард вложил его в ножны.

Первый раз мысль об опасности пробежала у него в голове, и душа поддалась влиянию страха. Он вдруг осознал, что совершил убийство.

— Нет, — сказал он, пытаясь оправдаться перед собственной совестью, — это не убийство. Правда, я умертвил его, но ведь и он в меня стрелял. Я могу доказать, что ружье его разряжено, а вот и отверстие от пули на моем платье. И действительно, я удачно отделался.

Глаза его на мгновение остановились на простреленной дыре, но только на мгновение. Тревога возвратилась к нему, и он продолжал оправдываться.

— Что ж, ведь это случается ежедневно на улицах, и какая разница, что это случилось здесь, между кипарисами? Только отсутствие свидетелей. Наконец, что ж тут такого, если их и не было?

Убийца задумался, то смотря на труп, то оглядывая лес, словно боясь, чтобы кто-нибудь не пришел.

Опасности не предвиделось, так как место было совершенно уединенное, и сюда не заходил ни один путешественник, а плантатор и тем более. Дровосек никогда не забирался в эту глушь, а только заходили охотники да беглый негр.

«Признаться ли прямо,— думал Дарк,— что я убил его? Я могу сказать, что мы встретились на охоте, что бой был честный — выстрел за выстрел, а велением судьбы мне достался последний. Но поверят ли мне?»

Он взглянул на труп, потом на деревья, ветви которых покрылись мхом, словно занавесью. Он подумал, что можно скрыть убитого человека в таком уединенном месте.

— Нет,— продолжал он,— о, нет, лучше не говорить ничего. У него нет друзей, которые позаботились бы узнать, что с ним случилось, у него есть только старуха-мать. Что же касается Елены Армстронг, о!..

Последнее восклицание обличало горечь сердца, вызванную этим именем.

Он еще раз осмотрелся, чтоб убедиться — не видел ли кто-нибудь его, так как решился спрятать труп соперника.

Извилистая речка медленно протекала между деревьями, шагах в двухстах от тропы. От тени кипарисов вода казалась в ней черной и была довольно глубока для задуманной им цели.

Он не мог донести туда труп, а если бы вздумал — оставил бы следы.

— Я брошу его здесь, где он лежит, никто никогда сюда не заходит. Он может оставаться здесь до страшного суда или до тех пор, пока волки и коршуны не съедят его до костей,— а кто же узнает кости? Будет гораздо лучше, если я прикрою его этим мхом, набросаю мох на следы, которые мы оставили.

Приставив двустволку к дереву и набрав охапку мха, он прикрыл им неостывший еще труп, накидав сверху валежника, чтобы ветер не поднял этого тяжелого савана. Скрыв также следы крови и сапог, он остановился на минуту, чтоб посмотреть на дело своих рук.

Удовлетворившись, по-видимому, он взял ружье и хотел удалиться, как до слуха его долетели звуки, заставившие его вздрогнуть: словно кто-то голосил по мертвому.

Сперва он очень испугался, но скоро пришел в себя, увидев собаку Кленси, скрывавшуюся между деревьями.

— А! Это собака! — пробормотал он.

Когда хозяин был убит, собака убежала, боясь, без сомнения, подвергнуться такой же участи, а потом опять приблизилась к роковому месту.

Ружье Дарка было разряжено, и он пытался приманить собаку, чтобы заколоть ее ножом, но она не подходила.

Тогда он зарядил один из стволов, прицелился и выстрелил.

Пуля ударила в мясистую часть шеи. Испуганное животное громко завывало и убежало.

«Эта проклятая собака выдаст меня! — вдруг мелькнуло у него в голове.— Она может привести сюда кого-нибудь».

Он побледнел, когда эта мысль мелькнула у него в уме, и опять ощутил страх. Он знал, что в таком уединенном месте можно скрыть труп, а с ним и свой кровавый поступок. Все шансы были на его стороне, но он позабыл о собаке.

Теперь же, когда собака была на свободе, обстоятельства могли повернуться против него.

Он понял, что оставаться у жертвы далее нельзя.

Ближайшая плантация находилась в двух милях, но по дороге была полянка, на которой стояла хижина охотника. Окровавленная, воющая собака легко могла вызвать тревогу и возбудить подозрение по поводу отсутствия ее хозяина. Могли начаться поиски.

Вдали, за деревьями он еще слышал вой раненой собаки. Был ли то обман воображения или действительность, но ему слышались и человеческие голоса.

Вскинув ружье на плечо, он двинулся в лес: сперва быстрыми шагами, потом еще быстрее, наконец, побежал, словно его преследовали и вой собаки, и чудившиеся ему человеческие голоса.

Он бежал в противоположную сторону от той, куда удалилась собака, а также и от плантации своего отца. Он забрался в болото, перешел через топкое место, где оставил глубокие следы в мягкой топи, но в испуге не принимал никаких мер предосторожности.

Убийца бывает дальновиден только перед преступлением — а после у него, обыкновенно, не достает ни отваги, ни хладнокровия: он теряет присутствие духа и всегда оставляет следы.

Так случилось и с Ричардом Дарком, когда в испуге он быстро удалялся от места преступления. Он желал только одного — уйти от проклятой собаки, вой которой смешивался с людскими голосами, с криками мщения.

Глава VII

ОХОТНИК ЗА ЕНОТАМИ

Нет округа в Южных штатах, в котором не было бы охотников за енотами. Интересно, что такими охотниками всегда бывают негры. Охота эта слишком легка или весьма ничтожна, чтоб соблазнить белого. В прежние времена на каждой плантации был один или несколько черных охотников. Ловля енотов доставляла им и выгоду, и удовольствие. Деньги, вырученные за шкуры, они употребляли на покупку табака и виски, так как любили выпить. Мясо, хоть и не ценилось белыми, составляло лакомство для негра, мало привыкшего к говядине.

Плантация Ефраима Дарка не была исключением из общего правила; на ней имелся свой охотник за енотами. Это был негр по прозвищу Синий-Билл. Свое прозвище он получил вследствие того, что в иные дни на его черной коже выступал синий оттенок, — а вообще он был черен как эбеновое дерево. Синий-Билл был страстный охотник и любил гоняться за енотами и двуутробками в ущерб собственной безопасности и спокойствию. Охота увлекала его далеко, несмотря на то, что дисциплина плантации требовала, чтоб он оставался дома, и не раз на плечах его оставались следы кнута за самовольную отлучку.

К несчастью для Ричарда, наказания эти не излечили охотника от его наклонностей. В тот вечер, когда был убит Кленси, неутомимый Синий-Билл бродил по лесу с маленькой собакой, приученной к его любимой охоте. Гоняясь за старым самцом, они вышли на опушку леса. Он готовился подкрасться к дереву, где у енота было гнездо, как вдруг выстрел заставил его вздрогнуть. Опытный слух узнал выстрел двустволки его молодого хо-

зяина, а это был человек, встречи с которым он боялся больше, чем с кем бы то ни было, так как опять ушел из дома без всякого позволения.

Первой мыслью его было залезть повыше на дерево и укрыться между ветвями: но собака оставалась внизу и могла выдать его.

Пока он соображал, как лучше поступить, раздался другой выстрел, потом третий, слышались голоса и, наконец, вой собаки.

— Боже! — прошептал Синий-Билл, — там дерутся, и я знаю, кто это. Первым стрелял масса Дарк, вторым масса Кленси. О, я здесь не в безопасности! Куда бы мне спрятаться?

Он посмотрел на собаку, потом на ствол дерева, обвитого громадными лозами дикого винограда, с помощью которого было легко взобраться на самый верх, и так легко, что смело можно было взять с собою и собаку. Страх того, что молодой хозяин мог зайти сюда и заметить его, заставил не терять ни минуты; он схватил собаку и полез на дерево, как медведица, уносящая медвежонка.

Через десять секунд он уже был между ветвями и совершенно закрыт листьями от взора тех, кто мог бы пройти внизу.

Чувствуя себя в безопасности, охотник начал прислушиваться. Сначала доносились голоса, потом слышался только один голос, которому как будто перестали отвечать. Говорил его молодой хозяин, но трудно было различить слова на таком расстоянии. Потом ничего не стало слышно, и люди, по-видимому, удалились. Так как дерево, на котором сидел Синий-Билл, не стояло на дороге к плантации, то он и надеялся, что хозяин не пройдет здесь и что ему самому можно будет смело возвратиться домой.

Но вот охотник услышал тихий зловещий вой собаки, которая, казалось, пришла по другому направлению, потом снова голос массы Дика, который ласково приманивал ее.

Затем снова прогремел выстрел, сопровождаемый гневным восклицанием, и опять раздался вой собаки.

Для невольника, отлучившегося без позволения, все это было дурным предзнаменованием и предвещало трагическую развязку. Он дрожал от страха, а между тем присутствие духа не покидало его. Схватив за горло свою

охотничью собаку, чтоб она не подала голоса, он время-
нами давал ей шлепки.

Вскоре раздались быстрые шаги в кустарниках, приближавшиеся к его дереву. Он был уверен, что это был его молодой хозяин. Через несколько секунд он увидел, как тот шел от места, где перед тем раздавались голоса и ружейные выстрелы. Он бежал нагнувшись и часто останавливался, прислушиваясь и оглядываясь.

Добежав до смоковницы, он остановился, вынул из кармана платок, отер с лица и со лба пот и вновь двинулся вперед.

Вынимая платок, Ричард не обратил внимания, как что-то упало к его ногам, — но охотник не мог этого не заметить. Упавшее было похоже на обыкновенный конверт, который и был осторожно поднят Синим-Биллом, когда тот слез с дерева.

Негр не умел читать, он даже не вынимал бумаги из конверта, но инстинктивно догадался, что тем или другим образом в данную минуту находка может быть ему полезна, и поэтому он положил ее в карман.

Он прислушивался к затихающим шагам Ричарда Дарка. Тишина вступила в свои права среди мрачных кипарисов. И вскоре охотник слышал только биение собственного сердца.

Енот, еще недавно обреченный на верную смерть, мог спокойно спать в своем дупле. Синему-Биллу встретились другие заботы, и енот вышел у него из головы. Охотник хлопотал о собственной безопасности, хотя молодой хозяин не видел его и даже не подозревал об его присутствии, ему что-то подсказывало, что несчастный случай поставил его в опасное положение. Было ясно, что случилось какое-то трагическое событие.

Его подмывало пойти туда, где прогремели выстрелы, с целью узнать — что там произошло, но он вскоре одумался. Он уже боялся того, что знал, и не смел узнавать больше. Убийцей мог быть молодой хозяин. Это подтверждало и бегство Дика. Ну, что ж? Должен ли негр убедиться в его преступлении и потом свидетельствовать против него? Он знал, что свидетельство его как невольника не будет иметь в суде никакого значения, но все-таки усилит подозрение. Но как невольник Ефраима Дарка, он знал, что потом ему не жить на свете.

Последнее повлияло на Синего-Билла. Он ушел, унося на руках собаку.

Он бежал, не останавливаясь, и счел себя в безопасности только тогда, когда прибыл в негритянский поселок.

Глава VIII

БЕГСТВО УБИЙЦЫ

Ричард Дарк бежал через лес, словно кто-то гнался за ним. Он держался прямой линии, насколько позволяли ему кустарники, спотыкаясь иногда об опрокинувшиеся деревья или путаясь в длинных ветвях ползучего винограда. Он останавливался только для того, чтоб прислушаться или взглянуть, не было ли за ним погони.

Хладнокровие, которое он обнаруживал, скрывая труп, оставило его совершенно. Прежде он был убежден, что никто не видел его поступка и что он не оставил ни малейшего следа, который мог бы его обличить. Присутствие или, лучше сказать, бегство собаки все изменило. Теперь он боялся.

Ричард продолжал свое беспорядочное бегство на протяжении мили, но потом, изнуренный от усталости, присел на древесный пенек.

Рассчитывая, что он уже достаточно удалился от места убийства, он чувствовал меньше волнения, и мысли его немного успокоились.

Он вынул платок и отер лицо, залитое потом.

— Как я был глуп! — сказал себе он. — Предположим, что кто-нибудь меня видел, ведь этим только ухудшится положение. От чего я убежал? Не более как от собаки. Проклятая собака! Она побежала домой и изобличит меня. След пули, но кто может сказать — какая это была пуля и из какого ружья вылетела? Никто. Здесь нет опасности, да и глупо было думать, что она могла существовать. Все кончено, а потом?

Он посидел несколько минут на пне, положив ружье на колени и склонив голову на грудь. Он, казалось, погрузился в глубокие думы.

— Прелестная Елена! Я сохраню этот залог, — прошептал он наконец. — Кто знает, не буду ли я завтра благословлять это дерево, которое проклиная сегодня. Кто может предвидеть перемены, совершающиеся в сердце женщины? В истории есть у меня царственный соименник, один английский король, который был горбат, безобразен и, по его собственным словам, едва доделан.

На него лаяли собаки, как на меня собака Кленси некоторое время назад. Этот царственный Ричард ухаживал за женщиной, мужа которой он умертвил. Он любил гордую и покори́л ее. Это должно ободрить меня тем более, что я, Ричард Дарк, не калека, я не горбун, не урод, что может подтвердить не одна девушка на Миссисипи. Елена может быть горда, она столь же горда, как королева Анна, а между тем у меня есть средство смирить ее. Мой план так же хорошо задуман, как и план моего царственного соименника. Пусть небо и ад пошлют мне подобный успех.

Произнеся это богохульство, он встал и посмотрел на часы.

— Десять с половиною,— пробормотал он.— Я не успею сходить домой и потом в лес Армстронга. У меня едва хватит времени, чтобы дойти до дерева, которое не далее как в двух милях отсюда. Я не пойду домой переодеваться; в этом нет надобности. Она не заметит дырочки на моем платье, а если б и заметила, не заподозрит что это сделано пулей. Надо идти: было бы нехорошо заставить ждать эту милую особу. Счастье ее, если она встретит меня приветливо, но горе ее, если примет нехорошо. То, что случилось со мною, приготовило меня ко всему. Во всяком случае я буду удовлетворен за выказанное мне ею пренебрежение. О, она обязана удовлетворить меня.

Вдруг он спохватился, что не помнит точно условного времени свидания под магнолией и может прийти раньше или опоздать. Он опустил руку в карман, в который положил письмо с фотографией, после того как показывал ее умирающему. Карман был пуст. Он безуспешно перерыл все остальные карманы. Обшарив сумку и патронташ и выворотив еще раз карманы, он пришел к заключению, что потерял и письмо, и карточку. Он решил, что, вероятно, выронил их во время бегства.

Но как быть теперь? Надо ли идти назад и искать потерю? Что же было в этом письме? Ничего, что могло бы скомпрометировать его. В таком случае, какая же надобность отыскивать его?

«К черту его вместе с портретом! — решил Ричард.— Пусть оно сгниет там, где упало, в грязи, если не ошибаюсь, где-нибудь под кипарисом. Нужды нет. Для меня важнее быть вовремя под магнолией».

Остановившись на этом решении, он застегнул пальто,

небрежно вскинул ружье на плечо и быстрыми шагами пошел на свидание, которое Елена Армстронг назначила Кленси.

Глава IX ПОД МАГНОЛИЕЙ

Может быть, первый раз в жизни Елена Армстронг шла украдкой. Дочь крупного плантатора-рабовладельца, она привыкла действовать прямо, как подобает аристократке. Но теперь она совершала поступок, требовавший особенной осторожности; она боялась встречи даже с самым смиренным из отцовских невольников.

Закутавшись в мантию и опустив капюшон на голову, она шла молча, наклоняясь вперед. Даже самому пронизательному негру трудно было бы узнать в ней дочь своего господина полковника Армстронга.

Надо ли говорить, какое намерение влекло молодую девушку через лес в такую позднюю пору? Конечно, это была любовь, любовь скрытая и неодобряемая человеком, имевшим над нею власть. В эту минуту полковник Армстронг был занят делом со своими домашними: белыми и черными.

Ефраим Дарк подал ко взысканию, и полковник получил исполнительный лист. Из негров у него осталось только четыре невольника для обработки полей и полдюжины слуг, привязанность которых к господину делала их почти членами его семейства. Вот и все, чем располагал теперь разоренный плантатор.

Он думал увезти их в Техас, куда сам намеревался переселиться. На другой день был назначен отъезд. Поэтому с вечера он занимался окончательным устройством дел, необходимыми дорожными приготовлениями. Будучи занят, он не имел времени думать о дочерях, которые, по его мнению, также должны были готовиться в дорогу. Если б в эту минуту гордому плантатору сказали, что его старшая дочь бродит по лесам, он крайне удивился бы, а если б он узнал, что она пошла на любовное свидание, он, быть может, бросив сборы, вспылал бы яростью, схватил бы пистолет и бросился бы в погоню за дочерью, которая составляла гордость его дома и его сердца, и, может быть, сделался бы виновником трагедии вроде той, которую мы описали выше.

К счастью, он ничего не знал и до такой степени погрузился в свои приготовления, что даже и не замечал отсутствия старшей дочери, тем более, что младшая, бывшая в сговоре с сестрою, находилась тут же и старалась не дать заметить ее отсутствия.

Елена Армстронг продолжала ночную экскурсию, наклоняясь вперед и останавливаясь временами, чтобы бросить беглый взгляд во все стороны.

Около полумили от усадьбы, на границе майсового поля и девственного леса стояла большая магнолия, пощаженная топором дровосека. Под этим деревом Елена назначила свидание, и в дупло этого же дерева ее наперсница Юлия положила письмо с фотографической карточкой.

Остановившись под его большими ветвями, она раскрыла мантию и откинула капюшон.

Она не боялась больше ничего, негры не ходили сюда ночью, разве что иногда забредали, охотясь за двуутробкою или енотом.

Она перевела дух и успокоила сильное биение сердца. Затем она поднялась на цыпочки и опустила руку в дупло. Но ничего в нем не нашла.

— Нашел! Взял! — сказала она.

Вскоре при том же тусклом свете можно было разглядеть на лице ее легкое выражение досады, и она прошептала:

— Почему же нет ответа?

И она снова запустила руку в отверстие, и снова не нашла ничего.

— Он мог бы написать мне в нескольких словах, что придет. Он должен был явиться сюда прежде меня; я уверена, что уже пора.

Это было не более как предположение, она могла ошибиться и обвинять напрасно. Вынув часы, она вышла на лунный свет и поднесла циферблат к глазам. Лицо ее приняло выражение огорчения и досады. Стрелка показывала десять минут сверх срока, назначенного ею в письме.

— Прошло десять минут, а его еще нет здесь, и нет ответа на мое письмо. А между тем он должен уже получить его. Юлия уверяла, что опустила его в известное отверстие. Кто же другой мог взять его? Некому. О, как он жесток. И, если он не приходит, я уйду назад.

И, закутавшись в мантию, она набросила на лицо капю-

шон. Однако она еще колебалась и прислушивалась.

Никакие звуки, никакие шаги не прерывали ночного молчания, исключая треск сверчков и крики птиц.

Она снова посмотрела на часы; прошло еще несколько минут после назначенного для свидания срока. Елена решительно прицепила часы к поясу; досада сменилась гневом. Глаза ее сверкали. Она вышла из-под дерева, но не успела покинуть тени, как остановилась. Послышались твердые, тяжелые шаги по сухим листьям — шаги, очевидно, мужские.

— Наконец-то! — прошептала она весело.

Отчаяние, досада, грусть отлетели в одну минуту, когда она увидела его.

Но она решилась не прощать тотчас, и начала с упреков.

— А вот и вы! Хорошо. Я удивляюсь, что вы пришли. Пословица говорит: «Лучше поздно, чем никогда». Может быть, это очень хорошо для вас, но я уже довольно пробыла здесь одна, мне уже пора, я должна пожелать вам покойной ночи.

И, проговорив эти слова, она стала оправлять капюшон вокруг головы, решившись покинуть обожаемого, который обошелся с нею так невнимательно.

Он бросился, чтобы удержать ее, и, несмотря на темноту, она увидела, как он протягивает к ней руки, как бы умоляя ее.

В этом движении выказывались раскаяние и сожаление — одним словом, все, что могло смягчить ее.

И она смягчилась, она готова была броситься ему на грудь, но все-таки еще сказала:

— С вашей стороны очень жестоко подвергать меня такому испытанию! Чарльз, Чарльз!

— Елена Армстронг! Я — не Чарльз, я — Ричард. Меня зовут Ричард Дарк.

Глава X

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО НЕ ОЖИДАЛИ

Ричард Дарк вместо Чарльза Кленси!

Трудно выразить словами душевное состояние Елены Армстронг, когда она убедилась в своей ошибке. Ею в одинаковой степени овладели раздражение и стыд, потому что она оказалась в очень неловком положении.

Она не упала в обморок, не испустила крика, который мог бы обличить ее смятение или удивление. Нет, она была не из таких женщин. Она просто сказала:

— Ну, что ж, сударь, хоть вы и Ричард Дарк, но это еще не дает вам права мне надоедать.

Этот холодный и твердый тон обескуражил его. Он надеялся, что стыд быть захваченной врасплох должен смягчить ее, а может быть, и довести до покорности.

Напротив, он вскоре увидел, что только усилил ее досаду; руки его невольно опустились, и он хотел дать ей дорогу, но попытался оправдаться.

— Мне грустно, если я вам надоедаю, мисс Армстронг,— сказал он,— это произошло совершенно случайно. Узнав, что вы оставляете наши места и уезжаете завтра, я шел попрощаться. Мне очень жаль, что я пошел этой дорогой и случайно встретился с вами; я жалею об этом тем более, что вижу, вы ожидали кого-то другого.

— В таком случае зачем же вы загораживаете мне дорогу? Зачем стоите здесь?

— О, если вам угодно, я избавлю вас от своего присутствия,— сказал Дарк, отступая в сторону.— Я шел к вашему отцу попрощаться,— продолжал он,— а теперь могу поручить вам передать мое почтение вашему семейству.

Это было сказано, очевидно, в насмешку, но Елена не обратила на это внимания; она думала только, как бы отделаться от этого человека, который явился так некстати.

Чарльза Кленси, полагала она, могла задержать какая-нибудь неизвестная причина, и поэтому он опаздывает. Надеясь, что он еще придет, она внимательно и быстро оглядела лес. Несмотря на темноту, взор этот не ускользнул от Дарка.

Не дожидаясь ответа, последний продолжал:

— Полагаю, что вы приняли меня за Чарльза Кленси. Если вы дожидаетесь его, я могу избавить вас от необходимости оставаться долее под влиянием ночной сырости, потому что он не придет.

— Что вы хотите сказать, мистер Дарк? Зачем вы это говорите?

Гордая девушка забыла осторожность; слова Дарка произвели ожидаемое впечатление. Она говорила необдуманно.

Ответ Дарка был обдуманнее.

— Потому что я встретил Чарльза Кленси сегодня утром; он сказал мне, что отправляется в дорогу. Кажется, тут сердечные дела, у него есть хорошенькая креолка, живущая близ Натчеза. Кстати, он показывал ваш портрет, который, по его словам, он получил от вас. Сходство поразительное. Извините, мисс Армстронг, если я вам скажу, что мы с Кленси почти поссорились по поводу этого портрета. У него была еще фотография его возлюбленной креолки, и он утверждал, что она красивее вас. Правда, мисс Армстронг, вы не уполномочивали меня быть вашим защитником, однако я не мог выдержать и категорически заявил Кленси, что он ошибается и что я готов повторить это ему и всем, кто не признает, что Елена Армстронг — красивейшая особа во всем штате Миссисипи.

Сердце Елены готово было разорваться. Она любила Кленси, она писала ему об этом в письме. А он насмеялся над нею, пренебрег ею для какой-то креолки. И это была правда, иначе каким же образом мог узнать все Дарк? Но еще хуже было то, что Кленси хвастал ее стыдом, показывая ее фотографию, тщеславился торжеством над нею.

— О Боже!

Это восклицание вырвалось из уст Елены Армстронг, когда эти горькие мысли мелькнули в ее голове. Она повернулась к дому.

Дарк считал случай благоприятным и еще раз бросился к ней.

— Елена! — воскликнул он в пылу страсти, если не совсем чистой, то, по крайней мере, сильной и прочувствованной. — Зачем вы любите человека, который насмеяется над вами? Я люблю вас истинно, безумно, больше жизни; вам еще не поздно взять назад отказ на мое предложение. Сделайте это, и вам не будет больше надобности ехать в Техас. Имение вашего отца будет принадлежать вашему отцу и вам. Скажите, что вы согласны быть моею женою, и все ему будет возвращено, все пойдет по-прежнему.

Она дождалась окончания его речи, и, хотя и не могла отдавать себе отчета, искренность его тона удержала ее на минуту: это было одно только мгновение нерешительности. Но мгновение это скоро прошло, горечь вступила в свои права, слова Ричарда Дарка не только не были

бальзамом, но, казалось, только подлили яду в отраву. Она ответила ему одним только словом, повторенным три раза:

— Никогда, никогда, никогда!

Потом удалилась с видом гордым, высокомерным, но не презрительным, а только холодным, ясно показывавшим, что она не желает дальнейшей беседы.

Ричард Дарк остолбенел и не смел пойти за нею; он остался под магнолией, которая как бы повторяла:

— Никогда, никогда, никогда!

Глава XI

ОТЧЕГО ОН НЕ ПРИХОДИТ?

В этот вечер Елена Армстронг думала о Чарльзе Кленси с горечью. Ведь теперь она знала, что есть другая женщина, которая бодрствует, ожидая его и думая о нем с грустью.

В двух милях от плантации полковника Армстронга, у дороги, проходившей мимо этой плантации, стоял дом, весьма скромный в сравнении с домом плантатора. Это был опрятный домик с черепичной кровлей. Такие дома встречаются в южных штатах, хотя гораздо реже, чем в северных, и в них живут люди беднее плантаторов. Они тоже считаются плантаторами, но только менее состоятельными, имея несколько невольников и обладая землею от двадцати до пятидесяти десятин.

Жилище, о котором мы сказали, лежавшее в двух милях от усадьбы полковника Армстронга, принадлежало Чарльзу Кленси; он жил в нем с матерью. Она была вдова и не имела других родственников.

Муж ее был разорившийся ирландский дворянин, прибывший в Нэшвилль, столицу Теннесси, куда в прежнее время переселилось много хороших ирландских семейств. Там он и женился на ней. Она родилась в Теннесси, но происходила от старинных пионеров Каролины, переселившихся в Америку в конце XVIII века с Робертсонами, Гинессами, Гардингами и Брэдфордами, оставившими своим потомкам нечто дворянское, или, по крайней мере, имя, достойное уважения и обыкновенно заслуживавшее его. В Америке, как и везде, ирландцы не обогащаются, в особенности дворяне, привыкшие к мотовству и потому всегда находящиеся в стесненном положении.

Так случилось и с капитаном Джеком Кленси, полу-

чившим за женою состояние, которое он поспешил растратить на пирушке с друзьями, так что принужден был переселиться на Миссисипи, где земля была тогда дешевле.

Купленное им здесь имение было неудовлетворительно, и он собирался уехать в Техас, привлекавший тогда колонистов. Он послал туда сына. Молодой человек провел там год в поисках удобного помещения, и возвратился с благоприятными вестями. Но к моменту его возвращения капитан Кленси был уже в могиле.

Это случилось за несколько недель до начала нашего рассказа. Чарльз старался утешить мать, которая не в состоянии была перенести обрушившегося на нее горя.

И вот сегодня ее вновь одолевало предчувствие несчастья. На закате солнца она уселась на крыльце, жадно прислушиваясь к малейшему шуму.

Чарльз ушел на охоту с утра. Она знала, что он любил это занятие с детства и особенно пристрастился к нему после возвращения из Техаса. Мать извиняла его, если он возвращался даже и поздно.

Но сегодня он запаздывал больше обыкновенного: животные удалялись уже на ночлег в свои убежища, а он никогда не охотился при свете факелов.

Что же могло удержать его после захода солнца?

Одно только могло объяснить его отлучку — это любовь. С некоторых пор мать, следившая за сыном заботливым взором, заметила его рассеянность, слышала вздохи, выходившие из глубины его сердца, а служанка сказала ей по секрету, в кого он был влюблен.

Она была довольна. Ни одной девушки во всем соседстве она не желала в невестки так горячо, как Елену Армстронг, не за ее красоту, не за высокое общественное положение, а за благородный характер.

И, припомнив собственную молодость и свои свидания с отцом Чарльза, она извиняла сына.

И только когда часы пробили полночь, она начала серьезно думать о нем, потом ею овладело беспокойство и, наконец, страх. Почему он не возвращается после полуночи? Миссис Кленси догадывалась, что любовь велась в секрете, и это не слишком ей нравилось. Она думала, что ее сына презирали за бедность. А между тем Елена Армстронг не должна, не смела быть вне дома. Ей давно уже следовало быть в постели. Стало быть, не она удерживала ее сына.

Наконец взошла луна, смолкли ночные звуки леса. Прошло час после полуночи, а сын не возвращался.

— Где же может быть Чарльз? Где это он так задержался? — задавала себе бедная женщина вопросы, те же самые, что несколько часов назад вырывались из уст Елены. То были слова, внушенные страстью, одинаково сильною и, конечно, чистою.

Обе тревожились, но как различны были их переживания! Девушка считала себя униженной, покинутой, а мать — мучилась предчувствием, что у нее нет более сына.

Спустя некоторое время это предчувствие подтвердилось — она увидела приближающуюся собаку своего сына, покрытую грязью и кровью. Ужаснувшись от горя и тревоги, миссис Кленси лишилась чувств и была перенесена в дом верным невольником, единственным, который у нее остался.

Глава XII

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД НА ЛЮБИМЫЕ МЕСТА

В тот же день, задолго до рассвета, тяжело нагруженный фургон выехал из ворот имения полковника Армстронга. Теперь это имение стало собственностью Ефраима Дарка.

За фургоном выехала старая семейная карета, в которой сидел полковник Армстронг и его дочери.

Путь кареты был недалек, только до Начеза, откуда пароход должен был увезти пассажиров по Красной реке. Дорога в Начез была так дурна, что полковник решил выехать заранее, чтобы прибыть вовремя.

Кроме того, столь ранний выезд был обусловлен тем, что Армстронгу не хотелось, чтобы соседи видели его унижение.

Оба экипажа до рассвета прибыли в старинный красивый город Начез, расположенный на одной из немногих высот, которые встречаются вдоль Миссисипи и называются Чиказ-Блюст.

Всходило солнце, когда путешественники были уже на пароходе, и прозвонил третий звонок.

Вскоре полковник и его дочери смотрели в последний раз на город Начез, в лучшем обществе которого Елена несколько лет слыла красавицей. Но не мысль отказаться

от скипетра королевы красоты или променять роскошную жизнь на бедную вызвала слезы на глазах Елены. Бедняжка охотно перенесла бы все это и даже больше, если бы Чарльз Кленси остался ей верен.

Но все ли было кончено? Нет, по крайней мере, относительно ее самой. Что же касается его, то в обществе молодой креолки, о которой сказывал Дик Дарк, он, без сомнения, скоро должен был забыть и клятвы и нежные слова, которые говорил ей под магнолией.

Но сможет ли она забыть его? Нет, если только в Техасе не протекает мифологическая Лета.

Если б она знала все, что произошло в лесу между Кленси и Дарком! И она узнала бы всю правду, если бы семейство Армстронг не оставило свой дом задолго до рассвета и подождало несколько часов. Да, все изменилось бы, по крайней мере, относительно предмета ее рассуждений; она узнала бы новость, которая объяла бы всех троих ужасом. И, может быть, для нее легче было бы узнать, что Кленси мертв, нежели неверен ей.

Но пароход уносил их все дальше и дальше от трагической новости.

Смотря с кормы на покидаемый край, Елена даже не могла представить, что человек, который заставлял ее плакать в эту минуту, лежит где-то там, в лесу, с простреленной грудью.

Если б она знала, то плакала бы от горя, а не от досады.

Глава XIII ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТРУПОМ

Солнце стояло уже высоко, над вершиною самых больших деревьев, когда вокруг жилища вдовы Кленси собралась толпа. Здесь были почти все ближайшие соседи. Подъезжали на лошадях и дальние. Все с карабинами, с пороховницами, с мешочками для пуль.

Причина этого вооруженного собрания была всем известна. Чарльз Кленси не возвратился домой, и многие обстоятельства заставляли предполагать, что с ним случилось что-то трагическое.

К полудню собрались все плантаторы, в том числе прибыл и Ефраим Дарк с сыном.

В западных штатах Юга, в случаях, подобных описанному, никто, каково бы ни было его положение, не

смел выказывать равнодушия. Самый гордый, самый богатый плантатор, также как и беднейший, должен принять участие в свершении правосудия колонистов, а последнее не всегда согласовывалось с законами страны.

По этой-то причине все соседи, дальние и близкие, званые и незваные, явились безотлагательно.

Вскоре собравшиеся принялись обсуждать план действий по поискам Кленси. Мать рассказала то, что ей было известно. Сын каждый день ходил на охоту с собакой. Мать не знала, в какую сторону он отправлялся, потому что не имела привычки осведомляться об этом, и для нее довольно было того, что он возвращался вечером. Он приходил не очень поздно и никогда не ночевал вне дома: он знал, что мать была одна, и, как добрый сын, он не хотел волновать ее. Минувшей же ночью она прождала его в смертельном страхе почти до рассвета и увидела лишь собаку, измазанную грязью и кровью.

Животное, продемонстрированное перед собранием соседей, находилось в том же состоянии. Все увидели след пули на ее шее, и, кроме того, повязанную вокруг горла веревку, один конец которой висел и, казалось, был надгрызан, а потом оторван.

Никто не мог объяснить последнего обстоятельства. Собака была привязана, быть может, к дереву, но ей удалось освободиться.

Но зачем же ее привязывали? Зачем стреляли по ней? Никто не мог ответить на эти вопросы.

Хозяин ее никогда не оставался вне дома ночью, по словам его матери. Если б с ним что-нибудь случилось до вечера, и он отделился от собаки, то отчего же последняя так поздно возвратилась домой? Не мог же он охотиться так далеко, чтобы собаке потребовалось полночи для возвращения.

И не Кленси же стрелял по своей собаке. Среди собравшихся были охотники, которые без ошибки могли истолковывать признаки так же легко, как Шампольон читал египетские иероглифы; эти специалисты удостоверили, что рана была нанесена пулей из широкоствольного ружья, но не из карабина, а Кленси ходил всегда с карабином.

Это был признак довольно знаменательный, который не замедлил произвести впечатление на охотников.

Проведя около часа в обсуждении плана действий, собрание отправилось на розыски Кленси.

Никто в присутствии матери не сказал «на розыски трупа», но она предчувствовала, что не увидит больше сына, хотя соседи и ободряли ее.

Искатели разделились на три отряда, которые отправились на поиски в разных направлениях.

Самый большой отряд поручили старому охотнику Саймону Вудлею, который взял собаку Кленси, рассчитывая, что она сможет оказаться полезной для розыска следов своего хозяина. Ричард Дарк примкнул к этому отряду, а его отец пошел с другим.

Сначала поиски вели у плантации Армстронга, затем у реки. Потом вспомнили о собаке Кленси. Собака действительно оказалась полезной. Очутившись в лесу, она побежала с такой скоростью, что охотники едва могли следовать за нею. Они проехали за собакой две мили до самой опушки болота.

Собака остановилась под большим кипарисом и отчаянно завывала.

Подъехав и сойдя с лошадей, охотники принялись внимательно исследовать территорию вокруг дерева, надеясь обнаружить троп Кленси.

Но ни мертвого, ни живого тела здесь не оказалось. Лежала только большая куча испанского мха, который, по-видимому, недавно был сорван с деревьев и потом разбросан.

Собака остановилась у кучи этого мха и завывала. Когда охотники приблизились, они увидели на мху и на земле буро-красные пятна — это была кровь.

Из-под мха высывался ствол ружья, которое, будучи вынуто, оказалось карабином. Многие признали в нем карабин Кленси. Потом была найдена его шляпа.

Странная вещь! До сих пор, до момента обнаружения вещей Кленси, Ричард Дарк был одним из ревностнейших в отряде, а теперь вдруг стал держаться в стороне.

К несчастью для него, Саймон Вудлей и другие заметили его растерянный вид, его странные манеры, перемену в его лице. Но одно обстоятельство, еще более важное, обратило на него особенное внимание товарищей. Раз или два, когда он приближался к месту, где были кровавые пятна, собака бросалась к нему с яростным лаем и не отступала от него, пока ее не прогоняли прикладами. Все заметили это обстоятельство, но не делали никаких предположений, так как были очень заняты. Они были убеждены в смерти Кленси и старались отыскать его тело.

Охотники обошли лес, болото, берега речки, но ни малейшего следа живого или мертвого Кленси не было найдено. Все меньше оставалось тех, кто надеялся, что он был жив. Да и как можно было надеяться при виде того, что было обнаружено у кучи мха. Не имелось никакого признака, по которому можно было бы допустить и самоубийство. Вывод из всего следовал один — Кленси был убит.

Глава XIV

ОТВЕРСТИЕ, СДЕЛАННОЕ ПУЛЕЙ ШИРОКОСТВОЛЬНОГО РУЖЬЯ

Отсутствие Чарльза Кленси было для всех тайной в продолжении утра, тогда имелась надежда, что он еще жив. Но теперь, когда надежда исчезла, когда все считали его мертвым — убитым, что доказывалось и пятнами крови, и шляпой, и ружьем, вставал вопрос: что же произошло с трупом? Если Кленси был просто убит — это одно. Если его похитили, то зачем тогда оставили свидетельствующие об убийстве следы? Кто мог его похитить? Зачем его похитили и куда отвезли?

Все чрезвычайно осложнялось.

Смущенные, почти испуганные искатели оставили это место, не преминув, однако, еще раз внимательно осмотреть все кругом. Приближалась ночь, и голодные и уставшие люди один за одним разъезжались по домам, решив продолжать поиски на другой день.

Только два человека не спешили домой — Саймон Вудлей и молодой его товарищ Хейвуд, также охотник.

— Я очень рад, что они уехали, — сказал Саймон Вудлей своему спутнику, когда они остались вдвоем. — Немыслимо отыскивать следы среди такого шума. Я кое-что заметил, Нед, чего мне не хотелось говорить при них, особенно при Дике Дарке. Пойдем теперь посмотрим — можно ли вывести какое-нибудь заключение.

Молодой охотник кивнул в знак согласия и последовал за своим старшим собратом.

Пройдя шагов двести по лесу, Вудлей остановился перед одним из кипарисовых пней и устремил глаза на одно место, почти вровень со своим подбородком.

— Видишь ли ты это, Нед? — спросил старый охотник, указывая пальцем на вершину пня.

Хейвуд уже осмотрел указанное место.

— Я вижу отверстие, пробитое пулей, и что-то красное по краям. Это похоже на кровь.

— Это и есть кровь, и отверстие действительно пробито пулей, и кусок свинца, вошедший сюда, прошел сквозь чье-то тело, а иначе каким же образом появилась бы кровь? Вынем пулю и посмотрим, что можно будет извлечь из этого.

Вудлей достал нож и вонзил клинок в кору кипариса вблизи отверстия. Он сделал это ловко и осторожно, чтобы не стереть красных краев дырки. Очертив круглый надрез и мало-помалу действуя ножом, он вынул, наконец, пулю вместе с куском дерева. Он знал, что пуля была там, потому что лезвие ножа толкнулось в нее.

Взвесив кусок дерева на руке, он передал его своему товарищу и сказал:

— В этом куске дерева такая пуля, которая никогда не могла вылететь из карабина,— она весит почти унцию. Только широкоствольное ружье может выбросить такую массу свинца.

— Вы правы,— ответил Хейвуд, подержав в свою очередь кусок дерева на ладони.— Нет сомнения, что эта пуля из широкоствольного ружья.

— Но кто же у нас охотится с таким ружьем, Нед Хейвуд?

— Я знаю только одного человека.

— Назови же его, назови проклятого бездельника!

— Дик Дарк.

— Да, Нед. Я подозревал его весь день, я видел еще и другие следы, ускользнувшие от взора наших товарищей, чему я очень рад; мне не хотелось бы рассматривать их в присутствии Дика Дарка; вот почему я замаскировал их, чтоб другие не заметили.

— Какие же это следы?

— В грязи на краю болота, далеко от места, где упал бедный молодой человек. Я наскоро осмотрел их и заметил, что это следы убежавшего человека. Голову свою отдаю в заклад, что они сделаны парюю сапог Дика Дарка. Теперь слишком темно, чтобы осматривать их, а мы для этого придем завтра очень рано, прежде чем встанут другие. Если это не следы Дика Дарка, то я позволю назвать Саймона Вудлея дураком и чем угодно.

— Но как же мы убедимся, что это его следы? Для сравнения необходимо иметь его сапоги.

— Я тебе ручаюсь, что у нас будут его сапоги.

— Но каким образом?

— Предоставь это мне. Я сочинил план, чтобы достать его обувь и другие вещи, которые могут осветить это мрачное дело. Пойдем, Нед, к вдове и посмотрим, не можем ли чем-нибудь утешить ее. Ведь она, пожалуй, и умрет. Она никогда не была крепка, в особенности после смерти мужа, а теперь, когда лишилась сына... Пойдем же, Хейвуд, докажем ей, что не все ее покинули.

— Конечно, пойдем.

Глава XV

ДОМ СКОРБИ

Весь день был днем страшной неизвестности для матери Чарльза Кленси, но еще ужаснее был вечер, когда соседи возвратились с поисков и не принесли никакого известия об ее сыне. Из их рассказов становилось ясно, что он был убит. Но кто был убийца и куда исчез труп, оставалось неизвестно.

Скорбь матери, сдерживаемая до тех пор слабой надеждою, перешла всякие границы. С ней случилась истерика, а затем она буквально лишилась чувств. Несмотря на свою бедность и малое количество друзей, она не была оставлена в горе. Многие из соседей, несмотря на их грубость, обладали очень добрым сердцем и решились провести ночь вместе с вдовой.

Они остались в сарае, покуривали трубки и рассуждали о событиях дня и о тайне убийства.

Они разговаривали по двое, тихо и осторожно. Часто упоминалось имя Ричарда Дарка, который, конечно, не остался с соседями, находившимися в доме вдовы Кленси.

Вскоре разговор сделался общим, беседа пошла откровеннее и, наконец, Дик Дарк сделался единственным предметом беседы.

Поведение его за весь день не ускользнуло от внимания соседей. Наименее проницательные заметили кое-что странное в его поведении. Его притворная готовность к помощи изменила ему, хотя это заметили только более внимательные. Но независимо от удивления при виде того, как яростно лаяла собака, всех более или менее поразила какая-то особенность во всех его движе-

ниях. И вдруг собака бросилась с лаем из сарая, видимо, услышав, что кто-то подходил к дому.

Этот кто-то унял собаку, подошел к двери сарая и обменялся с кем-то несколькими словами. Вскоре в сопровождении Саймона Вудлея и Эдварда Хейвуда в сарай вошел негр.

Находившиеся в сарае встали, встретили двух охотников, и последние приняли участие в совещании.

Вудлея все уважали и надеялись, что он может пролить какой-нибудь свет на ряд тайн, повергавших всех в крайнее смущение. И вскоре все внимали ему, как оракулу.

Головы небольшой группы почти соприкасались, и собеседники говорили очень тихо из боязни, чтобы женщины и слуги не слышали, о чем шла речь.

Люди сидели в темноте, но по временам, когда кто-нибудь переходил со свечой с места на место и лица их освещались на минуту, то можно было видеть их сверкающие глаза, их сжатые губы и решимость в чертах, ожидавшую только слова, чтобы приступить к действию. Саймон Вудлей сидел посередине группы, держа в руке какую-то вещь, которую показывал окружающим. Это был кусок кипарисового дерева, в котором засела пуля, окрасив его отверстие.

Саймон Вудлей сказал им также о замеченных им следах сапог и о том, чьи сапоги подходили, по его мнению, к этим следам.

Он объяснил способ, с помощью которого надеялся доказать это. Вскоре соседи сели на лошадей и уехали, оставив несколько человек у вдовы, если не для утешения ее в печали, то, по крайней мере, для того, чтобы она не оставалась в одиночестве.

Глава XVI НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Ричард Дарк спал не крепко в эту ночь убийства. Оскорбительные слова презрения, сказанные ему девушкой, которую он так горячо любил, постоянно раздавались у него в ушах.

Этого было достаточно, чтобы причинять ему мучение.

Он не жалел, что убил человека, но страдал от презрения девушки, которая была причиной преступле-

ния, не принесшего ему никакой пользы. Успей он ей хоть немного понравиться, он и не подумал бы раскаиваться в убийстве. Стоило ему задремать, как тут же чудился вой собаки. Он просыпался от этого, но, проснувшись, забывал об этом вое, и его мысли обращались к Елене Армстронг. Он представлял себе ее презрение и свою неудачу. Завтра утром она должна была покинуть его навсегда. Начезский пароход должен был увезти полковника Армстронга и его семейство очень далеко, и он, Ричард Дарк, вероятно никогда не увидит девушку, которую любит так пламенно, что совершил ради нее преступление.

— На кой черт, в таком случае, я убил его?

Лежа в постели, он произнес это грубое восклицание, не скорбя о гнусном поступке, но сожалея, что он так мало принес ему пользы.

Так было в первую ночь, но вторая прошла иначе. Он уже не думал об Елене Армстронг, а если и думал, то она стояла уже на втором плане. Ему неотступно чудилось, что он слышит вой собаки. Всю ночь он пролежал с открытыми глазами, размышляя об опасном положении, в которое его поставило убийство Кленси.

События дня ясно давали понять, что он в опасности. Конечно, никто не говорил ему, что его подозревают, но ведь могло быть известно, что он и Чарльз Кленси добивались руки Елены Армстронг. Впрочем, об этом никто не мог знать. И это хорошо, иначе соперничество могло указать на повод к убийству.

Дарк проанализировал свое поведение за целый день во время поисков Кленси в присутствии соседей и решил, что вел себя хорошо. Он был деятелен, притворялся изумленным, ревностным и огорченным даже больше других. Он был уверен, что против него не было улик. Лишь несколько моментов могли бросить на него тень подозрения. Так, например, он несколько раз вздрогнул, когда приближался к месту преступления. Страх его усилился, когда в густой тени кипариса не нашлось трупа под мхом, которым он сам, Дарк, прикрыл его. Он был убежден, что оставил труп там, подо мхом. Что же случилось с трупом? Неужели он ожил? Неужели Чарльз Кленси, пробитый пулею в три четверти унции в груди, мог встать? Вероятно ли, чтобы он остался в живых?

Когда он, убийца, задавал себе подобные вопросы, вновь оказавшись на месте преступления, то не удиви-

тельно, что он поддавался страху, и черты его выражали нечто странное и на него могли обратить внимание все его товарищи.

Да и чертова собака тоже несколько раз бросилась на него с лаем. Хорошо, что у Дарка хватило духу объяснить спутникам, что он однажды побил эту собаку, когда охотился вместе со своим другом Кленси, и что с тех пор она выказывала ему нерасположение.

Но, если тайна исчезновения тревожила его днем, когда кровь была взволнована и нервы напряжены, то в тишине ночи, в бессоннице он то и дело ворочался в постели, напрасно стараясь успокоиться и объяснить себе тайну, что же произошло с трупом. Он не мог даже представить ничего похожего на разгадку. Умер ли Кленси или был еще жив? Ушел ли он, или его унесли?

В том или другом случае Ричарду Дарку угрожала почти одинаковая опасность. Он предпочел бы, чтобы Кленси умер, потому что насчет убийцы могли возникнуть только предположения. Но если Чарльз остался в живых, то мог лично объявить о покушении на его жизнь, что перед судом равнялось убийству.

Он отдал бы лучшего негра, пойманного им, чтобы убедиться в смерти Кленси, и охотно освободил бы десять отцовских рабов, если бы это могло спасти его от наказания или от раскрытия преступления. А пока он должен был страдать. Нет, не от угрызений совести, а от подлого страха.

Ночная его тревога, однако, была гораздо легче той, какую ему пришлось испытать с рассветом. Он услышал множество чужих голосов. Он вскочил с кровати и бросился к раскрытому окну. Ему не было надобности и выглядывать для объяснения всего этого шума. Его сердце уже угадало всю суть. Среди людей, окружавших дом, он узнал шерифа графства и двух констеблей.

Эти три личности уже слезли с лошадей и входили в дом.

Через десять минут они были в его спальне. Шериф, переступив порог, сказал громким, твердым голосом:

— Ричард Дарк, вы арестованы!

— За что?

— За убийство Чарльза Кленси.

Глава XVII

ШЕРИФ ЮГО-ВОСТОКА

Через час Дарк сидел в тюрьме графства, в трех милях от имени своего отца.

Люди, арестовавшие его, сделали обыск не только в его комнате, но и во всем доме. Ефрайма Дарка не любили. Эгоизм и богатства не приобрели ему расположения соседей.

Притом же он не был чистокровным южанином, как большая часть его соседей. Они знали, что он из Новой Англии и, хотя в нем не было и тени аболиционизма, а, напротив, очень много рабовладельческого, его не любили ни плантаторы, ни «бедные белые».

Вот почему шериф и понятые мало церемонились; они обыскали дом и осмотрели самые секретные помещения. Они захватили одежду Ричарда и двухстволку, с которой он ходил в лес. Замечено было, что не в этом платье он явился на поиски Кленси. На костюме нашли недавний след от пули, пробившей полу.

В числе понятых, присутствовавших при аресте, было много отличных экспертов, как, например, охотник Вудлей. С первого же взгляда он признал, что дыра пробита карабинной пулей.

Многие другие подтвердили это показание.

Никто не думал спрашивать по этому поводу арестованного, так как все вопросы были отложены до разбирательства дела. Кроме дыры в костюме Дарка, улику представляло еще и ружье, к стволам которого аккуратно приходилась пуля, вырезанная Вудлеем из кипариса. Кроме того, Вудлей, действующий по собственному плану, нашел где-то в саду пару сапог, запачканных грязью. Старый охотник спрятал их, сообщив о своей находке только Хейвуду, и решил воспользоваться ими по своему усмотрению.

После обыска шериф увез арестанта, оставив его отца в ужасном отчаянии.

Большая часть понятых оставалась у ворот плантации, рассчитывая, что достаточно будет констеблей для сопровождения арестанта в тюрьму. В юго-западных штатах шерифу необходима большая отвага, а иначе судебная и исполнительная власть оставалась бы мертвой буквой. Редко бывает, чтоб шериф с берегов Миссисипи не оправдывал своего назначения. Он всегда почти готов

рисковать жизнью при исполнении своей опасной обязанности и часто платил за это жизнью.

Вот почему понятые не последовали за ним, полагая, что он сам сумеет отвести арестанта в тюрьму графства. Люди эти были убеждены в открытии убийцы, но необходимо было еще найти труп Кленси.

Как и в предшествующий день, они разделились на несколько отрядов и сосредоточили свои поиски вокруг места, где нашли карабин и шляпу Кленси.

Их поиски, однако, оказались так же бесплодны, как и прежде, и даже бесплоднее, потому что не найдено было ничего, что могло бы послужить объяснением преступления или привести к нахождению трупа. Они обследовали ручей с помощью шестов и проникли в болото так далеко, как мог зайти туда тот, кто хотел спрятать там мертвое тело. Но нигде не открыли они следов человека — ни живого, ни мертвого: они видели только одиноких птиц и чешуйчатых аллигаторов.

Это были плохие вести для соседей и весьма грустные для матери. Но до последней они не дошли. Прежде чем охотники могли сообщить ей эти неблагоприятные известия, госпожи Кленси уже на стало на этом свете.

Скорбь о потере мужа и еще более недавняя утрата единственного сына, подло умерщвленного, потрясли организм женщины, страдавшей уже долгое время. Когда соседи подъехали к ее дому, то слышали плач. Навстречу к ним вышла женщина и, жестом руки приглашая к молчанию, сказала грустно и торжественно:

— Миссис Кленси скончалась.

Глава XVIII

ОХОТНИК ЗА ЕНОТАМИ У СЕБЯ ДОМА

На плантации Ефраима Дарка было еще светло, когда охотник за енотами, возвращаясь с прерванной охоты, достиг невольничьего поселка. Как мы уже сказали, он вошел украдкой, осторожно оглядываясь вокруг, так как, по его мнению, большинству товарищей было известно, что он отправился на охоту за енотами, и они удивились бы его слишком скорому возвращению. Они могли бы спросить объяснения, к которому он не приготовился.

Он пробирался вдоль хижины, все еще неся на руках

собаку, из боязни, чтобы она не зашла понюхать чужих горшков и не выдала его.

К счастью, его хижина стояла в конце улицы, близ тропинки, ведущей в лес, так что он мог проскользнуть незамеченным.

Семейство Синего-Билла состояло из жены Фебы и полудюжины полуголодных ребятишек. Хотя он и очутился среди своих, однако не считал себя в совершенной безопасности. Неожиданное возвращение его, порожняя сумка и собака, которую он нес на руках,— все это не могло не удивить Фебу.

— Помилосердствуй, Билл,— сказала она,— зачем ты возвратился так рано, без енота или двуутробки и с собакой на руках? Ты был в отлучке не больше часа, кто же ожидал тебя с пустыми руками? Объяснись, Билл.

Охотник пустил собаку и сел на скамейку, не давая, однако, требуемого объяснения. Немного погодя он сказал:

— Ничего не значит, Феба, ничего не значит, что я возвратился рано. Тут нет ничего странного. Я увидел, что ночь будет неблагоприятна для охоты за енотами, и потому заключил, что гораздо лучше оставить их в покое.

— Взгляни на меня, Билл,— сказала жена, положив ему руку на плечо и пристально глядя в глаза,— это не объяснение, ты не говоришь мне правды.

Охотник смутился от этого пронизательного взора, но не сказал ничего: он не знал, что отвечать.

— Тут есть что-то таинственное,— продолжала Феба,— вижу по глазам, что у тебя есть тайна. Я видела тебя таким лишь в то время... Помнишь Браун-Брет?

— Что ты хочешь этим сказать? Клянусь тебе, что тут дело идет не о Браун-Брет.

— Кто тебе говорит о ней! Нет, Билл, с нею все покончено. Я упомянула о ней только потому, что у тебя такой же вид, как в то время, когда она тебя приворожила. Ты что-то скрываешь, и будет гораздо лучше, если ты признаешься мне во всем.

Феба не сводила глаз со своего мужа, стараясь прочесть на его лице отгадку тайны.

Но она ничего не могла открыть этим путем, потому что Билл был чистокровным африканцем с неподвижными чертами лица, как у сфинкса. Он стойко выдер-

живал испытующий взгляд Фебы, которую это сбивало с толку. И только после ужина язык охотника развязался, и Билл откровенно признался во всем своей лучшей половине.

Он рассказал ей также о поднятом письме, а затем вынул его осторожно из кармана и подал ей.

Феба раньше служила горничной в доме у белой хозяйки, где и научилась читать, но из старой Виргинии попала на запад и была продана Ефраиму Дарку, который отправил ее на черную работу. Но она еще помнила грамоту и могла прочесть письмо, принесенное мужем.

Она долго рассматривала фотографию, которая попала ей прежде. Нельзя было ошибиться и тотчас не узнать, чей это портрет. Красоту Елены Армстронг ценили все. Кроме того, ее по всей реке знали как друга негров.

Жена Синего-Билла несколько минут смотрела на это прекрасное лицо и потом сказала:

— Какая красивая барышня! Как жаль, что она уезжает от нас!

Потом, развернув бумагу и держа ее возле свечки, она прочла:

— *«Последний раз, когда мы виделись под магнолией, вы предложили мне вопрос, на который я обещала ответить вам письменно. Теперь я исполняю свое обещание, и ответ мой вы найдете внизу прилагаемого портрета. Отец уже назначил день отъезда, и в будущий вторник мы оставим свое прежнее жилище, чтобы искать нового. Но будет ли оно так же дорого, как то, которое мы покидаем?»*

Ответ зависит... надобно ли пояснять от кого? Вы это угадаете скоро, прочтя то, что я написала внизу портрета. Там я созналась во всем, в чем только женщина может или должна сознаться. Несколькоими словами я отдала вам свое сердце. Примите его. Теперь, Чарльз, поговорим о вещах более прозаических: во вторник утром, я полагаю, очень рано пароход отплывает по Красной реке. Он отвезет нас до Начиточеза, где мы останемся несколько времени, пока отец сделает необходимые приготовления, чтобы проехать дальше внутрь Техаса. Теперь он сам еще не знает, где изберет место для нашего будущего поселения. Он говорит о верховьях Колорадо, в которых отзываются с похвалой, но вы должны их знать, потому что сами там были.

Во всяком случае, мы должны пробыть некоторое время, недель шесть, в Начиточезе, а там, Чарльз Кленси — нет надобности вам напоминать — есть почтовая контора, где можно получать письма, также и отправлять их.

Заметьте — отправлять! Прежде, чем мы уедем в отдаленные степи, где нет почтовых контор, я опишу вам подробно наш переезд с указаниями, как найти нас. Должна ли я излагать все мелочи или могу надеяться, что ваше чутье охотника поможет вам отыскать нас? Говорят, что любовь слепа: надеюсь, милый Чарльз, что ваша не слепа, а иначе вы не нашли бы своей подруги в пустыне.

Все это я говорю или, скорее, пишу о вещах, которые намеревалась сказать вам при будущем нашем свидании под магнолией, под нашей магнолией. Грустные мысли невольно связываются с приятным ожиданием: ведь это будет последнее наше свидание под милым старым деревом, мы тут увидимся в последний раз до встречи в Техасе или в другой степи, где нет деревьев. И тогда мы встретимся, чтобы не расставаться более. Мы встретимся среди белого дня, не имея надобности скрываться ни под тенью деревьев, ни под покровом ночи. Я уверена, что отец теперь смирился и не станет больше противиться. Милый Чарльз, я полагаю, что без этого разорения он никогда не согласился бы на наше счастье. Разорение заставило его подумать даже... нужды нет говорить о чем. Я расскажу вам все под магнолией.

Теперь будьте же аккуратны. В понедельник вечером, десять часов — наш обычный час. Помните, что на другой день утром я уезжаю прежде, нежели проснутся лесные певички. Юлия положит это письмо сегодня вечером в известное дерево, в наш почтовый ящик. В субботу вы мне говорили, что ходите туда каждый вечер, и, следовательно, у вас будет время. Я еще раз могу послушать ваши любезности и услышать, как говорится в песне, «что вы представляете ночным цветам их царицу».

О, Чарльз! Как это было и как это всегда будет приятно вашей Елене Армстронг».

Когда охотник за енотами прослушал содержание поднятого им письма, он нашел в себе достаточно проникательности, чтобы понять, в чем дело, и сообразить, что он скомпрометировал бы себя, если бы всюду

разглагольствовал о том, что ему удалось узнать совершенно случайно.

Прежде чем лечь спать, он сообщил это жене, предупредив ее о всей опасности говорить кому-нибудь о письме. Для него это была почти верная смерть или, по крайней мере, жестокая пытка.

Феба очень хорошо поняла это предостережение и обещала молчать.

Глава XIX

НАЧЕЗСКАЯ КРАСАВИЦА

Пока отыскивали труп Чарльза Кленси, пока тело его матери также, в сущности, убитой, лежало на столе, а убийца обоих сидел в тюрьме, пассажирский пароход медленно плыл против течения по Красной реке Луизианы. Его колесо с лопастями — оно было только одно — било по воде, насыщенной охрой, и поднимало кровавую пену, остававшуюся на поверхности воды в борозде парохода.

Это был небольшой пароход, похожий на те, которые во множестве плавали по притокам Миссисипи, и вся движущая сила которых заключалась в паре колес, помещенных там, где у большей части других судов действует руль. Эти коробки очень походили на странствующие мельницы.

Пароход носил довольно претенциозное название «Начезская Красавица». Это было весьма неважное судно, но в этот рейс могло с большим правом претендовать на свое название, ибо несло на себе молодую девицу, называвшуюся, подобно ему, начезскою красавицей. То была Елена Армстронг.

Оставила ли Елена свое сердце в местах, которые покидала? Нет, она уносила его с собою в груди, но оно было почти разбито.

Пароходы, плавающие по рекам западной Америки, имеют очень мало сходства с низкими судами, бороздящими океан. Они похожи на дома. Углы их закруглены и представляют овальную форму; они двухэтажные, окрашены в белый цвет; в верхнем этаже с обеих сторон ряд окон, служащих также для входа и выхода. Внутренние двери, сделанные напротив, ведут в большую каюту или залу, построенную во всю длину парохода и

разгороженную на три отделения стеклянными дверями. Дамская каюта в корме, столовая в середине, а мужская на носу. В каждом окне зеленые занавески, а вокруг всего парохода идет узкая галерея с перилами. Кровля, называемая гуррикан-дек, покрывает эту наружную галерею, защищая ее от солнца. Две огромные трубы поднимаются над крышею и постоянно выбрасывают объемистый столб беловатого дыма от еловых дров, в то время как из третьей, меньшей трубы по временам вырывается резкий звук, разносящийся на несколько миль вдоль берега.

На этом пароходе полковник Армстронг с семейством и со всем своим имуществом медленно двигался против быстрого течения.

Это было ночью на второй день путешествия. Свет, проходивший сквозь занавески, показывал, что пассажиры еще не спали. Только что отпили чай; мужчины и женщины сидели за столами; одни читали, другие играли в карты.

Именно в этот рейс «Начезской Красавицы» на пароходе было много приличных пассажиров, так что девицы Армстронг не могли пожаловаться на скуку одиночества. Несмотря на это, одна из них предпочитала одиночество.

Уйдя из залы, чтобы избавиться от постоянного говора и от комплиментов, которые надоедали ей, Елена отправилась на корму и уселась на балконе дамской каюты.

На пароходе ехал также молодой плантатор-креол по имени Луи Дюпре; он был из Луизианы, и плантация его находилась в окрестности Начиточеза, куда шел пароход. Он приезжал в Начез по делам, а теперь возвращался домой.

Его смуглый цвет лица, черные глаза и грациозные кудри пленили сердце Джесси Армстронг, в то время как ее голубые глаза, золотистые волосы и белый цвет кожи не менее сильно подействовали на сердце молодого плантатора. Через двадцать четыре часа все пассажиры могли заметить, что этот молодой человек и эта молодая девушка совершат вместе более продолжительное путешествие — что они соединятся на всю жизнь.

Полковник Армстронг заметил их взаимное влечение и не противился этому. На пароходе знали, что молодой креол был одним из самых богатых плантаторов в Луи-

зиане; знали также, что он был благороден, честен, умен и имел безукоризненный характер.

Джесси Армстронг сделала хороший выбор. Ею руководила чистая, инстинктивная любовь, а не желание быть богатой.

Старшая сестра ей не завидовала. Любовь, наполнявшая ее сердце, была любовь до гроба и ее не могла заменить никакая другая. Если она думала о счастье сестры, то отнюдь не с завистью, ей было бы просто грустно сравнивать радость Джесси со своими собственными страданиями.

Она машинально смотрела на колесо, пенившее воду. Человек, которому она отдала свою первую, единственную любовь, пренебрег этим подарком, с которым связывалась вся ее жизнь. Наклонясь над перилами парохода, носившего тоже название «Начезская Красавица», она думала об унижении, какому подверг ее человек, которому она вверила свою будущность.

Правда, она выразила свое согласие Чарльзу Кленси только в письме, но в очень ясных выражениях.

Это-то и было причиной ее грусти, ее стыда.

Она могла положить конец этому стыду в одну минуту: для этого надобно было только перешагнуть перила, броситься в красную, быструю реку. Стоит только сделать это, и все будет кончено. Грусть, ревность, отверженная любовь — эти горькие страсти — все могло окончиться при небольшом лишь усилии. Один прыжок в пропасть забвения.

И она готовилась совершить его. Прошедшее было мрачно, будущее еще мрачнее, жизнь утратила всякий интерес, смерть потеряла свой ужас.

В нерешительности оперлась она о перила. Не страх смерти, не жажда жизни заставляли ее колебаться, даже не аллигаторы, сердито пробуждавшиеся от шума парохода, отчаяние смягчило страх смерти, уничтожило даже боязнь сделаться жертвою крокодилов.

И вдруг она почувствовала на плече нежное прикосновение руки, и слуха ее коснулся знакомый голос.

Джесси увидела грусть, озабоченность Елены и поняла причину. Но она далеко не подозревала, насколько сестра ее была близка к роковому шагу.

— Елена, — сказала она, лаская ее, — зачем ты здесь? Ночь свежа и, говорят, что воздух болотистых берегов Красной реки наполнен миазмами, причиняющими ли-

хорадку. Пойдем, сестра. В каюте хорошее общество. Мы собираемся играть в карты. Кажется, в «двадцать одно».

Елена обернулась от прикосновения сестры, словно она была преступница, и рука шерифа легла ей на плечо. Джесси не могла не заметить этого странного и сильного волнения. Приписав это известной ей причине, она сказала:

— Будь женщиной, Елена, настоящей, сильной женщиной, какой ты всегда была на самом деле. Не думай больше о нем. Новый мир, новая жизнь открываются перед тобою и передо мною. Вырви Чарльза Кленси из своего сердца и брось на ветер всякое воспоминание, всякую мысль о нем. Повторяю тебе, будь женщиной, будь сама собою. Забудь прошедшее и в будущем думай только о нашем отце.

Слова эти произвели действие, подобное электрическому току и прикосновению целительного бальзама. Они задели струну дочерней любви.

Елена обняла сестру, поцеловала ее в розовые щеки и сказала:

— Сестра, ты меня спасла.

Глава XX ОБЪЯТИЯ ПРИВИДЕНИЯ

— Сестра, ты меня спасла!

Это сказала Елена Армстронг, уронив голову на плечо сестры.

Джесси поцеловала сестру, но, тем не менее, она не могла понять значения ее слов. Она также не могла объяснить себе конвульсивной дрожи сестры.

Елена не дала ей времени обратиться к ней с вопросами.

— Иди,— сказала она, подталкивая Джесси к двери,— ступай, устраивай игру, а я сейчас присоединюсь к вам.

Джесси, обрадовавшись этой перемене настроения, не сделала никаких замечаний и спустилась в каюту. Не успела она уйти, как Елена повернулась к реке и подошла к перилам. Колесо вертелось, по-прежнему разбрызгивая воду и устилая красноватой пеною поверхность реки.

Теперь Елена уже не собиралась более бросаться в холодный омут.

«Прежде чем начнется игра в двадцать одно,— подумала она,— вот колода карт, которую я должна раздать, и его портрет в том числе».

И она вынула пакет писем, очевидно, старых, перевязанных голубой ленточкою. Она брала их поочередно, разрывала пополам и бросала в волны.

Когда она взяла последнее письмо, осталась только фотографическая карточка Чарльза Кленси, которую он как-то дал ей, стоя у ее ног с мольбою о взаимности. Она не разорвала ее надвое, хотя, казалось, и думала с минуту об этом. Она внимательно посмотрела на портрет при лунном свете. Странные воспоминания всплыли в ее душе при взгляде на эти черты, неизгладимо взиравшие в ее сердце. Она смотрела на них в последний раз, надеясь изгнать этот образ из своего сердца.

Кто мог бы сказать, что происходит у нее в душе? Кто мог бы описать ее отчаяние? В эту минуту ей почудились слова сестры, как если бы их повторило эхо, выходившее из волн: «Будем думать только о нашем отце».

Эта мысль укрепила ее. Подойдя к краю перил, она бросила карточку на колесо и сказала:

— Иди, образ вероломца, которого я так любила, и разорвись, как он разорвал мое сердце!

Вздых, исторгшийся у нее из груди, когда она бросила карточку, походил скорее на стон отчаяния.

Она, по-видимому, мало была расположена принять участие в игре или в каких-нибудь других развлечениях. Не оправившись еще от волнения и зная, что следы его должны были отражаться у нее на лице, она обошла вокруг дамской комнаты и, прежде чем вступить в ярко освещенную залу, отправилась в свою каюту взглянуть на себя в зеркало, оправить платье, прическу, может быть, даже изменить выражение лица — что показалось бы тривиальным в мужчине, но что весьма важно для женщины, даже когда она находится в горе и печали. Нельзя порицать за это женщину. Она руководствуется инстинктом, тайною пружиной своего влияния и своей власти.

Желая исправить туалет, Елена Армстронг поступила чисто по-женски и только.

Прежде, чем войти в свою комнату, она остано-

лась у двери и оборотилась к реке, к берегу которой пароход подошел так близко, что ветви больших деревьев почти касались его крыши. Это были кипарисы, увешанные исландским мхом, фестоны которого походили на саван. Один из них, обнаженный, простирали вперед свои голые ветви, убеленные временем и суставчатые, словно руки скелета.

Фантастический вид этот заставил ее вздрогнуть, когда пароход быстро прошел мимо этого места, облитого лунным светом.

Она почувствовала облегчение, когда пароход вступил в тень, но это облегчение длилось всего лишь несколько секунд, потому что под тенью кипарисов при колеблющемся блеске светлячков, она увидела вдруг между деревьями наравне с крышею лицо Чарльза Кленси.

Конечно, это вздор, Чарльз Кленси не мог быть там ни на деревьях, ни на земле; это был обман чувств, не более. Но Елена Армстронг не имела времени сообразить это. Прежде, чем лицо неверного ее друга исчезло из вида, две черные, жилистые руки протянулись к ней, грубо схватили ее за талию и подняли на воздух.

Глава XXI

ЧТО С НЕЮ БЫЛО

Елена Армстронг чувствовала, как она поднялась в воздух, или, вернее, она несколько секунд видела, как пароход прошел под нею, видела сестру, которая бросилась на галерею, испустив резкий крик в ответ на крик Елены. Когда последняя закричала во второй раз, страшные руки выпустили ее, и она упала с большой высоты. От сильного удара она почти лишилась чувств. В ушах у нее шумело, она чувствовала, как ей схватывает горло — словом, испытала чувство, предшествующее удушению.

Все пассажиры бросились на палубу.

— Кто-то упал в воду! — закричали со всех сторон. Немедленно лоцман подал сигнал в колокол на остановку, и на пароходе остановили машину.

Джесси, единственная свидетельница этой катастрофы, была слишком взволнована, чтобы разумно объяснить случившееся. Она могла только закричать...

— Сестра... поднята на воздух... упала в воду... О, спасите, спасите ее!

— В воду, где? — спросил кто-то. В тоне вопроса слышалось, что человек был готов на все.

— Там, под этим большим деревом. Она сперва поднялась в воздух, потом упала в воду. Я слышала плеск от ее падения, но не видела ее больше. Она пошла ко дну. О, Боже! О, Елена, сестра моя, где ты?

Несвязные слова эти смущали всех, каждый был как бы прикован на месте от изумления.

К счастью, один человек из всех не потерял ни присутствия духа, ни хладнокровия. К счастью, он был отважен и, к тому же, превосходный пловец. Это был тот, кто спросил: «Где?» Это был молодой креол Луи Дюпре, который в то время, как ему давали ответ, успел снять верхнее платье, сапоги, потом, не дождавшись полного объяснения, перепрыгнул через перила и поплыл к указанному месту.

«Благородный и отважный молодой человек», — подумала Джесси, которая, любуясь поступком юноши, забыла на секунду положение сестры.

Веря в силы молодого человека, в его способности, она была почти уверена теперь в спасении сестры. Она стояла на палубе вместе с другими, следя тревожным взором за происходившим. Глаза ее сверкали или тускнели, смотря по тому, волновал ли ее страх или надежда.

Можно было удивляться ее надежде, но не страху. Луна опустилась до вершин деревьев, и поверхность воды погрузилась во мрак, еще усилившийся у берега, к которому направлялся пароход. Пловец не мог видеть ничего в воде. Река была быстрая, глубокая, мутная, к тому же наполненная гнусными аллигаторами. Те, кто стоял над перилами, думали об этом и тревожились не только за красивую молодую девушку, упавшую за борт, но и за красивого отважного юношу, поплывшего к ней на помощь.

Беспокойство — слово слишком слабое, чтобы выразить чувства Джесси Армстронг. Она вся была под влиянием пытки ожидания и страха, переходившей постепенно в агонию в то время, когда еще не возвратился пловец и ничего не было видно на поверхности воды. Отец, стоявший рядом с нею, не мог ее утешить, потому что и сам находился в крайней тревоге.

С парохода поспешно спустили шлюпку. Она проби-лась к тому месту, где видели пловца в последний раз.

Глаза всех были устремлены на лодку, все замолкли, чтобы уловить первое ободряющее слово.

Дождаться пришлось недолго; вскоре раздался радостный крик на поверхности воды:

— Она спасена!

Потом послышался резкий голос матроса:

— Все благополучно, вытащили обоих, бросьте нам веревку!

Просьба была исполнена, и вслед за тем отдано приказание:

— Тащи наверх.

При свете лампы, горевшей на палубе, можно было увидеть даму, склонившую голову на колени полуодетого человека; ее белое платье покраснело от красно-желтой воды и совершенно промокло. Она была без признаков жизни. Все, стоявшие на палубе, выражали живейшее сожаление.

Елену Армстронг перенесли в ее каюту и вскоре все узнали, что она пришла в себя и находится вне опасности. Сам полковник передал это пассажирам, которые искренно обрадовались.

После ухода отца сестры, оставшись одни, молчали некоторое время.

— Скажи мне, Елена,— начала, наконец, Джесси,— зачем ты прыгнула с борта? Не бойся, милая сестра, говори правду!

— С борта? Что ты хочешь сказать, Джесси?

— Я сама ничего не знаю, все это так таинственно. Я почти готова побожиться, что видела тебя высоко в воздухе, где ты держалась, словно на крыльях... Конечно, это игра воображения, оно у меня, видимо, разыгралось, когда я увидела, как ты упала за борт. Потом я видела твое падение, мелькнуло твое белое платье и раздался плеск. О, Елена, это было ужасно... Что же это значит?

— Я сама задала себе именно этот вопрос, когда висела в воздухе, а я именно висела, милая Джесси. Но я вскоре разрешила загадку, мучившую меня, как мучит она тебя теперь: ничего не может быть проще.

— Но что же это такое?

— Стоя у перил, я вдруг почувствовала, как меня схватили две сильные, костлявые руки; подержав несколько секунд, они выпустили меня, и я упала в реку и утонула бы непременно, если бы меня не спас...

— Луи, милый Луи!

— Ах, Джесси, я не удивляюсь, что ты полюбила его! Он вполне заслуживает этого. Я завидую тебе, но не ревную. Ревность — это такое чувство, которое никогда не будет мне доступно.

— Милая сестра, не думай об этом. Разве ты не видишь, что не объяснила мне самого странного? Ты говоришь о двух руках. Что это за руки? Чьи они были?

— Фантастического кипариса! Да, Джесси. Вот объяснение загадки. Теперь я все знаю. Пароход зацепил за длинную, раздвоенную на конце ветвь — и она согнулась. Когда же она выпрямилась, то подхватила меня и бросила в воду. Теперь тебе все ясно?

Душу Джесси не мучило больше подозрение, что ее сестра намеревалась утопиться.

Глава XXII

СОВЕЩАНИЕ ЛЕСНЫХ ПРИСЯЖНЫХ

Лишь несколько человек, самых лучших друзей вдовы Кленси, решили прийти в ее домик в конце второго дня поисков.

Однако, когда распространилось известие, что вдова умерла, все соседи вновь собрались во дворе дома Кленси. Многие из них расстались с мечтой о постели, где они думали отдохнуть от усталости.

Еще до полуночи около дома собралась толпа более значительная, чем прежде, и голоса становились все взволнованнее и раздражительнее. Бледное лицо покойницы словно взывало о правосудии. Но покойница не имела надобности напоминать об этом; многие из присутствовавших громко требовали правосудия. Группа мужчин сгрудилась возле террасы, чтобы обсудить средства помощи правосудию.

В подобных случаях всегда являются инициативные люди. В данный час те, кого назначает сам Бог, должны руководить другими. Их признают и выбирают.

В группе шли толки, как поступить лучше.

Это были настоящие лесные присяжные, собравшиеся наскоро, их было более двадцати. Старшиной они избрали Саймона Вудлея.

Предстояло разрешить два вопроса: были ли убит Чарльз Кленси? и кем убит?

Первый вопрос вскоре был разрешен утвердительно. Никто не сомневался в совершившемся преступлении. Все внимание обратилось на преступника. Какие улики можно было предъявить против того, кто уже был арестован по этому делу и сидел в тюрьме графства в ожидании законного суда?

Все, что свидетели видели, все малейшие указания были обозначены так же спокойно и взвешены так же тщательно этими грубыми лесными присяжными, как это сделали бы двенадцать лучших граждан, выбранных в самом цивилизованном городе. Они обсуждали не только известные им события, но даже и поводы, послужившие к этим событиям. Какие отношения существовали между этими двумя молодыми людьми? До этих пор ничто еще не доказывало, чтобы они были смертельными врагами, способными на преступление.

Об отношениях между семьями Армстронгов и Дарков говорили вообще мало, и еще менее о личных отношениях Елены. Подозревали, что Ричард искал руки молодой девушки, но не подозревали, что Кленси был его соперником. Полковник Армстронг был слишком горд, чтобы позволить своей дочери выйти замуж за человека в таком положении, в каком находился Кленси.

Тайна любви Кленси соблюдалась строго.

Если бы судьи знали, что он был счастливым соперником Дика Дарка, то их обсуждения приняли бы другой характер — у них в руках был бы ключ к раскрытию преступления.

Если бы Елена Армстронг находилась на плантации или если бы ей были известны трагические события, волновавшие колонию, им не представило бы труда разрешить вопрос, потому что она сказала бы им то, что мигом побудило бы их произнести приговор.

Но она была далеко, и тайна, которую она унесла с собою, не могла помочь судьям, собравшимся вокруг домика вдовы Кленси. Поэтому об Елене упоминали случайно, не думая, что она могла бы объяснить эту мрачную загадку.

Обстоятельства против Ричарда Дарка подвергались несколько раз обсуждению, не приведя, однако, ни к какому положительному результату. Действительно, пуля, приходившаяся к двустольному ружью, не была еще достаточною уликою, чтобы повесить человека,

даже если бы тело Кленси было пробито этой пулею. В цепи доказательств недоставало двух условий: тело не было найдено, а пуля находилась в коре кипариса. Кровь, окрасившая эту кору, доказывала, что пуля сперва прошла сквозь живое тело, но нельзя было определить, сквозь тело животного или сквозь тело человека.

Отверстие от пули в платье Дарка и ружье Кленси, найденное разряженным, были бы более неблагоприятными уликами для обвиняемого, если бы он захотел объяснить это обстоятельство; но с тех пор, как его посадили в тюрьму, он упорно отказывался отвечать на вопросы.

— Будет еще время объяснить непонятное для вас, когда явлюсь на суд, — сказал он лицам, допрашивавшим его.

Против него важнейшей уликой было собственное его поведение, а также отношение к нему собаки, весьма подозрительное, хотя он и объяснил на месте ненависть животного людям, наиболее склонным заподозрить его. Но теперь, когда прошло время и они успели обсудить это обстоятельство, объяснение его показалось еще менее вероятным. Конечно, весьма естественно, что собака помнила о причиненных ей побоях, но отчего же она не выказала это Дарку, когда он находился возле дома вдовы Кленси? Зачем она лаяла на него, и с такой яростью, только под кипарисом, где, без сомнения, видела последний раз своего хозяина? Хотя это было и не более, чем предположение со стороны людей, производивших следствие, но улика эта, по-видимому, подтверждала преступление Дарка.

Во время прений Саймон Вудлей и Нед Хейвуд принесли другую улику — сапоги Дарка, захваченные ими по секрету и которые, подобно тому, как пуля, подходившая к ружью, совершенно подходили, по словам охотника, к следам, оставленным в грязи на опушке болота.

Все эти факты, по-видимому, внушали совещавшимся твердое убеждение, которое должно было заставить их действовать так или иначе.

Еще не было принято никакого решения, когда небольшие столовые часы прозвонили полночь — час весьма грустный, но еще более грустный теперь, в эту ночь, в домике Кленси.

Глава XXIII

ДОБРОВОЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Звон часов на минуту заставил прекратить разговоры. Но едва последний удар затих, как за воротами послышался голос того, кто еще не принимал участия в прениях.

— Здесь масса Вудлей? — спросил незнакомец у толпы, стоящей перед домом.

— Да, — ответили многие одновременно.

— Могу ли я переговорить с ним? — поинтересовался незнакомец, оставаясь за воротами.

— Конечно, — ответил охотник, направляясь на голос. — Это ты, Синий-Билл, не правда ли? — спросил он, подойдя к воротам.

— Тсс! Масса Вудлей! — прошептал негр. — Бога ради не произносите моего имени. Если там услышат, то бедный негр погиб.

— Что случилось, Билл? К чему такая таинственность? — спросил Вудлей, оглядываясь. — А, теперь понимаю: ты ушел без позволения. Но это ничего, любезный, я тебя не выдам. Ну, что привело тебя сюда?

— Ступайте за мною, масса Вудлей, я вам все расскажу. Я боюсь оставаться здесь, чтобы меня не увидели; уйдемте в лес. У Синего-Билла есть нечто важное сообщить вам: дело идет о жизни и смерти.

Вудлей не дожидаясь более, отодвинул задвижку, приотворил ворота и вышел на дорогу, потом, следуя за негром, мелькавшим впереди, словно тень, он очутился в густых кустарниках, окаймлявших дорогу.

— Теперь говори, — сказал Вудлей охотнику за енами, которого хорошо знал и не раз встречал в полуночных экспедициях.

— Хотите знать, масса Вудлей, кто убил Чарльза Кленси?

— Ты говоришь серьезно, Билл?

— Так серьезно, что ни жена, ни я просто не можем заснуть, пока не откроем тайны. Масса Вудлей, Феба не давала мне ни минуты покоя, пока я не пошел; она говорит, что это обязанность христианина, а мы оба методисты. Вот почему я вам говорю, что убийца Чарльза Кленси — мой хозяин, молодой масса Дик.

— И ты уверен в этом, Билл?

— Могу побожиться, что это правда, святая правда.

— Но где же доказательство?

— Доказательство? Я почти видел все собственными глазами, а то, что не видел, слышал собственными ушами.

— Господи! Расскажи мне, Билл, что ты видел и слышал.

Через десять минут Саймон Вудлей знал все, чему был свидетелем охотник за енотами.

Вудлей не удивился услышанному; негр только подтвердил тот вывод, к которому он давно уже пришел. Поэтому он только спросил:

— Когда твой господин убегал, он уронил письмо, не правда ли?

— Вот оно.— И негр подал письмо, в котором находилась и фотография.

— Хорошо, Билл! Я полагаю, что это послужит выяснению правды. Чего ты еще хочешь?

— Боже мой, масса Вудлей, вы сами знаете и мне нет надобности говорить об этом. Если бы старый Ефраим Дарк знал, где я был и что делал, жизнь Синего-Билла не стоила бы енотовой шкуры, не стоила бы шелухи пшеничного зерна. Меня секли бы день и ночь, пока не засекали бы до смерти — это верно.

— Ты прав,— сказал Вудлей, подумав.— Да, тебе пришлось бы плохо, если б узнали. Хорошо, Билл, это останется между нами, даю тебе слово. Показание твое не будет представлено в суд, и ты не будешь назван, не бойся. Нам теперь не нужно другого доказательства. Я думаю, не найдется адвоката, который взглянул бы на дело с другой точки зрения. Ступай спокойно домой, я позабочусь, чтобы тебя не трогали.

После этого торжественного обещания охотник за медведями и оленями расстался с охотником за енотами, пожав ему на прощание руку, и негр без тревоги отправился к своему семейству.

Глава XXIV

УБЕДИТЕЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Присяжные с нетерпением ожидали возвращения старшины, так как перед его уходом они готовы были произнести приговор, а равно и определить способ приведения этого приговора в исполнение.

Они поочередно ходили в комнату умершей и молча смотрели на труп, бледное лицо которого, обращенное к ним, словно требовало правосудия и мщения. Каждый уходивший шептал или громко произносил клятву, что возмездие неминуемо.

Им не было надобности знать то, что держал Саймон Вудлей в запасе, чтобы заставить их действовать немедленно.

Они уже были достаточно осведомлены. Ярость постепенно овладела ими и достигла почти высшей точки.

Однако они сохранили еще спокойствие, чтобы терпеливо выслушать Вудлея. Они догадались, что его вызвали по какому-нибудь обстоятельству, имевшему отношение к общему делу.

Ведь никто в эту минуту не осмелился бы прервать их совещание чем-нибудь посторонним? Хотя ни один из них не узнал голоса Билла, искусно подделанного, однако они поняли, что это был негр и что охотник получил какую-то информацию, способную пролить новый свет на все дело. Они обступили его с вопросами и потом внимательно выслушали. Вудлей передал им, что узнал, умолчав, однако, о рассказчике, чтобы как-нибудь не скомпрометировать честного негра, который рисковал жизнью ради истины. Изложив все подробности, сообщенные ему охотником за енотами, он добавил, что последний передал ему и письмо, потерянное Диком Дарком.

— Вот это письмо,— сказал он,— и, конечно, оно, может быть, в состоянии осветить это дело, которое кажется мне и без того довольно ясным.

Дюжина голосов закричала:

— Нам не надо знать больше! Чарльз Кленси убит, а Дик Дарк его убийца.

Но не необходимость в уликах, а просто любопытство пересилило: прозвучали требования прочесть письмо, которое держал в своих руках Вудлей. Хотя содержание письма могло и не иметь отношения к делу, однако почему бы и не познакомиться с ним.

— Прочтите его, Генри Спенсер, вы человек ученый,— сказал Вудлей, подавая письмо школьному учителю колонии.

Спенсер взял письмо, подошел к навесу, куда принесли лампу, и, приблизясь к свету, прочел сперва адрес, написанный женской рукой: «Чарльзу Кленси...»

— Чарльзу Кленси! — закричали двадцать голосов удивленно.

— И это письмо выронил Дик Дарк? — спросил кто-то.

— Да, — сказал Вудлей, к которому обращен был этот вопрос. — Терпение! Не перебивайте, господа.

Воцарилось молчание.

Но когда вместе с письмом была вынута фотография Елены Армстронг и всеми узнана, слышались новые возгласы удивления.

Внизу портрета прочли надпись:

«Елена Армстронг — тому, кого она любит».

Письмо было адресовано Чарльзу Кленси, следовательно, ему также предназначалась и фотографическая карточка. Дело шло о любви между мисс Армстронг и умерщвленным молодым человеком. Для всех это было открытие, столь же удивительное, как и знаменательное.

— Продолжайте, Спенсер, прочтите письмо! — закричал нетерпеливый голос.

— Да, прочтите письмо, мы теперь попали на правильный след, — прибавил другой голос.

Школьный учитель развернул листок бумаги и прочел его содержание, известное уже нашим читателям.

— Это письмо найдено у Дика Дарка? — спросил кто-то из толпы, немедленно по прочтении и после признания всеми подписи.

— Он уронил его, — ответил Вудлей, — следовательно, можно сказать, что оно найдено у него.

— Вы уверены в этом, Саймон Вудлей?

— Нельзя быть уверенным в том, чего не видел. А я не видел этого собственными глазами, но имею самые твердые доказательства и готов предъявить их.

— Слушайте, господа, — воскликнул один из самых нетерпеливых, — я не говорю ни о молодой особе, которая писала это письмо, ни о том, к кому оно адресовано. Ни письмо, ни портрет не были необходимы для убеждения нас в том, что мы уже знаем, а именно, что Дарк убил Чарльза Кленси.

В толпе произошло движение.

Все собравшиеся разражались угрозами и осматривали свои ружья. Затем бросились к лошадям, привязанным вдоль ограды. Через десять минут все были на дороге к городу, где молодой Дарк сидел в тюрьме. Они составили отряд, если и неправильный по своему

строю, то, по крайней мере, грозный по своему виду.

Если бы Ричард Дарк из глубины своей тюрьмы мог видеть этих всадников, их яростные жесты, и слышать их угрозы, то задрожал бы сильнее, чем в лихорадочном припадке.

Глава XXV ВЫБОР ЗЯТЬЕВ

Город Начиточез расположен более нежели в двухстах милях выше устья Красной реки. Это одна из древнейших колоний юго-запада и ведет свое происхождение от тех времен, когда испанцы и французы пытались поселиться в долине Миссисипи. Земля эта последовательно принадлежала обоим упомянутым нациям, и, наконец, была уступлена Северной Америке вместе с Луизианой в 1803 году Наполеоном Бонапартом, который, нуждаясь в деньгах, продал ее за восемнадцать миллионов долларов — сумма, за которую в наше время нельзя приобрести и самого маленького прихода в той же Луизиане.

Первая колонизация была произведена двумя нациями, а впоследствии смесью многих национальностей, таких, как саксы, кельты, скандинавы и немцы, составляющих теперь американский народ, — вследствие чего население Луизианы представляет особый интерес для этнографа. Сюда входят также негры и туземные индейцы.

Следы этих разнообразных типов существуют и до сих пор в Начиточезе, так же как и большая часть их национальных обычаев, которые, однако, уже не так ярки, как двадцать лет назад, когда в нем случились события, передаваемые в нашем романе. В то время это была большая деревня, которая отличалась настолько от американских городов, насколько швейцарская деревушка отличается от промышленных городов Массачусетса и Ланкшира.

Он расположен на покатом берегу Красной реки в нескольких футах над уровнем воды в ней. Деревянные дома в городе были построены и разрисованы по французскому образцу, с широкими верандами, с высокими и остроконечными кровлями. Тротуары были выложены кирпичом и обсажены великолепными деревьями, между которыми выдавались душистая магнолия и мел-

кие аздорах или «гордость Китая», которые, сплетаясь, образовали в нескольких местах зеленые своды над улицей. Навесы и веранды были покрыты ползучими растениями. Внизу имелись трельяжи с массою зелени и цветов, висевших над дверьми и окнами, предохраняющих от слишком знойных солнечных лучей и наполняющих воздух ароматом.

Но особую гордость города составляли молодые девушки с грациозными манерами, щегольски разодетые, лениво прогуливавшиеся по широким верандам. Они происходили от латинского племени саксов, поселившихся в Начиточезе, и были неизменными брюнетками с черными глазами.

В тогдашнем обычае было при встрече с молодыми девушками на улице снимать перед ними шляпу, кланяться и потом проходить далее, не останавливаясь.

Всякий мужчина, знавший приличия, обязан был соблюдать этот закон вежливости; каждая женщина, если только она была прилично одета, пользовалась знаками уважения. Комиссионер и самый скромный ремесленник имели право кланяться самой гордой особе, встреченной на тротуарах Начиточеза, хотя это не давало права заговорить с нею или завязать знакомство.

Это была простая вежливая формальность; простирая ее далее — значило выказать грубость, которая могла вызвать серьезные последствия.

В описываемую эпоху две молодые девушки появились на улицах этого «цивилизованного городка». Перед ними снимали шляпы с большим почтением, чем обыкновенно, и кланялись с покорным видом и грацией, часто обличавшими чувство гораздо сильнее вежливости. Сестры остановились в главной гостинице. Не прошло и двух суток после их приезда, а в Начиточезе знали, кто они. Всякий молодой аристократ, всякий молодой плантатор на двадцать миль в окрестности знал, что они дочери полковника Арчибальда Армстронга, находившегося в городе проездом из штата Миссисипи по дороге в Техас.

Вскоре стало известно также и плохое положение дел миссисипского плантатора, хотя это ни в чем не вредило будущему его дочерей. Ни той, ни другой не было необходимости уезжать в Техас.

Проведя десять дней в Начиточезе, их отец уже мог выбрать по крайней мере дюжину зятьев: один член конгресса, два или три члена законодательного собра-

ния штата, остальные — офицеры ближайшего гарнизона, одним словом, все порядочные, состоятельные люди.

Все эти претенденты были отвергнуты, исключая одного: молодого плантатора, о котором мы уже говорили, Луи Дюпре, взявшего приступом сердце Джесси Армстронг. Он сделал ей предложение, получил благоприятный ответ, и молодые люди обменялись клятвами.

Младшая дочь полковника Армстронга согласилась, однако, безусловно. Она обещала отцу не покидать его, по крайней мере, до тех пор, пока он не устроится на новом месте.

Дюпре согласился на это условие и не только устранил все препятствия, но устроил дело к взаимному удовольствию. Он предложил полковнику ехать с его семейством в Техас и разделить их судьбу. Молодому человеку тем легче было исполнить это условие, что заодно с другими луизианскими плантаторами он уже обратил взор на эту великолепную страну, которая только что была приобретена Северной Америкой у слабого мексиканского правительства.

Дюпре восторжествовал над многими соперниками, добивавшимися взаимности со стороны Джесси Армстронг.

Но они были малочисленнее в сравнении с претендентами на руку той, которую он должен был назвать свояченицей. Аристократическая молодежь Начиточеза сходила с ума от Елены Армстронг. Уже через неделю после ее приезда из-за нее произошло несколько дуэлей, которые, к счастью, не имели дурных последствий. И не потому, чтоб она выказала хоть кому-нибудь предпочтение; напротив, она не ободряла никого даже улыбкою. На все искательства ее чувств она отвечала равнодушием, прекрасное лицо ее носило следы глубокой грусти.

Все видели, что сердце ее страдает. От чего? Может быть, от неразделенной любви? Но это не пугало ее начиточезских обожателей, напротив, холодное равнодушие только усиливало их кипучие южные страсти.

Глава XXVI

ВЕСТИ ИХ НАЧЕЗА

Прошло десять дней по прибытии Арчибальда Армстронга и его семейства в Начиточез. Полковник

провел все это время в поисках людей, необходимых для его поселения в Техасе. Сотоварищество Дюпре послужило ему значительным подкреплением. Молодой плантатор был богат, имел в руках наличные деньги и большое количество невольников всех оттенков, начиная от черных негров, до полубелых квартеронов. Кроме этого, у него было большое количество скота и разных хозяйственных принадлежностей.

Он покидал Луизиану не из необходимости, но, как мы уже сказали, главную роль здесь играло условие, объявленное его невестой. Дюпре знал, что сестры дали обещание отцу в тот день, когда Ефраим Дарк отнимал у них плантацию, следовать за ним и разделить его участь, по крайней мере, до тех пор, пока он не устроит своих дел. Все это Джесси рассказала своему жениху, желая объяснить то, что могло показаться ему тягостным в ее условиях. Ей, впрочем, не было надобности давать объяснение молодому креолу, который был так сильно влюблен, что всякие условия показались бы ему удобными, раз он был уверен, что ему принадлежат рука и сердце прелестной блондинки. Кроме того, он и сам мечтал о Техасе.

Дюпре питал еще некоторые честолюбивые мысли. Он путешествовал по Европе, был во Франции, где посещал дома знатных фамилий, с которыми даже находился в родстве. В Луизиане же он был только плантатором между плантаторами. В Техасе, где земли отличались дешевизною, он мечтал построить большое и роскошное имение. И намеревался основать настоящее заатлантическое княжество.

Полковник Армстронг был для него очень важным компаньоном; его все уважали, несмотря на разоренное его состояние. Характер его внушал уважение, и он легко мог привлечь сильных и отважных лесных людей, которые одинаково хорошо владеют топором и карабином и без которых поселения на крайней границе Техаса не имели бы никаких шансов на безопасность и успех.

Полковник отправлялся на самую крайнюю границу, где земля продавалась еще по казенной цене — по доллару с четвертью за десятину.

Теперь, когда капиталист Луи Дюпре присоединился к колонии, устройство ее пошло довольно легко, и полковнику Армстронгу оставалось наблюдать за приготовлениями, заниматься покупкой фургонов, мулов и быков,

нанимать погонщиков и других служителей, наводя справки о том, хорошие ли семейства соглашались следовать за ними.

Полковник был почти предоставлен самому себе, своей интуиции и своему опыту.

Будущий зять оказывал ему не особенно большую помощь. Молодой человек был слишком занят своей белокурой Джесси, чтобы думать о чем-нибудь другом. Без нее он жить не мог, они оба скучали, если что-нибудь отвлекало их друг от друга.

Елене Армстронг, вследствие этого эгоизма влюбленных, часто приходилось быть одной или ограничиваться обществом своей мулатки Юлии. Последняя знала причину грусти своей госпожи. Девушка была грамотной и, когда клала надушенные записки в дупло магнолии, она понимала, что это были любовные письма.

Мулатка обладала нежным сердцем и очень любила свою госпожу. Горе, подтачивавшее эту молодую жизнь, глубоко трогало ее. Но у Юлии были собственные печали: она оставила на Миссисипи возлюбленного, местопребывание которого было известно только ей и еще одному лицу. Ее, однако, поддерживала надежда, что он может преодолеть все препятствия и присоединиться к ней в краю, где собаки Дика Дарка не могли уже его преследовать. Какова бы ни была судьба беглого невольника, Юлия была уверена в его преданной любви, и уже одно это предохраняло ее от отчаяния. Вот почему она особенно остро понимала боль и отчаяние своей молодой госпожи.

И вот однажды она вошла в спальню своей госпожи, неся в руке то, что, по ее мнению, должно было послужить разгадкой к горю ее госпожи.

— Посмотрите, мисс Елена,— сказала она, подходя с волнением,— вот начезская газета, только что полученная с почтой. Здесь есть одно место, которое удивит вас, я уверена.

Елена дрожащей рукою схватила газету. Она ожидала найти в свадебных объявлениях известие о женитьбе Чарльза Кленси на какой-нибудь молодой креолке, имени которой она не знала. Это было бы последним его коварством.

Но как же изменилось ее лицо, когда она взглянула на статью, извещавшую о смерти Чарльза Кленси.

Вся затрепетав, она попыталась найти подробности.

Было подробно описано убийство Чарльза Кленси и арест Ричарда Дарка, заподозренного в этом убийстве и посаженного в тюрьму графства. О дальнейшей судьбе последнего ничего не было сказано, так как газета вышла в самый день ареста. Но затем напечатано было сообщение о смерти вдовы Кленси и о том, как эта смерть привела в волнение всю колонию, в которой случились эти трагические события. Рассказывались и другие подробности и, между прочим, одна, имевшая для Елены интерес: редактор упоминал о письме, которое она написала и адресовала Чарльзу Кленси и которое потерял Ричард Дарк. Редактор, не получив еще копии, приводил содержание письма вкратце, но оно все-таки компрометировало и унижало Елену.

Горе и стыд охватили ее. Гордая девушка, до сих пор поддерживаемая ревностью, теперь отдалась другому волнению; выронив из рук газету, она упала на спинку кресла, на котором сидела. Сердце ее билось с такой силою, что, казалось, готово было разорваться.

Глава XXVII

ЧТО СДЕЛАЛОСЬ С ДИКОМ ДАРКОМ

Тюрьма, в которой сидел Ричард Дарк, находилась в главном городе графства, в котором совершилось убийство.

В цивилизованных странах Европы вид главного города округа дает представление о важности города. Вы можете увидеть улицы, по большей части кривые, одну или несколько церквей и даже собор.

Не встречается этого на юге или юго-западе Америки. Там столица округа не имеет ничего общего с европейскими городами. В ней, правда, есть улицы, но не кривые, и есть церкви, и даже гораздо больше, чем в городах Старого Света, и, без сомнения, здания важнее английской ратуши или рыночного дома.

Таков Корт-Хауз или дом судебных учреждений — здание, присущее американской республике, представляющее замечательную черту ее национальной архитектуры и в то же время играющее важную роль в политической жизни страны.

Я не намерен приводить обычаи американского Корт-Хауза или описывать его. Достаточно будет сказать,

что, несмотря на свою величину и претенциозную архитектуру, он часто стоит в центре города среди деревянных домиков, что скорее можно назвать деревней. Гостиница — единственное частное здание, которое можно назвать домом. Самый маленький американский городок имеет свою гостиницу, которая может приютить сто путешественников. Но Корт-Хауз может поместить их двести и усадить за одним столом.

Тюрьма, в которой сидел Ричард Дарк, примыкала к Корт-Хаузу наподобие флигеля. Она состояла из одной только камеры, ибо в юго-западных штатах Америки только убийц или важных преступников можно было сажать в тюрьму. Посетители занимали отдельные комнаты в отдаленной части Корт-Хауза.

Было около двух часов утра на другой день после ареста Дика Дарка, когда в окружной город въехали всадники, о которых мы уже говорили. Они двигались в беспорядке и, по-видимому, без начальника. Несмотря на это, ими, казалось, руководила одна мысль, заставлявшая их придерживаться кое-какой организации. Во всяком случае, они прямо стремились к цели, словно повинаясь самой строгой дисциплине. Подъехав к воротам тюрьмы, они остановились без всякого приказа. Так же быстро, словно по команде сурового начальника, они спрыгнули с седел, закинули поводья на шею лошадям и оставили их на свободе. Каждый держал ружье в руке. Первые три или четыре человека, подошедшие к двери тюрьмы, остановились в изумлении: они не нашли здесь тюремщика.

— Тем лучше, — решили они, — нам будет легче исполнить наше намерение.

А заключалось оно в том, чтобы взломать тюремные двери, забрать арестанта и повесить без всякой церемонии. Суд Линча произнес приговор, и они, его служители, явились для приведения его в исполнение.

Нарочно ли удалился тюремщик, чтобы предоставить им больше свободы, или, узнав об их прибытии, он оставил свой пост из страха?

Как бы то ни было, но ни он и никто другой не препятствовали их намерению. Никакая власть, даже власть шерифа и вооруженная сила, не могли бы остановить их.

Приговор Линча предписывал им отыскать Ричарда Дарка в тюрьме и повесить немедленно на первом столбе.

С этим решением они ушли из домика вдовы Кленси и всю дорогу поддерживали его в себе восклицаниями гнева и мести.

Они выломали дверь и бросились в тюрьму в надежде захватить арестанта. Кое-кто остался у входа, чтобы помешать ему уйти в крайнем случае.

Когда ворвавшиеся выломали замок, вошли в камеру и зажгли огонь, то увидели, что камера пуста.

Приговор Линча не мог быть исполнен, потому что убийца Ричард Дарк ускользнул от яростного мщения.

Глава XXVIII

ПРИВИДЕНИЯ НА УЛИЦЕ

Начиточеская гостиница, в которой остановился полковник Армстронг, конечно, была главная в городе. Неприличным считалось плантатору, хотя бы и разорившемуся, останавливаться во второстепенных гостиницах.

Она, между тем, была далеко не великолепна, и если бы сравнить ее с современными пышными гостиницами, то показалась бы хижинкой. Однако она представляла удобство во многих отношениях. Чего недоставало ей во внутренней роскоши, в мебелировке, то вознаграждалось наружными украшениями, принадлежащими не архитектуре, но растительности, которая окружала и украшала ее. Магнолия, туземное дерево, простирала свои широкие листья, подобные лавровым, над стенами, а чужеземная «гордость Китая» спорила с нею относительно цветов и аромата, лаская своими душистыми кистями зеленые решетчатые ставни, словно хотела своим нежным благовонием понравиться находившимся внутри комнаты.

В один тихий весенний вечер сестры Армстронг сидели на веранде гостиницы. Их можно было рассмотреть при лунном свете и видеть, что выражение их лиц было различно еще больше, чем цвет их волос. На румянном личике Джесси отражалось довольство жизнью, ее глаза сверкали радостью. Для нее в прошлом не было скорби, а будущем — страха. Вся ее жизнь заключалась в счастливом настоящем. В эту минуту она ожидала своего жениха, Луи. Он обещал прийти, и инстинкт любящей женщины подсказывал ей, что он сдержит слово.

Сестра представляла резкую противоположность.

Воспоминания прошлого, настоящее, будущее, бледные щеки, начинавшие худеть, унылый взгляд, недавно еще сверкавший так величественно и повелительно,— все это отличало ее от Джесси.

Конечно, этому были причины: тяжелых неприятностей, перенесенных ею в короткое время, было вполне достаточно, чтобы сломить самую сильную натуру. Прибавьте к этому стыд за письмо, содержание которого вот-вот будет опубликовано в газетах.

Но больше всего ее мучила смерть Кленси и мысль о том, что она напрасно укоряла его.

— Развлекись, милая Елена, милая сестрица,— проговорила Джесси,— помни, что многие страдали подобно тебе.

— Нет, никогда никто так не страдал, а если страдал, то не утешался. Да и как можно утешиться? Женщины, как ты и я, Джесси, любят один только раз в жизни; если мы утрачиваем первую любовь, о второй не стоит думать. Я ее потеряла и поэтому не хочу больше жить.

— Нет, нет, не говори этого, ты мучишь меня, пожалуйста, не говори. Время и новый образ жизни в Техасе все изменят. Ты утетишься, и, я уверена,— все пойдет хорошо; будут еще и у тебя радости впереди, Елена.

— У меня, о, никогда!

Холодный и решительный ответ произвел свое действие. Джесси не настаивала — она видела, что в ту минуту спорить с сестрой было бесполезно. Опыт подсказывал ей дожидаться более благоприятного времени. Ожидая жениха, который мог прийти в любую минуту, она временами подходила к решетке веранды, чтобы взглянуть незаметно на улицу.

Джесси вглядывалась во всех проходивших под сводом китайских деревьев, стараясь увидеть того, кого ожидала.

В эту минуту показался мужчина, привлечший ее внимание. Он остановился перед гостиницей против веранды и смотрел сквозь решетку. Вид его был отвратителен, черты носили отпечаток скотских наклонностей. При свете лампы, висевшей у двери, он казался особенно зловещим.

Джесси узнала это лицо, и оно привело ее в трепет. Она возвратилась к сестре, сидевшей в тени.

— Что с тобою, Джесси? — спросила Елена при виде испуганной сестры.— Ты увидела что-то неприятное?

— О, сестрица,— отвечала Джесси,— это ужасный

человек, верзила, у которого такие страшные черты лица. Я несколько раз встречала его, когда прогуливалась одна. Каждый раз, когда я его вижу, я дрожу, хотя и не могу сказать отчего.

— Он был с тобою невежлив?

— Скорее просто нахален. Он смотрел на меня как-то странно из-под своей шляпы с широкими полями, надвинутой на глаза, и какие глаза! Впалые и страшные, как у аллигатора. Я видела их при свете лампы, под которой он остановился. Я полагаю, что он еще не ушел.

— Я посмотрю на его крокодильи глаза,— сказала, вставая, Елена,— может быть, я сумею бросить на него такой взор, который заставит его держаться на благодарном расстоянии.

И отважная старшая сестра подошла к перилам веранды и, облокотясь на них, наклонилась вперед, чтобы посмотреть вдоль улицы.

Проходили мужчины, но не было ни одного, который походил бы на описание Джесси. Однако она увидела человека, лицо которого, рост и осанка привлекли ее внимание. Он тоже остановился против веранды. Свет от лампы падал на него и хорошо освещал его лицо. Елена Армстронг узнала эти черты и пришла в ужас.

Она остановилась словно вкопанная, подчиняясь какому-то странному обаянию. Но это продолжалось с минуту: вскоре же, придя в себя, она поспешила сообщить сестре то, что узнала.

Но Джесси уже не было. В гостиницу пришел ее жених, и она молча ушла с веранды. Елена осталась одна. Некоторое время она вся дрожала, несмотря на хваленую отвагу, ведь она увидела на улице привидение.

Глава XXIX «ВОЖДЬ ЧОКТАВ»

— Извините, иностранец, если я вам помешаю читать газету. Я люблю видеть любознательность в человеке, но так как мы все собираемся сесть за стол и выпить, то не угодно ли и вам присоединиться к нам.

Сделавший это неожиданное, хотя и довольно странное приглашение, был высоким худощавым человеком. Он был одет в плащ-одеяло, штаны были заправлены в сапоги, на кожаном поясе висели длинный нож и револьвер

системы Кольта. Прибавьте к этому разбойничью физиономию: щеки, распухшие от пьянства, слезящиеся, налитые кровью глаза, толстые чувственные губы и нос, свернутый в кулачном бою. Волосы у него были цвета желтой глины, на лбу светлее, но не было ни малейшего признака растительности на верхней губе, на щеках, даже на толстой бычьей шее, которая, казалось, требовала чего-нибудь более жесткого, чем волосы, для предохранения от петли палача.

Человек, получивший приглашение, представлял другой тип, хотя и не менее отталкивающий. Он был много моложе своего собеседника, может быть, лет на двадцать пять. Вид у него был угрюмый от бессонницы и беспокойства, на верхней губе виднелись синеватые пятна, обозначавшие, что он недавно сбрил усы; черные глаза бросали зловещие беглые взгляды из-под широкополой шляпы. Он был строен, но одежда скрывала его телосложение, она была слишком груба и слишком широка, словно человек, одевший ее, хотел скрыть под нею настоящую фигуру. Опытный сыщик при виде этого джентльмена вскоре узнал бы по его платью, а в особенности по его шляпе и по манере, с какою она была одета, что это было только неловкое, довольно неумелое переодевание. Мысль или подозрение подобного рода мелькнули в уме геркулеса, предложившего ему выпить, хотя последний и не был сыщиком.

— Благодарю вас,— отвечал молодой человек, откладывая газету на колени и слегка приподымая шляпу.— Благодарю вас, я надеюсь, что вы меня извините, но я только что выпил.

— Нет, на этот раз не извиню, иностранец. В здешней таверне такое правило, что все пьют вместе, в особенности, когда встречаются в первый раз. Итак, извольте говорить, какой напиток вы больше любите.

— В таком случае я согласен,— отвечал читатель газеты, откладывая в сторону и свое отвращение, и газету. Он встал, подошел к буфету и сказал с притворной искренностью:

— Фил Контрелл не такой человек, чтоб отступать перед стаканом; но, джентльмены, так как я вновь прибывший в вашем обществе, то, надеюсь, вы позволите мне заплатить за все, что мы выпьем.

Этих «джентльменов» было восемь человек, но ни один из них по своей наружности не мог претендовать

на этот титул. Все они были достойными собратями грубого богатыря в плаще-одеяле, который завязал разговор. Если бы Фил Контрелл обратился к ним, назвав их прохвостами, он подошел бы ближе к истине.

— Нет, нет,— закричали многие из них, решась, по крайней мере, показать, что они были джентльменами в смысле щедрости.— Здесь иностранцы не угощают. Выпейте с нами, мистер Контрелл.

— Теперь моя очередь,— сказал авторитетным тоном тот, который говорил первым,— а после будет угощать, кто хочет. Эй, Джонни! Подавай нам всякой всячины!

Буфетчик, которого называли по имени, имел такой же отталкивающий вид, как и все те лица, которые требовали его услуг. Он быстро, с проворством, свойственным его званию, принес графины с разного рода напитками и стаканы по числу просителей.

Компания уселась и каждый выбрал себе любимый напиток.

Подобные сцены повторяются ежедневно, каждый час, каждую минуту в любой гостинице южных штатов, но описываемая таверна представляла ту особенность, что стояла на краю Начиточеза, в предместье, называемом Индейским кварталом, а иногда Испанским городом, потому что здесь проживали чистокровные индейцы, а также помесь белых испанцев с индейцами.

Над таверной висела старая вывеска, полинявшая от времени, на которой был изображен индейский воин в народном военном костюме, татуированный и в головном уборе с перьями, с надписью: «Вождь Чоктав». Содержал таверну человек, которого считали мексиканцем, но который мог принадлежать и ко всякой другой нации. Буфетчик Джонни, упомянутый уже нами, считался ирландцем, но национальность его была так же сомнительна, как и национальность его хозяина.

Так как дом был расположен в стороне от прогулок горожан, в предместье, редко посещаемом людьми порядочными, то никто не осведомлялся о характере посетителей. Те, кто заходил случайно в эту сторону, знали, что эта гостиница с умеренными ценами, дававшая приют разнообразным гостям: охотникам, трапперам, небогатым индейским купцам, возвращавшимся в степи, а также путешественникам, не имевшим средств останавливаться в лучших отелях. Впрочем, в нее иной

раз заглядывали и люди со средствами, предпочитавшие по каким-то причинам «Вождь Чоктав».

Таков был дом, в буфете которого называвший себя Филом Контреллом пил с семью личностями, в общество которых он попал так неожиданно, благодаря случаю.

Глава XXX ПЛАТОК-ОБВИНИТЕЛЬ

Когда все было выпито, Контрелл потребовал еще, говоря, что заплатит. Потом последовала третья, четвертая очередь. Это была или водка невысокого качества или виски.

Винные пары разбудили щедрость Контрелла, и он закричал:

— Шампанского!

Это вино тогда можно было найти в самой бедной таверне южных штатов. «Вождь Чоктав» также имел обильный запас.

И вот отборное французское вино или его подделка из смородины запенилось в стаканах; Джонни торопился откупоривать пробки, так как чужестранный посетитель вынул кошель, наполненный золотыми монетами.

Все обратили внимание на несоответствие такого богатства с бедной и грубой одеждой, но не высказали замечаний. В этой таверне выдали многое то, что содержало странности, контрасты и даже более, и, вероятно, ни хозяин, ни буфетчик не обращали особого внимания на это обстоятельство.

Был, однако, в этой шумной толпе человек, заметивший и заинтересовавшийся этим обстоятельством, а также движениями и словами подвыпившего Фила Контрелла. Это был богатырь, который представил его веселой компании и не отставал от него все время. Некоторые из товарищей великана, хорошо его знавшие, называли его Джимом Борлассом, другие, знавшие его хуже, говорили ему мистер Борласс, а у индейцев иногда даже срывалось с языка слово «капитан».

Джим, мистер или капитан — это все равно, в продолжение всей оргии не спускал своих налившихся кровью глаз с нового знакомого и следил за всеми его движениями.

Несмотря на это, он не сказал и не сделал ничего

такого, что могло бы показать, что он наблюдает за чужестранцем, который сначала был их гостем, а потом выказал щедрость как относительно него, так и всей компании.

Пока они пили, смакуя шампанское, разговор о разных предметах становился оживленнее. Одно событие в особенности занимало внимание посетителей таверны. Это было убийство, совершенное в штате Миссисипи, близ города Начеза. Подробный отчет о нем уже появился в местной начиточеской газете. Газета лежала на столе, и все грамотные уже познакомились с подробностями преступления. А не умеющие читать узнали об этом от более образованных товарищей. Убитым был Чарльз Кленси, а тот, кого подозревали в убийстве, — Ричард Дарк, сын Ефраима Дарка, богатого плантатора на Миссисипи.

В газете рассказывалось, что тело убитого человека не было найдено, хотя собранные улики не оставляли ни малейшего сомнения, что преступление было совершено, и что обвиняемый Дарк был арестован и посажен в тюрьму, но успел бежать при помощи тюремщика, скрывшегося с ним вместе. В статье упоминалось также о причине убийства — о мисс Елене Армстронг, о письме и о фотографии, потерянных предполагаемым убийцей.

Преступник и тюремщик, без сомнения, ушли в Техас, скрываясь от правосудия.

По тому, как собеседники рассуждали в зале таверны «Вождь Чоктав» об этом убийстве, можно было заметить, что оно почему-то их особенно интересует.

Борласс, возбужденный винными парами, хотя по обыкновению и был молчалив, ударил по столу своим тяжелым кулаком так, что зазвенели графины и стаканы.

— Я дал бы сто долларов, чтобы быть на месте этого Дарка! — воскликнул он.

— Почему? — удивились собеседники. — Почему, Джим? Почему, мистер Борласс? Почему, капитан?

— Почему? — повторил человек со многими именами, снова ударяя по столу, так что зазвенели графины и стаканы. — Потому что Кленси, этот самый Кленси — негодяй; он в Начиточезе, перед судьями, состоявшими наполовину из мексиканцев, поклялся, что я украл у него лошадь. Ему поверили, и я, Джим Борласс, был привязан к столбу на двадцать четыре часа и, кроме того, высечен. Да, товарищи, высечен! И кем еще? Проклятым

мексиканским негром, по приказанию одного из их констеблей, которых они называют алгвазилами. Я и до сих пор еще ношу следы кнута и могу вам показать их, ребята, так как полагаю, все вы знаете, что это такое. Но я бешусь при мысли, что Чарльз Кленси ускользнул от моего мщения, в котором я поклялся. Я знал, что он с родными собирается возвратиться в Техас. Я поджидал здесь его возвращения. Но, кажется, моему плану помешал некто Ричард Дарк. Я завидую этому Дарку и вместе с тем проклиная его за то, что он лишил меня моего мщения.

— Да будет проклят Дик Дарк! Да будет проклят! — воскликнули все собеседники хором, и стены таверны повторили это проклятие.

Оргия продолжалась до поздней ночи. Контрелл платил за всех. Почти все из компании были пьяны, однако они еще были способны удивляться, что у такого бедно одетого человека нашлось так много денег.

Борласс был удивлен менее своих товарищей. Некоторые обстоятельства, замеченные только им, объяснили ему все, а, в особенности, одно рассеяло все подозрения. Когда чужестранец, стоя возле него со стаканом шампанского в руке, вынул платок, чтобы обтереть губы, то уронил его. Борласс поднял платок, но возвратил не прежде, чем прочел начальные буквы имени и фамилии, вышитые на уголке. Потом, когда Борласс и Контрелл сидели рядом, допивая последний стакан на прощание, первый, наклонясь к уху иностранца, шепнул ему:

— Вас зовут не Фил Контрелл, а Ричард Дарк.

Глава XXXI УБИЙЦА ОТКРЫТ

«Вас зовут не Фил Контрелл, а Ричард Дарк». Если бы чужестранец услышал шипение гремучей змеи у себя под стулом, он испугался бы не более и вскочил бы не быстрее, чем тогда, когда Борласс сказал ему на ухо эти слова. Действительно, это был Ричард Дарк.

Он приподнялся до половины, а потом снова сел, но задрожал так, что вино пролилось на усыпанный песком пол таверны.

К его счастью, по случаю позднего времени прочие собеседники разошлись. Они были теперь одни, в про-

тивном случае испуганный вид того, кто назывался до сих пор Филом Контреллом, привлек бы на него все взгляды и собрал бы толпу любопытных.

Итак, Борласс был единственным свидетелем этого события. Целый вечер он изучал этого человека и не ошибся: он находился в обществе убийцы Чарльза Кленси. Гримировки Дарка, сбрившего себе усы и нарядившегося в грубую бумажную одежду луизианских креолов, надевшего широкополую шляпу, не было достаточно, чтобы обмануть такого молодца, как Борласс, привыкшего переодеваться и маскироваться гораздо искуснее. Для того, чтобы грубое платье казалось соответствующим его личности, Дарк должен был меньше сорить золотом, впрочем, тот человек, с которым он случайно столкнулся, все равно увидел бы очень ясно, в чем дело. Не первый раз Джиму Борлассу приходилось встречать убийцу, убежавшего от места своего преступления переодетым и переходившего пограничную черту, отделявшую Соединенные Штаты от Техаса, и потом реку Сабину.

— Э, мистер Дарк,— сказал Борласс, сделав успокоительный жест рукою,— не проливайте так вина. Мы одни и, полагаю, понимаем друг друга, а если не понимаем, то скоро поймем... в особенности, если вы оставите этот испуганный вид, ни на что не похожий, и просто расскажете мне всю правду. Во-первых, отвечайте мне: вы Ричард Дарк или нет? Если да, то не бойтесь этого. Признайтесь без стеснения.

Переодетый убийца, все еще дрожа, колебался. Но это длилось недолго: он вскоре понял, что запирательство бесполезно. Тот, кто задавал ему вопросы, был человек огромного роста и зверского вида, и, хотя пил много целый вечер, однако казался холодным, как могила, и суровым, как инквизитор. Влажные, налитые кровью глаза его бросали взгляды, которые говорили: «Солги, и ты наживешь во мне врага, готового пырнуть тебя ножом где-нибудь в темноте, или застрелить из пистолета здесь на месте». В то же время эти страшные глаза успокаивали его на тот случай, если он скажет правду, и сулили ему дружбу, свойственную двум злодеям, одинаково погруженным в преступления. Убийца Чарльза Кленси, блуждавший несколько дней по белу свету, убегая от правосудия, избирая пустынные дороги, скрываясь в норах и трущобах, а теперь приютившийся под кровлей «Вождя Чоктава», дававшей, по словам

молвы, убежище таким, как он, людям, считал себя в безопасности, в особенности, получив приглашение от незнакомого собутыльника, смотрящего ему прямо в глаза.

Добровольной исповеди Борласса — рассказа о причине его ненависти к Чарльзу Кленси — было достаточно, чтобы привлечь к нему доверие Дарка и склонить его тоже на откровенность. Без сомнения, его новый знакомый находился в одинаковом с ним положении. И он, колеблясь больше, сказал:

— Я действительно Ричард Дарк.

— Хорошо,— отвечал Борласс,— мне нравится откровенность, с которой вы мне сознались, но, вместе с тем, я могу также заявить вам, что было бы то же самое, если бы вы и солгали. Недаром же детина, которого вы видите перед собою, скрывался полжизни по поводу некоторых ошибок, сделанных им в начале своей жизни, чтобы сразу же не догадаться обо всем, когда другой находится в таком же положении. Первый раз, когда я встретил вас в этой гостинице, я увидел, что у вас не совсем ладно, хотя и не мог знать этого, а тем более догадаться, что всему виной гнусное слово, начинающееся с буквы «у». Признаюсь, я немного удивился сегодня вечером при виде того, как вы бродили около отеля, следя за одной из дочерей Армстронга — нет надобности называть, за которой именно.

Дарк вздрогнул и спросил машинально:

— Вы меня видели?

— Без сомнения, и как же мне было вас не видеть, когда я был там и, полагаю, по тому же делу.

— Ну? — сказал Дарк, ожидая, что Борласс будет продолжать.

— Ну, как я и сказал, я было удивился немного. По вашему виду и манерам со времени вашего прибытия сюда я догадался, что суть дела должна заключаться не в любви. При этом человек, остановившийся в гостинице «Вождь Чоктав» и так убого одетый, не должен бы, казалось, претендовать на такую изящную особу, как одна из этих двух дам. Вы сами согласитесь, не правда ли, что это было бы очень странно.

— Не знаю,— отвечал Дарк угрюмо и полуравнодушно.

— Вы не знаете? Хорошо. Я сомневался до тех пор, пока вы не возвратились сюда в таверну, за несколько минут до того, как я встретил вас и предложил выпить.

Если вам угодно знать, что заставило меня переменить мнение, то для выяснения всего дела я вам скажу.

— А что? — спросил Дарк, едва сознавая, что он говорит.

— Газета, которую вы читали, когда я вас приглашал. Я прочел ее раньше вас и рассчитал все дело. Сложив два и два, я легко мог сосчитать четыре, так же, как и угадать, что одна из живущих в отеле девиц — мисс Елена Армстронг, о которой говорится в газете, а человек, подсматривающий за нею — Ричард Дарк, убивший Чарльза Кленси, то есть вы сами.

— Я... я не скрою, мистер Борласс, я Ричард Дарк и я убил Чарльза Кленси, хотя и отрицаю, что умертвил его как разбойник.

— Нужды нет. Между друзьями, какими можем мы теперь считаться с вами, нет надобности в тонкостях выражений. Убить или умертвить разбойнически — все равно, если человек имеет повод, подобный вашему. И когда он изгнан из так называемого общества и изгнан также из собственных плантаций, то невероятно, чтобы он утратил уважение к тому, кто находится в таком же положении. Джим Борласс не сочтет вас врагом за то, что вы убили Чарльза Кленси, не сочтет никоим образом. Вы только отняли у меня удовольствие мести, в которой я поклялся. Но оставим это; он умер и да будет проклят. Я не сержусь, но завидую вам, что вы отправили этого негодяя на тот свет, куда я сам хотел отправить его. А теперь что вы намерены делать, Дарк?

Вопрос этот представил Дику будущность мрачную и исполненную опасностей; он призадумался, прежде чем ответить.

Собеседник продолжал:

— Если у вас нет определенного плана и если вы хотите послушаться совета, приставайте к нам.

— К вам? Что вы хотите сказать, мистер Борласс?

— Я не могу вам объяснить этого здесь, — продолжал Борласс, понижая голос. — Хотя эта комната и кажется пустой, однако у нее есть уши. Я вижу, этот проклятый Джонни слоняется по углам, притворяясь, что ищет ужин. Если б он знал про вас то, что знаю я, вы были бы в клетке прежде, чем собрались бы спать. Нет надобности говорить, что обещана награда тому, кто на вас донесет, ведь вы сами читали об этом в газете. Джонни и многие другие были бы очень рады

разделить ее со мною, если б я сказал им половину того, что мне известно. Но я не выдам вас и имею на то свои причины. После того, что я вам сказал, вы можете, кажется, доверять мне.

— Да,— проговорил убийца, вздохнув свободнее.

— Хорошо,— сказал Борласс,— мы понимаем друг друга. Но нам не следует оставаться здесь далее для разговора. Пойдемте ко мне в номер, там будет безопаснее. У меня осталась бутылка виски, и мы можем приятно провести ночь, поговорить без помех. Ну, идем, что ли!

Это было похоже на приказание, которому Дарк не смел противиться. Тот, кто приказывал, имел теперь над ним полную власть, и мог, если бы только захотел, передать его в руки правосудия и сделать так, что он оказался бы за решеткой.

Глава XXXII

ПРИВИДЕНИЯ ИСЧЕЗАЮТ

В то самое время, когда Борласс вытягивал признания у Контрелла, два других человека, недалеко оттуда, в лучшей гостинице, разговаривали о преступлении и о преступнике, совершившем его. Речь шла в основном о преступнике, они намеревались найти его и передать в руки правосудия.

Это были полковник Армстронг и молодой плантатор Луи Дюпре, оба знавшие теперь, что убийца Чарльза Кленси находится на свободе и не более как в миле от их отеля.

Им сообщила об этом Елена Армстронг.

Молодая девушка, увидев на улице человека, присутствие которого смутило ее, отошла в глубину веранды, где не нашла уже сестры. На веранде было достаточно светло для того, чтобы заметить в углу очертания тростникового кресла-качалки. Елена опустилась в него. Мысли ее сосредоточились на одном, она взялась за голову руками, как бы стараясь не дать им разбежаться.

От перил она отходила с чувством страха и легкой дрожи. Но это не удивительно. Однако скоро к ней возвратились хладнокровие и отвага.

Внизу на улице, не далее как в двадцати шагах, стоял убийца ее возлюбленного, человек, разбивший ее жизнь; он был здесь, освободившись из тюрьмы.

Она могла подвергнуть его снова аресту, она должна это сделать. Это была первая мысль по прошествии первого волнения. Но каким образом поступить? Закричать прохожим, чтобы те схватили его на улице? Нет, это значило бы дать ему возможность скрыться. Прежде чем сбежались бы люди на ее крик, он был бы уже далеко и значительно опередил бы своих преследователей. Вокруг Начиточеза, доходя до крайних домов, растет густой лес, почти не тронутый людьми, и там легко укрыться беглецу.

Елене Армстронг было двадцать лет, она выросла в лесах, знала обычаи запада и понимала хитрости и уловки его жителей. Обладая достаточным запасом хладнокровия и смелости, она умела принимать необходимые меры, чтобы расстраивать эти хитрости.

Она поняла, что неопределенность имела бы следствием лишь то, что убийца во второй раз успел бы ускользнуть от правосудия. И так как он ее не видел, или, по крайней мере, не узнал,— она была уверена в этом — то и не надо было торопиться с задержанием его в городе. Не было сомнения, что он намеревался провести здесь еще несколько дней. Одним днем больше, одним меньше — не делало особой разницы; достаточно было получаса для исполнения ее замысла: сообщения виденного ею отцу и Луи Дюпре. Они уже должны были совместно с начиточезскими властями позаботиться об аресте Ричарда Дарка.

Она ничего не могла сделать более, потому что, выглянув снова на улицу, убедилась, что убийца скрылся. Спрятавшись за виноградными листьями, она искала его некоторое время глазами на улице слева и справа, насколько позволяли фонари.

Был ли это он или нет, но человек, удалявшийся от гостиницы, находился на слишком большом расстоянии, чтобы его настигнуть.

Когда полковник Армстронг удалился в свою комнату, а Луи Дюпре расстался с Джесси, было уже поздно принимать меры к аресту убийцы.

Если б они знали, где захватить его и где он проводит эту ночь, то поступили бы иначе, дали бы знать властям и приступили бы немедленно к делу. Но ни тот, ни другой не знали о существовании «Вождя Чоктава» и не имели понятия о характере посетителей этой гостиницы, а потому решили отложить дело до утра. Ре-

шение неудачное и роковое для их замысла, так как, прежде чем солнце взошло над кровлями Начиточеза, прежде чем лучи рассвета осветили его тенистые улицы, Ричард Дарк удалился из города вместе с полдюжиной постояльцев таверны.

Глава XXXIII

НЕ ЖЕЛАЕТЕ ЛИ ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К НАМ?

Ранний час поспешного ухода Ричарда Дарка не нуждается в объяснении. Разговор, который имел он с Борлассом в номере последнего и который служил продолжением беседы, начатой в зале таверны, объяснил нам причину этого ухода.

Войдя в свою комнату, гигант предложил стул своему спутнику, сам сел на другой, поставил на стол бутылку и сказал:

— Я вам предложил, мистер Дарк, присоединиться к нам. Я это сделал, желая вам добра, что вы сами должны понимать очень хорошо. Вы в свою очередь спросили меня, что это значит, не правда ли?

— Да,— отвечал Дарк неуверенно.

— Это значит,— сказал Борласс, наливая себе стакан и осушив его залпом,— что я и все, с которыми вы вместе пили,— самая лучшая шайка в мире. Вы сами видели, насколько весела наша компания. Эта ночь ничто в сравнении с тем времяпрепровождением, какое мы устраиваем для себя в Техасе, в степях. Мы ведь живем в Техасе.

— Могу ли я спросить, мистер Борласс, чем вы занимаетесь?

— Если мы чем-нибудь и занимаемся, то чаще всего ловлей лошадей. Мы ловим диких лошадей — мустангов, как их называют, а иногда и таких, которые не совсем дики. Мы водим их в колонии на продажу, вот почему нас прозвали «мустангерами». В промежутках, когда дела идут не совсем хорошо, мы проживаем в техасских городах, преимущественно в тех, где больше мексиканцев. Очень приятно проводим время с мексиканскими девушками. Поверьте мне: вы можете в этом положиться на слово Джимма Борласса.

— Я и не имею причин сомневаться,— отвечал Дарк.

— Тогда я не имею надобности говорить больше,

не правда ли? Я знаю, что вы любите хорошенькое личико с черными глазами. О, вы найдете сколько угодно таких сеньорит; может быть, найдете вполне достаточно для того, чтобы позабыть пару глаз, которые смотрели на вас с веранды отеля. О, я видел, как они на вас смотрели!

— Они смотрели на меня? — воскликнул Дарк с удивлением и в испуге.

— И очень пристально.

— Вы хотите сказать...

— Хочу сказать — глаза мисс Елены Армстронг, которые заставили вас выстрелить по Чарльзу Кленси.

— И вы полагаете, что она меня видела? — спросил убийца с явным беспокойством.

— Я в этом убедился: она больше, чем вас видела, она вас узнала. Я это заметил по быстроте, с какой удалилась она в тень. Разве вы сами этого не заметили?

— Нет, — отвечал машинально Дарк, вздрогнув всем телом.

Собеседник, заметив это, продолжал:

— Последуйте моему совету, поезжайте с нами в Техас. Вскоре мексиканки заставят вас позабыть горе, причиненное вам мисс Еленой Армстронг. После первого же фанданго вы перестанете о ней думать. Поверьте Джиму Борлассу, что вы скоро о ней позабудете.

— Никогда! — воскликнул Дарк в порыве страсти, забывая опасность своего положения.

— Если таково ваше намерение, — сказал Борласс, — если вы решились не терять мисс Армстронг из виду, то, вероятно, вы недолго проживете. Верно говорю вам, что завтра утром будет для вас слишком жарко в городе Начиточезе.

Дарк встал со стула, для него и тут было жарко.

— Сохраните ваше хладнокровие, Фил Контрелл, — сказал техасец. — Теперь вам нечего бояться. Другое дело, если бы вы остались на этом стуле, в этой самой комнате еще часов восемь. Я не останусь здесь более шести часов, я ведь уже вам сказал, что Джим Борласс, подобно вам, имеет свои причины покинуть гостиницу «Вождь Чоктав». Он уедет до восхода солнца. Он дает вам дружеский совет последовать за ним. Хотите?

Но Дарк медлил с решительным ответом. Мысль оставить Елену, покинуть место, где она живет, и, может быть, никогда не увидеть ее более, пересилила страх

перед грозившей ему опасностью и даже самую боязнь эшафота.

Техасский разбойник угадал причину его нерешительности.

— Если вы решили, — сказал он, — держаться за передник мисс Армстронг, то вы можете сделать это и не в Начиточезе. Самое верное средство приблизиться к ней — ехать со мною.

— Каким образом, мистер Борласс?

— Такой проникательный человек, как вы, Контрелл, должен бы догадаться, не спрашивая. Вы говорите, что никогда не сможете забыть старшей из сестер — я вам не верю; я буду в свою очередь откровенен и скажу, что вряд ли Джим Борласс забудет младшую. Я думал, что никогда не испытаю подобного чувства, потому что достаточно испытал всего в жизни. Но она сделала это, ее голубые глаза сделали это, будь я проклят, если это неправда. И что же, по-вашему, я могу ее оставить, потерять из виду? Нет, я не оставляю ее до тех пор, пока ее слезы не оросят моего лица.

— Я не понимаю, — пробормотал Дарк.

— Скоро поймете, — ответил разбойник, — разумеется, если последуете за мною туда, куда я еду. Довольно с вас будет, если я скажу, что там вы найдете Елену Армстронг.

И не дожидаясь действия своих слов, он продолжал:

— Теперь, Фил Контрелл или Ричард Дарк, угодно вам присоединиться к нам?

— Да.

Глава XXXIV КОЛОНИЯ В ГОРЕ

Прошло несколько недель со времени убийства Чарльза Кленси и бегства того, кого заподозрили в этом преступлении.

Хотя волнение до известной степени и утихло, однако по соседству еще говорили об этих событиях, но не потому, что преступление и бегство представляли еще тайну. В смерти Кленси не было больше сомнения. Пули, отверстия от пуль, следы сапог, странное поведение собаки Чарльза Кленси — все это подтверждалось еще письмом Елены Армстронг с ее фотографией, которое потерял

Ричард Дарк, когда убегал с места преступления. Он или перехватил письмо, или взял у убитого Кленси; во всяком случае, поступок был ужасный и объяснял все поводы убийства.

Но не все обстоятельства трагедии были известны соседям, некоторые составляли секрет Саймона Вудлея и тех его товарищей, которые были посвящены в тайну. Охотник имел причины не открывать их всем, одной из этих причин было обещание, данное негру Биллу, который очень рисковал жизнью ради правосудия.

Вудлей честно сдержал обещание: благородный поступок Синего-Билла не доходил до слуха Ефраима Дарка, и невольник не был скомпрометирован перед своим жестоким господином, получив плетей больше обыкновенного. Обесчещенный, огорченный и, вероятно, раскаявшийся Ефраим Дарк не так гордо подымал теперь голову перед своими невольниками; он начал обходиться с ними сравнительно гуманнее.

Когда лес охвачен огнем или затоплен водой, то робкая лань находится в безопасности возле голодного волка, который приютился в одном с ней убежище.

После событий, принявших такой оборот, Вудлею нечего было бояться за Синего-Билла. Так как труп не был найден, то и невозможно было приступить к следствию. При этом подозреваемый не находился больше в руках правосудия, и дело прекратилось само собой. Было известно, каким образом Дарк убежал из тюрьмы. Дело происходило так: не прошло и нескольких часов после ареста сына, как отец получил разрешение видеть его в тюрьме. Нельзя было отказать в этом такому важному плантатору и к тому же огорченному отцу. Но Ефраим Дарк был богат, а известно, что золото во все времена и во всех странах умело рушить любые стены. Многие заподозрили кое-что, когда не нашли тюремщика. Тюремщик не пользовался особо хорошей репутацией и с некоторого времени вел себя так, что поговаривали о его замене. Но это не было исполнено, к счастью для Ефраима Дарка и его сына.

Не застав тюремщика на месте, толпа жаждущих мести людей осмотрела его жилище, которое нашла также пустым, и поняла, в чем дело. Днем Ефраим Дарк приходил в тюрьму. Все были убеждены, что золотой ключ открыл замки, и что арестант и тюремщик убежали вместе.

Действительно, так оно и было. Тюремщик Джо Гаркнесс не только оставил свой домик, но и не появлялся больше в колонии.

Теперь в этом убийстве не было ничего необычного, как и во всяком другом, происшедшем ранее, и ничего не было необыкновенного в бегстве из тюрьмы. Благодаря найденной фотографии Елены Армстронг выяснилось, что убийство было совершено просто на любовной почве.

Но даже этот мимолетный интерес вскоре перестал бы занимать колонию и людей, привыкших, как и все миссисипийцы, к страшным происшествиям. Убийство было бы скоро забыто, если бы не то загадочное обстоятельство, что нигде не нашли трупа. Никто не сомневался в смерти Кленси. Но что же случилось с его телом? Его искали в продолжение нескольких дней, в лесу делали облаву, тщательно осматривали каждый куст, каждую рытвину. Болота и озера, а также и реки, где только находились близко следы убитого, были обследованы, но трупа не отыскивали. Именно это необъяснимое обстоятельство поддерживало у людей любопытство и не давало забыть о трагедии. Прошли недели, а о нем еще говорили во всей колонии и ежедневно появлялись различные версии и предположения.

Иные даже верили, что Чарльз Кленси мог еще быть жив; многие обрадовались бы этой удаче, если бы не было столько доказательств его смерти. Если бы он был жив, то непременно вернулся бы домой, хотя бы даже и получил смертельную рану. Так думали люди. Если у него хватило сил удалиться от места убийства, он мог бы прийти к матери. Все знали, что он был нежный сын и очень любил мать.

Для соседей было ясно также и то, что живой человек не бросил бы ни ружья, ни шляпы: это было слишком уж нелепо. А кровь?!.. Нет, он не мог быть в живых.

Друзья питали еще слабую надежду на удачу, но никто не имел твердой уверенности.

В то время, когда в колонии говорили еще об этом убийстве, случились другие происшествия, потребовавшие своей доли внимания.

Ефраим Дарк вдруг продал плантацию, перешедшую к нему от Арчибальда Армстронга, новому владельцу. Более скромная плантация Кленси также перешла в

другие руки. Она находилась в аренде, а после смерти вдовы и исчезновения сына арендатор завладел всем, и никто ему не воспрепятствовал. Скот, земледельческие орудия, а также мебель и прочая движимость были проданы с аукциона.

Пенаты разорившегося ирландского дворянина достались тому, кто предложил за них больше. Редкие книги, картины и другие предметы, говорящие об образованности владельца, а также и некоторые драгоценности попали в деревянные домики, где их ценили только по аукционной стоимости. Наконец, домик был опорожнен и остался без жильца. Даже собаку, которая оказала такую важную услугу, открыв виновника всех этих бедствий, увел Саймон Вудлей.

Так шли дела в местах, где полковник Арчибальд Армстронг был раньше плантатором и которые украшались присутствием его дочерей.

Все теперь изменилось. Колония стала похожа на разрушенный храм, у которого отняли столбы, его поддерживающие, и который готов рухнуть.

Глава XXXV

ИСПУГАННЫЙ ЛОДОЧНИК

«Куда девался труп Кленси?»

Вопрос этот задавали друг другу его приятели и знакомые в продолжение многих недель после его исчезновения. Один только человек знал, что сделалось с телом. Личность эта совсем неизвестна читателю, но она сыграла довольно важную роль в событиях, случившихся вскоре после убийства Кленси.

Сцена, где произошли эти события, уже была изображена, и мы только напомним ее. Это то самое место под кипарисами, где Дарк сделал смертельный выстрел по своему ненавистному сопернику.

После поспешного бегства убийцы там все было спокойно, как если б он преуспел в своем преступном намерении. Лес в окрестности сделался даже молчаливее; повторные выстрелы и шум борьбы испугали его обитателей: четвероногих, птиц, насекомых, пресмыкающихся,— и заставили их прекратить ночной концерт.

Молчание это продолжалось, когда они слышали новые звуки, конечно, не принадлежащие к их дикому

оркестру и бывшие для многих из них' враждебными. Это был вой собаки, слышанный уже ими несколько минут назад и на этот раз более заунывный.

Нет надобности пояснять, чья собака выла в лесу.

Будучи ранена в шею Ричардом Дарком, она не ушла домой, так как знала, что не найдет там хозяина; привязанность к нему превозмогла в ней страх, и собака возвратилась к месту трагического события. Она приближалась сперва осторожно, а потом, не видя никого, пошла бодрее. Очутившись у дерева, под которым произошла смертельная встреча, собака подняла голову и осмотрелась с очевидным изумлением. Она ожидала найти своего господина там, где только что видела его лежащим на земле. Но она его не нашла, а увидела только мох, разбросанный по земле и накиданный кучей в одном месте. Собака залаяла, потом, наклонив нос к земле, обежала вокруг дерева, входя во все углы, всюду обнюхивая; возвратилась к месту, откуда она начала поиски. Уловив запах крови, испарение которой исходило из-под мха, одним прыжком она бросилась на кучу и начала разгребать ее; отбрасывая куски мха мордую и раскапывая лапами, вскоре она открыла верхнюю часть тела: голову, грудь, руки и плечи, а потом легла возле, завывала и принялась лизать еще не охладевшее тело. Через несколько секунд от тихого воя она перешла на громкий и жалобный, который был слышен на расстоянии мили в лесу.

Ричард Дарк, убегая, слышал его, и это заставляло ускорять шаги. Охотник за енотами также слышал его, сидя на дереве. Душераздирающий вой заставлял его еще крепче схватиться за ветви.

Услышал его и третий человек, который имел свои причины испугаться. Это был человек, плывший на лодке по ручью, протекавшему в двухстах шагах от этого места и впадавшему в стоячее болото. Выбравшись из болота, лодочник собирался въехать в речку, когда до его слуха долетели эти звуки, казавшиеся ослабленными из-за густых деревьев. Услышав собачий вой, он немедленно перестал грести, не делал ни малейшего шума ни веслом, ни каким-либо другим способом, чтобы не лишить себя возможности улавливать едва различимые лесные звуки. Он медленно и молчаливо двигался по воде, словно путешествие его было весьма таинственно и требовало большой осторожности в движениях.

Лодка, на которой он плыл, была просто выдолблена из пня. Хотя двойная тень листвы и сумерек едва позволяла видеть лодочника, но все-таки имелось достаточно света для того, чтобы разглядеть очертания его геркулесового сложения; его лицо без усов и бороды с чертами смелыми и довольно приятными, и смуглым цветом кожи. Рубашка из полосатой бумажной материи и такие же шаровары, перетянутые поясом, составляли весь его костюм. Поношенная войлочная шляпа, сделанная в исправительном заведении, служила ему головным убором, хотя это и не доказывало, что он ускользнул от правосудия, потому что все почти цветные люди носят подобные шляпы в штате Миссисипи.

Осторожность, с какою он греб, и быстрота, с какою перестал грести, когда услышал вой собаки, служила доказательством, что он уклонялся от чего-то, может быть, преследования. Знаток местных обычаев, приняв во внимание удаленность от всякого жилища, недоступность, пустынность, тишину, а также осторожные движения лодочника, тотчас же счел бы последнего беглым невольником.

Это, действительно, был беглый невольник.

Неудивительно, что он вынул весло из воды, услышав вой собаки: для него не существовало ничего знаменательнее и ужаснее этих звуков. Он начал прислушиваться и пустил лодку вплавь. Течение в реке не отличалось быстротою. К тому же, спускаясь по течению, он удалялся от грозившей ему опасности. Плантация находилась вверху, и оттуда неслись звуки, заставившие его остановиться.

Он вышел из своего убежища, чтобы на опушке болотных кипарисов найти товарища или спрятанный где-нибудь запас провизии.

Услышанные им звуки послужили ему сигналом предостережения об опасности утратить свободу, подвергнуться истязанию кнутом и перенести еще более мучительные пытки. Меньшим из всех зол для него было лечь спать без ужина. Сдвинув шапку на одну сторону, он наклонился и начал прислушиваться. Если б еще имелось достаточно света, чтобы осветить его лицо, то можно было бы увидеть, что на нем не было никакого признака трусости или глупости. Не робкие или безмозглые избирают этот способ освобождения от цепей рабства, а только отважные, разумные и ловкие.

Лодочник был именно такого закала. Послушав с минуту, он опустил свое весло в воду и поплыл вверх против течения.

Глава XXXVI

ТРУП ЛИ ЭТО?

Беглец продолжал свой путь с удвоенной осторожностью и стараясь не делать ни малейшего шума. Он погружал в воду свое широкое и короткое весло так легко и беззвучно, что мог слышать малейшие лесные звуки. Кроме того, он старался уловить вой собаки, жалобные звуки которого еще доносились до него.

«Крики этого животного не предвещают мне опасности,— решил он.— Я знаю этот голос так же хорошо, как и свой собственный. Это собака молодого Кленси, а не ищейка... Что с ней? Должно быть, что-нибудь да есть, раз она так воет. Надеюсь, что не случилось никакого несчастья с ее молодым хозяином. Что бы там ни было, я все-таки подойду ближе и посмотрю».

И, погнав лодку с усиленной быстротою, он скоро очутился напротив места, откуда раздавался вой.

Пристав к берегу, он проворно выскочил из лодки и привязал ее к выступающему из воды корню дерева. Пробираясь осторожно между кипарисами на голос собаки, он вышел к месту, где совершилось преступление, а затем осторожно пополз между пнями кипарисов, сливаясь с тенью то одного, то другого. Подползя ближе и увидев только собаку, почти скрытую в куче мха, он встал и пошел смелее. Собака узнала его и выбежала к нему навстречу, перестав на минуту выть, но потом вернулась на прежнее место.

Подойдя к куче мха, лодочник увидел лежащего человека и узнал черты Чарльза Кленси.

Был ли он мертв? Да, судя по наружному виду. Желая убедиться в этом, мулат стал рядом с трупом на колени, разбросав сперва мох, покрывший отчасти тело. Он увидел рану и кровь, которая еще струилась из нее, и приложил руку к сердцу Кленси.

Не ошибся ли он? Ему показалось, что оно бьется. Для большей верности он пощупал пульс.

— Бьется, я уверен, что бьется! — воскликнул он, подержав несколько секунд белую безжизненную руку

в своих черных и костистых пальцах. Потом он также ощупал артерии в разных местах, прикасаясь к ним с такой осторожностью, словно держал в руке хрупкую малютку. Он был почти убежден, что пульс еще бьется, и что жизнь сохранилась в этом теле.

— Но что делать?

Бежать в колонию и обратиться в доктору?

Он не смел сделать ни этого, ни искать какой-нибудь другой помощи, потому что дело шло бы о его собственной свободе, если не о жизни. Показаться белому — значило возвратиться в страшную неволю, — в неволю, от которой он избавился с величайшими затруднениями. Это был бы великодушный поступок, жертва выше сил человеческих, и можно ли было требовать ее от несчастного беглого невольника?

Но он готов был принести жертву, судя по следующим словам, которые он шептал:

— Будет ли он жив или нет, но я не оставляю его здесь. Что же скажет она, когда узнает? Но кто же мог это сделать? О, я знаю кто. Один только человек способен на такой подлый поступок. После того, что говорила мне Юлия, я ожидал этого. Я хотел предупредить его, но теперь уже слишком поздно. Дьявол восторжествовал, как всегда и бывает. Боже мой, что будет теперь с мисс Еленой? Она, конечно, любила его, как Юлия любит меня и я Юлию. Они все уезжают в Техас. Боже мой, что же будет со мною, если я не найду средств последовать за ними! Надо постараться найти их, а не то умереть.

Некоторое время мулат — а это был не кто иной, как беглый невольник Дарка Юпитер — оставался в неподвижном положении у тела Чарльза Кленси, предаваясь грустным мыслям. Потом он еще раз внимательно посмотрел на рану и, видя, что кровь не перестает течь, и подумав, что раненый может быть еще жив, решил позаботиться о его спасении.

— Бедный молодой господин, — прошептал он участливым тоном, — нельзя бросать его здесь ни живого, ни мертвого. Волки и вороны скоро оставят от него одни кости. Но им не удастся сделать этого. Он не раз был добр ко мне. Теперь моя очередь. И мулат-невольник, цветной человек, как они называют меня, покажет им, что и под желтой кожей может биться признательное сердце, так же как и под белой, а, может быть, даже

и еще признательнее. Показать им! Кому? Ха, ха, ха! Превосходно! Счастье, что здесь нет никого. Если бы кто-нибудь был... но нужды нет. Что же теперь делать?

Беглец подумал с минуту, потом принял, по-видимому, решение, намереваясь поднять тело и унести его. Так он предполагал. Но в этот момент собака начала похоронную песню над своим мертвым господином.

— Боже всемогущий! — воскликнул беглец под влиянием страха. — Что мне делать с собакой? Если я возьму ее с собой, то, конечно, рано или поздно она подаст голос и привлечет сыщиков в мое убежище — это несомненно. Если оставить ее здесь, будет еще хуже. Она не может следовать за мною по воде, но укажет им место, где спрятана моя лодка. Ах, вот что делать!

Он нашел средство.

— Сюда, старик, — сказал он ласково собаке, — не бойся, я — Юпитер, друг твоего хозяина. Ты знаешь Юпитера? О, да ты добрая собака! Я был уверен, что ты не боишься меня. Теперь тубо! Я-не собираюсь тебя вешать, а только привяжу на минуту. Будь же покоен.

И Юпитер, вынув из кармана веревочку, обвязал ее вокруг шеи собаки, которая не противилась тому, что дружеская рука делала для ее же пользы.

Недалеко росли пальметто, широкие веерообразные листья которых на коротких стеблях выходили прямо из земли и, подымаясь фута на три, покрывали землю массой зелени. Он отвел собаку в середину пальметто, потом наклонился, привязал веревку к одному из стеблей и быстро убежал, не обращая внимания на судорожные усилия бедного животного разорвать привязь. Он не обращал внимания на лай, казавшийся протестом против неожиданного и предательского поступка.

Мулату предстояли другие заботы. Ему грозила близкая опасность, она была, как говорится, на носу, и в виду этого собака, осужденная, быть может, на гибель, не стоила и минуты внимания. Он быстро возвратился к дереву, под которым лежал Кленси.

Он пощупал еще раз пульс и приложил ухо к сердцу: ему казалось, что и пульс, и сердце еще бились, но он точно не был уверен в этом. Он взял тело, приподнял его и понес легко, точно это был новорожденный младенец. Дойдя до берега, он положил свою ношу на дно лодки. Войдя потом в нее сам и отвязав от причала, он пустился вниз по течению.

Муллат принял меры, чтобы не оставить никакого следа, никакого отпечатка, даже малейшей царапины на земле. Прибыв к своему месту укрытия, он подвел лодку к корням смоковницы, выдававшимся далеко в воду: они служили ему пристанью, он свободно отправился со своей ношей к укрытию. Между местом высадки и местом, укрывшим беглеца, земля была покрыта густым слоем кипарисовых листьев, на которых опытный взор самого искусного разведчика с трудом открыл бы следы даже носорога. Беглец был уверен, что не оставил за собою никакого следа.

Глава XXXVII

НЕ ПРИВИДЕНИЕ ЛИ ЭТО?

Дни шли за днями. Минула зима. Наступил февраль. В это время на Миссисипи и в Луизиане начинается весна. На некоторых деревьях расцветают душистые цветы. Птицы вознаграждают себя за молчание, на которое осуждала их короткая зима, и наполняют окрестности громким пением, не довольствуясь днем и распевают даже ночью.

Но не все звуки южного леса одинаково приятны; к ним примешиваются ноты, не отличающиеся ни нежностью, ни гармонией, вроде кваканья большой болотной лягушки и трещания древесного сверчка; крики совы, а по временам хриплый голос аллигатора. Однако для привычного уха здесь нет ничего нестройного.

Среди этого концерта, в полночь, в колонии, о которой мы уже говорили, пробирался какой-то человек вдоль опушки кипарисового болота. Через несколько минут человек этот поворотил в менее густой лес, между большими кипарисами и плантациями, прошел через него и вскоре очутился в виду покинутого домика, в котором прежде жил Кленси. При лунном свете можно было видеть его бледное лицо, впалые глаза, осунувшиеся щеки, вследствие долговременной болезни, от которой он не совсем еще оправился. Его неверные и неровные шаги, когда он переступал через свалившиеся пни или небольшие заторы, показывали, что он был еще очень слаб. Выйдя из леса и дойдя до покинутого жилища, он остановился на время. Заметно было, что он хорошо знал местность, потому что смело прошагал по тропин-

ке, ведущей к дому сквозь кустарники. Он шел, оглядываясь по сторонам, скорей не из страха, а из нежелания, чтобы кто-нибудь его увидел. Не было вероятности, что его увидят; в полночь все спали или должны были спать в колонии. Домик стоял дальше чем на милю от ближайшего жилища и был совершенно необитаем.

Он вошел через заднюю калитку, откуда крытая галерейка вела на кухню.

У двери не было замка, и она легко отворилась. В лесу не бродили воры, но если бы и бродили, зачем явились бы они в этот пустой дом, где и для пустынного не имелось ни малейшей поживы?

Шум шагов его в пустом доме был какой-то печальный. Ночной посетитель блуждал из комнаты в комнату, останавливался на минуту или на две в каждой и грустно смотрел вокруг, но дольше всего пробыл в спальне вдовы и в особенности присматривался к тому месту, где стояла кровать.

— Без сомнения, здесь она скончалась! — сказал он.

После этих слов он зарыдал; обильные слезы потекли из его впалых глаз по исхудавшим щекам. Проплакав несколько минут, он вышел из комнаты и направился к двери, выходящей на большую дорогу. За этой дорогой лежало место, отчасти лесистое, отчасти возделанное, принадлежавшее прежде полковнику Армстронгу, который давно уступил его обществу для устройства кладбища. Большая часть подписей, гласивших об имени и возрасте усопших, успела стереться. Но была одна свежеекрашенная, белевшая при серебристом лунном свете. Человек, вышедший из покинутого дома, посмотрел на эту свежую могилу, спустился с крыльца, перешел через дорогу и направился прямо к могиле, словно кто позвал его туда. Буквы, написанные на доске, были в тени. Он наклонился, чтобы прочесть надпись. Она гласила: «Каролина Кленси».

И опять у него из глаз потекли слезы; он опустился на землю, не обращая внимания ни на ночной холод, ни на свою рану. Затем он поднялся, выпрямился, как бы приняв какое-то твердое решение, и сказал с жаром:

— Матушка! Матушка! Я жив, я здесь... а ты умерла! Ты не можешь меня ни узнать, ни услышать!

Он едва не обезумел от горя и почти не понимал, что говорит. Наконец, рассудок одержал вверх; голос его, осанка, выражение лица изменились до такой сте-

пени, что с трудом можно было узнать в нем человека, который несколько минут назад чуть не потерял рассудок. На лицо легла печать суровости, кроткие черты сделались строгими, грустные глаза воспламенились и выражали теперь решимость мщения. Он посмотрел еще раз на могилу и поднял глаза к небу. Полная луна осветила его: он стоял, откинувшись немного назад и опустив руки.

— Клянусь небом, которое надо мною,— сказал он,— клянусь памятью моей убитой матери, прах которой покоится здесь, под землею, клянусь не знать ни минуты покоя, не искать никаких удовольствий, пока не найду убийцы! Я буду искать его день и ночь, зиму и лето, до тех пор, пока не найду и не накажу того, кто уничтожил мое счастье, умертвил мою мать и разорил мой дом! О, злодей, не думай ускользнуть от меня! Техас, куда, как я знаю, ты скрылся, не настолько обширен, чтобы ты мог укрыться от моего мщения. Если я не найду тебя там, Ричард Дарк, то буду преследовать на краю света!

— Чарльз Кленси,— раздался голос.

Молодой человек оборотился, словно кто-нибудь ранил его в бок. Произнесший это имя стоял в шести шагах.

Глава XXXVIII

СРЕДИ МОГИЛ

Из всей колонии никто так ревностно не искал тела Кленси и никто с такой решимостью не преследовал его убийцу, как Саймон Вудлей. Между ним и Кленси существовала сильная дружба, порожденная сходством вкусов и профессии. Правда, Кленси держался этой профессии для удовольствия, как любитель, в то время как для другого она служила средством к существованию. Несмотря на это, оба охотника часто встречались в лесах, вместе гоняя дичь,— они помогали друг другу и потом делились добычей. Но, хотя Чарльз Кленси и был беден, однако он получил образование и в обществе считался джентльменом, а Вудлей был лесным жителем без всяких претензий. Он жил в хижине, носил платье домашнего изготовления и существовал тем, что ему удавалось добыть охотой. Он продавал лосиное и медвежье мясо, а также шкуры этих животных, а иной раз доставлял

на рынок Начеза партии диких индеек. Так они сошлись, и дружба эта еще более скреплялась тем, что всегда Чарльз Кленси предоставлял большую часть добычи своему товарищу и довольствовался меньшею. Делалось это так деликатно, что охотник не стыдился принимать подобного подарка, но зато питал к товарищу глубокую признательность. Несмотря на то, что Вудлей был внешне груб и неотесан, он в то же время был благороден и честен, и способен ценить такие же качества в молодом товарище.

Но между этими людьми существовала еще и другая связь. Они встретились в Техасе.

Вудлей проживал в Лол-Старт, когда Кленси там путешествовал. Старый охотник только недавно возвратился на Миссисипи; он жил прежде в колонии, соседней с Начезом, и обыкновенно охотился в речной долине. Кроме того, Вудлей держал сторону Кленси в деле о лошади, украденной в Начиточезе, о чем Борласс рассказывал в гостинице «Вождь Чоктав». Рассказ конокрада почти не расходился с истиною. Действительно, он был арестован, привязан к столбу, и высечен, а Саймон Вудлей был одним из присяжных, судивших Борласса.

Из всего этого можно заключить, что между Вудлеем и Кленси существовала прочная дружба. Вот причина, почему первый так ревностно старался отыскать труп молодого приятеля и найти убийцу, чтобы передать его в руки правосудия.

Хотя убийца бежал и ускользнул от наказания, Саймон Вудлей не отказался от надежды захватить его со временем. Не перестал он также искать и останки убитого. Он знал, что должны, по крайней мере, где-то быть хотя бы кости убитого, которые не могли сожрать волки и коршуны, разве что аллигатор истребил бы все и не осталось бы ни малейшего следа. Все это озадачивало охотника. Были минуты, когда он сомневался в смерти Кленси, так как не мог понять, что же произошло с телом. Если б Дарк унес тело, откуда бы взялось это удивление на его лице и даже ужас, когда он увидел только шляпу и карабин под деревьями? Вудлей, наблюдавший его вблизи, заметил это и понял, что тут Дарк ни при чем.

Но в таком случае, кто же унес его? И зачем собака была привязана к дереву, и почему Дарк не убил ее?

Несмотря на свою опытность в разведке, он был совершенно сбит с толку и начинал терять уже надежду на то, что тайна когда-нибудь объяснится и убийца будет наказан. Между тем в душе Вудлей решил добиваться цели — искать тело и найти преступника. Каждый раз, когда старый охотник отправлялся на охоту, мысли его обращались к молодому товарищу, по которому он очень скучал.

Воспоминания о Чарльзе Кленси и его грустной судьбе произвели на Вудлея такое впечатление, что он не мог более оставаться в крае, где они жили вместе, и решил вернуться в Техас. Кто знает, может быть, именно там суждено ему встретиться с убийцей.

Старый охотник размышлял об этом, возвращаясь из Начеза, где он продавал свою недельную добычу.

Дорога к его скромной хижине пролегла мимо покинутого домика Кленси. Когда он очутился против ворот, грустное чувство сжало его сердце при мысли о печальной судьбе тех, кто недавно здесь жил.

Он продолжал свой путь, когда через дорогу мелькнула шагах в двадцати чья-то тень. При лунном свете он увидел человека, движения которого указывали на крайнюю озабоченность.

Охотник видел, что этот человек еще не заметил его, потому что Вудлей находился в тени, а дорога была так пыльна, что в двадцати шагах было не слышно конских шагов.

По своей привычке охотника, который, завидя дичь, немедленно останавливает лошадь, Вудлей решил подсмотреть за незнакомцем, движения которого показались ему необыкновенными. Он проследил, как тот пошел к кладбищу, остановился у могилы, наклонился, чтобы прочесть надпись, и упал на землю.

Вудлей очень хорошо знал эту могилу, знал, что здесь покоятся останки Каролины Кленси, которые он сам помогал переносить на кладбище и засыпать землею. Он также содействовал постановке доски с надписью.

Кто же был этот человек, который в полночь пришел к могиле?

Охотником овладело чувство сильного любопытства, но он, однако, не потерял присутствия духа по собственной ему осторожности. Вместо того, чтобы ехать прямо к могиле, он тихонько слез с седла, привязал наскоро лошадь к дереву и начал подкрадываться, словно

выслеживал оленя. Будучи не замеченным незнакомцем, стоявшим на коленях, он достиг края кладбища, не огороженного ничем, исключая дикорастущие кустарники и ползучие растения, и очутился в шести шагах от могилы. В это время незнакомец встал и произнес клятву, о которой уже говорилось.

Слыша эти странные слова и видя при лунном свете человека, которого он знал хорошо, но которого не надеялся видеть более, старый охотник онемел от изумления. И только через несколько минут он пришел в себя и мог удостовериться, что это не сон. Вудлей не мог ошибиться при виде этого лица, освещенного луною. Несмотря на его бледность и худобу, несмотря на впалые щеки и светящиеся глаза, он узнал своего старинного друга. Не сомневаясь более в личности того, кого он видел перед собой, он бросился вперед, протянул руки и воскликнул:

— Чарльз Кленси!

Глава XXXIX УКРЕПЛЯЮЩЕЕ ЛЕКАРСТВО

Неудивительно, что Саймон Вудлей изумился, увидя на кладбище человека, которого считал мертвым и который как бы встал из могилы.

Назвав Кленси по имени, Вудлей прижал его к груди и поздравил с возвращением к жизни.

Кленси принял этот привет с грустной улыбкой и проговорил в смущении несколько слов, обнаруживших скорее печаль, чем удовольствие. Лицо его также не выражало особой радости при встрече, и он обратился к Вудлею:

— Я был бы очень счастлив встретиться с вами несколько позже, а теперь я имею причины сожалеть об этом.

— Отчего же, Кленси? — спросил старый охотник, изумленный холодностью, с какою были приняты дружеские его излияния. — Вы очень хорошо знаете, что я ваш друг.

— Да, я знаю это, Вудлей.

— Ну и что же? Считая вас мертвым, хотя в душе я и не был убежден в этом, разве я не предпринимал всевозможных усилий, чтобы оказать вам помощь?

— Правда; я все знаю, что случилось, все знаю. О, Боже мой! Видите могилу моей бедной матери?

— Да, она умерла от этого, бедная женщина.

— И это он убил ее.

— Нет надобности спрашивать, о ком вы говорите, я слышал, чье имя вы произносите. Мы все знаем, что это сделал Ричард Дарк. Мы посадили его в тюрьму, но негодяй убежал, подкупив такого же мерзавца, как и он сам. Они ушли вместе, и неизвестно, что с ними случилось. Я предполагаю, что они скрылись в Техасе, куда теперь бегут все мошенники.

— И вы уверены, Саймон Вудлей, что он ушел именно туда?

— Уверен! Значит, и вы уверены в этом, Кленси?

— Точно утверждать не могу, однако имею полное основание так думать. Но оставим это.

— Я рад, что вижу вас живым. Не расскажете ли вы мне, как все это случилось; но прежде всего объясните, отчего вы недовольны были при встрече со мной, когда я один из ваших преданнейших друзей?

— Я вам верю, Вудлей, и теперь, одумавшись, несколько не жалею, что встретил вас. Напротив, я твердо убежден, что могу на вас рассчитывать.

— Можете рассчитывать, как на каменную гору. Но отчего вы сомневались во мне?

— Я ничуть в вас не сомневался.

— Стало быть, есть какая-то тайна. Доверьтесь старику Саймону Вудлею. Не бойтесь сказать все, и он, может быть, сумеет помочь вам.

Кленси, по-видимому, колебался. Они отошли в сторону за несколько шагов от могилы, под тень дерева. Он боялся, чтобы кто-нибудь другой не увидел и не узнал его. Он не жалел больше, что встретился с охотником. Ему пришла мысль, что испытанная дружба Вудлея могла помочь ему в исполнении намерения, на которое были теперь направлены все его помыслы.

Намерение это он торжественно провозгласил на могиле матери, когда считал, что был один, а возникло оно под влиянием трех различных причин, из которых каждая имела особую важность. Во-первых, тут действовала ревность в самой нехорошей своей форме, подстрекаемая любовью, которую ему обещали, потом отняли; во-вторых, желание отомстить за обиду, за покушение убить его; наконец, третьей причиной была мать, точ-

нее — могила матери, над которой он произнес клятву мести, услышанную охотником. Пересказав вкратце Вудлею все, что с ним случилось со времени последней их встречи, Кленси объявил, что решил отправиться в Техас и разыскать там того, кто причинил ему столько зла. Он предложил охотнику ехать с ним, чтобы вместе исполнить этот замысел.

— Бедное мое жилище! — прибавил он, кивнув на покинутый домик. — Все продано. К счастью, человек, считавший меня убитым, не попытался ограбить меня. А ведь при мне тогда было почти триста долларов. Теперь на эти деньги мы сможем добраться до Техаса, а там — охота прокормит. Так составите мне компанию, Саймон?

— Ради такого дела, как ваше, Чарльз Кленси, я отправлюсь хоть в гости к дьяволу! Иначе я просто не имел бы права именоваться мужчиной. Вот только не лучше ли выбрать засаду, а не погоню? Ведь если вы объявите, что убийство не состоялось, Дик Дарк может вернуться в колонию.

— Предположим, он возвратится. И что тогда? Пристрелить его, стать для всех преступником и попасть на виселицу? Нет, это меня не прельщает. Другое дело — Техас. Дай Бог только его там встретить! Так вы едете со мной?

— Конечно. Я и сам давненько мечтал там побывать. Кстати, прихватим в попутчики молодого Неда Хейвуда. Парень очень привязан к вам. Втроем и отправимся по следу Дарка.

— Вчетвером.

— Да? И кто же будет четвертым?

— Человек, которого я поклялся взять в Техас. Славный малый. Вот только цвет его кожи... Впрочем, о нем мы поговорить еще успеем. Начнем готовиться к нашей охоте, ведь каждый день промедления уменьшает наши шансы разыскать Дика Дарка. А он опасен не только для нас!..

— А как будем искать? Ездить по Техасу и спрашивать?

— Отнюдь! — даже задохнулся от волнения Кленси. — Я знаю, знаю, где его найти! В Техасе есть одна женщина, которой он не минует. Она... она готова будет молиться на моего убийцу. Боже... как мерзок этот мир!

— Что за женщина? О ком вы говорите, Кленси?

— О той, которая была причиной всему,— об Елене Армстронг!

— Вряд ли вы правы,— с сомнением покачал головой Саймон Вудлей.— Конечно, эта женщина была невольной причиной всего случившегося, но чтобы молиться на Дика Дарка... Ведь она не переносит даже вида этого человека. Конечно, женщины по сути своей ветрены, но не до такой же степени! У меня в кармане есть доказательство, что Елена Армстронг любит другого.

— Доказательство? О чем вы говорите?

— Один документ, который давно должен был дойти до вас, потому что вам он и адресован. Это ее письмо. И портрет. Вот они. Нет, здесь слишком темно. Не пойти ли нам в мою хижину? Там, при свете очага вы сможете прочитать ее послание. Думаю, это развеет вашу грусть. Идемте, Чарльз Кленси. Вы много страдали и слишком много перенесли горя. Развеселитесь. У Саймона Вудлея есть то, что может поставить вас на ноги. Идемте со мной, и вы увидите, в чем дело.

Кленси от волнения не мог отвечать. Слова Вудлея дали ему новую надежду, и ослабевшее здоровье, казалось, окрепло в одну минуту. Он пошел за охотником прежней твердой и бодрой походкой.

Когда они пришли в хижину охотника, и Кленси прочел письмо Елены Армстронг и подпись ее внизу портрета, он сделался неузнаваем: на бледном лице его вместо грусти и отчаяния появилось гордое и торжествующее выражение.

Глава XL СПАСЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Итак, Саймон встретил на могиле вдовы Кленси не привидение, а живого Чарльза Кленси.

Где же он скрывался до сих пор от самых тщательных поисков? И зачем он скрывался, не показываясь друзьям?

Подобные вопросы задавал себе старый охотник, смотря на живого Чарльза Кленси.

Итак, Чарльз Кленси был перенесен в лодку беглого невольника мертвый, по всем признакам.

Лодка тихо скользила, более мили следуя извилистому направлению то по чистой воде, то по мутным

протокам вокруг густо растущих деревьев, нижние ветви которых задевали невольника.

Он не мог проехать в лодке до своего жилища: надо было пробираться по стволам деревьев, лежавших на земле. Юпитер привязал лодку между корнями и, взяв на руки тело и установив равновесие, пошел по круглому стволу к убежищу, в котором скрывался уже несколько недель.

Необходимы были все его силы и ловкость, чтобы благополучно идти по неровным и скользким стволам деревьев; один раз он даже едва не упал. Какие же были бы последствия этого падения в жидкую тину? Смерть. В темной воде можно было видеть по обеим сторонам ствола ужасных аллигаторов, которые явственно щелкали зубами в тишине ночи. Инстинкт этих чудовищ извещал их, что эта ноша могла служить им хорошей добычей. Но на этот раз их жадность была обманута, потому что невольнику удалось благополучно добраться до своего убежища и положить Кленси на мягкое ложе из мха.

Наклонившись с тревогой над телом, он приложил ухо к груди Кленси и пощупал пульс, чтобы найти ответ на свой вопрос:

— Жив ли еще этот человек?

К величайшей своей радости, он почувствовал биение сердца и пульса, тело стало шевелиться, словно с него спала тяжесть, мешавшая его движениям. Кленси медленно поднял руки, потом постепенно раскрыл глаза и испустил продолжительный вздох, как бы исходивший из глубины сердца.

Он прошептал несколько слов, но так невнятно, что мулат почти ничего не мог разобрать, а расслышал только два хорошо знакомых ему имени: Ричарда Дарка и Елены Армстронг.

Глава ХLI

ЖИЛИЩЕ БЕГЛОГО НЕВОЛЬНИКА

Убежище беглого невольника находилось в глубине кипарисового леса, в болоте, куда можно было добраться только по воде, на лодке.

Оно было немногим лучше берлоги дикого зверя, преследуемого охотником, но Юпитер нашел в нем себе

верное убежище и против тонкого чутья ищеек и против хитрости свирепого их хозяина.

Природа давала ему от бури и непогоды приют, который хотя и был очень первобытен, но зато прочен, как если бы его строили человеческие руки.

Это была внутренность огромного дерева, гигантского кипариса, подпертого такими же пнями, как и тот, под которым упал Чарльз Кленси. Сердцевина выгнила и образовалось дупло, или большая пещера — одним словом, дерево было такое, какие часто попадаются в кипарисовых лесах; в их дуплах могут поместиться несколько человек и несколько лошадей. Я сам не одну ночь проводил в подобном приюте вместе с лошадьёю.

Никакая лошадь, однако, не могла бы добраться до дуплистого дерева, в котором беглый невольник Дарка нашел убежище от того, кого он боялся больше дождя и бури — от своего господина. Человек, как мы сказали, мог только подъехать в лодке, да и то не во всякое время года. Островок, на котором стоял описываемый кипарис, был окружен на двести шагов жидкой, глубокой тиной, которую перейти вброд было чрезвычайно затруднительно и во многих местах невозможно. В половодье это пространство заливалось водой и тогда через него можно было переправиться в лодке. В остальное время оно было доступно только угрям, змеям и аллигаторам. Но для людей опытных и знакомых с местностью, как Юпитер, имелось средство пробраться по этой опасной дороге.

Природа и тут помогла угнетенному. Она опрокинула деревья, стволы которых, упав на эту тину, касались один другого и образовали непрерывный мост, за исключением небольших промежутков, которые было легко заметить человеку.

По этой-то оригинальной плотине мулат перенес Чарльза Кленси.

Этот трудный доступ и делал безопасным убежище невольника. На этой тропинке ноги его не оставляли никакого следа, который мог бы служить приметой для жестокого охотника за неграми. Более месяца Юпитер скрывался в болоте.

В продолжение этого времени Юпитер страдал только от одиночества. Он старался окружить себя посильным комфортом. Мох, висевший на деревьях, послужил ему для устройства мягкой постели. В пище он не нуждался,

а если бы нуждался, то легко мог бы поймать молодого аллигатора, хвост которого если не так вкусен, как свинина или говядина, то во всяком случае съедобен. Но Юпитеру не часто приходилось ограничиваться такой пищей: чаще всего он питался жареной свининой, курицей, а иногда куском енота. У него водился хлеб и даже настоящий пшеничный. Иногда у него появлялись и виргинские сухари из самой белой тончайшей муки.

Откуда же он получал такие припасы? Конечно, с плантации; а что касается енота, то эту лесную дичь он добывал сам.

Припасы эти были краденые Синим-Биллом. Последний строго хранил тайну убежища своего друга и не доверил ее даже своей лучшей половине. Феба знала только, что Юпитер скрывается в лесу или в болоте. Она это знала потому, что муж брал припасы из кладовой и прибегал к кулинарному искусству жены с просьбой приготовить их. Она уже не подозревала, что провизия предназначалась для Браун-Бесс, а знала, что это для Юпитера, и не прекословила.

Беглец ни в чем не нуждался во время пребывания в болоте. Известная склонность Синего-Билла к охоте служила последнему достаточным оправданием в продолжительных отлучках. Охотничья добыча, енотовые шкуры, которые он продавал, позволяли ему снабжать друга всем необходимым и даже некоторыми предметами роскоши. Он приносил иногда под своей блузой и пачку табаку, и флягу виски. Фляга, к счастью, наполненная еще до половины, была очень полезна Юпитеру. Жидкость, заключавшаяся в ней, годилась именно как лекарство для раненого, и Юпитер дал ее последнему, как только заметил, что тот еще жив.

Виски подкрепили Кленси до такой степени, как будто влили новую кровь в его пустые жилы. Он повторил имена, которые произносил уже, и повторял их в последующие дни бреда.

Юпитер так заботливо ухаживал за ним, что в конце концов он начал выздоравливать. Выстрел, который должен был быть смертельным выстрелом, не достиг своей цели. Пуля перешибла только одно ребро и вышла, не задев легкого. Кровоизлияние от перерезанной артерии вызвало обморок, за которым последовала горячка с бредом.

Гостеприимный хозяин бодрствовал над ним и расто-

чал ему неутомимые заботы; а Кленси, когда укрепился и мог думать и говорить о будущем, пообещал мулату избавить его от рабского ига.

Кленси сказал Юпитеру о своем намерении переселиться в Техас и предложил ему отправиться туда вместе с ним.

Он запретил ему открываться в этом Синему-Биллу, зная, что этот негр служит единственным средством связи с колонией; но это не было необходимо, потому что Кленси запретил говорить даже о том, что жив, и это запрещение соблюдалось так строго, что черный охотник был уверен в смерти Кленси и совсем не подозревал, что доставляет ему пищу. Его только удивляло, что Юпитер с некоторого времени нуждался в очень большом количестве пищи и стал разборчив относительно ее качества.

Кленси узнал обо всем, что случилось в колонии с рокового для него дня; он знал малейшие подробности, исключая одну и именно ту, которая могла бы утешить его в несчастье, сгладить одиночество и, может быть, изменить весь план его будущей жизни. Охотник за енотами ничего не сказал Юпитеру о письме и о фотографии, оброненных Ричардом Дарком.

Может быть, он позабыл сказать об этом, но, вероятнее всего, просто не имел времени, потому что на другой день после ареста Ричарда Дарка отцу его пришла мысль, что Синий-Билл, если бы захотел, мог бы сказать об убежище Юпитера.

Вследствие этого охотник на енотов подвергся строжайшему надзору и должен был удвоить осторожность, снабжая продовольствием товарища. Свидания его с Юпитером сделались очень краткими, приятели перешептывались с оглядкой и, вероятно, поэтому Синий-Билл и не упомянул о перехваченном письме.

Прошли месяцы, прежде чем в колонии узнали о том, что Чарльз Кленси не умер, и прежде чем выяснилось исчезновение его тела.

Понятно, что Саймон Вудлей и Нед Хейвуд знали все с того момента, когда первый встретил Кленси на могиле матери, но они умели хранить тайну, и много прошло времени, пока в окрестностях узнали, что молодой человек остался в живых.

Глава XLII

САБИНА ПЕРЕЙДЕНА

Когда Техас был еще независимой республикой, а не штатом, как теперь, фраза «переправиться через Сабину» имела особенное значение. Река эта отделяла республику Одинокой Звезды (Техас) от Соединенных Штатов, как отделяет она теперь Техас от Луизианы.

Это значило, что когда лица, убежавшие от правосудия Штатов, переправлялись через Сабину, то они считали себя в безопасности, так как закон о выдаче никогда не исполнялся.

Преступник, перейдя Сабину, мог дышать свободно, какого бы рода ни было его преступление. Дарк-убийца мог рассчитывать на безопасность, как только вступил на западный берег реки.

Сутки спустя после отъезда капитана Борласса из гостиницы «Вождь Чоктав» с полудюжиной товарищей, отряд всадников почти в таком же числе переправлялся через Сабину, направляясь в Техас.

Но место переправы было не то, где проезжали обыкновенно путешественники. Это была прежняя военная дорога испанцев между Начиточезом и Накогдагезом, но несколькими милями выше последнего. Тут был брод. Чтобы достигнуть этого брода, надо было переехать через сосновый лес и следовать по дороге, мало посещаемой путешественниками, а тем более людьми, отправлявшимися в Техас с честными намерениями и имевшими незапятнанную репутацию.

С первого же раза можно было видеть, что упомянутая группа всадников состояла не из путешественников, и не из честных колонистов. С ними не было ни фургонов, ни других экипажей, которые придавали бы им вид переселенцев, не было никакой поклажи и ничего, что могло бы замедлять путешествие. Конечно, это могли быть разведчики, скупщики земель, но они очень мало были похожи на людей, принадлежавших к какой-нибудь из этих профессий; в них не замечалось ничего честного и порядочного.

Пока они находились на луизианской территории, они шли поспешно и молча, удерживаясь от разговоров, словно чувствовали за собой погоню. Все, казалось, вздохнули свободнее, очутившись на тexasской земле, словно, наконец, достигли безопасного пристанища.

Всадник, бывший вожаком шайки, остановил лошадь и сказал:

— Друзья! Я полагаю, что мы можем здесь немного отдохнуть. Мы на техасской земле, где свободным людям нечего бояться. Если, какой дурак и следил за нами, то я думаю, что он остался на том берегу Сабины. Итак, мы сойдем с коней и отдохнем немного под тенью этих деревьев, а после поговорим о дальнейшем пути. Что касается меня, то я порядочно устал. Виски всегда действует на меня подобным образом. На этот раз наш молодой друг Фил Контрелл поднес мне двойную порцию, так что вряд ли я оправлюсь и через неделю.

Нет надобности говорить, что эту речь держал Джим Борласс, и что люди, окружавшие его, были знакомые уже нам посетители гостиницы «Вождь Чоктав».

Подобно своему начальнику, все изнемогли от двадцатичетырехчасовой езды верхом, не говоря уже об ослабляющем влиянии оргии и страха погони.

И Джим Борласс ехал так поспешно собственно для спасения товарищей. Он приезжал в Начиточез не для удовольствия, а по делам, подготовить исполнение такого злодейского замысла, на какой, по-видимому, не способен англо-американский народ, а способны только личности из латинского племени, обитающего на южном берегу Рио-Гранде.

О выгоды предприятия можно было заключить из веселого тона, с каким он возобновил разговор с товарищами, усевшись под тенью деревьев.

— Друзья,— сказал он, собрав шайку вокруг себя,— нам предстоит большое дело, гораздо важнее конокрадства. Рассчитываю, что большинство из вас знает, о чем я хочу сказать, исключая нашего молодого друга, который к нам только что присоединился.

И он повернулся к Филу Контреллу и к человеку по имени Вальсон, но которого Дарк называл потихоньку Гаркнессом. Посмотрев на них с минуту, Борласс продолжал:

— Я беру на себя объяснить им это в свое время и ручаюсь, что они пристанут к нам в этом деле. Пятьдесят тысяч долларов наличными деньгами и притом множество драгоценностей и одежды — не безделица. Теперь вопрос в том, лучше ли дожидаться, пока это сокровище дойдет до места назначения, или попытаться захватить его на дороге? Что скажете вы, братцы?

Говорите каждый свое мнение, а потом я скажу свое.

— А вы хорошо знаете, куда они едут, капитан? — спросил один из шайки, которому, по-видимому, была известна упоминаемая добыча. — Вы знаете это место?

— Лучше, чем то, на котором теперь мы находимся, не беспокойся. Да и вам оно почти всем известно. К счастью, оно не далее двадцати миль от нашей прошлогодней стоянки, следовательно, нет надобности объявлять где. Если мы предоставим им свободу, то можем быть уверены, что все прибудут туда не позже месяца. Там мы найдем и деньги, и скот, и драгоценности, не считая девушек, и все это верно, как дважды два — четыре. Это вам может показаться делом времени и терпения, а для Джима Борласса это нечто большее.

— Но зачем же, капитан, дожидаться, пока они прибудут на упоминаемое вами место? Разве вы твердо уверены, что они туда придут? — спросили разом несколько голосов.

— Джим Борласс не дурак, не правда ли? Надеюсь, что вы все согласитесь с этим?

— Без сомнения.

— Хорошо, теперь я отвечу разом на все ваши вопросы. Во-первых, я уверен в цели их путешествия. Несмотря на то, что мы спешили из Начиточеза, я не покинул этого города, не собрав точных справок об упомянутом деле. Как я уже вам сказал, мы найдем всю добычу в безопасности, да так, словно мы сами ее туда привезли. Теперь о захвате. Можем ли мы взять ее на дороге? Нас девять человек, девять добрых молодцов, на которых, конечно, можно положиться. Но ведь и эти переселенцы не какой-нибудь сброд. Вся колония идет под предводительством старика Армстронга и француза-креола, имеющего деньги, предполагающего жениться на одной из дочерей полковника. Ха, ха, ха! Он будет хорош, если... ну, если он женится, то Джим Борласс не будет больше называться вашим капитаном. Однако не в том дело. Я хочу сказать, что мы не настолько сильны, чтобы напасть на отряд переселенцев с надеждой на успех. Без сомнения, мы можем одержать и верх, но так же легко можем и пострадать. Этот проклятый миссисипский плантатор, весь израненный, бывал в походах с генералом Джексонем. Он очень зорек и осторожен. Притом он пригласил с собой много людей, из которых с иными, как я знаю, неприятно встречаться.

Говорю вам, что мы едва ли достигли бы цели, напав на него в дороге, а испортили бы все, упустили бы случай и, сверх того, очутились бы на виселице. Вот почему я предлагаю ехать вперед, направиться к югу и по дороге собирать товарищей. Я знаю шестерых, которые проживают в Сан-Антонио. Когда мы будем в достаточном числе, тогда отправимся за мистером Луи Дюпре и за пятьюдесятью тысячами долларов, которые он взял за свою луизианскую плантацию. Добыча будет недурная. А у колонистов, как они себя называли в Начиточезе, я уверен, каждый из нас найдет себе подругу. Я знаю, что в этой толпе есть юбочка, за которую друг наш Фил Контрелл пойдет всюду, хоть на край света.

И, не дождавшись ответа Контрелла на эту плоскую шутку, разбойник продолжал:

— Теперь, друзья, не лучше ли нам идти прежде в Сан-Антонио, а потом в то место, где мы должны заполучить пятьдесят тысяч долларов?

— Сперва в Сан-Антонио,— отвечали товарищи хором,— а потом отправимся за пятьюдесятью тысячами долларов.

Глава XLIII РОЗЫСКИ УБИЙЦЫ

Спустя недели три после того, как Борласс и его шайка переправились через Сабину, направляясь к южным поселениям Техаса, другая группа всадников следовала по той же дороге и к тому же самому броду. Она состояла всего из четырех человек, из которых трое ехали на лошадях, а четвертый на муле. Последний был мулат, а трое всадников белые. Мулат отставал немного, а за ним бежала легавая собака, заботливо устранявшаяся от копыт мула.

Читателю известны уже люди, составлявшие эту вторую группу: Чарльз Кленси, Саймон Вудлей, Нед Хейвуд. Мулат был Юпитер — беглый невольник Еффраима Дарка.

Переправившись через Сабину, они остановились на техасском берегу. По осторожным их движениям и беспокойному виду можно было судить, что они тоже боялись погони, но по причине совершенно другой, нежели Бор-

ласс и его шайка. Они боялись не за себя, а за мулата, которого уводили за границу свободной земли, где он мог считать себя в полной безопасности от предприимчивых охотников за невольниками.

Вот почему они избрали дорогу, редко посещавшуюся честными путешественниками.

Сойдя с седел, они остановились под теми же деревьями, что и Борласс со своей шайкой. Привязав лошадей, они уселись отдохнуть, но не спали. По причине, о которой легко догадаться, они останавливались также в гостинице «Вождь Чоктав», проездом через Начиточез. Для успеха в своем мщении Кленси полагал, что будет лучше, если его будут считать мертвым. Тем более надо было подумать о Юпитере, который недолго попользовался бы своею свободой, если бы его увидели на улицах Начиточеза или в гостинице, посещаемой плантаторами.

Оба раза, проезжая через Начиточез, Кленси останавливался в лучшей гостинице, но теперь средства не позволяли ему этого и приходилось беречь оставшиеся доллары. Что касается его спутников, Саймона Вудлея и Хейвуда, то они инстинктивно направились бы в гостиницу «Вождь Чоктав», если бы даже и первый раз приехали в город, а Вудлей уже здесь бывал.

Случайно Борласс перед отъездом оскорбил буфетчика Джонни. Последний был болтлив, по обычаю ирландцев, а тут еще злопамятство развязало ему язык. Он сообщил Вудлею все, что происходило в их гостинице во время пребывания шайки Борласса. В Начиточезе все знали о колонизационном проекте полковника Армстронга и молодого плантатора Луи Дюпре. Об этом говорили в отелях, тавернах, на улицах. Прошла уже неделя, как они уехали, но толки о них не прекращались.

Саймон Вудлей был человеком, умевшим хранить тайну: он молчал как о том, что сам видел, так и о том, что ему сообщали. Доказательством служит его поведение при поисках тела Кленси и при аресте Дарка.

О том, что он узнал в Начиточезе, он рассказал только тогда, когда все товарищи слезли с лошадей на другом берегу Сабины. Усевшись на пне покурить и подкрепить силы хлебом с салом, он передал вести, сообщенные ему ирландцем-буфетчиком.

Глава XLIV

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК

— Товарищи,— сказал Саймон Вудлей своим спутникам,— мы остановились на том самом месте, на котором два гнуснейших мерзавца, каких только можно встретить в Техасе или Соединенных Штатах, останавливались три недели тому назад. Нед Хейвуд, ты знаешь только одного из них, а Кленси знает обоих и к тому же сохранил о них самые дурные воспоминания. Это Джим Борласс и Дик Дарк.

Кленси не так удивился, как два его спутника; он узнал в гостинице «Вождь Чоктав», что Дарка и Борласса видели в Начиточезе и что они поспешно скрылись от преследования шерифа. Об этом происшествии еще говорили в городе, и он был доволен, узнав, что попал на след убийцы матери.

Он радовался, что шерифу не удалось его захватить; он хотел сам взять его и надеялся, что никакое препятствие не помешает ему выполнить священную клятву, данную им на могиле матери.

Хотя Кленси и не удивился рассказу Вудлея, однако заинтересовался им.

— Здесь? Вы полагаете, что они были здесь? — спросил он.

— Я в этом убежден; судя по словам этой лисицы Джонни, они должны были следовать по этой дороге, а так как они поспешили оставить Начиточез, то ехали без отдыха и должны были здесь отдохнуть. Посмотрите, вот и зола от их костра; без сомнения, они что-нибудь жарили. Никто не переправлялся через реку после большого дождя, а иначе мы видели бы конские следы на дороге. Они проходили именно перед дождем, который и залил их огонь, это видно по полуистлевшим веткам. Да, их было семь, восемь, а может быть и десять вокруг костра, десять величайших мерзавцев, какие когда-либо переправлялись через Сабину, а этим много сказано. Я знаю троих, об остальных можно судить по их связи с Джимом Борлассом.

— Кто же третий, Саймон? — спросил Кленси.

— Тот, кто помог Дарку уйти из тюрьмы, Джо Гаркнесс. Описание его, сделанное мне буфетчиком, неясно, потому что он не останавливался в гостинице «Вождь Чоктав» и приходил туда раз или два с другими. Но я

готов дать клятву, что это Гаркнесс. После того, что он сделал, куда же ему и идти, как не с Дарком? Я его знаю: это слабый, глупый человек. Если старик Ефраим дал ему денег — а он, конечно, дал, то наверно шайка Борласса облегчит его от этой тяжести.

Все замолчали, призадумавшись о том, что делать; потом Вудлей, отпив глоток виски из фляги, предложенной ему Кленси, спросил:

— В какую же сторону направиться нам?

Никто не отвечал, потому что все полагались на его опыт.

Он понял это лестное молчание и продолжал:

— По-моему, лучше всего идти прямо туда, где полковник Армстронг намерен разбить свои шатры. Я знаю это место так же хорошо, как и начезскую площадь. Этот парень, Юпитер, хочет присоединиться к старому полковнику и ты, Нед Хейвуд, также. А что касается вас, Чарльз Кленси, то мы знаем, куда вы желаете идти и какой след вас интересует. Ну, и если вы хотите верить Саймону Вудлею, то он вам говорит, что вы найдете вашу дичь где-нибудь по соседству с Еленой Армстронг; Ричард Дарк, несомненно, решится появиться там.

Слова эти воспламенили Кленси; он встал и начал в волнении ходить взад и вперед; ему хотелось снова сесть на лошадь.

Товарищи не пытались удерживать его долее; они освежились, отдохнули и готовы были продолжать путь.

Они поднялись все одновременно, отвязали лошадей, разобрали поводья и начали садиться.

Но вдруг залаяла собака, услышав конский топот, и вскоре показался всадник, приближавшийся между деревьями.

Он ехал к лагерю без боязни, но когда очутился довольно близко и мог различить черты путников, он вдруг остановил свою лошадь и хотел повернуть назад, словно среди четырех человек узнал того, кого имел основание бояться.

Но было поздно: прежде чем он успел развернуться, дуло карабина было наведено, и грозный голос закричал:

— Ни с места, Гаркнесс! Если вы только пошевелитесь, я всажу вам пулю в лоб, это так же верно, как то, что меня зовут Чарльзом Кленси.

Угроза подействовала. Гаркнесс — это был он — удер-

жал лошадь. Кленси приказал ему подъехать. Через две минуты Гаркнесс был среди всадников, слез с седла, стал на колени и начал просить прощения. Вскоре он рассказал им всю свою историю. Тюремщик, помогавший за деньги Дарку убежать из тюрьмы, теперь горько раскаивался, что изменил своему долгу. Он боялся остаться в шайке Борласса, у него отняли весь его нечестный заработок, кроме того, его так сильно избили, что он считал себя счастливым, отделавшись от их компании. Он воспользовался случаем убежать с ночлега, когда разбойники еще спали, и возвращался прежней дорогой. Ему не оставалось на обратный путь ничего, кроме сердца, наполненного печалью.

Все вскоре заметили, что к грусти у него примешивалась и ненависть к спутникам, которых он оставил, в особенности к Дарку, проявившему такую неблагодарность.

Он сообщил им также еще одну вещь, от которой Чарльз Кленси едва не обезумел; да и на товарищей его произведено было такое же впечатление.

Они бросились к лошадям и отправились вперед; Гаркнесс получил приказание следовать за ними, что и исполнил беспрекословно.

Кленси, начальник отряда, не боялся, что он остался сзади; дуло карабина, направленное на бывшего тюремщика, могло возвратить его назад когда угодно.

Глава XLV ДЕСНИЦА БОЖЬЯ

Нет провинции в испанской Америке, в которой не было бы своего «Колорадо». Слово это означает «слегка окрашенный в красный цвет», и такое название дается там всем рекам, имеющим эту особенность. На мексиканской территории или на той, которая была мексиканской, есть несколько рек с этим названием.

Есть Большой Западный Колорадо, знаменитый как своим руслом, так и крутыми берегами, поднимающимися вертикально более чем на милю над уровнем реки; есть Колорадо арканзасский или Редфери; есть Колорадо техасский, менее известный в общей географии.

Есть и в Южной Америке с полдюжины рек, носящих то же название.

Колорадо техасский был назван так по смешному недоразумению англо-американскими колонистами, не умевшими читать испанской карты.

Река, которую испанцы называли Колорадо, была Бразос или скорее Бразос-де-Диос, принявшая название Колорадо. Ошибка, происшедшая от этого перемещения имен, тем замечательнее, что вода техасского Колорадо светлая, исключая дождливое время, между тем, как вода Бразоса мутная и слегка окрашена охрой, называемой обыкновенно «колорадо».

Что же касается настоящего Бразоса-де-Диос, то с этим названием соединена легенда, которую я приведу вкратце, потому что она имеет топографическое отношение к происшествиям, которые будут рассказаны ниже. Известно, что Техас был колонизован испанцами по системе, которую можно назвать миссионерской.

В провинцию послали миссионеров, которые шли с крестом в руке, а за ними следовали солдаты с саблями наголо. Основаны были миссии вроде монастырей с домами для патеров и с церквями для индейцев, которых хотели обратить в христианство. Тут же возле построили казармы для солдат — президио. Миссии и президио были обыкновенно укреплены. Эти духовные наставники более всего заботились о светских наслаждениях и строили дома на большую ногу, как замки, с великолепными столовыми, удобными спальнями, роскошными гостиными и почти всегда с превосходными садами.

Почтенным отцам не стоило большого труда устроиться великолепным образом. Их новообращенные исполняли все работы во имя святой веры, которую приняли, и из любви к ней. Когда они окончили постройку домов и церквей, их заставили возделывать окрестные поля в продолжение всей своей жизни, но не в их пользу, а для обогащения туземцев-монахов, которые чаще всего оказывались людьми недобросовестными. Действительно, это была вернейшая система рабства, поддерживаемая религиозным фанатизмом, которая вместо того, чтобы просветить туземцев Америки, отнимала у них естественные добродетели, чтобы заменить их ханжеством и суеверием в самых отвратительных формах.

Одна из этих миссий была основана при красивой реке Сан-Сабе, притоке техасского Колорадо. Она долго процветала и имела в числе своих новообращенных большое количество индейцев из племени липан и команчей.

Наконец тирания миссионеров, их налоги и беспрерывные работы, которых они требовали от обращенных, между тем как сами жили в роскоши, предаваясь излишествами, хотя и проповедовали другим воздержание, побудили новообращенных к возмущению. Им помогли свободные индейцы, которые не хотели принимать христианства и кочевали в окрестных землях.

Вследствие этого однажды, когда охотники и солдаты ушли куда-то в экспедицию, свободные идолопоклонники, соединившись с недовольными неопитами, вошли в миссионерский дом, скрыв оружие под широкими буйволовыми плащами, и по сигналу вождя напали на патеров и на тех из обращенных туземцев, которые остались верны последним. Восставшие поражали ножами и скальпировали всех попадавших под руку.

Конечно, женщины и дети подверглись той же участи.

Одному из монахов удалось уйти при начале побоища: это был человек, известный в то время в Техасе. Он спустился в долину, следуя по правому берегу Сан-Сабы, но для верного спасения ему надо было переправиться через реку Колорадо, в которую впадает Сан-Саба. Это случилось во время половодья, и течение было так быстро, что ни для человека, ни для лошади не представлялось ни малейшей возможности переправиться.

Монах остановился на берегу и смотрел на другую сторону; сзади, к его ужасу, раздавался военный крик команчей, пустившихся за ним в погоню.

Монах считал себя погибшим, но в это мгновение как будто бы десница Божья распростерлась над ним, чтобы его защитить.

Итак, испанский миссионер стоял на берегу реки, с отчаянием устремив глаза на быстрый глубокий поток, через который нельзя было переправиться, не рискуя утонуть. Но в этот критический момент вдруг воды разделились и оставили сухой проход по дну.

Подобрав полы своей рясы, монах спустился на дно; ему удалось перейти на другую сторону, не замочив даже сандалий.

Когда прискакали команчи, река снова закрылась. На другой день их нашли на берегу; они все были мертвы и лежали на земле головами в одну сторону, как деревья, опрокинутые бурей.

Вот почему испанцы называли реку «Рукой Божьей» (Бразос-де-Диос). Такую легенду придумали пасторы,

чтобы устрасшить непокорных неофитов и заставить их возвратиться в христианство, а собственно говоря — в невольничество.

Но легенда не принесла пользы, потому что с этого дня Сан-Сабская миссия так и осталась в развалинах.

К этому-то пустынному месту, впрочем, очень плодородному, живописному и удобному для колонии, полковник Армстронг решил вести своих переселенцев.

Его зять купил огромное пространство земли вокруг покинутой миссии, здания которой еще уцелели и требовали только небольшой починки, чтобы служить удобным жилищем.

Здесь больше века тому назад основались монахи, держа на виду в одной руке крест, а в другой скрытно — кинжал.

Новое нашествие приближалось к тому же месту, нашествие топора и ружья, которые, хотя и не выставлялись вперед, но и не скрывались предательски.

Глава XLVI

СТЕПЬ — ТАКОЕ ЖЕ МОРЕ

Река Бразос-де-Диос течет через степи, по которым никогда не проходила коса, через степи, покрытые такой роскошной растительностью, такой высокой травой, что на одной десятине можно было бы собрать огромное количество сена; степи эти так обширны, что их нужно измерять не десятинами, а милями, да и это дало бы лишь слабое понятие об их громадном пространстве.

Пределом им как бы служат голубое небо и горизонт, который в глазах путешественника изменяется постоянно, и поэтому ему кажется, что они не имеют границ и что он проходит по зеленому морю, такому же беспредельному, как и океан. Лошадь служит ему кораблем в этом море.

В некоторых местах эта огромная поверхность представляет несколько однообразный вид, но, впрочем, не везде, потому что там и сям она усеяна деревьями, растущими то одиноко, то рощами или перелесками, которые кажутся как бы островами в океане. Сходство так поразительно, что название это было им дано людьми англосаксонского и нормандского племен, предки которых переплыли Атлантический океан и внесли в колонии морские понятия и морские названия.

Не более четверти столетия тому назад на этом громадном пространстве зелени редко встречался человек, особенно человек цивилизованный, а еще реже его жилище. Если он и показывался иногда в лесах, то не в качестве обитателя, а лишь как путник. Ему не принадлежали стада буйволов, диких лошадей с длинными хвостами и развевающимися гривами, а также ни гордый олень, ни быстроногая газель; он не имел никакой власти над этими животными. Земля, по которой он ступал, служила для них свободным пастбищем, как для него свободным проходом. Когда он появлялся среди них, присутствие его почти их не тревожило. Люди могли с гордостью считать себя победителями и господами великого океана, но не могли похвалиться, что были хозяевами этого изумрудного моря, которое простирается между Сабиной и Рио-Гранде; до сих пор цивилизованный человек едва показывался на его берегах.

Потом он вступил в это море и возделал небольшую его часть, слишком ничтожную в сравнении с громадным пространством, которого еще не касался плуг и не попирала нога разведчика. Еще и теперь путешественник может целыми днями на равнинах, покрытых травой, не встретить ни дома, ни даже трубы между деревьями. Если он заметит дымок, стороной подымающийся к небу, то он знает, что это дорожный костер, зажженный таким же, как и он, путешественником.

Дымок этот может также выходить из лагеря людей, с которыми лучше избегать встречи на зеленой поверхности степи-моря, подобно тому, как и на лазурной равнине океана не все попадающиеся люди бывают честными. Есть сухопутные акулы, так же как и морские, есть степные разбойники, так же как и корсары.

Нечто вроде шайки таких пиратов пробиралось по степям западного Техаса, спустя месяц по отъезде полковника Армстронга из Начиточеза.

Их было около двадцати человек; они сидели на диких техасских мустангах, и только под двумя были лошади из домашней американской породы, без сомнения, краденые.

Судя по наружности, они были индейцы. Лица их были разрисованы яркими цветами — белым, черным и красным, но тела не было видно; на них были надеты алые и синие одеяла, буйволовые плащи и лосиные рубашки. Штаны были из того же материала, а ноги были

обуты в мокасины. Для дополнения индейского убора у них в черных развевающихся волосах были воткнуты пучки орлиных крашенных перьев, а вокруг шеи обвивались ожерелья из зубов пекари и медвежьих когтей, нанизанных очень густо.

Это были не воины. Индеец, отправляющийся на грабеж, скорее избегает войны, особенно, если идет воровать к белым, поселившимся на границе.

Их было слишком мало для военного отряда. Они были вооружены копьями, ружьями, ножами, пистолетами. Индейский охотник до сих пор верит еще в действенность стрел; но ни у одного из этих не было ни лука, ни колчана.

Обыкновенный путешественник не приписал бы им дурных намерений, но опытный обитатель степей скоро пришел бы к заключению, что это были опаснейшие разбойники, каких только можно встретить на равнинах Техаса.

Глава XLVII СТЕПНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Мы сказали, что разрисованная шайка появилась в степи спустя почти месяц после того, как полковник Армстронг и его переселенцы переправились через Сабину, недалеко от слияния двух больших техасских рек, упомянутых уже нами,— Сан-Сабы и Колорадо.

Индейцы находились на левой стороне Сан-Сабы, много миль выше устья, не на берегу и даже не в широкой ее долине.

Они шли вдоль более бесплодных холмов, поднимающихся в виде террасы над долиной реки, к которой обращены крутыми скатами. Они шли медленно, держась на некотором расстоянии от края, так что их не было видно с долины.

Один из них шел пешком параллельно и поближе к краю и мог видеть всю долину, не будучи сам замечен: он пробирался осторожно между небольшими кедрами, росшими на высоте.

По временам он подходил к всадникам передать какое-нибудь замечание, и последние останавливались, чтобы выслушать его, потом он возвращался к своему наблюдательному посту.

Эти странные движения служили достаточным основанием заподозрить всадников в дурных намерениях. Без сомнения, они подкарауливали путешественников с целью напасть врасплох.

Действительно, на равнине был караван путешественников: на другом берегу Сан-Сабы можно было видеть множество белых точек, похожих на ряд палаток. Надо было долго присматриваться, чтобы заметить, что они двигались медленно, как осадная артиллерия.

Присмотревшись внимательно, вы могли различить фургоны, с большими покрывками, резко выделявшимися на зелени, по которой они катились, подобно ряду исполских термитов, ползущих на промысел.

Фургонов было более двадцати с соответствующим числом погонщиков, прислуги, мужчин, женщин и детей; их сопровождали не менее сорока всадников. Одни ехали впереди, другие позади и по сторонам.

Неудивительно поэтому, что двадцать раскрашенных разбойников, шедших параллельно вдоль холмов, старались не слишком приближаться, и можно было предполагать, что они мало имели шансов на успешное ограбление такого сильного отряда путешественников.

Они, казалось, не думали об этом, потому что в то время, когда путешественники медленно подымались из долины, они также тихим шагом шли по своему направлению. Их разведчик не терял из виду фургонов и временами подходил сообщать всадникам об их движениях.

В некоторых местах, где деревья росли гуще и благоприятствовали приближению индейцев, вся шайка подъезжала к краю, чтобы посмотреть на ряд фургонов. Они наблюдали их глазами, в которых можно было читать такую жадность, которая обнаруживала, что они пойдут далеко и готовы рискнуть на большую опасность для удовлетворения своей алчности.

Дикари, то группируясь на высотах, то растягиваясь, то останавливаясь снова, ходили на стаю воронов, летающих над стадом буйволов или антилоп и надеющихся, что какое-нибудь животное отстанет и сделается их добычей.

Караван вынужден был переправиться через реку в том месте, где был брод, единственный на протяжении нескольких миль. Тогда индейцы, казалось, удвоили внимание, как бы намереваясь напасть на путешественников.

Однако они не воспользовались случаем, ибо фургоны

переправились один за другим и вскоре исчезли между деревьями, окружающими реку, и потом показались снова, выбираясь из долины.

Разбойники шли параллельно каравану на прежнем расстоянии. Они продолжали наблюдать за фургонами переселенцев до тех пор, пока солнце не опустилось к горизонту, тогда они остановились в густом перелеске, на пригорке, откуда вид простирался на много миль.

Они видели перед собой медленно катившиеся фургоны. Но вот передние остановились, к ним стали подъезжать остальные и также останавливались, прибывая к месту назначения, перед зданием, которое едва виднелось издали, да и то до половины, так как его закрывали окружающие деревья. Виднелась мрачная каменная масса четырехугольной формы, почти без окон, наверху с зубчатой оградой. Тут же возвышалась башня в виде сторожевой каланчи. И домик, и башня казались покинутыми, пустынными. Одним словом, это были развалины.

Те, которые смотрели на эти развалины издали, не имели надобности в объяснении, что это была упраздненная Сан-Сабская миссия.

Те, которые были возле, также знали об этом. Переселенцы, по мере того, как подъезжали и останавливались перед стенами, были исполнены надежды; они радовались, весело перекликались, достигнув цели путешествия.

Уже несколько недель Сан-Сабская миссия служила предметом их ежедневных, почти ежечасных разговоров. Они надеялись возобновить покинутое жилище, придать ему прежний блеск, приняться за возделывание давно заброшенных полей и разбогатеть, занявшись разведением хлопчатника.

Никакое облако не затемняло горизонта их будущего. Совершив долгое и трудное путешествие, они с радостью очутились у пристани. Голова их каравана остановилась перед древним покинутым зданием, которое легко можно было возобновить, но которое уже не предназначалось для прежнего употребления.

Итак, они вполне доверяли своему будущему.

Но степные разбойники, смотревшие издали с высот на фургоны, подъезжавшие поочередно и останавливавшиеся для выгрузки, иначе рассуждали об этом будущем. У них был свой замысел, и в случае успешного его исполнения упраздненной Сан-Сабской миссии предстояло остаться тем, чем она была, — развалинами.

Глава XLVIII

ДОМ САН-САБСКОЙ МИССИИ

Старинное здание бывшей Сан-Сабской миссии, принадлежавшей прежде испанским монахам, а теперь сделавшейся жилищем бывшего миссисипского плантатора, было расположено на небольшой возвышенности, над долиной, в нескольких сотнях шагов от правого берега реки.

Местность эта была выбрана вследствие трех различных причин: во-первых, потому что была здорова, во-вторых, оттуда был прекрасный вид, в-третьих, она была вне черты наводнения. Архитектурный стиль не слишком отличался от большей части мексиканских га-сиенд.

Это было большое квадратное здание, в центре которого имелся открытый двор; вокруг двора тянулась галерея, обыкновенный проход или коридор, в который выходили двери различных комнат. Снаружи было лишь несколько окон, без стекол, но защищенных продольными железными полосами.

В центре фасада были двухстворчатые ворота, похожие на тюремные. Эти ворота вели в проход, называемый «сачуан». Они были довольно широки, чтобы пропустить нагруженный фургон, и приспособлены собственно для экипажей, которыми пользовался Чарльз Грандимэн. В наше время еще можно встретить кареты этой величины и формы на дорогах так называвшейся прежде Новой Испании — остатки ее давно минувших роскоши и величия.

Из первого двора второй проход вел на другой, более обширный двор, где помещались конюшни, сараи и другие хозяйственные постройки. Еще дальше тянулся на пространстве десятины сад (хуэрто), обнесенный высокой стеной из сырцового кирпича и обсаженный в виде рогатки колючими кактусами. Он был наполнен плодовыми и цветущими деревьями, которые прежде пользовались тщательным уходом, а теперь аллеи были крыты роскошной, но дикой растительностью. Здесь-то, в тени листвы часто прогуливались почтенные патеры и проводили часы досуга, может быть, так же приятно, как их британские собратья из Больтонского аббатства.

Часто в стенах миссии раздавался их веселый смех; они потягивали вкусный старый херес и пользовались

всеми развлечениями, какие могли доставить им Техас и его краснокожие обитатели.

Миссионерский дом имел два этажа; кровля у него была плоская, окруженная перилами, отчего он казался выше.

Возле стояла церковь, башни которой придавали ей величие, хотя и были выщерблены. На небольшом расстоянии лежала ранчерия или группа хижин из глины, служивших жилищем обращенных индейцев, приписанных к миссии. Густая роща вечнозеленых деревьев скрывала их от главного здания. Патеры не любили близкого соприкосновения с полунагими неофитами.

Некоторые из хижин еще довольно хорошо сохранились и давали теперь убежище спутникам полковника Армстронга в ожидании постройки лучших домов. Теперь у них не было для этого времени — наступила весна и надо было думать о посеве.

Нет надобности говорить, что полковник Армстронг со своим семейством и служителями занял миссионерский дом. Луи Дюпре также поселился в нем со своими домоладцами. Луизианский плантатор считался как бы принадлежавшим к семейству Армстронга, ему недоставало лишь нескольких слов священника, чтоб сделаться членом этого семейства. К счастью, в обществе колонистов находился пастор, которого взяли для пополнения колонии. Но обряд откладывался до окончания посева. Тогда предполагалось торжество, которое должно было превзойти все когда-либо виденное на Сан-Сабе.

После того, как переселенцы достигли цели путешествия, в поведении индейцев произошло что-то весьма необыкновенное. Они стегнули лошадей и поехали по направлению к Колорадо.

Они остановились только добравшись до небольшой реки, впадающей в Колорадо; на ее берегу среди небольшой рощи стояла полдюжина хижин, построенных по образцу вигвамов. Эти хижины были, по-видимому, постоянным жилищем дикарей.

Имели ли они намерение возвратиться к ускользнувшей добыче, это было известно только им одним. Они не оставили ничего, что могло бы обнаружить их замысел.

Глава XLIX

ОЧЕНЬ СПЕШНОЕ

Три дня и часть четвертого прошло с тех пор, как полковник Армстронг и его колонисты переправились через Колорадо и вступили в долину Сан-Сабы.

На четвертый день, за несколько часов до солнечного заката, другой отряд переправился через реку в том же месте и шел по тому же направлению вдоль Сан-Сабы.

Отряд состоял из пяти человек — четверо было белых, а пятый, ехавший на муле, был цветной.

Сзади бежала охотничья собака. Читатель, без сомнения, узнал в белых: Кленси, Вудлея, Хейвуда и Гаркнесса, а в пятом — мулата Юпитера.

Переправившись через Колорадо, они скоро подъехали к берегу Сан-Сабы, быстро пустились вдоль реки и достигли брода с наступлением ночи.

До восхода луны оставалось час или два, и сделалось так темно, что надо было очень хорошо знать дорогу, чтобы ехать вперед или переправиться через речку.

Саймон Вудлей мог продолжать путь, потому что знал его очень хорошо, так же, как и брод, и дорогу на той стороне, и мог настигнуть переселенцев Армстронга.

Но он не пытался их догонять, хотя Кленси пламенно хотелось этого, так как бывший тюремщик, независимо от своих показаний на берегу Сабины, сообщил в дороге другие подробности ужасающего характера; он им рассказал о замысле, подвергавшем опасности не только полковника Армстронга и его дочерей, но и всю колонию, прибывшую в западный Техас.

Чарльз Кленси не думал о колонии, его мало занимало ее благосостояние — ему нужно было только спасти семейство Армстронга от угрожавшей ему гибели.

Всю дорогу от самой Сабины он находился в тревоге. Несколько недель они шли по следам каравана Армстронга. Но вот они достигли берегов Сан-Сабы, но так и не догнали его.

Боязнь Кленси только усиливалась по мере приближения к цели путешествия колонистов: по словам Гаркнесса, там-то именно колонистов и ждала главная опасность.

Все могли ясно видеть следы фургонов вдоль по всему берегу.

— Достигли ли переселенцы места назначения? — спросил Кленси, останавливая лошадь.

— Имейте терпение, Чарльз Кленси,— ответил Вудлей.— Верьте слову Саймона — все будет хорошо. Вы не знаете полковника Армстронга так, как я знаю его, хотя, сознаюсь, вам лучше известны привычки одной особы из той же фамилии. Что же касается старого полковника, то я его отлично знаю, потому что делал с ним продолжительный поход, и я уверен, что он будет спать одним только глазом, а другой, которым видит лучше, станет держать открытым. Вот почему не питайте неосновательного страха, что индейцы или другие техасские разбойники напали на него по дороге. Конвой у него сильный и состоит из опытных людей, которые умеют себя вести во время путешествия по степи. Я и говорю, чтобы не случилось чего-нибудь, когда они прибудут на место и когда подозрения их усыпят, но тогда явемся мы и предупредим опасность, по крайней мере, я так думаю. А теперь, так как мы очень устали, а лошади наши еще больше, я предлагаю переночевать здесь и укрепиться силами. Завтра на рассвете мы можем продолжать путь и до полудня увидим стены упраздненной миссии, где, Чарльз Кленси, я полагаю, вы найдете в целости и неприкосновенности особу, за которой вы так давно уже следите. Больше я ничего не скажу.

Такая уверенность успокоила Кленси и ослабила его нетерпение.

По мнению Вудлея, не было необходимости торопиться, и Чарльз Кленси как начальник отряда, полагаясь на него, согласился сделать привал.

Расседлав лошадей и привязав их к деревьям, они поужинали и улеглись на берегу Сан-Сабы, недалеко от брода.

Если бы они подошли совсем близко к берегу, то могли бы увидеть другие следы, кроме переселенческих, оставленных при переправе через реку несколько дней назад.

На покато́м берегу, размытом недавним дождем, виднелись следы по крайней мере двадцати лошадей, большей частью некованных.

Если бы Саймон Вудлей или Чарльз Кленси видели их, они тотчас убедились бы, что следы эти оставлены не отрядом полковника Армстронга, а людьми, которые гнались за ним с враждебной целью.

Если бы Саймон Вудлей и Чарльз Кленси, расположившись на берегу реки с целью предаться спокойному

сну, могли видеть происходившее в нескольких милях дальше, вдоль Сан-Сабы, они быстро вскочили бы на лошадей, кликнули бы товарищей, переправились бы вброд через реку и поскакали бы по направлению к бывшей миссии, как если бы она была в огне и как если бы они одни могли потушить этот пожар.

Глава L

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЙ СЛУГА

Через несколько дней после приезда переселенцев на место, полковник Армстронг, Луи Дюпре и пять его товарищей сидели в бывшей миссионерской трапезной, в которой полковник устроил сносную столовую.

Было еще не поздно, дамы удалились, а мужчины сидели вокруг стола, попивая бордо и закусывая конфетами, которых луизианский плантатор захватил с собой довольно много. Все были веселы. Прекрасная перспектива, предстоявшая каждому впереди, надежда обогатиться, возделывая хлопчатник, приводила всех в хорошее настроение.

Сперва шла речь об этом прекрасном будущем, а потом заговорили о слуге, подававшем обед и не появлявшемся больше в столовой.

Этот доверенный слуга Луи Дюпре был нечто вроде дворецкого, исполнял важные поручения и надзирал за прочими слугами.

По обычаю, принятому всеми дворецкими, он сам снял только скатерть, предоставив помощнику позаботиться о рюмках и графинах; поэтому отсутствие его не было бы замечено, если бы не заговорил о нем медик, прибывший с колонистами из Начиточеза.

— Господин Дюпре,— сказал он,— где вы взяли этого человека, исполняющего у вас обязанности дворецкого? Мне помнится, я не видел его у вас на плантации в Луизиане.

— Вы спрашиваете о Фернанде? О, я его захватил в Начиточезе, пока мы формировали колонию. Вы знаете, что я недавно лишился человека, который был у меня правой рукой и который умер от желтой лихорадки в то время, как я был в Новом Орлеане. Однако Фернанд превосходит его во всех отношениях. Он ведет все счета плантации, служит у стола, ездит за кучера и помогает

на охоте. Это всесторонний гений, а в особенности, он очень исполнительен.

— Какого он племени? — спросил другой гость полковника Армстронга. — Он, как будто, смешанной крови — испанской с индейской.

— Именно, по крайней мере, как он сам говорил. Он говорил, что отец его испанец, а мать индианка из племени семинолов. Его настоящее имя Фернандес, но я по своему усмотрению отбрасываю последние буквы.

— Дурная эта смесь испанца с семинолом, — отвечал второй гость, не объясняя причины.

— Мне не нравится его физиономия, — заметил третий собеседник.

Потом все с нетерпением ожидали, что скажет доктор. Ясно было по самой манере, с которой он завел разговор, что молодой медик знал или подозревал что-нибудь неблагоприятное относительно дворцового смешанной крови.

Он предложил второй вопрос.

— Осмелюсь спросить, мистер Дюпре, есть ли у него аттестаты?

— Он пришел ко мне, — сказал он, — перед самым нашим отъездом из Начиточеза и просил принять его, соглашаясь взять какое бы то ни было место. Видя, что это человек разумный, я поручил ему собственный багаж. С тех пор он оказал нам столько разнообразных услуг, что я доверил ему все, даже мою скромную шкатулку, в которой, впрочем, лежит тысяч пятьдесят долларов.

— Но не поступаете ли вы неосторожно, облекая его таким полным доверием? — продолжал молодой медик. — Вы, надеюсь, извините меня за это замечание?

— О, конечно, — отвечал Дюпре с искренностью. — Но почему же вы считаете меня неосторожным, мистер Вартон? Разве вы имеете какое-нибудь подозрение в честности Фернанда?

— И не одно. Прежде всего этот человек внушил мне антипатию с первого раза, а так как я никогда раньше его не видел и не слышал о нем, то, стало быть, ничто не могло вооружить меня против него. Легко можно впасть в ошибку, если станешь судить по одному внешнему впечатлению, и я никогда не позволил бы себе поддаться этому влиянию, если бы кое-что другое не заставило меня убедиться, что ваш слуга не только негодяй, но, может быть, хуже вора.

— В самом деле? — воскликнули единодушно вокруг стола и каждый попросил объяснения.

— Ваши слова очень важны, доктор, и мы с нетерпением ожидаем, чтобы вы объяснили их, — сказал полковник Армстронг.

— Извольте, — отвечал молодой доктор, — я вам скажу, что побудило меня составить такое неблагоприятное мнение о Фернанде, и вы можете делать какое угодно заключение. Вчера около полуночи мне пришла фантазия прогуляться по степи. Закурив сигару, я отправился. Не могу сказать в точности, до какого места я дошел, но знаю, что большая сигара докурилась почти до конца, когда я подумал о возвращении. В эту минуту я услышал явственно шум человеческих шагов. Случайно я находился тогда под деревом, так что меня было не видно. Я увидел человека и узнал в нем доверенного слугу мистера Дюпре. Он шел от брода, где, как вам известно, нет никакого жилья; это, впрочем, нисколько не поразило бы меня, если бы я не заметил, что когда этот человек проходил мимо меня, по направлению к дому, то не шел прямо по дороге, а пробирался между окаймляющими ее деревьями. Бросив сигару, я последовал за ним так же осторожно. Вместо того, чтобы выйти спереди, он обошел сад сзади, где вдруг я потерял его из виду. Добравшись до места, где он исчез так таинственно, я увидел отверстие, в которое он, без сомнения, и прошел. Вот вы и объясните все это.

— Что скажете вы об этом сами, Вартон? — спросил Дюпре. — Продолжайте и скажите нам свое мнение.

— Собственно говоря, я не знаю, что думать об этом. Признаюсь, я не могу объяснить поступков этого человека, которые, согласитесь сами, были очень странны. Как я уже вам сказал, этот ваш всеобъемлющий гений не понравился мне с первого раза, и теперь я, более чем когда-либо, расположен не доверять ему. Несмотря на это, я не могу придумать, что он делал ночью в степи. А вы?

Никто не мог угадать. Странное поведение Фернанда, засвидетельствованное Вартоном, было для всех загадкой. Действительно, это обстоятельство вызывало на серьезные размышления. Многие пытались объяснить его, но ни одно из высказанных предположений не казалось правдоподобным.

Если бы по соседству находился поселок интеллигент-

ных людей, то можно бы было предположить, что слуга Дюпре возвращался оттуда, а вошел таинственно потому, что было поздно и что он боялся выговора от господина; но таких соседей не имелось.

С другой стороны, если бы слышно было, что по соседству бродят враждебные дикари, можно было бы объяснить странное поведение этого человека, разумеется, неуспокоительным образом для рассуждавших.

Но так как они не видели диких и не слышали о них ни во время пути в Сан-Сабскую миссию, ни по прибытии в нее, и так как знали, что южные команчи — единственные индейцы, которых можно здесь встретить, находились в мире с техасским правительством, то и ночная прогулка и скрытность Фернанда не могли иметь к ним отношения.

Наконец, поведение его оставалось для всех присутствовавших загадкой, требовавшей объяснения.

Прекратив этот разговор, собеседники продолжали попивать бордо, закусывать конфетами и щелкать орехи, сорванные в саду миссии, и повели речь о предметах более приятных.

Глава LI

ДВЕ РАЗЛИЧНЫЕ ЭМБЛЕМЫ

— Какими, однако, сибаритами были эти старые испанские монахи! Посмотри, как они устроили этот сад. Эти скамейки под тенью деревьев, эти фонтаны, которые должны быть так хороши во время действия. Несмотря на все то, что можно сказать по поводу нравственности святых отцов, надо сознаться, что у них было много вкуса при выборе места для садов. Вообще они любили роскошь.

Так говорила Джесси, обращаясь к сестре, проходя с нею по саду бывшей миссии в то время, как мужчины, сидя за столом, беседовали о Фернанде.

Встав из-за стола, обе девушки, у которых в тот вечер не было гостей женского пола, не ушли в мрачную гостиную, а отправились на вольный воздух, увлеченные блестящим лунным светом.

— Что касается до их склонности к сибаритству, то я об этом не могу ничего сказать,— проговорила Елена,— но видно, что они любили плоды, так как у них тут большое разнообразие фруктовых деревьев.

И она осмотрелась вокруг. Здесь были фруктовые деревья всех почти пород: апельсинное, лимонное, манговое, гранатное, персиковое и более свойственные северному климату грушевое, яблоневое, абрикосовое, сливовое, вишневое.

— Так как почти все эти деревья до одного — не техасского происхождения, то, стало быть, их выписывали в свой сад люди, которые любили, что называется, пожить в свое удовольствие.

— Тем лучше для нас,— весело отвечала Джесси.— Из всех этих душистых цветов выйдут со временем вкусные плоды. Ах, Елена, ведь это будет великолепный сад, когда вычистят аллеи и исправят фонтан. Луи обещал мне сделать это по окончании посева. Не правда ли, тогда это будет настоящий рай?

— А мне он больше нравится в этом диком состоянии: я предпочла бы, чтобы он оставался как есть. Мне нравится эта запущенность.

За этими словами последовал вздох из самой глубины сердца.

— Как ты можешь говорить так, сестрица? — отвечала Джесси.— Ведь из того, что мы прибыли в Техас, не следует, что мы сделались дикарками, жили бы в пустыне и ничего бы не возделывали. Нет, надобно, чтобы Луи снова привел в порядок этот пустынный сад и окрестные поля. Да, он сделает это, когда мы женимся, если не прежде.

На это Елена отвечала вздохом, еще более глубоким и болезненным. Она не могла не сравнить своего жалкого положения с блестящим положением младшей сестры. Луи Дюпре был фактически хозяином всего окружавшего; ему принадлежало все, хотя, надо отдать ему справедливость, креол из любезности уступил будущему тестю управление всем хозяйством. Но, кроме этих двух хозяев, была еще личность, которой не смел ослушаться молодой плантатор, которая вела обоих на шелковых помочах, казавшихся крепче железной цепи. Это была его невеста, золотистые волосы которой были ему дороже всего золота, привезенного им в Техас.

При мысли обо всем этом, Елена, прежде такая гордая, не могла не почувствовать унижения. Но измученное сердце ее не ощущало ни ревности, ни зависти относительно благополучия сестры. Если бы Чарльз Кленси мог воскреснуть теперь, когда она знала, что он остался

ей верен, если бы он мог разделить с ней судьбу в какой-нибудь скромной хижине Техаса, вся пышность, ожидавшая ее сестру, все величие земное не произвели бы на нее ни малейшего впечатления.

Она не отвечала на восторженные слова Джесси, которая, предаваясь розовым мечтам о будущем, продолжала идти в конец сада. Елена молча следовала за ней.

Когда Джесси обернулась, то очутилась лицом к лицу со своей сестрой и заметила в ее чертах грустное выражение. Испугавшись вдруг, не она ли была причиной этой грусти, Джесси хотела ее утешить, но жест Елены остановил ее. Два дерева осеняли аллею в том месте, где они находились в ту минуту; ветви их сплетались над головами молодых девушек: одно служило символом счастливейшего часа в жизни, а другое — самого печального. Одно было померанцевое дерево, а другое — кипарис. Первое было покрыто цветами, как и всегда, а второе имело только листья, но не цветы.

Елена Армстронг протянула руку к каждому дереву и сорвала с одного веточку, а с другого — цветок; взяв цветок, она воткнула его в золотистые волосы Джесси, а ветку вложила в свои черные, как вороново крыло, волосы.

— Этот флер д'оранж для тебя, сестрица, — сказала она, — а для меня кипарис; значит, мы убраны, как следует — ты к венцу, а я в могилу.

Глава LII ПОСТОРОННИЙ

Эти слова казались как бы вещими. Бледные щеки и грустный взгляд Елены, озаренные яркой луной, поразили сердце Джесси, словно отравленная стрела.

Радость ее отлетела в одно мгновение.

Она бросилась к сестре, обняла ее, и ее обильные слезы потекли на плечи Елены.

Не первый уже раз младшая дочь полковника Армстронга пыталась утешить старшую. Не было дня с известной катастрофы, чтобы она не старалась выказать ей симпатию, а в эту минуту более чем когда-нибудь Елена казалась в отчаянии. Выражение ее лица, при великолепном очертании форм, делало ее похожей на богиню уны-

ния. Древние живописцы и греческие ваятели дорого дали бы за подобный образец.

Несколько мгновений сестры стояли обнявшись. Лица их соприкасались и слезы смешивались. Плач Джесси был сильнее вздохов, которые старалась она превратить в улыбку.

При виде этого Елена превозмогла собственное горе и, как это делала она часто, в свою очередь приняла на себя роль утешительницы. Сколько раз случается, что радость и скорбь держат в равновесии стрелку весов.

Две молодые девушки почти успели успокоить взаимное горе, когда третья личность появилась на сцене. Кто-то вышел из дому через заднюю дверь и направлялся по главной аллее сада.

Он шел в тени деревьев и не так, как тот, кто не боится быть замеченным, а прокрадывался кошачьей походкой, оглядываясь каждую минуту, словно боясь, что за ним подсматривают.

Обе сестры стояли в боковой аллее. Услыхав мужские шаги, она расступились.

Джесси подумала, что это идет за ними Дюпре,— но она скоро разубедилась в этом, потому что шаги были чересчур осторожны.

Что же касается Елены, то ее не веселило ничье приближение, не исключая и молодого доктора Вартона, нежная внимательность которого была для нее тягостна.

Если младшей сестре взгрустнулось, то старшая была довольна, что подходил не Луи Дюпре и не Вартон, а только слугитель первого — Фернанд.

Им стало досадно сперва, что разговору их помешал человек, которого обе они инстинктивно ненавидели.

Но очень могло быть, что он искал их, был послан с каким-нибудь поручением. Они молча ожидали его.

Он приближался к сестрам с большой предосторожностью, и движения его обличали нервность.

— Странно! — прошептала Джесси на ухо сестре.

Но последняя положила ей палец на губы, приглашая к молчанию.

Девуцы оставались неподвижными, пока он не прошел мимо. Но вдруг он скрылся у них из глаз.

Потом они увидели, как он взобрался на разрушенную стену и несколько секунд оставался в проломе, окидывая взглядом аллею, по которой прошел. Очевидно, будучи удовлетворен, что его никто не видел, он перелез

на другую сторону и исчез за стеной. Одна из сестер сильно вздрогнула.

Глава LIII В ОЖИДАНИИ

В то время, как полковник Армстронг и его собеседники сидели за столом в старинной миссионерской трапезной и потягивали бордо, — шайка людей, втрое многочисленнее их, остановилась менее чем в полумиле на поляне. Местом, избранным шайкой, была небольшая поляна, одну половину которой окружали скалы, другую — густой лес, такой же непроницаемый, как и сами скалы.

Лошади их были оседланы и привязаны поводьями к деревьям — доказательство, что всадники остановились не для ночлега, несмотря на позднюю пору. Они, казалось, с нетерпением собирались ехать, ожидая только приказания начальника, который стоял посреди группы. Он тоже, по-видимому, кого-то ждал.

Порой исполинского роста вождь шайки и его товарищи посматривали в сторону леса, словно надеялись увидеть кого-нибудь.

Они сделали большой переход, пробыв почти целый день в дороге. На рассвете они выехали с берегов Бродис-Крика, небольшого притока Колорадо. Они удалились на Бродис-Крик несколько дней назад, после того, как были очевидцами благополучного прибытия переселенцев к упраздненной миссии.

Была полночь, и в то время, когда Чарльз Кленси с товарищами отдыхали под ветвями огромного дерева, степные разбойники бодрствовали в десяти милях от них на лесной поляне. Разрисованные их лица и головы, украшенные перьями, освещались полной луной. Кто видел бы их в эту минуту, тот не мог бы не заподозрить какого-нибудь коварного замысла. А если бы кому-нибудь удалось подслушать их тихие речи, тот убедился бы, что веселью полковника Армстронга и его собеседников угрожал печальный перерыв. В особенности это стало ясно при виде человека, который подошел к ним со стороны миссии. Когда он остановился на поляне, то при лунном свете можно было узнать в нем Фернанда, подозрительного слугу плантатора Дюпре.

Менее чем через десять минут после переправы через садовую стену этот человек появился среди индейцев.

Они сгруппировались вокруг него в ожидании интересных вестей.

Он сообщил эти вести вождю тихим голосом, и вождь немедленно отдал приказ к выступлению.

Через четверть часа все были на конях и направились к миссии. Один Фернанд двигался пешком впереди отряда и, очевидно, служил проводником.

Кто видел бы шествие этой шайки, эти свирепые и дикие лица под слоем красок, кто знал бы, куда и с каким намерением шли разбойники, тот обратился бы к небу с горячей молитвой за полковника Армстронга и его товарищей.

Но если бы кто-нибудь знал ближе состав шайки этих злодеев, тот прибавил бы еще эти слова к своей молитве:

«Да спасет Господь дочерей полковника, ибо если Бог не пошлет им помощи, то их ожидает судьба хуже смерти».

Глава LIV СТРАШНАЯ ВЕСТЬ

В то время, как шайка демонов приближалась к миссии, полковник Армстронг и его собеседники продолжали сидеть за столом. Полковник Армстронг был в благодушном состоянии. До сих пор все шло отлично, и будущность предвещала счастливый исход. Колония в сотовариществе с молодым креолом, казалось, должна была во всех отношениях достигнуть благосостояния. Звезда Армстронгов, побледневшая в последние годы, опять загоралась прежним блеском. Кто знает, не суждено ли ей было подняться еще выше и блеснуть ярче.

Одно только облако омрачало горизонт его надежд — это положение старшей дочери. Он не мог не замечать по ее лицу мрачного состояния ее сердца. Он знал этому причину, потому что девушка призналась ему во всем, даже в тайной переписке, и, наконец, рассказала содержание письма, перехваченного убийцей.

Откровенное признание дочери огорчило старика. Он упрекал себя. Его аристократическая гордость, и, может быть, скорее даже корыстолюбие поставили преграду честным и открытым отношениям между его дочерью

и ее возлюбленным. Так думал этот нежный отец при виде уныния дочери и ее расстраивающегося с каждым днем здоровья. Ей казалось, как она говорила сестре и как думала сама, что ей суждена преждевременная кончина. Действительно, она как бы приближалась к могиле.

Отец сперва полагал, что перемена места, новый образ жизни в Техасе заставят ее позабыть прошедшее и возвратят ей спокойствие, если не прежнюю веселость. Он надеялся также, что новая любовь вытеснит из ее сердца любовь утраченную. Вот почему он охотно доставлял возможность бывать чаще в обществе его детей доктору Вартону и многим молодым людям из колонии. Но все напрасно.

Увы, Елена Армстронг была натура довольно редкая среди женского пола. Эта девушка могла любить один только раз. Утратив любимого человека, она не могла и не хотела любить никого другого: как орлица, которая лишается гордого своего супруга, она предпочитала умереть или оставаться всю жизнь в одиночестве.

Но были у него и поводы для радости. Счастье другой его дочери, непрерывная ее веселость, надежды, которые образовали как бы ореол вокруг ее жизни, словно озаряли будущее каждого. Его ничто не печалило в тот вечер, когда он сидел за столом в трапезной бывшей миссии. Перед ним стоял горячий пунш и в зубах дымилась хорошая сигара; он был веселее всех собеседников.

Они позабыли уже о подозрительном слуге Луи Дюпре и рассуждали, возможно ли возделывание сахарного тростника в долине Сан-Сабы.

Они все знали, что тростник пойдет хорошо, но вопрос заключался в том, покроются ли издержки. Как и всегда почти, мнения разделялись. Одни полагали, что тростник даст хороший доход, другие утверждали, что не стоит им заниматься. Растение было массивное и трудное для перевозки, в особенности на далеком расстоянии от порта.

В то время, когда спор разгорался, в комнату вошел человек и, не ожидая вопроса, сказал несколько слов, прекративших разговор о сахарном тростнике.

Вот эти слова:

— Господа, в окрестностях индейцы!

Глава LV

МНИМАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Человека, принесшего это известие, звали Гаукинсом. Он принадлежал к колонии Армстронга, хотя и не был в числе ближайших друзей полковника, чтобы получить приглашение к столу или хотя бы к тому, чтобы выпить рюмку вина после обеда. Это был человек простой, в охотничьем костюме.

Он вошел в комнату без доклада, будучи уверен, что принесенное известие избавляет его от этой формальности.

Действительно, едва он упомянул об индейцах, как все собеседники встали из-за стола и с нетерпением ожидали объяснения.

Заговорил один полковник Армстронг: старый воин проявил подобающее в минуту тревоги присутствие духа:

— Индейцы в окрестностях? Почему же вы думаете, Гаукинс, что они в окрестностях?

— Имею самое лучшее доказательство, полковник: я видел их собственными глазами,— ответил Гаукинс.

— Вы их видели? Где?

— Сегодня утром рано мы с Криссом Туккером отправились на охоту и встретили целый их отряд.

Весть эта произвела громовое действие на колонистов. Они перепугались тем более, что это была первая тревога подобного рода.

Теперь, после сообщения, сделанного охотником, странное поведение дворецкого Фернанда сразу стало понятно. Все присутствовавшие заключили немедленно, что дворецкий имел тайные связи с индейцами, которые замыслили или тайное воровство или открытый грабеж.

Мысли этой было достаточно, чтоб взволновать гостей полковника Армстронга. Они встали и приготовились действовать.

Старый воин заговорил первым.

— Приведите нам вашего дворецкого, Дюпре,— сказал он,— мы посмотрим, как он будет защищаться.

— Позовите сюда Фернанда,— сказал молодой плантатор одному из негров, прислуживавших за столом,— пусть идет сию минуту.

Негритенок вышел исполнить поручение.

Во время его отсутствия продолжали расспрашивать Гаукинса о разных подробностях.

Но все добытые сведения могли только усилить страх. Все лица вытянулись, когда негритенок вошел в столовую и объявил, что Фернанда искали и нигде не нашли.

Глава LVI

ПОСТУПКИ ФЕРНАНДА

В то время, как полковник Армстронг со своими гостями старались выяснить дело в столовой, дочери его, находившиеся в саду, испытывали не менее сильное волнение.

После того, как дворецкий прошел мимо них и исчез в проломе стены, первым чувством их было изумление и любопытство, которое вскоре уступило место подозрению.

— Что этот человек может там делать? — спросила Елена, первая придя в себя.

— Действительно, что ему там делать? — повторила Джесси.

— Это вопрос, на который ты лучше меня можешь ответить, Джесси, потому что он доверенный слуга твоего Луи, а Луи, вероятно, говорил тебе о нем.

— Он не говорил мне о нем никогда ни слова; он знает, что я не люблю этого человека, что я невзлюбила его с первого же взгляда.

— Не украл ли он чего-нибудь и не понес ли спрятать вне дома? Золото Дюпре, например, или твои драгоценные вещи, подаренные женихом?

— О, нет, мои драгоценные вещи у меня в комодке и заперты в комнате, от которой ключ я взяла с собой. Что касается золота, то у Луи его нет. Все его деньги в серебряной монете, которою набито несколько бочонков. Фернанд не мог украсть серебро, а если бы украл, походка его не была бы такая легкая. Он ведь ничего не уносил, не правда ли?

— Я ничего не видела, он прыгал, как стрекоза, — сказала Елена. — Вероятно, он скоро возвратится и, без сомнения, пройдет опять здесь. Оставшись для наблюдений, мы можем открыть его замыслы. Подождем. Ты не боишься, Джесси?

— Признаюсь, мне страшновато. Веришь ли, Елена, этот Фернанд внушает мне такое же чувство, как тот длинный верзила, которого я несколько раз встречала на улицах Начиточеза. Иногда он смотрит на меня совер-

шенно так же, а между тем они не похожи друг на друга.

— Если ты боишься оставаться здесь, пойдем домой. Но любопытство мое сильно возбуждено странным поведением этого человека. Я хотела бы видеть развязку. Ну, что же, идем или остаемся?

— Я больше не боюсь, ты меня совсем ободрила. Притом, мы можем открыть что-нибудь для пользы Луи, а следовательно, и к общей нашей пользе.

— В таком случае, останемся здесь,— сказала Елена.

Глава LVII ПОХИЩЕНИЕ

Решившись дожидаться возвращения Фернанда и подсмотреть за ним, сестры надумали выбрать удобный пост для наблюдения, с которого можно бы было все видеть, не находясь самим на виду.

— На обратном пути он может легко пройти здесь, а не по центральной аллее,— сказала Елена.— Гораздо лучше нам спрятаться. Удивляюсь, что он и прежде не заметил нас. Без сомнения, мы были бы замечены, если бы он не так часто оглядывался. Может быть, на обратном пути он не будет так спешить, а если он нас увидит, то мы ничего не узнаем. Где же нам устроить засаду?

Они смотрели по всем направлениям, чтобы отыскать место, удобное для наблюдений. Найти было нетрудно. Кустарники, которые давно не подрезали, пышно разрослись и закрывали стену во всю длину.

Им хотелось, не будучи самим на виду, обозревать и пролом в стене, и аллею, которая вела оттуда прямо к дому.

Вблизи было нечто вроде беседки из кустарников, к которым примешивались орхидеи, бегонии и другие ползучие растения и паразиты, не более как в двадцати шагах от пролома.

Сестры знали этот тенистый приют, так как посещали его днем. Хотя на небе светила луна, однако в этой беседке было темно, как в погребке.

— Именно то, что нам нужно,— прошептала Елена.

И сестры направились к беседке.

Они должны были перейти через широкую главную аллею перед проломом, сделанным в стене, может быть,

индейцами, которые разорили миссию много лет назад. Обломки от развалин загромождали дорогу в этом месте. Девыцы шли медленно и осторожно, поддерживая друг друга.

Они дошли до отверстия в стене. Здесь место было открытое, не осененное ни деревьями, ни кустарниками. В этот момент девушки были видны со всех сторон; белые платья, слегка развевавшиеся по ветру, делали их похожими на лесных нимф, играющих при лучах месяца.

Для дополнения лесной картины казалось необходимым появление лесных демонов.

В них не было недостатка. Ни один сатир не мог показаться в более страшной форме, чем те фигуры, которые готовились в этот момент предстать перед взорами сестер.

Девушки остановились перед проломом стены, побуждаемые инстинктом, а может быть, также любопытным желанием бросить взгляд в отверстие. Они остановились как бы под влиянием необъяснимой силы, устремляя взор в страшную и таинственную глубину.

Они видели только блеск светляков и слышали только обыкновенные голоса южных ночей, к которым обе привыкли с детства. Может быть, были и другие звуки, но девушки не слышали их...

Если бы они оставались в беседке, то не были бы, может быть, замечены и избегли бы ужасной участи.

Они хотели продолжать путь, как вдруг пролом наполнился словно по мановению волшебника. Сперва показалась там сплошная темная масса, но вскоре разбилась на отдельные части. Это были люди, но в глазах испуганных сестер они походили скорее на демонов. И неудивительно, так как на границах Америки дьявола представляют в виде разрисованного и с перьями индейца, а люди, прошедшие сквозь стену, были расписанные и с перьями индейцы.

Девушки едва успели испустить страшный крик, но прежде чем они могли закричать второй раз, мускулистые руки обвили их, на головы им были накинuty одеяла, и полузадыхающиеся девушки почувствовали, как их приподняли и быстро-быстро куда-то понесли.

Глава LVIII ВЗАПЕРТИ

В ту же почти минуту, когда негритенок докладывал о невозможности найти дворецкого, Фернанд вводил дикарей через пролом в садовой стене.

После похищения девушек, он волчьим шагом приближался к дому, не как смиренный слуга, а как проводник шайки разбойников, готовых на грабеж и убийство.

Если бы тем, кто искал его, было известно, в каком виде он приближался, они бросились бы к нему навстречу, чтобы сразиться, а может быть, и умереть.

К счастью для них, они не знали этого; они оставались в комнате и расспрашивали негра с намерением выйти и удостовериться.

— Что ты говоришь? — закричал Дюпре голосом, который почти испугал негритенка, — как Фернанда нет дома?

— Конечно нет, мосье Луи! Испанского индейца нигде нет в доме; мы его искали всюду: в степи, смотрели в амбарах, на дворе, в конюшне. Мы кричали так громко, что он мог бы слышать, где бы ни находился. Он не отвечал. Это верно, что его нет в доме.

Каждый был уверен, что в поведении Фернанда таилась опасность, грозившая не только им, но и всей колонии. Они не знали, на каком расстоянии были от них разбойники. Они не подозревали, что в эту минуту опасность была уже рядом.

Во всех других обстоятельствах отсутствие Фернанда не было бы замечено. Можно бы было предположить, что он отправился к какому-нибудь белому колонисту, поселившемуся в хижине, или увлекся какой-нибудь из мулаток, принадлежавших Луи Дюпре, из которых иные были далеко не дурны.

Казалось странным — каким образом, прибыв прямо из Штатов, он мог иметь связи с дикарями западного Техаса. Не подозревая близкой опасности, колонисты продолжали говорить о нем; его необъяснимое отсутствие возбудило их до такой степени, что они решили действовать немедленно.

Однако у них хватило хладнокровия настолько, чтобы сообразить, что нужно сговориться, прежде чем принимать меры. Они увидели свою ошибку в ослаблении бдительности. Доверие их к техасскому договору и факту,

что они не видели индейцев и не слышали о них во время путешествия, усыпило их осторожность.

Все вспомнили, что не было часовых, не было даже обыкновенного конного объездчика, и что если бы индейцы вздумали на них напасть, то более удобного времени нельзя бы было и выбрать.

Однако казалось невероятным, чтобы небольшая шайка, виденная Гаукинсом и Туккером, осмелилась совершить нападение на колонию.

Охотники насчитали всего двадцать одного человека. Колонистов было втрое больше и все были способны носить оружие. Даже мальчики, подобно всем лесным юношам, могли владеть ножом и карабином, если бы дошло дело до схватки. Поэтому не было причины особенно сильно беспокоиться.

Мысли эти способствовали уменьшению страха, хотя и не рассеяли его вполне. Они условились принять немедленно меры предосторожности: собрать людей и расставить часовых вокруг миссии и группы хижин, находившихся на некотором расстоянии, в которых жила большая часть колонистов.

Они возвратились к столу только затем, чтобы выпить еще по рюмке и потом взяться за оружие.

Одни доканчивали свои рюмки, отпитые до половины, другие наливали снова, как отворилась дверь, на этот раз с такой силой и стремительностью, что все вздрогнули, словно бомба влетела в середину комнаты. Обернувшись, они увидели того самого негритенка, который докладывал им об отсутствии Фернанда. На лице его был написан испуг, а глаза выражали такой ужас, что выходили из орбит и сверкали одними только белками.

Присутствовавшие испугались не менее, когда он прокричал:

— Дом наполнен дикими индейцами! Они прошли через сад. Там на дворе больше тысячи.

При этой страшной вести рюмки выпали у многих из рук, а некоторые были брошены с яростью на пол. Все одновременно бросились к двери.

Но прежде, чем они достигли двери, слова негритенка подтвердились. В дверном проеме они увидели отвратительные лица, расписанные красной краской, страшные головы, покрытые черными косматыми волосами с воткнутыми в них перьями.

Все это они видели, может быть, в продолжение не-

скольких секунд, но и в такой короткий промежуток зрелище было ужасно: нечто вроде картины в страшном сне.

Зрелище это остановило колонистов лишь на мгновение. Они рванулись к двери, не заботясь, что их ожидало за порогом, но не добежали: дверь внезапно с шумом затворилась, они слышали как повернулся ключ в замке и провизжала толстая задвижка.

Их заперли.

Глава LIX ВНУТРИ

Столовая имела только один выход в коридор, тянувшийся вокруг центрального двора здания. Дверь эта походила на тюремную, она была толстая, дубовая, укрепленная железными поперечными полосами. Она запиралась на огромный старинный замок и на тяжелую задвижку. Наружу выходили только два окна, небольшие, подобно монастырским, очень высоко от пола и снабженные крепкими железными полосами, поставленными вертикально, не боявшимися пилы ни арестанта, ни вора. Когда монахи трапезовали, они не любили солнечного света, а предпочитали видеть на столе восковые свечи, взятые из церкви. Им приятно было знать, что когда они пили и веселились, их не могли ни видеть, ни слышать послушники.

Полковник Армстронг и его товарищи не осознали сразу своего отчаянного положения; и только осмотрев комнату, они убедились в невозможности выхода.

Полковник Армстронг думал о своих дочерях, Луи Дюпре о своей невесте, молодой доктор об Елене, другие о женах и детях. У каждого было за кого бояться.

В продолжение нескольких секунд они стояли, как прикованные к месту, переглядываясь с немym отчаянием. Но вскоре гнев заставил их действовать.

Охотник Гаукинс, человек геркулесовской силы, бросился к двери и толкнул ее плечом, в надежде высадить ее из петель. Тщетная надежда! Дверь устояла против этих усилий, несколько раз повторенных.

Другие присоединились к нему и тоже напрягли все свои силы, но тоже бесполезно.

Дверь отворялась внутрь и могла выскочить только вместе с притолоками, которые были необыкновенно

крепки. Дверь эта устояла бы против осадного тарана древних.

Тараном гораздо легче было бы пробить отверстие в стене. И они оставили дверь.

После этого они одновременно принялись за оба окна, но с теми же последствиями. Составляя план здания миссии, монахи заботились, чтоб она могла выдерживать внешние нападения; оконные решетки были толсты, как в тюрьме, и хотя время и ржавчина порядочно их ослабили, однако они были еще настолько прочны, что могли выдержать плечо человека и натиск самых сильных рук.

В течение нескольких минут арестанты продолжали действовать; иные бросались к двери, потом возвращались к окнам, другие щупали стены, отыскивали какие-нибудь инструменты, но ничего не могли найти, потому что в столовой стоял только тяжелый стол и легкие тростниковые стулья, которые не могли послужить для их цели.

Они искали ошупью в темноте, потому что когда заперлась дверь, они из предосторожности потушили свечи, ожидая каждую минуту, что в них будут стрелять снаружи.

У них не было ни ружей, ни пистолетов и никакого холодного оружия. Даже столовые ножи были убраны вместе со скатертью. Единственным оружием, имевшимся под рукою, были бутылки и графины.

Они жалели об отсутствии ружей и пистолетов. Выстрелы могли быть услышаны в хижинах, и на выручку могли явиться товарищи.

Убедившись в бесполезности своих усилий найти выход, они притихли на минуту и стали внимательно прислушиваться. Выстрелов не было слышно, а только раздавались крики служителей — негров, мулатов и квартеронов; между ними не было ни одного голоса, который бы принадлежал белому.

Не раздавался даже тот дикий вой, который индейцы испускают в бою или на грабеже. Слышались только голоса служителей, и иногда долетал до них болезненный крик, сопровождаемый стоном или жалобой, и вскоре заглушаемый насилием. Потом ничего не стало слышно. Всюду воцарилось мертвое молчание.

Глава LX

СНАРУЖИ

В то время, когда колонисты, запертые в трапезной, бились как бешеные, чтобы выйти из нее, другие люди разыгрывали во дворе такую страшную трагедию, какой никогда не встречается на театральных подмостках.

Это были индейцы, приведенные коварным Фернандом.

Войдя в сад и захватив двух девушек, они пошли к дому, руководимые дворецким. Поэтому они смогли легко пробраться с заднего двора на центральный, не будучи никем замечены. Они вошли туда, прежде чем их увидел кто-нибудь из служителей; как только их завидели, поднялась тревога, но было уже поздно.

Негритенок, искавший Фернанда, первый заявил об их присутствии. Он бросился в комнаты с криками ужаса, а дикири следовали уже за ним по пятам.

Главной целью был грабеж, а не кровопролитие, что явствовало из того, как разбойники приступили к делу. Если бы они руководствовались ненавистью к бледнолицым или пришли с желанием отомстить за что-нибудь, они поступили бы иначе. Вместо того, чтобы затворить дверь и оставить в покое полковника Армстронга и его друзей, они перестреляли бы их и оскальпировали. Это было им сделать легко, даже и при запертых дверях, потому что у них было всякого рода наступательное оружие: карабины, пистолеты, копья, томагавки и ножи. Стреляя в окно, они могли перебить всех, находившихся в столовой.

Колонисты удивлялись, что дикири до сих пор не воспользовались этим своим преимуществом. Они ждали этого с минуты на минуту.

Но индейцы имели свою причину удерживаться от этой резни, конечно, не имевшую ничего общего с чело-веколюбием. Они не стреляли по белым просто потому, что боялись наделать слишком много шума; другие белые могли услышать выстрелы и явиться на помощь достаточно вовремя, чтобы помешать их замыслу.

Поэтому из образа их действий было ясно, что целью их был грабеж, а не убийство, и что они не желали собственно убивать белых без крайней надобности.

Однако это не были обыкновенные грабители; они, по-видимому, приготовились ко всему, что вскоре и до-

казали. Едва они прошли на двор, как уже стали убивать бедных невольников, которые при виде индейцев бегали как сумасшедшие, испуская крики ужаса. Надо было заглушить эти крики, и они были заглушены немедленно ударами копий, ножей и томагавков.

Хотя бедные создания не оказывали ни малейшего сопротивления, однако их убивали без милосердия.

Это массовое избиение было просто мерой предосторожности, чтобы помешать криками произвести тревогу между колонистами в хижинах.

Некоторые невольники уходили в комнаты, закладывая за собой двери, другие прятались в темных углах, где разбойники не имели времени искать их. Но из дома не мог выйти никто.

Пока одни разбойники распоряжались на дворе, избранные из них занимались другим делом. Их было пять или шесть человек, среди которых выделялся их вождь исполинского роста. Фернанд примкнул к ним.

Они-то и заперли дверь столовой и поставили возле нее часовых, потом перебежали через двор и приблизились к двери, выходившей на галерею в углу. Это была спальня Луи Дюпре, в которой он хранил свои хозяйственные книги и деньги — пятьдесят тысяч долларов.

Фернанд шел впереди; он нес в руке что-то блестящее. То был ключ. Дворецкий открыл им дверь и вошел в комнату. Все ринулись туда с горячностью, доказывавшей, что они знали о сокровище.

Вскоре они вышли назад. Каждый принес по тяжелому бочонку, которые они поставили на земле, потом пошли за новым грузом, и так далее, пока не набралось двадцать бочонков.

Резня уже кончилась, и разбойники, что занимались ею, получили дозволение присоединиться к тем, которые выносили деньги из комнаты. Часовые были удалены от двери столовой, и вся толпа сгруппировалась около бочонков, словно коршуны вокруг трупa.

Они переговаривались тихим голосом, потом каждый взял по бочонку — на каждого приходилось по одному — поднял и понес со двора.

Молча прошли они гуськом за ограду, потом через сад и удалились тем же путем, каким и пришли.

За стеной, под деревьями были привязаны оседланные и взнузданные лошади.

Немного потребовалось времени каждому отвязать лошадь и вскочить в седло, прикрепив прежде тщательно бочонок к задней луке.

Усевшись на лошадей, все отъехали молча и быстро. Фернанд уехал вместе с ними. У него также была лошадь, лучшая в шайке, которую он украл из конюшни своего хозяина.

Глава LXI

ЗОВ НА ПОМОЩЬ

В это время запертые в столовой бились, словно тигры, только что запертые в клетку. Сцена эта, хотя и не такая трагическая, как на дворе, была, однако, не менее ужасна.

Она продолжалась до тех пор, пока разбойники выносили деньги, и еще некоторое время после того, как они удалились. Наконец ярость пленников стала мало-помалу ослабевать и сменилась чувством, близким к отчаянию. Все они испытывали смертельный страх.

Но если реакция привела их к отчаянию, она также возвратила их к здравому рассудку. Они прежде всего удивились, что дикари не умертвили их, а ограничились тем, что заперли в столовой.

Их также изумляло, что они не слышали выстрелов, а только крики цветных слуг. Голос белого легко отличить от голоса негра или мулата. Не слышно было также ни одного крика индейцев, ничего похожего на военный вой команчей.

Между тем это было так несвойственно при нападении индейцев. Что же это могло значить? Кто мог объяснить странное поведение осаждавших?

Кто-то заметил, что это могла быть шутка какого-нибудь ветреника из молодых колонистов. Как ни невероятна была эта мысль, однако за нее ухватились, по пословице, что утопающий хватается за соломинку.

Но это продолжалось недолго. Дело это касалось слишком значительных лиц. Никто не осмелился бы позволить себе подобной шутки со строгим старым воином Армстронгом и с гордым молодым плантатором Дюпре. С ними не шутили.

К тому же на дворе слышны были крики ужаса и стоны цветных слуг, а этого не случилось бы при

шутке. Наконец, если бы это была шутка, то все уже должно было бы кончиться и дверь столовой была бы уже отворена. Шутки не заходят так далеко.

Мысль о шутке была оставлена.

Если тишина, сохранявшаяся индейцами, изумляла арестованных колонистов, то и последовавшее затем полное безмолвие казалось не менее таинственным.

Не слышно было ни стона, ни жалобы.

Это глубокое, необъяснимое молчание угнетало их. Что же случилось? Неужели все слуги были умерщвлены в такое короткое время? Неужели белые товарищи подверглись той же участи?

Они задавали друг другу эти вопросы дрожащим голосом. Никто, однако, не пытался во время нападения отвечать. Все находились под влиянием таинственного страха; одни обезумели, другие онемели от гнева.

Это был тягостный час для девяти человек, запертых в столовой, тягостнее которого они, может быть, никогда не испытывали в жизни.

Для Армстронга, Дюпре и других, у кого были родные и дорогие сердцу особы, предоставленные зверству дикарей, это равнялось предсмертной ужасной агонии.

Пытки этой было достаточно, чтобы свести с ума всякого человека, а продолжись она еще сколько-нибудь, без сомнения, они все сошли бы с ума.

Они уже выпускали крики ярости без всякого определенного намерения.

И только охотнику Гаукинсу пришла мысль, обещавшая практическое последствие. Он взобрался на подоконник, просунул голову между железными полосами и начал кричать, призывая на помощь. Он не думал об опасности, какой подвергался, так как дикари, которые были еще близко, могли выстрелить по нему или проколоть его пикой.

Он кричал в надежде быть услышанным колонистами, жившими в хижинах. Надежда эта была, впрочем, весьма слабая, так как было уже поздно, и люди, утомленные дневной работой в поле, без сомнения, все уже спали.

Но если бы они и не ложились еще, то вряд ли слышали бы его крики. Хижины отстояли от дома почти на полмили и находились на противоположной стороне от окон.

Кроме того, они отделялись от дома густой рощей

больших деревьев, сплетающиеся ветви которых образовали растительную занавесь, сквозь которую звукам так же трудно было проникнуть, как и сквозь толстые стены каземата.

Прибавьте к этому лесной шум, треск древесных сверчков, крики совы, шелест листьев при сильном ветре.

Все это приводило в уныние Гаукинса и его товарищей. Он знал, что Крисс Туккер не спит, разумеется, в том случае, если не покоится сном смерти. Если же товарищ был жив, то Гаукинсу оставалась надежда быть услышанным.

Рассчитывая на это, он продолжал звать на помощь, примешивая к своим крикам возгласы, которые в строго пуританской стране можно было бы назвать руганью.

Глава LXII

ПОИСКИ ТОВАРИЩА

Старый охотник, расставаясь с молодым товарищем, обещал скоро возвратиться. Дело шло к ужину, состоявшему из жирного тетерева, застреленного в тот день. Крисс жарил его на огне, разложенном перед палаткой.

Когда Гаукинс уходил, жаркое было почти готово на вертеле. Вот почему он дал слово возвратиться поскорее.

Конечно, Туккер знал причину, по которой надо было идти в «большой дом», как называли колонисты здание миссии.

Тетерев был молодой и из него капал жир сквозь все поры, отчего костер пылал еще сильнее. Вскоре тетерев был готов. Крисс отнес его в палатку, положил на блюдо и поставил на стол. Блюдо было грубо сделано из дерева. Сам стол состоял из деревянного пня, отпиленного горизонтально, над которым была разбита палатка. Тетерев дымился уже достаточное время, а повар сидел возле в ожидании товарища.

Сперва положение его казалось очень приятным. Аппетитный запах, наполнявший палатку, обещал ему вкусный ужин, хотя аппетит Крисса Туккера и не имел надобности в этом возбуждении. Ни он, ни Гаукинс ничего не ели с самого полудня, после завтрака на верхней равнине, где они видели индейцев. Страх от

этого зрелища в соединении с поспешностью, с какой возвращались они домой, мешал им прикоснуться к пище. Когда они пришли домой, Гаукинс отправился в «большой дом». Весть, которую он должен был сообщить, была слишком важна, чтобы ее откладывать хоть на минуту.

По мере того, как время шло, а товарищ не возвращался, положение Туккера, сперва приятное, становилось невыносимым. Тетерев остывал и аппетитный запах его расходился в воздухе. Охотник не мог выдержать долее. Он предпочел бы поужинать не в одиночестве, хотя и не боялся обидеть товарища тем, что принялся за ужин без него. Если Гаукинс не хотел сдерживать слова, то заслуживал в свою очередь нелюбезности. Может быть, он попивал в «большом доме» горячий пунш, так неужели же поэтому Крисс Туккер должен был есть холодное жаркое?

Рассуждая подобным образом, он немедленно приступил к делу. Вынув нож, он взял птицу и отрезал большой кусок от груди, а когда съел его, то вырезал другой, который был съеден также очень скоро. Потом он отрезал одну ножку и обглодал ее быстро до кости. За ногой последовало крыло, обработанное также чисто. Охотник дополнил свой ужин пупком и печенкой, составляющими в степи лакомый кусок, подобно страсбургскому паштету.

Насытив свой аппетит, Крисс Туккер закурил трубку, сидя возле искалеченного тетерева.

Никотин, который он вдыхал, успокоил его на минутку, однако охотник удивлялся долгому отсутствию товарища. Через час удивление его перешло в страх.

Наконец он решил идти в «большой дом» и узнать, что задержало его товарища.

Надев меховую шапку, он отправился к миссии.

Через десять минут быстрой ходьбы он очутился перед фасадом у главного входа.

Здесь он остановился на мгновение, пораженный тишиной. Она была какая-то подозрительно глубокая, почти сверхъестественная. Нигде в окнах не было огня, хотя это еще ничего не значило.

Крисс Туккер знал, что большая часть окон выходила на двор, ибо монахи избегали посторонних взоров.

Он некоторое время присматривался и прислушивался. К нему доносились звуки, но то были обыкновенные ночные звуки.

Ему, однако, почудилось нечто другое, вроде человеческого голоса. Казалось, что кто-то звал на помощь.

Хотя он и не был на равной ноге с обитателями «большого дома», однако решил войти в него, особенно при таких обстоятельствах.

И он миновал ворота, прошел темные сени и очутился на первом дворе.

Здесь Крисс Туккер оцепенел. Он увидел нечто такое, отчего у него волосы встали на голове дыбом. На четырехугольном пространстве, закрытом со всех сторон, лежали во всех позах фигуры, большинство которых, судя по одежде, составляли женщины.

Цвет кожи был у них черный, темный, желтоватый, и у всех около горла, на черепе или на груди виднелась кровь, которая быстро застывала при холодных лучах месяца. Охотник едва не лишился чувств при виде этой массы трупов. Это было зрелище ужаснее поля битвы. Там люди умирают от ран, полученных во имя великой, хотя, может быть, и ошибочной идеи и ради славы, а здесь резня устроена была кровожадными руками убийц.

Глава LXIII

ПОИСКИ СРЕДИ ТРУПОВ

Крисс Туккер остановился на минуту среди мертвых тел, не зная, что делать.

При всей его храбрости первым желанием было уйти со двора и бежать без оглядки от этого места.

Но его удержала честь лесного человека.

Он мог найти тело Гаукинса между трупами: привязанность к старому товарищу предписывала ему найти его, или поискать, по крайней мере. Может быть, в нем оставалась искра жизни, и можно было его спасти. Надежда эта, хотя и слабая, удержала его; он начал свои поиски.

Зрелище это, однако, сильно подействовало на него, так, что он шатался, проходя между трупами, а через некоторые он должен был даже перешагивать.

Он осматривал их по очереди, наклоняясь над ними и подходя ближе к тем, которые лежали в тени и цвет которых и пол труднее было определить. Вскоре он обошел весь двор и пересмотрел все трупы. Гаукинса между ними не было ни живого, ни мертвого.

Жертвы обоих полов, всех возрастов, мужчины, женщины, дети — все это были цветные люди, невольники; он узнал многих, принадлежавших полковнику Армстронгу или Луи Дюпре. Где же были хозяева? Какая страшная трагедия разыгралась и оставила такие ужасные следы убийства, кровавой резни в таких размерах? Кто были убийцы, где они были, и что случилось с Гаукинсом?

Вот вопросы, которые задавал себе Крисс Туккер. Они быстро следовали в его уме один за другим, так что задержали его и заставили подумать. Но вот вдруг до слуха его долетели звуки, и он невольно вздрогнул от радости.

Это был человеческий голос, который он уже слышал или как будто слышал; но прежде он был далеко, а теперь, по-видимому, ближе, главное же — слышнее.

Прислушавшись несколько минут, Туккер убедился, что это звали на помощь.

Звуки неслись с другой стороны дома, как если бы кричавший находился снаружи.

На этот раз охотник не остался ни секунды во дворе, а, перепрыгивая через трупы, вышел в отворенные ворота.

За воротами он остановился, чтобы определить, откуда неся голос. Вскоре послышался зов на помощь. Теперь охотник узнал голос Гаукинса, выходивший из здания с восточной стороны.

Распознав голос и убедясь, что он требовал помощи, Туккер не останавливался более, обогнул угол бегом, прыгая через кусты, словно преследуемый медведь.

Скоро он очутился под окном, откуда раздавались крики. При лунном свете он увидел испуганное лицо друга за железными полосами.

— Гаукинс!

— Крисс Туккер! Это ты, Крисс? Слава Богу!

— Что все это значит, Гаукинс?

— Мы не знаем, что это значит. Мы все заперты здесь, и заперты индейцами. Ты их видел? Был ты в доме?

— Был и видел нечто ужасное. Не индейцев, но их сатанинское дело. Они ушли.

— Что же ты видел? Однако довольно болтать, ступай отыщи, чем можно выломать дверь и освободить нас. Скорее!

Крисс Туккер побежал во двор и принес целое бревно, которым и начал действовать, как осадным тараном.

Хотя дверь была плотная и крепко держалась на петлях, однако не могла не уступить силе молодого охотника. Гаукинс был здоровенный парень.

Когда, наконец, дверь отворилась, и арестанты вышли, они увидели зрелище, которое обьяло их ужасом. Но для полковника Армстронга, Луи Дюпре, Вартона и других предстояло еще нечто ужаснее: неизвестность, которая гораздо тяжелее какой бы то ни было печальной действительности.

По выходе из трапезной каждый спрашивал других о том, кто был для него дороже. Среди смешанных голосов один спрашивал жену, другой невесту, этот брата, а тот сестру. Все надеялись найти их живыми или боялись увидеть с перерезанным горлом или с пробитой грудью, как у тех, которые валялись по двору.

Зрелище было поистине ужасное, но, повторяем, оно не могло сравниться с боязнью за близких.

Между голосами, призывавшими жену, дочь, сестру, невесту, раздавался громче всех голос полковника Армстронга, который звал своих дочерей.

Глава LXIV

ГДЕ ОНИ?

— Где они? — спрашивал полковник Армстронг.

Но никто не мог ответить ему, что стало с ними.

А произошло с девушками вот что. Они поняли, что их схватили и унесли мужчины, и что это были индейцы, потому что хотя они и видели своих похитителей лишь мельком, однако, пока последние не накинули им одеяла на головы, они заметили перья и раскрашенные лица.

Их отнесли на небольшое расстояние, лишь на несколько шагов по ту сторону пролома.

Потом их подняли и посадили на лошадей. Люди, подымавшие их, сели на седла, привязав их к себе сырыми ремнями, а другие, пешие, помогали им в этом.

Девушки, однако, не без протеста подчинились такому обращению. Они сопротивлялись, стараясь всеми силами вырваться. Они даже закричали, но успели сделать это один только раз, потому что им сейчас же вокруг головы и шеи обвязали одеяла, так что криков их не стало слышно.

После этого похитители поехали очень быстро.

Пленницы вскоре перестали биться и кричать, так как это оказалось бесполезно. Они знали, что довольно далеко отъехали от миссии и от друзей, которые могли оказать им помощь.

Так везли их около получаса. Они сильно страдали нравственно и физически, ибо одеяла, серапе, накинутые на голову и обвязанные вокруг шеи, были из чрезвычайно плотной материи. Они могли задохнуться. Думая об этом, похитители остановились и прорезали серапе ножами посредине, что дало возможность дышать свободнее. Делали ли они это из сострадания, искра которого оставалась в их свирепых сердцах, или из предосторожности — чтобы не повредить драгоценной добычи? Каков бы ни был повод, пленницы не имели времени рассуждать об этом. Тотчас же всадники тронулись в путь.

До сих пор сестры не сказали друг другу ни слова; они знали, что были одна от другой очень близко, что тут всего было двое мужчин и две лошади: они это заключали по конскому топоту.

Они не обменивались словами отчасти потому, что им мешали одеяла, а в особенности потому, что были подавлены страхом и отчаянием.

Поведение индейцев, которые прорезали серапе, чтобы пленницам было свободнее дышать, было ли это сделано из человеколюбия или нет, ободрило их, и теперь они решили говорить между собой.

Но сначала они прислушались, в надежде узнать из слов похитителей, что те намерены были делать с ними. Последние действительно разговаривали всю дорогу, но очень тихо и, по-видимому, на непонятном языке, не известном пленницам, хотя они и слушали очень внимательно.

Это ободрило их; индейцы не могли их понять, и поэтому не представляло опасности обменяться мыслями. Елена первая пришла к этому заключению и обратилась к сестре:

— Не робей, Джесси, не робей! Ты слышишь меня?

— Да, Елена. О, Боже!

— На Бога наша надежда, он еще может спасти нас. Ободрись, Джесси. Не знаю почему, но мне кажется, что мы избавимся от этих ужасных чудовищ. Так, может быть, хочет Господь. Молись ему.

— Я молилась, Елена, и теперь молюсь... Но что стало с нашим отцом? С Луи? Я боюсь за обоих...

— Не бойся за них. Я не думаю, чтобы дикари могли захватить всех, кто-нибудь да ускользнул, и они отправятся на поиски за нами. Ты знаешь, что среди колонистов есть искусные охотники и трапперы. Они пойдут по нашим следам куда бы то ни потребовалось, хотя похитители этого и не подозревают.

— Луи пойдет с ними. Он отдаст все свое золото, чтобы спасти нас, он...

Здесь слова Джесси были прерваны сильным взрывом насмешливого хохота. Это смеялись всадники, которые везли их, и смеялись так усердно, что пленницы, привязанные к ним за спину, не могли не почувствовать дрожь от этого ужасного хохота.

Но прежде чем смех прекратился, лошади вошли в воду по колени и за плеском ничего не стало слышно.

Очевидно, они переправлялись через широкую реку, судя по времени. Брызги достигали до одеял, закутывавших молодых девушек.

Обе сестры умолкли, услышав адский смех, словно выходивший из груди демонов.

Глава LXV

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ВСАДНИКИ

— Я не могу спать, Саймон

— Отчего, Чарльз? Вам бы следовало поспать. Вы крепко устали и притом не спали все ночи, с тех пор как мы в Техасе.

— Это правда, но сегодня, не знаю почему, я не могу спать.

— Может быть, вы съели что-нибудь несъедобное, или на вас подействовал климат Сан-Сабской долины. Он немного сыроват по причине речных туманов, хотя вообще дух этой долины считается самым здоровым во всем Техасе. Отпейте-ка из этой фляги. Как вам известно, это лучшее лекарство для успокоения нервов. Держу пари на свой последний доллар. Выпейте глоток, Чарльз, и увидите, как будет хорошо.

— Я знаю, что это не произведет на меня никакого действия; бессонница у меня не от нервов, а от кое-чего другого.

— Ох, уж это мне что-то другое! — ворчал охотник. — Догадываюсь, что это мечты о возлюбленной. Последуйте моему совету, выпейте из моей фляги и вы вскоре очутитесь в объятиях Морфея и позабудете вашу красавицу. Вы очень хорошо знаете, что вам бьется нечего. Следы ясно показывают, что они уже прибыли к месту назначения. И если только нам не встретится чего-нибудь крайне неблагоприятного, то мы сами будем там часа через два после солнечного восхода. Мы должны прибыть в бывшую миссию до завтрака, и, если нас не угостят лучшим пшеничным хлебом с ветчиной, не говоря уже о великолепном кофе, то это будет значить, что полковник Армстронг, переменяв местожительство, переменял и обычаи. Когда он жил на Миссисипи, он угощал всегда Саймона Вудлея всем, что только было у него лучшего. Примите же немножко этого лекарства и вы уснете скорее, чем кот успеет махнуть хвостом.

Разговор этот происходил между Кленси и Вудлеем в полночь на берегу Сан-Сабы, немного пониже брода. Хотя они остановились для ночлега, но выбрали безопасное место, между окаймлявшими реку кустарниками, которые были настолько высоки, что могли скрыть лошадей, и через верхушки которых можно было смотреть, приподнявшись на носки. Никто не мог проехать мимо, не будучи ими замечен.

Охотник хорошо знал, какие опасности угрожают в степи, и был постоянно осторожен, — вот почему он избрал это место.

Хейвуд, Гаркнесс и Юпитер давно уже спали. Кленси сидел, склонив голову на руку. Собака у его ног лежала на траве.

Кленси последовал совету старого охотника и выпил виски, потом завернулся в одеяло, улегся на траве и попытался заснуть.

Однако ему это не удалось, он начал ворочаться и, наконец, встал. Собака последовала его примеру.

Вудлей снова проснулся, увидел, что его лекарство не подействовало, и предложил повторить прием.

— Нет, — сказал Кленси, — это мне не поможет. Я думаю, что самое сильное наркотическое средство не заставило бы меня уснуть в настоящую минуту. У меня есть предчувствие, Саймон Вудлей.

— Насчет чего?

— Что мы приедем слишком поздно.

Кленси произнес эти слова торжественным тоном, доказывавшим искренность его страха, быть может, даже и лишнего оснований.

— Это не имеет смысла,— отвечал Вудлей, желая утешить своего товарища,— право, это не имеет ни малейшего смысла... Тс!..

Последнее междометие, произнесенное совсем другим тоном и сопровождающееся волнением, не имело никакого отношения к первой половине речи. Он что-то услышал или ему показалось, что услышал. В то же самое время собака, насторожив уши, глухо заворчала. Вудлей поднял голову.

— Я хотел бы знать, что это такое? — спросил он тихим голосом, потом привстал на колени и внимательно посмотрел на собаку.

Та водила еще ушами и ворчала.

— Придержите ее, Чарльз, и не дайте ей лаять; что-то откуда-то приближается.

Кленси взял собаку, привлек к себе на колени и словами и жестом приказал ей молчать.

Хорошо выдрессированное животное поняло, чего от него требовали; оно улеглось у ног господина и перестало ворчать.

Вудлей растянулся на траве и, приложив ухо к земле, внимательно прислушивался.

Он слышал что-то, но совсем не то, что с минуту назад. То, первое, было похоже на отдаленный смех. Это могли быть крики большой техасской совы или вой степных волков. Но то, что он услышал после,— имело определенный характер. Это был сильный плеск воды, разбрызгиваемой ногами лошадей, переходивших реку вброд.

Он удостоверился, что шум происходит со стороны брода. Туда собака и смотрела, приподнявшись на лапах.

Вудлей вскочил.

Глядя поверх кустов, они увидели, что делалось на воде. Две лошади переправлялись вброд; в эту минуту они выходили из тени деревьев противоположного берега и приближались к середине реки, которая при лунном свете была похожа на расплавленное серебро.

Кленси и Вудлей могли видеть их очертания, отраженные на блестящей поверхности, и удостовериться, что их было только две. Нетрудно было им также убедиться, что на них сидели всадники, но всадники эти держались

как-то странно. Они не были похожи на людей и не имели в себе ничего человеческого. Легкий туман растилался над рекой, подобно прозрачному покрывалу, накинутому над дорогой вещью. Туман этот увеличивает предметы и часто производит миражи. Под его увеличительным влиянием лошади и всадники казались гигантских размеров, словно титаны. Их можно было принять за существа из чудесного и фантастического мира, за существа, не известные на нашей планете, или известные только древнему миру.

Глава LXVI

ДВОЙНЫЕ ВСАДНИКИ

Действительно, странное зрелище представлялось на водах Сан-Сабы. Эти обе фигуры имели все очертания лошадей, но величиной со слона. Но то, что они несли на себе, казалось странным для наблюдателей, находившихся на берегу речки.

Всадники не имели человеческого вида. Если же это были демоны, то демоны двойные, потому что у каждого было по две головы и по два туловища. Не мудрено, что Кленси и Вудлей, смотря на эту переправу, думали о существах фантастических, так как это зрелище способно было устроить самые отважные сердца.

Скоро, впрочем, очарование исчезло, и здравый рассудок одержал верх. Они убедились, что фантастическая картина, представлявшаяся их взорам, была простой действительностью.

Вудлей сказал вполголоса:

— Две лошади и на каждой по два всадника. Всадники эти,— прибавил он, помолчав,— похожи на индейцев. Видите ли у них на головах пучки перьев? Конечно, это индейский головной убор. Существа, сидящие сзади них, похожи на женщин. Я думаю, что не ошибаюсь. Однако в этих степях у индианок всегда есть отдельные лошади. Странно, что они едут по двое, а еще более странно, что их всего две пары,— это сбивает Саймона Вудлея с толку и подает ему мысль о необходимости присмотреть за этими двойными всадниками.— К счастью, мы имеем перед ними преимущество и воспользуемся этим. Они переправляются на ту сторону и, без сомнения, поедут по обыкновенной дороге, пролегающей через

лес. Там мы можем захватить их, бросившись им наперез поперечной тропинкой, которую я хорошо знаю. Идем, Кленси.

— А эти? — спросил Кленси, указывая на спящих товарищей. — Не лучше ли разбудить их, может быть, нам понадобится их помощь.

Вудлей подумал.

— Нет, — сказал он, — ведь индейцев только двое, а женщины не в счет, и мы можем смело справиться с ними. Однако, в самом деле — не разбудить ли Хейвуда, а Гаркнесс и мулат пусть себе дрыхнут. Да, возьмем с собой Хейвуда. Нед! Послушай, Нед!

Слова эти были сказаны тихо на ухо Хейвуду, который вздрогнул и приподнялся.

Другое слово поставило его на ноги. Он немедленно понял, зачем его разбудили. Взгляд, брошенный на реку, объяснил ему все. Странные всадники были еще видны, хотя они почти уже переправились и выезжали под тень деревьев, окаймлявших луговой берег.

Вудлей в кратких словах передал молодому охотнику свой с Кленси замысел. Они втроем совещались с минуту, держа карабины в руках. Они не считали необходимым будить Гаркнесса и Юпитера, так как это было бы неосторожно: малейший шум, одна потерянная минута, и дикари могли ускользнуть. Они решились захватить индейцев и для этого были достаточно сильны.

— А лошади? — сказал Хейвуд, — не лучше ли ехать верхом?

— Нет, — отвечал Вудлей. — Если индейцы захотят убежать, мы можем остановить их выстрелами. Начни мы седлать лошадей, они услышат, бросятся в леса, и тогда мы их никогда не отыщем. Я знаю каждый вершок дороги, ведущей от реки; они должны ехать по ней, и мы можем быть прежде них на перепутьи и захватить их, как в мышеловке. Нет надобности стрелять по ним. Они наши, как только мы схватим их лошадей за поводья. Имея при себе женщин, они не окажут ни малейшего сопротивления. Притом это могут быть мирные индейцы и было бы жаль убивать их, да в этом и нет надобности. Мы можем захватить их в засаде, что очень легко. Как вы думаете, Чарльз Кленси?

— Конечно, я одобряю ваше средство. Не следует проливать неповинной крови.

— В этом и не будет нужды,— повторил Вудлей.— Идем!

Три товарища готовы были в поход, когда возле них очутился вдруг четвертый. Это был Юпитер. Жизнь мулата и многочисленные бедствия приучили его к чуткому сну, и он уже с минуту как проснулся. Хотя спутники его и говорили почти шепотом, однако он расслышал достаточно, чтобы понять, что Кленси грозила опасность. Беглый невольник, а теперь человек свободный готов был отдать свою жизнь за того, кто помог ему избавиться от неволи.

Он просил позволения разделить опасность, какова бы она ни была.

Просьба Юпитера была уважена.

Но оставался вопрос, как быть с Гаркнессом? С ним не обращались как с пленником, однако ему не доверяли, а в эту минуту он мог быть опасен. Кто знает — были ли у него связи с негодяями, которых, по его словам, он оставил? А может быть, это одна только уловка?

И они колебались. Но Саймон Вудлей разрешил вопрос просто: схватил Гаркнесса за ворот, растолкал и заставил подняться.

Не дожидаясь никакого замечания со стороны изумленного спутника, старый охотник сказал ему на ухо:

— Послушайте, Джо Гаркнесс, ступайте с нами и не задавайте никаких вопросов. Слушай, Джуп, стереги его. А теперь, братцы, в дорогу! Нам едва остается времени дойти до места, где должны быть индейцы. Ступайте по-кошачьи.

И старый охотник толкнул Гаркнесса к мулату, потом пошел вперед, а прочие последовали за ним гуськом. Кленси вел собаку на привязи.

Вскоре они вышли на дорогу, ведущую от реки. Она была хорошо видна и шла между деревьями, окаймлявшими речку, потом потянулась по безлесой долине, походившей на огромную степь.

Вудлей вел товарищей туда, где дорога выходила на открытую местность, и вел по диагонали. Они остановились между широколиственными пальметто и ожидали прибытия индейцев.

Глава LXVII

СОШЛИ С ЛОШАДЕЙ

Ужасный смех, вскоре заглушенный плеском воды, произвел на обеих сестер неопишемое впечатление. Вскоре на них напал новый страх. Обе подумали, что люди, увозившие их, были не индейцы. Индейцы не поняли бы их разговора. Ясно, что именно речи пленниц вызвали этот насмешливый хохот.

Чувствовать себя во власти белых при подобных обстоятельствах было вовсе не утешительно. У дикаря бывают иногда искры жалости, рыцарского чувства, но смех, выходявший из груди всадников, имел в себе что-то сатанинское. Люди, которые могли насмехаться над отчаянием, были, очевидно, лишены всякого человеколюбия и от них нельзя было ожидать ничего хорошего.

Кто же могли быть эти люди, спрашивали себя одновременно пленницы. Они уже не решались больше обмениваться между собой впечатлениями.

Переправляясь через воду, каждая из них делала про себя предположения. Сердца их, больше чем прежде, были переполнены страхом.

Джесси полагала, что один из всадников был Фернанд. Он говорил по-английски и мог слышать разговор ее с сестрой. Этого-то она и боялась. Кто же был другой — для нее все равно. Несчастье их было слишком велико от одного уже присутствия Фернанда. При этой мысли кровь застывала у нее в жилах.

Елена также подозревала обман.

Она тоже полагала, что один из всадников, вероятно, был коварный слуга Луи Дюпре, но не его она более всего страшилась. Но что-то говорило ей, что другой, тело которого соприкасалось с ее телом, был враг, знакомый уже ей и от которого не должна была она ожидать ни малейшего сострадания.

Это могло быть одно предположение, ужасное, порожденное страхом. Но если... о, что тогда будет с ней!

В то время, когда эта ужасная мысль овладела ею, лошади шли уже по твердой земле. Всадники остановили их и заговорили:

— Мы здесь можем сделать привал, — сказал один из них. — Капитан велел ожидать себя под большим дубом. Я не понимаю, зачем нам идти туда, искать дорогу между кустарниками и подвергать наши драгоценные ноши

колючкам. Здесь также удобно остановиться на время. Когда товарищи захватят то, за чем поехали, они скоро будут здесь. Мы шли так медленно, что они должны быть недалеко. Не расположиться ли нам здесь, привязав лошадей? Что вы скажете на это, Фил?

— Нет,— отвечал другой несколько повелительным тоном, — мы пойдем к дубу и там будем дожидаться: я имею на это свои причины.

— Хорошо, мне все равно. Только я очень устал от этой драгоценной ноши за спиной, хоть это и красавица. Я полагаю, что этот труд не будет продолжителен: капитан, вероятно, заменит меня. Что ж, я очень рад. Однако, ступайте вперед, Фил, я не очень хорошо знаю дорогу.

Последний не отвечал; повернув лошадь, он поехал вдоль берега между густыми деревьями.

Товарищ молча за ним последовал

Отъехав шагов двести, они остановились под большим деревом, ветви которого покрывали обширную окрестность. Не сходя с лошадей, спутники приблизились друг к другу. Наклонясь ко второму, первый сказал несколько слов так тихо, что они могли быть услышаны лишь тем, к кому относились.

— Останьтесь по эту сторону дерева, а я пойду по другую. Мне надо переговорить, пока подъедут наши.

И разбойник указал на закутанную особу, привязанную сзади его, повернув слегка голову в ее сторону.

— Хорошо,— отвечал товарищ, сделав злобный жест в знак того, что понял.

И он слез с лошади в то время, как другой поехал на другую сторону дуба.

Оба отвязали ремни, удерживавшие пленниц, потом слезли с лошадей, сняли пленниц и положили их на землю. Хотя последние и были завернуты в одеяла, обвязаны одной веревкой вокруг шеи, а другой вокруг талии, но у них ноги оставались свободны. Они могли бы спастись, бросившись в лес, густая тень которого представляла удобный случай. Похитители приняли против этого свои меры.

Теми же ремнями, которыми были прикреплены к ним пленницы, они связали последним ноги. Таким образом, нечего было опасаться, что они убегут. Они лишены были даже возможности двигаться.

Глава LXVIII

ФИЛ КОНТРЕЛЛ

Дело происходило под деревом, которое один из всадников назвал местом свидания. Упомянутый дуб имел не менее пятнадцати футов в диаметре, а ветви его простирались на большое пространство. Зеленые листья его мало были видны даже и днем, потому что наверху у него рос испанский мох и спускался фестонами. Иногда при лунном свете этот паразит казался белым и фантастическим. Иногда эти длинные фестоны, качаемые ночным ветром, делали его похожим на танцующее привидение. В тихую погоду его можно было принять за водопад, остановившийся вдруг в своем падении и окованный льдом. Гигантский ствол казался черной, неровной стеной, шершавую, словно кожа крокодила. Представьте себе пятнадцать футов в диаметре, не считая подпорок, которые, следуя по направлению корней, занимали вдвое большее расстояние.

Шагах в пятидесяти от речного берега и в двухстах от брода рос густой старый лес, и только на небольшом пространстве вокруг большого дуба местность была обнаженная. Идя от брода вниз, сюда невозможно было пройти иначе как сквозь высокие деревья, под которыми вела сюда тропинка, едва заметная и такая узкая, что два всадника не могли ехать рядом.

По ней шли два человека один за другим, и только под большим дубом они соединились, и между ними произошел описанный краткий разговор.

Потом вскоре их разделил огромный ствол дерева, так что они не могли слышать друг друга, разве только стали бы кричать во все горло.

Тот из них, которому не хотелось удаляться от речного берега, остался на стороне дуба, обращенной к броду. Спустив пленницу на землю, он остался у лошади, держа поводья в руках.

Так он пробыл с минуту, не обращая никакого внимания на особу, лежавшую у его ног. Это был старый грешник, не питавший большой слабости к женщинам. Поэтому, может быть, его попечениям и поручили Джесси Армстронг — это именно она находилась под его охраной.

Какая бы участь ни готовилась пленнице, последняя была не для него, и он едва обращал на нее внимание; все его поведение показывало, что он думал о другом.

Обернувшись к броду, он прислушивался внимательно и у него вырывались по временам ругательства от нетерпения.

Товарищ его, находившийся по другую сторону, держал себя совсем иначе.

Елена Армстронг лежала на земле, закутанная в одеяло и связанная веревками. Человек, стерегший ее, стоял возле нее на коленях.

— Наконец-то вы у меня в руках, здоровая и невредимая,— сказал он.— О, как это приятно! Как приятно!

Елена Армстронг не имела надобности спрашивать, чей это был голос. Она давно заподозрила, что всадники были не индейцы, подозрения ее подтвердились, когда после переправы через реку один из них назвал другого Фил. Хотя она и была закутана, однако ей удалось уловить несколько слов, которые она поняла, потому что они были сказаны по-английски. Ей припоминалось, что она слышала имя Фил в Начиточезе.

Глава LXIX ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ НЕГОДЯЙ

Помолчав с минуту, в продолжение которой Контрелл, казалось, наслаждался своим торжеством, он повторил свои слова.

Елена не отвечала на его веселую, страстную речь. Ее мучило чувство своего бессилия; она очень хорошо знала, что все, что она может сказать, ни к чему не приведет.

Она вздрогнула, узнав голос, но не столько от удивления, сколько от невольного прилива отвращения, как бывает, когда наступишь на змею или прикоснешься к убийце.

Потом она сделалась неподвижна, так что можно было слышать биение сердца.

Стоявший над ней человек знал, что оно билось от страха; но это не внушало ему ни малейшего сострадания, напротив, он еще более торжествовал и, повторив свои слова, прибавил:

— О, какое наслаждение!

Не получив ответа, он продолжал:

— Надобно ли вам пояснять, Елена Армстронг, кто я такой? Хотя мы уже давно не виделись, однако, я полагаю,

вы узнаете мой голос. А если нет, то одно обстоятельство может напомнить вам наше последнее свидание. Это было под магнолией. Под одной из ее ветвей было отверстие, служившее удобным почтовым ящиком для двух влюбленных, из которых одного нет на свете, а другая — это вы. Теперь, прелестная девица, вы знаете, кто говорит с вами.

Ответа не было, даже не последовало никакого движения.

Контрелл продолжал насмешливо:

— Может быть, вы узнаете меня глазами, ведь недаром говорят, что на зрение лучше всего можно положиться. Я вам предоставляю эту возможность. Но прежде необходимо вас перенести на место, где будет посветлее, чем здесь. Здесь ведь одни светляки.

Взяв на руки неподвижную пленницу, он перенес ее на место, озаренное лучами месяца. Он положил ее на землю, стал над нею на колени, сдвинул назад шапку с перьями, придававшую ему вид индейского вождя, и платком, смоченным в воде во время переправы, стер со своего лица разрисовку. После этого он вынул нож, разрезал серапе на лице пленницы и таким образом освободил ее.

Открытые черты были бледны и грустны при лунном свете. Они напоминали лицо красивой монахини в широком капюшоне и казались еще привлекательнее.

Лицо Елены Армстронг было мрачно сперва, но оно исказилось ужасом, когда она увидела человека, склонившегося над ней с ножом в руке, длинное лезвие которого, он, казалось, хотел вонзить в ее грудь.

Он не заметил ее испуга и сказал:

— Не правда ли, вы узнаете меня? Смотрите хорошенько на мое лицо теперь, когда я снял шапку. Не похож ли я на Ричарда Дарка?

Вопрос этот требовал ответа, но его не последовало. Она знала и без того, что возле нее находится убийца Чарльза Кленси.

Это не прибавило ничего к ее страданиям, достигшим и без того уже высшей степени.

Глаза ее, однако, сверкали, обнаруживая прилив отваги — отваги отчаяния, которая, может быть, готова была высказаться словами.

Дарк не стал этого ждать; он не заботился более о том, что она ему скажет. Он уже сильно увлекся.

Яд мщения примешался в его горькую чашу отвергнутой любви.

Однажды он уже стоял на коленях перед ней, как смиренный искатель ее руки. Однажды он лежал уже у ее ног, изливая свою душу в страстных молениях. Но оба раза он был отвергнут, унижен. Теперь он больше не хотел умолять, она была у него во власти; он мог теперь требовать.

Настала его очередь унизить ее.

— Итак, прелестная Елена,— проговорил он,— я узнал, что вас очень огорчила потеря того, кого нет больше на свете, что вы, подобно орлице, потерявшей своего орла, не хотите избрать никого другого. Позвольте мне вам доложить, что это с вашей стороны величайшее безумие. Вы не должны впадать в отчаяние, потому что для вашего утешения явился я, Ричард Дарк. Я вас так уважаю, что решился сделать вас счастливой, и сделаю. Когда вы приедете в пустынные степи, куда я намерен увезти вас, мы женимся в приличном месте, вполне подходящем для такой свадьбы, какой будет наша. Там брак может совершиться по законам, созданным нами самими, не нуждаясь ни в освящении церкви, ни в словах пасторов. Полагаю, что вы меня понимаете?

Душа Елены Армстронг, все еще лежавшей на земле, изнемогала так же, как и ее тело. Закутанная в мексиканское одеяло, обвязанное вокруг ее стройного тела, очертания которого были ясно видны, она походила не на живую женщину, а на одну из дочерей фараона, вынутую из гробницы, в которой она пролежала несколько тысяч лет.

Когда Дарк перестал говорить, она по-прежнему молчала и была неподвижна, как мумия. Даже не слышно было биения ее сердца.

Не умерла ли она? Не убила ли ее страшная угроза? От страха она закрыла глаза и сделалась похожа на существо, пораженное громом.

С минуту он считал ее мертвой. Он вполне понимал ее положение; он знал, что слова его должны были произвести потрясающее впечатление; этого-то он и хотел, хотя и не намерен был ее убивать.

Он наклонился ниже над ней, чтобы удостовериться в этом, как вдруг услышал шум, заставивший его быстро приподняться. Этот шум означал близкую опасность.

Он, казалось, позабыл Елену Армстронг. Он услышал

топот испуганной лошади и вскоре крик тревоги, борьбу, шаги бегущих людей, слова, наконец, имена и, между прочим, имя человека, от которого ему следовало бы бежать как можно поспешнее. Товарищ его кричал по другую сторону дерева:

— Это вы, Саймон Вудлей? О, Бога ради, не убивайте меня, прошу вас.

Дарк не стал больше слушать. Он кинулся к своей лошади, оторвал повод от ветки, поспешил с лошадыю к пленнице, схватил последнюю за талию, поднял с земли, перекинул поперек седла, а сам вскочил позади нее.

Мисс Елена Армстронг не оставалась уже в молчании и неподвижности. Она также слышала имя Саймона Вудлея и слова, произнесенные вслед за тем. Она начала биться и призывать на помощь, которая, по-видимому, была недалеко.

Глава LXX НЕ ОПОЗДАЛИ

В тот момент, когда Саймон Вудлей и его товарищи засели в засаду, чтобы захватить индейцев и женщин, как они предполагали,— плеск воды прекратился и слышно было, как лошади выкарабкались на берег.

— Мы захватим их здесь,— сказал охотник тихим голосом.

Через минуту лошади остановились.

— Это для того, чтобы оправить сбрую,— пояснил Вудлей.— Ах, черт возьми!

С последним восклицанием охотник бросился на тропинку. Он услышал, как лошади тронулись вновь, и догадался по стуку копыт, что они двинулись не по дороге, а свернули в другую сторону.

— Проклятие! — воскликнул он еще раз. — Куда же они едут? Они словно направляются вверх по берегу. Нам необходимо следовать за ними. За мной, товарищи, и как можно ближе. Смотрите, Кленси, за собакой, чтобы она не вздумала броситься, а то мы только и видели индейцев. Я готов был жизнью своей поручиться, что они поедут в эту сторону, а они поехали в другую, это очень странно. Черт возьми!

И старый охотник, выразив в третий раз свое смущение

ние, пошел по дороге, ведущей к реке. Товарищи следовали за ним.

Не доходя до берега, все остановились прислушаться. Стук лошадиных копыт доказывал, что индейцы ехали вдоль речки.

Очевидно, они ехали медленно. Дикари, может быть, достигали уже цели путешествия или собирались остановиться на ночлег. Последнее было вероятнее всего.

Это и подтвердилось, когда лошади остановились, и индейцы соскочили на землю.

Преследователи приближались со всевозможной осторожностью и медленно. Однако нельзя было терять ни минуты, и как только они ознакомились с местностью, то сейчас же взяли ружья в руки и решились на этот раз овладеть добычей, которая чуть-чуть не сбила их с толку.

Лунный свет позволял им открыть следы двух лошадей по тому направлению, по которому должны были ехать всадники; иной дороги они и не могли выбрать.

Отыскивая следы, они увидели вдруг то, что их очень встревожило и заставило удвоить осторожность. Дорога была покрыта свежими отпечатками множества конских копыт по направлению к реке.

— Сегодня,— сказали одновременно Вудлей и Кленси,— и может быть, даже вечером здесь прошло, по крайней мере, двадцать неподкованных лошадей, которые не могли принадлежать к каравану полковника Армстронга. Без сомнения, тут проехала шайка индейцев.

Причиной больше — захватить тех двух, которых они преследовали. Они могли сообщить важные сведения о переправившихся через реку. Индейцы, без сомнения, были враждебны и намеревались потревожить новое поселение.

— Самое лучшее захватить этих двух человек,— сказал Вудлей.

С этой целью они пошли по узкой тропинке с крайней осторожностью, останавливаясь почти на каждом шагу и оглядываясь во все стороны.

Пройдя около двухсот шагов, они очутились на открытой полянке, освещенной луной. Среди полянки возвышался гигантский дуб, обвешанный испанским мхом, часть которого покрывала большое пространство. Кругом все место было ярко освещено.

Они приблизились к краю этого светлого простран-

ства и присели, посматривая из-за кустов под исполинское дерево. Сперва они не могли ничего различить, так как под ветвями было очень темно.

К счастью, летало множество светляков, этих живых ламп тропической ночи, которые озаряют самые темные углы южных лесов. Рой этих насекомых, больше пчелиного, носился над задрапированными ветвями. Он озарял темное пространство, и хотя свет был колеблющийся и неверный, Саймон Вудлей и Кленси могли отличить под большим дубом предмет, не составлявший части леса: это был человек, стоявший возле лошади, а возле него на земле лежала другая фигура, не столь определенно заметная, но судя по всему — женщина.

Сообразив это, Вудлей сказал Кленси тихим голосом:

— А где же другой из двух, переправившихся через реку?

Кленси не отвечал. У него также были свои предположения.

— Вероятно, он по другую сторону дерева, — продолжал Вудлей. — Нечего хлопотать о том, а бросимся на этого, которого видим, и схватим его. Тот недалеко. Теперь, когда они пешие, они не могут ускользнуть от нас, в особенности с женщинами, которые им будут мешать. За мной, товарищи!

И он бросился вперед, за ним — его спутники. Пять человеческих фигур неслись, словно тени, через освещенное пространство, и собака бежала с ними.

Прежде чем дикарь успел шевельнуться или переменить положение, он был окружен вместе с лошадей и предметом, лежавшим у его ног. И прежде чем он мог проговорить слово, Вудлей схватил его за горло и потащил на свет. Хейвуд взял лошадь, а Кленси наклонился над женщиной.

Человек, бившийся в руках Вудлея, испустил крик, заставивший всех троих вздрогнуть. Это был крик ужаса при виде длинного ножа и потом мольба на языке, всем знакомом.

— Это вы, Саймон Вудлей? О, Бога ради, не убивайте меня, не убивайте меня, прошу вас.

За этими словами последовал промежуток молчания, как это всегда бывает при крайнем удивлении.

Потом захваченный человек закричал:

— И вы здесь, Джо Гаркнесс! Джо, не позволяйте им убивать меня. Вы знаете, ведь я никогда не был

особенным злодеем. Меня нельзя винить в этом деле. Капитан и тот, который тут близко, заставили меня сделать это.

— Кто? Где?

— Фил Контрелл, который по другую сторону дуба. С ним мисс Елена Армстронг. Здесь — ее младшая сестра.

Кленси больше не слушал. Львиным прыжком бросился он на другую сторону дерева — за ним Вудлей и Хейвуд.

Но еще не добежав, они слышали крики: «Помогите, помогите!» и узнали голос.

Кленси добежал первый. Он увидел человека на лошади, державшего перед собой женщину, которая билась у него в руках и призывала на помощь.

Испугавшись этой борьбы, лошадь заартачилась и танцевала на месте. Она была на освещенном месте головою к лесу, куда всадник направлял ее. Животное, вместо того, чтобы идти вперед, отступило почти под тень дуба.

Всадник, при виде человека — Саймона Вудлея, как он предполагал — и испугавшись угрожавшей опасности, выпустил трепетавшую пленницу, которая упала с лошади.

Она, вероятно, сильно ударилась бы о землю, если бы Кленси не подхватил ее на руки.

Последний в ту же секунду осторожно положил ее на траву, а сам молча бросился к лошади, намереваясь схватить ее за поводья.

Между тем, всадник, сделавшись свободным в движениях, успел справиться с лошастью, и прежде чем Кленси мог схватить поводья, поскакал к лесу.

Вудлей и Хейвуд подняли карабины и им легко было бы тут же свалить его, но Кленси бросился перед ними и, отводя рукой дула ружей, сказал:

— Не стреляйте, Вудлей, не стреляйте, Хейвуд! Это я должен сделать, это мое право.

Итак, Ричард Дарк избежал еще раз кары, заслуженной двумя тяжкими преступлениями. К счастью, последнее не удалось ему, как и первое.

Глава LXXI

ОТДЕЛЬНАЯ ТРАГЕДИЯ

В то время как Чарльз Кленси спасал Елену Армстронг из рук разбойника, случай, такой же поразительный, но в ином смысле трагический, происходил по другую сторону дерева.

Надежда встретиться с Филом Контреллом и крики, испускаемые его пленницей, были причиной того, что Чарльз Кленси бросился вперед, не заботясь более ни о чем. С такой же готовностью и по тому же поводу за ним последовали Вудлей и Хейвуд, оставив Юпитера и Гаркнесса с разбойником, так умолявшим о пощаде.

Спасшись таким неожиданным образом и полагая, что единственного человека, ему опасного, не было,— Гаркнесса он не ставил ни во что и привык обращаться с ним презрительно, а еще того менее боялся он мулат-невольника,— разбойник задумал убежать в темный лес.

Но он сильно ошибся в своем расчете; конечно, ему нечего было бояться слабого Гаркнесса, но он не подумал о Юпитере, который в белом, переодетом в краснокожего, узнал старинного знакомого, памятного ему по важным причинам. К несчастью для разбойника, он не узнал Юпитера, а иначе жизнь его продолжилась бы несколько больше: он мог бы выпросить немного времени для раскаяния в многочисленных прегрешениях. Но судьба захотела разом пресечь его карьеру. Его часы, даже минуты были сочтены.

Он перебежал уже пространство, освещенное луной, и вступил в лес, но не ушел далеко: беглый невольник с проворством рыси бросился за ним и вскоре догнал его.

Из леса раздался крик, какой вылетает из груди человека, пораженного кинжалом в сердце.

Вскоре потом мулат вышел из тени, держа в руке длинный нож, весь в крови.

Джесси Армстронг ничего не видела и не слышала из этой ужасной сцены, происходившей, так сказать, вдали от главного театра. Едва только развязали ее, как она сейчас же побежала на другую сторону дуба к сестре.

Вудлей и Хейвуд, сделав дело по другую сторону дуба, сочли, что присутствие их там больше не нужно, и возвратились к пленнику, но не могли не удивиться, найдя только мулата и Гаркнесса.

— Что ты сделал, Джуп? — спросил Вудлей, увидя его нож в крови. — Где твой пленник? Ведь не убил же ты его?

Юпитер отвечал, показывая окровавленный клинок:

— Мистер Вудлей, я его убил, мне давно следовало это сделать. Вы знаете этого человека, и я это также знаю. Он был прежде надсмотрщиком над неграми у старика Ефраима Дарка. Если бы я вам показал мою спину, вы увидели бы на ней глубокие следы плетей, которыми тиранили меня по его приказанию.

Вудлей не сказал больше ни слова.

Под дубом наступила небольшая пауза, как это обыкновенно бывает после трагических происшествий — за-
тишь после бури.

Потом заговорили, начались расспросы, взаимные поздравления.

Глава LXXII

РАДОСТЬ

Нет пера, которым бы можно было описать удивление Елены Армстронг, когда она увидела, что возлюбленный ее жив, что он находится возле нее.

Кленси и Елена возобновили прежние клятвы и скрепили их поцелуями. Даже присутствие Джесси не помешало им в этом сладком обмене.

Пришел и Саймон Вудлей. В то время, когда Кленси стоял возле Елены, старый охотник рассуждал с Хейвудом.

Из прежних сообщений Гаркнесса и из свежих конских следов у брода они вывели заключение, что Борласс должен был собрать большую шайку разбойников, которые в эту минуту действовали на другом берегу реки. Но легко было понять, отчего Дарк и его товарищи только вдвоем провожали пленниц. Молодые девушки тоже могли только рассказать, что с ними случилось: как их схватили, завязали им глаза и увезли, а потом описали все случившееся с ними до той минуты, когда их спасли. Они, впрочем, сообщили, что в их похищении участвовали, по-видимому, многие индейцы.

Освободители уже знали, что это были не индейцы, а степные разбойники.

Но где же они были в эту минуту?

Охотник понял, что было опасно дольше оставаться под дубом. Факт, что Дарк здесь останавливался, доказывал, что здесь разбойники условились собраться для свидания.

— Чарльз Кленси,— сказал Вудлей, прерывая его нежную беседу,— надо спешить, чтобы не терять ни минуты. Мы здесь не в безопасности.

Кленси, весь погруженный в сладкие мечты, вздрогнул; он забыл, что ему угрожала еще опасность.

— Вы правы, Вудлей,— сказал он.— Но куда же идти?

— Прямо в упраздненную миссию. Возвратим прежде этих милых девиц их отцу и друзьям. Но нам не следует ехать прямой дорогой, а также и переправляться через реку.

— Почему?

— Потому что эти мнимые индейцы находятся в большом количестве где-нибудь в окрестностях. Их следы указывают, что они еще на другом берегу. Если мы перейдем реку здесь, мы их встретим лицом к лицу, а теперь мне этого не хотелось бы, да и вам, я думаю, также, Чарльз Кленси.

— Что же нам делать, Вудлей?

— Мы уже подумали об этом с Хейвудом. Я, кажется, знаю дорогу, где мы не встретимся с ними. Нам нет надобности переправляться здесь. Мне знакома дорога по эту сторону реки, ведущая к другому броду, повыше упраздненной миссии, но это будет крюк почти в двадцать миль. Зато уж тут путь вполне безопасный. Мы не знаем, где бродят в настоящую минуту эти волки, но не думаю, чтобы они пошли на верхний брод, а следовательно, нечего бояться попасть к ним в зубы. Я ужасно жалею, что Джуп поторопился убить этого мерзавца, который хотел улепетнуть от нас. Если бы он остался жив, я сумел бы допытаться у него правды. Но теперь разве только сам дьявол может извлечь из него что-нибудь. Я почти уверен, что у Джима Борласса многочисленная шайка, что он на той стороне Сан-Сабы и что если мы туда пойдем, то непременно попадемся к ним в когти. Вы знаете, Кленси, какие это имело бы последствия.

Кленси, слушавший внимательно, не нуждался в других доводах.

Мысль встретить Борласса с его шайкой и страх, что Елена Армстронг может снова очутиться во власти этих

степных разбойников, которые бесчеловечнее самых диких дикарей, заставила его сейчас же согласиться на предложение охотника.

Было решено поторопиться с отъездом.

Не было надобности возвращаться к стоянке, так быстро оставленной ими. Нужно было только привести лошадей. Хейвуд, Гаркнесс и Юпитер отправились за ними, предоставив Кленси беседовать со своей возлюбленной, а Вудлею занимать Джесси, насколько мог он это сделать при своей неслетскости.

Глава LXXIII

НОВАЯ РАЗЛУКА

Радость, так внезапно озарившая сердце Елены Армстронг, должна была также внезапно и погаснуть. Тот, кто ее подарил, тот ее и отнимал.

Пока ходили за лошадьми, Кленси объявил ей свое намерение расстаться с ней немедленно.

— Зачем? — спросила она с отчаянием.

— Елена, вы знаете, что вы дороже для меня всего в мире. Без вас жизнь для меня — ничто, да я и не хотел бы жить без вас. Но есть еще другое существо, требующее доли моей привязанности.

Его прервало движение девушки; она побледнела и отняла до половины руку, находившуюся в его руке.

Хотя Кленси и не догадался о причине, однако заметил ее движение и поспешил успокоить:

— Долг своей привязанности я должен отдать той, которой больше нет и которой я никогда не увижу. Надобно ли прибавлять, что я говорю о матери?

Елена Армстронг успокоилась.

— Я слышала о ее смерти, — сказала она.

— Скажите скорее, об убийстве, — заметил Кленси, стискивая зубы. — Да, мать моя была убита тем самым человеком, который сейчас убежал отсюда. Но он недалеко уйдет от меня. Я поклялся на могиле матери не знать ни минуты покоя, пока не отомщу за нее. Я шел по его следу до сих пор и пойду, пока не настигну его и не сделаю по нему смертельного выстрела. Вот почему я оставляю вас, Елена Армстронг, и вот что служит мне извинением.

Она хотела останавливать, упрасивать его, но в

эту минуту привели лошадей. Она успела только сказать ему жестокое, безумное слово:

— Вам память матери дороже меня.

Оно вырвалось у нее исключительно под влиянием горя, и она едва успела произнести его, как уже и пожалела об этом при виде произведенного им действия.

— О, нет, Елена, это не то! — сказал он отчасти извиняясь, отчасти с упреком, — знайте, что это не то. Подумайте, что я дал торжественную, священную клятву на свежей могиле и должен сдержать ее.

Девушка взяла его за руку, которую было оставила, и крепко пожалала; она подняла на него глаза с большим доверием, чем когда-либо, и взгляд ее светился безграничной любовью.

Эгоизм ее личной страсти стушеввался перед святостью сыновнего чувства.

— Ступайте, ищите мести, о которой вы говорили, — сказала она. — Может быть, вы и хорошо делаете. Вы возвратитесь ко мне таким же верным, как были верны своей матери. Если не возвратитесь, я вскоре умру.

Лошади дожидались. Вудлей торопил с отъездом.

Охотник, подобно Елене Армстронг, был удивлен, что Кленси намеревался остаться один. Он начал делать ему замечания и предложил взять его или кого-нибудь другого в товарищи. Он не мог решиться покинуть своего молодого друга и спутника.

Кленси заставил его замолчать несколькими словами.

— Поезжайте, Вудлей, и проводите барышень. Что касается меня, то я должен преследовать своего врага и буду преследовать до тех пор, пока не настигну, а тогда один из нас сойдет в могилу. Не бойтесь, я не доставлю этому негодяю случая выстрелить в меня сзади.

— Но почему же вы не хотите, чтобы я или Хейвуд остались при вас, чтобы по крайней мере знать, куда вы едете?

— Есть на это причины. Мужчина хоть раз в жизни должен совершить какое-нибудь дело, которое дало бы ему почувствовать, что он мужчина. У меня есть такое дело, и я должен совершить его один. Мне не хотелось бы разделять его с другим, даже с вами.

— Стало быть, вы предпочитаете отправиться один?

— Я только возьму с собой Юпитера и мою старую собаку, чтобы она помогла отыскивать следы ночью. Днем я и сам могу, как вам известно. Мы, однако,

теряем время, Саймон Вудлей. Ступайте. Делайте, как я вам сказал: я так хочу и настаиваю на этом.

— Хорошо, хорошо, Чарльз Кленси. Желание ваше будет исполнено, хотя мне и тяжело расставаться с вами. Давайте руку на прощанье. Бог да сохранит вас и да спасет от когтей дьявола.

За этим последовала тягостная сцена разлуки двух влюбленных, которые боялись, что расстаются навеки. Хотя с одной стороны это была разлука добровольная, однако обоим она казалась неумолимой судьбой.

Они расстались с тяжестью на сердце. Елене Армстронг, может быть, предстояло найти отца мертвым. Чарльз Кленси шел отомстить за мать, которую у него убили.

Глава LXXIV

ПОИСКИ

Во дворе Сан-Сабской миссии лежало девять трупов.

Белые, выскочившие из трапезной, не принялись считать их. Это были трупы невольников, и товарищи последних, успевшие скрыться, теперь осторожно выходили из своих убежищ и наклонялись над убитыми.

Хозяева их слишком были озабочены судьбой своих родных и близких, чтобы обратить внимание на жертвы, которые уже все равно нельзя было вернуть к жизни.

По выходе из тюрьмы они бегали, как сумасшедшие, вырвавшиеся из больницы.

Большая часть гостей полковника Армстронга побежала в деревню. Молодой доктор Вартон остался возле старика, и то же сделали охотники Гаукинс и Крисс Туккер, оба холостяки, которым не о ком было заботиться.

Дюпре почти помешался от горя. Старый воин горевал не меньше его, но вел себя спокойнее. Когда он звал по именам своих дочерей, остатки его слуг столпились вокруг него.

Горничная Елены, мулатка Юлия, была в числе их. Она ускользнула от дикарей, запершись в комнате своей молодой госпожи.

— Где они, Юлия? Где мои дочери? — спросил он.

Она могла только ответить, что вскоре после выхода из-за стола видела их в саду.

Все бросились в сад. Полковник руководил поисками. Дюпре и Вартон сопровождали его.

— Елена! Джесси! — раздавалось во всех углах сада, но на эти оклики отвечало только эхо, раскатываясь дальше по всему лесу. Скоро весь сад был тщательно осмотрен. Не оставалось уже надежды найти девушек живыми и боялись открыть их трупы.

Но нигде не было и трупов, а это могло значить, что девушки не умерщвлены, а похищены, но это было не менее ужасно. Ведь они похищены краснокожими дикарями, которые оставили за собою кровавые следы!

До сих пор полковник Армстронг сохранял кое-какое спокойствие, но оно оставило его в ту минуту, когда он представил себе вещи в худшем виде. Отцовское сердце его слишком страдало, и он готов был поддаться отчаянию.

Молодой плантатор находился еще в худшем положении.

Не могло облегчить их душевного состояния и прибытие толпы товарищей из деревни, которые уведомили, что индейцы к ним не заходили. Они ничего не видели и не слышали до тех пор, пока их не разбудили товарищи, обедавшие у полковника.

Все было ясно, очень ясно. Шайка индейцев, которую видели Гаукинс и Туккер, без сомнения, была делом Фернанда. Зная, что у Дюпре были деньги, он составил план, вступил в связь с дикарями и сделался их сообщником.

Проходя через сад, разбойники встретили двух сестер и захватили их, может быть, из предосторожности, а может быть — страшная мысль! — Фернанд включил и их в число предметов грабежа.

Колонисты пришли к решению: преследовать хищников. Но как? В каком направлении?

Это требовало хладнокровного и основательного обсуждения. Не следовало спешить, потому что поспешность не послужила бы ни к чему хорошему, а, напротив, могла повлечь за собой очень дурные последствия. Разбойники должны уже были подходить к своему притону и находились слишком далеко, чтобы можно было настигнуть их, пустившись прямо за ними. Хитрость, которую они выказали, так ловко захватив добычу, заставляла предполагать, что они и после не станут действовать спустя рукава. Дикари очень хорошо понимали, что пятьдесят

человек с ружьями, пятьдесят искусных стрелков пустятся за ними в погоню. Без сомнения, они приняли меры предосторожности, чтоб прикрыть свое отступление. И кто же мог сказать, в какую они направились сторону? Была ночь, а следы их могли быть открыты только с рассветом. Конечно, это не представляло затруднения даже и ночью на местах, освещенных луной, но не в лесу, тянувшемся за стенами миссии, через который, очевидно, злодеи ушли с добычей.

Дюпре и некоторые из молодых и более пылких колонистов громко требовали немедленной погони. Они, не обдумав, предлагали разные способы. Сам полковник Армстронг был того же мнения. Бедный отец, лишившись детей, почти обезумел и не знал, что делать.

К счастью, между ними находился человек, сохранивший хладнокровие.

— Бесполезно торопиться с погоней за ними, — сказал охотник Гаукинс. — У нас все равно не будет ни малейшего шанса их догнать. Надо подождать, пока они доберутся до своего притога. Я рассчитываю, после того, что мы видели с Криссом Туккером, что мы можем отыскать их гнездо. Но к нему надо подходить окольной дорогой. Здесь их было только двадцать человек, но не может того быть, чтоб они приезжали все. Может быть, их дожидается где-нибудь вдсятеро большее количество. Если хотите следовать моему совету, господа, то прежде чем пускаться в погоню, вы вооружитесь хорошенько и будьте готовы ко всему. Тогда вы можете отыскать то, чего ищете. Надобно Криссу Туккеру и мне, а также нескольким охотникам и другим товарищам обследовать брод, чтобы узнать, переправились ли они через реку. Это очень вероятно, но, может быть, этого и нет. Если они не переправлялись, то вы потеряете только время, отправляясь туда все, и не будете готовы преследовать их дальше. Довольно нескольких человек верхом, а когда они возвратятся, к тому времени вы приготовитесь.

Полковник Армстронг последовал этому совету. Несмотря на страшное нетерпение, старый воин понимал, что поспешная необдуманная погоня могла не только не удалась, но и привести к худшему.

Его преследовала страшная мысль. Дочери его, которые были ему дороже жизни, находились теперь в руках злодеев...

Дюпре, не остывший еще от волнения, требовал не-

медленного отъезда и, может быть, настоял бы на этом, если бы не подчинился благоразумию того, кого считал за отца. Он уступил, и решено было последовать совету Гаукинса.

В эту минуту двадцать колонистов, бегавших в деревню, возвратились вооруженными и на лошадях, чтобы ехать на разведку. Туккер был в числе их и привел в поводу лошадь Гаукинса. Старый охотник вскочил в седло и повел свой наскоро собранный отряд.

Глава LXXV

БЕГЛЕЦ

Лесом едет всадник. Этот лес девственный, где никогда не раздавался топор колониста, где и конный человек пробирался только изредка, а пеший еще реже.

Проезжающий в эту минуту направляется не по дороге, не по тропинке, даже не по какому-нибудь следу. Несмотря на это, он мчится так быстро, насколько позволяет ему густота деревьев.

Впрочем, он держит себя осторожно; лицо его выражает страх. Он боится не того, что впереди, а как будто того, что сзади. Это видно из того, как он сидит в седле. Иногда он оглядывается с ужасом, потом погоняет лошадь вперед.

Косые лучи месяца прорезывают местами листву и дают достаточно света; но всадник не уверен в своем направлении. Часто он останавливается, удерживает лошадь и прислушивается с целью убедиться — правильно ли он держит путь, что нелегко в лесу без дороги.

Казалось бы, в подобной обстановке слух не мог бы ему быть пригоден, а между тем он-то и сослужил ему службу — всадник услышал шум, услышал течение реки. Едва эти звуки коснулись слуха всадника, последний немедленно пустил лошадь в противоположном направлении. Очевидно, он не хотел ехать по берегу, который покинул и к которому не желал возвращаться.

После многих остановок он прибыл, наконец, к опушке леса. Перед ним расстилалась обширная равнина, покрытая высокими травами, которые, будучи волнуемы ночным ветерком и посеребрены лучами месяца, походили на поверхность тропического моря, покрытого фосфорическими медузами. Рои светляков, игравших между стеб-

лями, делали сходство еще полнее. Всадник не видит этого и не думает об этом. Выражение его лица показывает, что ему не до того, чтобы любоваться природой. Глаза его устремлены на черную поляну, по ту сторону равнины, озаренной луною. Она похожа на опушку такого же леса, из которого он выехал. Но в сущности это ряд скал, запирающих долину с другой стороны. Он их узнает только для того, чтобы осмотреть местность и отыскать пункт, уже ему известный.

Он пускает коня и скачет по равнине, уже не зигзагами и не тихо, как проезжал по лесу, а по прямой линии и в карьер.

Станным кажется этот всадник при свете месяца, но еще более странным показался бы он при дневном освещении. На нем костюм индейца; все, что на виду, — пальцы, руки выше кисти — все краснокожее. Но лицо бледное и похоже на лицо плохо умывшегося трубочиста.

Подъехав к тени, отбрасываемой скалами, он удерживает лошадь и с седла окидывает их взором. Темное место в виде треугольника указывает на отверстие в цепи утесов. Это ущелье, по дну которого пробегает поток, но только во время дождей. В эту минуту оно сухо и представляет удобный путь на верхнюю равнину, поверхность которой приходится вровень с верхушками скал, составляющих ее окраину.

Всадник направляется к этому мрачному отверстию, словно оно ему знакомо, въезжает в него без страха и подымается в тени утесов, справа и слева образующих отвесную стену.

Минут через двадцать он снова выезжает на свет на верхнюю равнину.

Здесь он останавливается и оглядывается. Он смотрит на долину реки, окаймленную без перерыва лесом, а поодаль небольшими отдельными рощами.

Это Сан-Сабская долина. Посмотрев с минуту, он слезает с лошади.

— Бесплезно ехать дальше, — пробормотал он. — Я могу спокойно остановиться здесь до прибытия товарищей. Они, вероятно, скоро будут, если не задержит битва. Не думаю, чтобы это случилось, судя по словам Фернанда. Во всяком случае они должны скоро сюда прибыть. Черт возьми! Надо думать, что Саймон Вудлей здесь и, конечно, ищет меня, чтобы наказать за убийство Чарльза Кленси! С ним Гаркнесс. Вудлей встретил

моего тюремщика где-нибудь по дороге и взял его себе в помощь отыскивать мои следы. Какого черта может все это значить? Неужели судьба против меня?

Мне кажется, что с Вудлеем были другие. Один из них до такой степени похож на Кленси... Да, я поклялся бы, что это он, если б не был уверен, что отправил его на тот свет. Он умер, я в этом убежден. Если пуля когда-нибудь наносила смертельный удар, то она нанесла его. Последний вздох улетел из его тела, когда я оставил его.

Он умер, но Саймон Вудлей жив. Черт бы побрал подлого охотника! Он, кажется, создан нарочно для того, чтобы меня преследовать.

Елена была у меня во власти, но я так глупо упустил ее. Мне может и не встретится больше подобный случай. Она теперь в безопасности, она возвратится домой и не только проклянет меня, но и будет насмехаться надо мной.

Прежде чем расстаться с ней, мне следовало вонзить ей нож в сердце. О, зачем я не сделал этого!

Вслед за этими словами на его лице изобразилась скорбь, но такая мрачная и дьявольская, какая, наверное, была на лице у сатаны, когда его изгоняли из рая.

Он замолчал на минуту и потом продолжал:

— Бесплезно теперь раскаиваться. Этим ее не вернешь. Ну, что же, мне может представиться другой случай, вопреки Саймону Вудлею и всем им. Она будет моей, даже если это будет стоить мне жизни.

Он подумал с минуту.

— Нет, я не поеду дальше, пока не прибьдут товарищи. Невозможно, чтобы Саймон Вудлей следил за мной до этого места. Он и его товарищи казались пешими. Я не видел лошадей, хотя они могли быть где-нибудь близко. Но Вудлею неизвестно, куда я поехал между деревьями, и, во всяком случае, он откроет мои следы не раньше как утром. Тогда же, почти наверное, придет Борласс, и очень может быть, что встретит Вудлея и его шайку. Конечно, они поедут в миссию известной дорогой. Может быть, они уже переправляются, если негодяй не открыл им ничего. Впрочем, они могли убить его на месте, я ведь не знаю конца. Надеюсь, что убили. Мне не следует оставаться здесь на виду. Вудлею, может быть, известно это ущелье, и вдруг ему придет в голову искать меня прямо здесь. Если он явится прежде Борласса, я погиб. Мне надо спрятаться, но только куда?

Он начал осматриваться. Что-то чернело невдалеке. Это была роща малорослых дубков, которые растут чрезвычайно густо, имея ветви от самого низу.

— Этого-то мне и нужно! Укрывшись там, я буду все видеть и при лунном свете узнаю товарищей.

Он вскочил на лошадь и пустился к роще. Подъехав к ней, слез с седла, отвел лошадь подальше между деревьев и привязал к ветви.

На передней луке висела у него железная манерка вместимостью штофа в два. Она была еще до половины наполнена не водой, а виски. Он отпил половину перед грабежом. Он вообще пил потому, что с некоторых пор это вошло у него в привычку.

Он стоял в тени на опушке леса и высматривал товарищей. Он устремил взор туда, где ущелье выходило в долину. Ни человек, ни лошадь не могли там пройти, не попавшись ему на глаза.

Глаза его, однако, начали мутиться, он терял равновесие. Досада, нетерпение и возраставшая страсть к горячительным напиткам заставляли его часто прикладываться к бутылке. Голова его отяжелела, ноги отказывались поддерживать тело. Он смутно почувствовал, что не может стоять и, помня, что ему будет удобнее в горизонтальном положении, шатаясь, пошел к лошади и тяжело рухнул на землю.

Через несколько секунд он уже спал. Если бы Джим Борласс явился в эту минуту и увидел его, он сказал бы:

— Фил Контрелл пьян.

Глава LXXVI ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

Два человека ехали по лесу, один на лошади, другой на муле.

Их сопровождала большая собака. Она была не чистокровная, а помесь гончей и таксы. Она бежала, наклонив морду к земле, и обнюхивала следы. Всадник держал ее на поводке, чтобы она не торопилась и не заходила далеко. Ей надели намордник, чтобы она не могла лаять.

Судя по этим предосторожностям, было очевидно, что у всадников серьезные причины ехать втихомолку.

Какую же дичь преследовали они с такой осторожностью? Техасский охотник не таким образом выслежи-

вает лань, медведя или буйвола. Чего же они ищут?

На лошади ехал белый, на муле — цветной.

Белый заговорил первый:

— Бра-Фор теперь на следу, Джуп,— сказал он.— Я это чувствую по тому, как он тянет поводок.

— Хорошо, давайте ему свободу, господин; мне кажется, все идет хорошо.

Они снова замолчали. Белый все свое внимание обратил на собаку.

Собака, очевидно, напала на самый свежий след. Это доказывало быстрое движение хвоста и подергивание ее боков. У нее вырывался из сжатых челюстей глухой лай, который без намордника мог бы быть слышен за целую милю. Они подвигались очень медленно, больше часа они ехали через лес, на что, собственно, требовалось не больше получаса. Наконец они достигли опушки и увидели перед собой равнину, покрытую травой и посеребренную лучами месяца.

Они остановились на минуту, чтобы пустить собаку по следам, оказавшимся на траве. Собака живо напала на этот след и повела к темному отверстию. Это было ущелье, где всадники заметили дорожку, на которой виднелось множество отпечатков конских копыт.

Кленси спрыгнул с седла осмотреть их; иные следы были от лошадей неподкованных, но видны были и отпечатки подков. Были почти свежие, были и старые. Наиболее свежие спускались в долину. Кленси не сомневался, что они принадлежат шайке, следы которой они видели у переправы, судя по всему — шайке Борласса.

Это обстоятельство должно бы было помешать всадникам двигаться вперед по этому принятому ими направлению, но они решились.

Въехав в ущелье, Кленси начал подыматься. Юпитер следовал за ним; спущенная с поводка собака бежала сзади.

Подъем был крутой, тропинка неудобная. Потребовалось не менее получаса, чтобы оказаться наверху.

Когда они выехали, свет переменился. Луна зашла, и серебристые ее лучи уступили место серо-голубоватым отблескам. Приближалась заря.

Вид всего этого, нередко наполнявший душу восторгом, произвел на Чарльза Кленси противоположное действие. Теперь ему надо избегать шайки.

Он решил держаться подальше от их пути и скры-

ваться до тех пор, пока не увидит Дика Дарка.

Взошло солнце, а следов человека, которого они преследовали, не было видно.

Не укрылся ли он в роще, видневшейся на некотором расстоянии, не попытаться ли поискать там Фила Контрелла, как звали его техасские сообщники?

Кленси остановился на последнем и приготовился пустить собаку на разведку. Вдруг он убедился, что инстинкт животного не послужит ему. Вскачь приближалось стадо диких мустангов параллельно краю утеса. Дикие лошади пронеслись подобно вихрю. Они заржали перед конем Кленси и мулом Юпитера, как бы в насмешку, что те таким низким образом подчинялись власти человека.

Собака не могла уже найти искомого следа, разведало далеко за полосой, по которой проскакали мустанги.

Но Кленси все-таки решился на попытку, взял собаку на поводок и поехал вперед. Юпитер последовал за ним.

Миновав пространство, помятое мустангами, Кленси спустил собаку, предоставив ее инстинкту выбирать направление.

Но прежде чем собака напала на след, Кленси и его смуглый слуга остановились и оглянулись назад, где слышался шум. Зрелище, которое они увидели, наполнило их сердца ужасом. Из ущелья выезжали всадники — шайка диких, походивших не столько на людей, сколько на демонов.

Глава LXXVII

ПОЙМАННЫЕ ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

Всадники появились из земли, словно из театрального люка, и ехали друг за другом в одну линию. Их было двадцать.

Лица их были ярко раскрашены, перья трепетали у них над головами. Они походили на индейцев.

Что же делать? Ехать ли снова к ним навстречу или постараться ускакать по равнине.

Он бросил взор на Юпитера или, скорее, на его мула и отказался от последнего намерения. Сидя на четвероногом, не отличавшемся быстротой, товарищ его не мог уйти от преследователей.

Да и не было необходимости давать им повод знать —

зачем он был здесь, а еще менее обличать его намерение — убить одного из их товарищей.

Мысль эта побудила его остаться и, удержав лошадь, он дожидался шайки. Мулат стоял рядом.

Не прошло и минуты, как они были окружены свирепыми лицами, какие встречаются в степях Техаса, и даже в десять раз хуже. Но только это были не индейцы, а белые, пытавшиеся изображать краснокожих.

Маскарад этот вблизи способен был вызвать смех.

Чарльз Кленси, однако, не видел в этом ничего смешного — на одном из этих лиц он прочел свой смертный приговор.

Разбойники, окружив двух всадников, не знали, кто они такие. Вождь их, однако, узнал Чарльза Кленси.

Узнав его, Борласс вздрогнул в седле и крайне удивился, потому что считал Кленси мертвым. Каждый был в этом уверен; когда Борласс выезжал из Начиточеза. С тех пор он ничего о нем не слышал, исключая рассказ Дарка, который передавал ему некоторые подробности о своем деле с Кленси. Подробности эти были ложны, ибо он уверял, что убил противника в честном бою, чему Борласс, впрочем, и не поверил. Но Дик уверил последнего, что видел Кленси мертвым, что также было неправдой, хотя Борласс и не знал об этом.

Борласс и не имел надобности в этом показании: он знал о факте из газет.

И вот факт оказался ложным: Кленси предстал перед ним живой... Что же это значило?

Где был Фил Контрелл? — другой вопрос, смутивший степных разбойников, и который смущал их с тех пор, как они переправились через Сан-Сабу. Они ожидали встретить у переправы обоих товарищей, которых выслали вперед с двумя пленницами. Несколько человек доезжали до дуба и видели там конские следы, которые, по их мнению, оставлены были лошадьми товарищей.

Не подозревая того, что случилось, они не осматривали следов тщательно и не видели окровавленного трупа между кустарниками. Обремененные драгоценной добычей, они желали доставить ее поскорее в надежное место. Вот почему они недолго останавливались у брода, только заглянули под ветви дуба и уехали. Они предполагали, что Фил Контрелл и его спутник, соскучившись ожидать шайку и боясь погони, пустились вперед и уже были на месте.

Правда, Борласс имел кое-какое подозрение. Он не мог понять, зачем Фил Контрелл уехал вперед, не дождавшись товарищей, а за ним другой разбойник, которому он отдал точные приказания, но который ослушался его.

Впрочем, Контрелл был вроде второго вождя и мог повлиять на своего спутника.

Неожиданное появление Кленси давало другой оборот делу; оно объясняло их исчезновение, хотя и неизвестно было, в какую сторону они поехали. Вождь степных разбойников был в крайнем изумлении.

Но его товарищи не удивлялись.

Ни один из них не знал захваченных ими всадников и того, что они имели отношение к их собственному делу. Они предполагали, что это какой-нибудь молодой плантатор из Сан-Сабы выехал на охоту со своим слугой-мулатом.

Борласс не сказал ни слова. Несколько времени он молчал, сперва от удивления, а потом вследствие того, что собирался с мыслями, чтобы объяснить двойную тайну.

Убитый человек был жив и стоял перед ним, в то время как его убийца, который должен был находиться здесь,— отсутствовал.

— Что же это значит?

Он задал себе вопрос так тихо, чтобы не слышал ни один товарищ, а особенно Кленси и мулат. Он не обнаружил себя ни движениями, ни голосом перед своими новыми пленниками. Он полагал, что его не узнают переодетым по крайней мере до тех пор, пока это ему требовалось, но это не могло продолжаться долго. Ни время, ни место не позволяли ему обнаруживать себя. По его поведению было заметно, что он замышляет что-то дьявольское.

— Ведите их с собой, товарищи,— сказал он тихо своим людям,— и марш скорее! Нечего здесь делать.

Разбойники это знали так же хорошо, как и их вождь. Рассвело, а за ними могла быть погоня. Надо было спешить туда, где не могли их найти.

Они знали, куда идти по бесплодной равнине, поверхность которой была тверда, как камень, так что на ней не оставалось следа даже от подкованного копыта на быстром скаку. Это-то и давало им безопасность, и именно потому они выбрали себе в этой местности притон.

Они забрали пленных и молча тронулись в путь.

Кленси и Юпитер горячо протестовали, но напрасно. Это было все равно, что обращаться с просьбой к камням. Единственным ответом были пистолеты, наведенные им в головы в сопровождении ругани и угроз убить на месте, если пленники не будут вести себя смирно.

Такова была зверская угроза, которая, вероятно, не осталась бы пустым звуком.

Теперь Кленси понял, как он ошибся, отказавшись от отступления, которое могло бы его спасти, учитывая быстроту его лошади. Правда, Юпитер был бы захвачен, но ведь он и теперь арестант, а быть захваченными обоим вместе не представляло особого интереса.

Кленси быстро окинул взглядом окружавших разбойников, пытаясь найти какой-нибудь промежуток в их рядах.

Тщетная надежда: он видел только суровые взгляды, грозные жесты, направленные на него ружья, пистолеты. Конечно, его умертвили бы тут же без всякой жалости. Необходимо было выбирать между собачьей смертью и покорностью.

Он покорился.

Глава LXXVIII СТЕПНАЯ КАЗНЬ

Кленси и его спутника немедленно обезоружили. Разбойники отобрали у них все и привязали к седлам ремнями. Один из шайки, оставшийся позади, подъехал и известил, что все готово.

Шайка сейчас же тронулась, направляясь к одинокому дереву, видневшемуся на большом расстоянии на горизонте. Им необходим был маяк на этой высохшей равнине, не сохранявшей на себе никаких следов.

Отъехав немного, Борласс пришпорил лошадь и проскакал шагов двести или триста вперед, взяв с собой полдюжины товарищей.

Эта группа собралась вокруг вождя и внимательно слушала его слова, относившиеся, по-видимому, к пленникам, судя по тому, что он все время оглядывался назад.

Борласс, казалось, сообщал им свой план относительно арестантов. Все узнали об этом не раньше, чем отъехали десять миль.

Вождь остановился и поджидал остальных.

Тогда два разбойника подъехали к лошади Кленси, взяли ее за поводья с обеих сторон и повели под прямым углом к тому направлению, которого держалась шайка.

Кленси не мог сопротивляться, потому что руки у него были скручены за спиной, а ноги привязаны к стремянам.

Борласс и четыре разбойника ехали сзади. Остальная шайка должна была продолжать свой путь и увести Юпитера.

Вскоре оба отряда удалились друг от друга; большой шел своею дорогой, меньший остановился.

Все немедленно сошли на землю, исключая вождя, который оставался на лошади. Пленник сидел, привязанный к седлу, и два разбойника держали его лошадь за поводья.

Четверо остальных, очевидно, по предварительному приказанию, приступили к странной работе, которая, вместе с этим, обнаруживала нечто серьезное. Они начали, по-видимому, копать могилу, но не заступами, как обыкновенно, а копьями и длинными ножами.

Могила тоже была необыкновенной формы: вместо четырехугольника в семь футов длиной, начали копать круглую яму фута два в диаметре.

Они рыли прилежно, сперва ножами, а потом копьями, и выбрасывали комья наружу. Выкопав яму футов пять глубиной, они молча остановились вокруг нее.

Борласс прервал молчание. Подъехав близко к пленнику и отодвинув на затылок шапку с перьями, он сказал:

— Вы помните меня, Чарльз Кленси?

— Да.

Борласс вздрогнул слегка. Он не ожидал этого ответа. Стало быть, ему не слишком много помог маскарад. Впрочем, он сохранял инкогнито больше из прихоти, чтобы доставить себе адское наслаждение неожиданности.

— А, так вы помните меня?

— Очень хорошо,— отвечал лаконично Кленси, с таким спокойствием, словно этот вопрос был сделан ему хорошим знакомым.

— В самом деле? А может быть, вы скажете сейчас, что даже слишком хорошо? Это доказывает, что вы помните старинных друзей, и избавляет нас от объяснений. Так как у вас хорошая память, то вы, конечно, помните маленькую сцену в Начиточезе?

На этот раз ответа не последовало.

— Сцену, когда, по вашей милости, я был привязан на два дня к столбу и высечен еще вдобавок. Не правда ли, вы не забыли это?

Опять не было ответа.

— Молчание — знак согласия, я вижу, что вы помните это обстоятельство. А теперь я вам покажу, как я сам привязываю человека, который поставил меня в положение привязанного. В этой отдаленной стране у нас есть лучшее средство, чем привязывать к столбу. С вами распорядятся таким образом, что вы не сможете нагибаться, и кожа ваша не будет исполосована кнутом. Вы не в состоянии даже будете почесаться при желании. Теперь, товарищи, покажите ему, как мы в степи наказываем наших врагов. В яму его!

Тот, кому угрожали, очень хорошо знал всю бесполезность протеста. Он видел на лице злодея, стоявшего перед ним, сосредоточенное мщение, злость, не знающую жалости. Скорее можно было просить пощады у разъяренного быка, готового поразить грудь рогами.

Не говоря ни слова, он безропотно ожидал своей участи.

Это только усилило ярость разбойников, которые, выйдя из терпения, закричали:

— Будь ты проклят!

— Теперь, товарищи, закопайте его по самую шею.

Немедленно после этого приказа разбойники подбежали к Кленси, развязали его, сбросили с седла и потащили к яме. Бра-Фор бросился на них, пытаясь защитить своего хозяина. Злодеи убили бы его, если бы один не закричал:

— Оставьте собаку, она нам пригодится.

Бра-Фора поймали за глотку и привязали к седлу.

Через минуту Кленси был в яме по шею. Его засыпали выкопанной землей, которую плотно утоптали. На поверхности оставалась только голова.

— Теперь,— закричал торжествующий Борласс,— оставайтесь здесь, мистер Кленси, оставайтесь, пока коршуны не заклюют вам голову, а черви не съедят вашего тела. Ха, ха, ха!

Разбойник продолжал издеваться еще некоторое время. Он остался бы и дольше, если бы не думал о богатстве, вверенном товарищам, о Филе Контрелле и о сокровище, еще более драгоценном, которое он поручил последнему.

Беспокойство заставило его поторопиться с отъездом, но прежде чем удалиться, он наклонился к голове Чарльза Кленси и сказал ему на ухо:

— Может быть, для вас будет утешением узнать, что возлюбленная ваша у Дика Дарка и в настоящую минуту, вероятно, в его объятиях.

Глава LXXIX

СЛЕДЫ СКРЕЩИВАЮТСЯ

Отряд разведчиков под предводительством Гаукинса направился прямо к нижнему броду. Несмотря на все их желание приехать как можно скорее, благоразумие требовало осторожности.

Их было не больше десятка, в то время как индейцы, которых видели Туккер и Гаукинс, могли составлять лишь часть шайки.

Разведчики достигли брода только к восходу солнца. По некоторым признакам они заключили, что дикари обратно переправились через реку, на этом берегу следы были свежие, а на другом еще влажные.

Легко было узнать ту же самую шайку, которая переправлялась накануне вечером.

Оба охотника заключили, что индейцы направлялись к верхней равнине и вошли в то же ущелье, где они сами были утром, отыскивая буйволов.

Отряд Гаукинса остановился здесь. Долина была открытая и переезжать через нее днем — значило рисковать показаться индейцам.

Без сомнения, индейцы были уже в ущелье, а если и достигли верхней равнины, то оставили часового наверху, а может быть, и сильный отряд для отражения погони.

Гаукинс видел, что было бы неосторожно, даже безумно теперь ехать за ними следом. Он не поехал дальше опушки леса, остановил свою лошадь и в сопровождении других возвратился прежней дорогой, с намерением переправиться через реку и ехать обратно в миссию.

Но, не доезжая брода, он увидел нечто такое, что заставило его переменить свои планы.

Это была тропинка, отделявшаяся от главной дороги: она напоминала оленью тропу со следами подкованных домашних лошадей, а не мустангов; их было четыре, и

между ними отличались продолговатые, эллиптические копыта мула. Всадники проехали по главной дороге впереди индейцев, потому что подкованные следы уничтожались множеством следов неподкованных. Что ж это могло значить? Отряд белых прошел здесь и пересек дорогу, преследуемый индейцами? Кто бы мог ехать на муле? Гаукинс имел основание предполагать, что мул был оседлан, а не навьючен.

Разведчики поехали по этой тропинке, чтобы посмотреть, откуда взялись подкованные лошади и не принадлежали ли они шайке дикарей.

Прежде всего они должны были удостовериться в этом. Стояночный костер еще не потух, и вокруг него валялись остатки пищи, и между прочим, крошки сухарей, которые подбирали и уносили рыжие муравьи.

Индейцы не едят сухарей, следовательно, люди, отдыхавшие возле костра, были белыми.

Существовали еще и другие признаки. Длинная трава была помята на том месте, где спали люди, кора на ветвях содрана там, где были привязаны лошади.

Разведчики проехали дальше и увидели, что четыре лошади и мул подходили к лагерю, поднимались вверх по реке по той же дороге, по которой несколько дней назад следовали полковник Армстронг и его колонисты, они не дошли до брода, а отправились по кратчайшей дороге к берегу и провели ночь в лагере, покинутом недавно.

Здесь разведчики снова нашли следы четырех американских лошадей и мула.

Кроме того, они заметили следы собаки, очевидно, сопровождавшей отряд всадников.

Будучи уверены, что последние должны были идти от лошадины и что они не имели ничего общего с индейцами, Гаукинс и его товарищи возвратились к броду и стали осматривать местность.

Дорога привела их к большому дубу, где они увидели приметы, заставившие их сойти с лошадей для более тщательного осмотра.

Не прошло и минуты, прежде чем один из них, заглянувший в кустарники, громко закричал, вследствие чего остальные поспешили к нему.

— Здесь труп индейца! — сказал он.

Все наклонились над телом, принадлежавшем индейцу, и увидели причину смерти.

На груди, около сердца; зияла кровавая рана.

Один из них поспешил разрезать лосиную рубашку. Все удивленно отшатнулись; увидав, что кожа была не красного цвета, не индейская! Мертвец был белым.

Он переоделся дикарем, носил парик из конского волоса с перьями, лицо и руки его были покрыты красной краской.

Пока они старались разгадать эту загадку, еще один крик привлек их внимание.

Другой разведчик нашел нечто под ветвями дуба. Он поднял две вещи, весьма простые сами по себе, но которые, будучи найдены на этом месте, должны были иметь особое значение. Это были цветок и кипарисовая веточка. Первый был измят больше, вторая меньше.

Никакого кипариса в окрестности не росло, тем более померанцевого дерева. И цветочек, и веточка могли быть сорваны только в саду миссии.

Кто их сорвал? Кто принес сюда?

Вспомнили, что дочерей полковника Армстронга видели в последний раз в саду. Кто же мог принести сюда цветок и ветку, как не они сами?

Каким же образом они очутились под этим дубом? Следы индейцев показывали, что они, переправившись через реку, прямо поехали к скалам по другую сторону. Кто же поднимался вверх по реке? Кто этот убитый среди кустов? Зачем его убили? Кто нанес ему эту страшную рану?

Разведчики находились в неизвестности, будучи испуганы и удивлены.

Некоторое время они не знали, что делать.

Гаукинс первым пришел в себя.

— Вы, Крисс Туккер,— сказал он,— переправляйтесь вброд и скачите как можно скорее в миссию. Расскажите полковнику Армстронгу все, что мы видели. Передайте ему о следах подкованных лошадей, которые шли по этому берегу, и что мы пойдем по ним, пока не потеряем их из вида. Разбойников только пятеро, нам нечего бояться. Скажите полковнику, чтобы он не отчаивался, чтобы люди были готовы и ждали нашего прибытия в миссию. И чтобы утешить его, Крисс, прибавьте, что, может быть, мы привезем с собой его дочерей.

— Все сделаю, как вы говорите,— ответил просто молодой охотник.

После этого они расстались. Туккер поехал к реке,

а Гаукинс с отрядом разведчиков продолжал подыматься по берегу, по следам подкованных лошадей.

Глава LXXX

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ОЦУ

Хотя Крисс Туккер ехал очень быстро, однако только к полудню добрался до миссии с вестями от разведчиков. Осмотр многих следов задерживал его в дороге.

Колонисты, ожидавшие с нетерпением возвращения отряда, при виде одного всадника вдали почувствовали новую тревогу.

Узнав в этом всаднике Крисса Туккера, они не успокоились: он был один и погонял лошадь, словно уходил от погони.

Где же были другие? Неужели отряд разведчиков попал в засаду и погиб в неравном бою? Неужели все перебиты за исключением Крисса Туккера?

Колонисты собрались вокруг полковника Армстронга и смотрели на приближавшегося всадника. Все молчали. Они дрожали при мысли, что индейцы могли следовать за ним по пятам в таком количестве, которое грозило колонии окончательным истреблением...

Полковник Армстронг не мог не разделять их тревоги, хотя она уже и не приводила его в особое волнение. Потеряв дочерей, он поддался отчаянию. Колонисты ожидали Крисса Туккера с сильным биением сердца.

Приблизившись, разведчик рассеял их опасения. — Нет дурных вестей, — сказал он, — есть надежда на лучшее.

Единодушный крик облегчения раздался со всех сторон. Все теперь спокойнее ожидали дальнейших объяснений.

Туккер спешил, подошел к полковнику Армстронгу и передал подробно все, что видели и слышали разведчики.

Вести разведчика произвели такое же действие, как солнце, блеснувшее на небе, которое долго было покрыто тучами.

Лица прояснились, даже черты старого воина озарились радостью.

Хотя все были готовы к походу, вооружены и снаряжены, хотя лошади были оседланы, а тюки наполнены

припасами на несколько дней, и хотя все с нетерпением ждали погони, решено было дожидаться разведчиков.

В продолжение этого времени полковник Армстронг находился в сильном смятении, он был осужден на бездействие.

От него требовалось больше, чем терпение: он должен был вооружиться всей силой христианского смирения.

И Бог вознаградил его. В ту минуту, когда солнце готово было спуститься над долиной Сан-Сабы, и розовые лучи его отражались на куполе церкви упраздненной миссии, со стороны реки показалась группа всадников. Между ними виднелись две фигуры, развевающаяся одежда которых выдавала в них женщин. Они сидели боком на седлах, предназначенных для иного способа езды.

Когда они остановили лошадей у ворот, навстречу протянулись дружеские руки.

Картина, виденная нами в прежнем жилище плантатора, повторилась в эту минуту перед стенами миссии. Полковник Армстронг находился среди своих дочерей, руки которых обвивали его шею как накануне отъезда, а глаза смотрели на него с дочернею любовью.

Картина отличалась только тем, что тут были зрители и между ними двое, принимавшие в ней особое участие. То были Дюпре и Вартон. Первый бросал на Джесси пламенные взгляды любви, на которые она отвечала, а поздравления второго, обращенные к ее сестре, встречены были с грустною улыбкой и с рассеянным видом, которым Елена говорила ему, что он не должен питать надежды.

Глава LXXXI НОВАЯ ТРЕВОГА

Радость полковника Армстронга, нашедшего дочерей, и восторг Дюпре по поводу возвращения невесты были омрачены бедствием, постигшим их слуг. Судьба этих жертв причинила им искреннее горе.

Великодушный креол не слишком заботился о потере пятидесяти тысяч долларов. Он даже не думал о них, и в эту минуту в стенах миссии мог бы раздаваться его веселый смех, как в те времена, когда здесь проживали монахи, если бы не трупы, еще не убренные со двора.

Все видели теперь, что только что находились на краю пропасти, в которую едва не обрушились.

Елена Армстронг не могла разделять общей радости: ее мучило сильное беспокойство. Она не была уже под влиянием спокойной грустной задумчивости: блуждающие взоры, бледные щеки и сжатые губы были признаками сильной тревоги.

Она могла никогда больше не встретиться с Кленси. А если он будет убит, желая сдержать свою клятву? Она удивлялась его честности, его сыновней любви, но эти добродетели могли лишить ее счастья и погрузить в отчаяние.

Правда, она верила в его силу и искусство, во все качества, обеспечивавшие успех в подобного рода испытаниях. Она считала его способным на все. Да и какая женщина не видит этого в любимом человеке? Но Елена имела теперь предчувствие более чем когда-нибудь, потому что знала, что Чарльз Кленси имел дело не с краснокожими, а с белыми. Саймон Вудлей рассказал ей про все дела Борласса и про наказание, понесенное последним в Начиточезе. В этой старинной ненависти она видела достаточную причину бояться за Чарльза Кленси, если он имел бы несчастье попасть в руки степных разбойников. Она боялась этого больше, нежели встречи с Дарком. Теперь, когда она возвратилась домой вместе с сестрой, она еще сильнее беспокоилась о возлюбленном.

Саймон Вудлей старался ее утешить. Но охотник и сам не мог подавить в себе тревоги.

Он знал, что Кленси был в опасности, и сожалел, что отпустил его одного на поиски Дарка.

Была почти ночь, но это не помешало выступлению отряда в погоню. Брод отстоял на десять миль и столько же можно было пройти за рекой, отыскивая следы. Потом они должны были добраться до ущелья, которое знали Гаукинс и Вудлей. На верхней равнине предстояло сильное испытание искусству этих опытных разведчиков.

Перед отъездом Саймон Вудлей подошел к Елене Армстронг и сказал ей тихим голосом:

— Не беспокойтесь, мисс Елена. Нет оснований предполагать, что существует опасность. Чарльз Кленси сумеет позаботиться о себе. И если только он жив, в какой бы то ни было части техасских степей, то Саймон Вудлей приведет его здоровым и невредимым к един-

ственной девушке, которую он всегда любил, то есть к вам, мисс Елена. Человек, способный нанести смертельный удар Чарльзу Кленси, еще не родился. Есть только одна особа, которая может сделать это, есть одна женщина, она может убить его не пулей, а взглядом, который сказал бы, что она перестала его любить, но я знаю, что она никогда не бросит ему этого взгляда,— никогда!

В словах охотника слышался вопрос, так же как и во взоре, обращенном к Елене. Он замечал ухаживания молодого доктора и поэтому закончил свою речь таким странным образом.

Если бы у него и была тень подозрения в ее неверности его другу, то она должна была рассеяться, когда он услышал ее ответ, который стал как бы эхом его последнего слова,— ответ, произнесенный тихо, но горячо:

— Действительно никогда!

Глава LXXXII

СТРАШНЫЕ ТЕНИ

— О Боже!

Воклицание это выходило из головы, не имеющей, по-видимому, тела, которого совсем не было видно.

Тело было закопано в землю.

Так взывал к небу Чарльз Кленси. Потом он вздохнул, окинув взглядом часть равнины, которую мог видеть.

Он никого не видел, да и было невероятно, чтобы кто-нибудь зашел в эту сторону; никакой надежды на избавление от ужасной смерти не было.

Для этого его мучители и свернули с дороги больше чем на милю и выбрали пустынное место, чтобы преследователи не могли заметить этого уклонения. Здесь бесплодная почва была настолько тверда, что даже следы лошадей, кованных острыми шипами, не оставили бы на ней заметного отпечатка.

Один Саймон Вудлей был способен найти такой след.

Кленси думал о нем, но не надеялся, что тот придет вовремя. Он знал, что охотник должен был находиться далеко и еще не прибыл в миссию. От места, где они расстались, до верхнего брода было двадцать миль, а оттуда еще десять до колонии, что составляло день пути, если они не встретили бы никакого препятствия. Кроме

того, он не знал, что ожидало Вудлея на месте, что случилось в колонии и сколько времени он там останется.

Сочтет ли Вудлей необходимым возвратиться? Увлечшись преследованием Дарка, он забыл сказать ему об этом — он спешил отправить сестер домой.

Даже если Вудлей отправится, то, вероятно, найдет его слишком поздно.

— О, Боже мой!.. — воскликнул он снова, когда глаза его, осмотрев еще раз равнину, с отчаянием опустились к земле.

Теперь он сожалел и горько упрекал себя, что так легко сдался разбойникам. Он мог бы убежать, но мул помешал ему сделать это.

Ведь мулата все равно увели, следовательно, результат был бы один и тот же. Они взяли также его собаку. Вряд ли разбойники причинили бы хоть малейший вред мулату, мулу или собаке, которые все впоследствии могли им пригодиться.

Так рассуждал Кленси, но — увы! — слишком поздно.

Каждую минуту он оглядывал равнину, но ничего не видел на ее обширном пространстве.

Иногда чьи-то тени заслоняли солнце.

Кленси знал, что это такое. Тени, которые в увеличенном виде отражались на земле, были от длинных шей и больших распростертых крыльев. Он распознал коршунов.

Это было зловещее зрелище, напоминавшее ему последние слова Борласса.

К довершению его мук не хватало только волков к этой сцене. Но и они скоро появились.

Стаи степных волков, или койотов, собрались со всех сторон и дополнили картину.

Ужасное зрелище для того, чья голова служила его центром.

Неудивительно, что он вздрогнул и повторил:

— О Боже!

Глава LXXXIII УЖАСНЫЙ ДЕНЬ

Кленси промучился таким образом все утро, весь день и дождался восхода луны.

Один в обществе враждебных существ — волков, уг-

рожавших сорвать у него кожу с черепа, или коршунов, готовившихся выклевать ему глаза. Это было ужасно! Были моменты, когда рассудок его готов был помутиться.

Он крепился всеми силами, возлагая единственную надежду на того, чье имя часто срывалось у него с языка.

Его поддерживала мысль, что к нему может прийти на помощь человек, которого Бог направит в эту сторону.

Он еще надеялся, что Саймон Вудлей явится вовремя.

Он был уверен, что охотник пойдет искать его и отыщет, вопрос только — мертвого или живого?

Шанс был, и это продолжало поддерживать его.

С этой решимостью он делал все зависящее от него, чтобы отгонять волков и коршунов.

Случись все это в африканской пустыне, тогда над ним летали бы бородатые коршуны, а вокруг собрались бы гиены, — и агония продолжалась бы недолго. Но он знал характер своих врагов. Он знал, что, несмотря на прожорливость, они трусливы, как зайцы, кроме тех случаев, когда перед ними падаль.

Надо было им показать, что он не умер, для этого он качал головой, ворочал глазами и кричал.

Он бережно расходовал свои силы на крики.

С наступлением темноты коршуны удалились, хозяевами степи остались одни волки.

Он заметил, что эта перемена, вместо того, чтобы благоприятствовать ему, могла его погубить. Степной волк робок днем, как лисица, — ночью же он изменяет характер. Он смелеет и бросается на добычу, если она не может защищаться.

Голова, не имевшая тела, стала казаться именно беззащитной стаям койотов, собравшимся около нее. Слишком долго они пугались ее криков и освоились с этим. Настало время броситься на этот странный предмет и разорвать его в клочки.

С зловещим воем они приближались со всех сторон и готовы были на последний приступ.

Снова воззвание к небу, может быть, уже последнее: — О Боже!

Голос Кленси становился все слабее, так как грудь его была сдавлена; он кричал до хрипоты. Словно мольба его была услышана: до ушей Кленси донесся стук копыт лошади, идущей под всадником.

Раскрытые пасти хищников сомкнулись, и грозная стая скрылась из виду. Койоты разбежались.

Кленси пытался понять — откуда неслись звуки. Вскоре он увидел то, что подтвердило его радость.

На освещенной луною равнине появилась фигура всадника. Он подъезжал медленно, казалось, он потерял дорогу или искал чего-то.

Вдруг он остановился. Должно быть, волки и их бегство привлекли его внимание.

Он направился в эту сторону. Ребра Кленси, сжатые утоптанной землей, мешали биению его сердца. Однако он мог чувствовать и надеяться, пока голова в состоянии была мыслить.

Он надеялся, что приближался Саймон Вудлей, а не кто-нибудь другой.

Его молитва, наконец, услышана, и вместо того, чтобы закричать: «О Боже!», он прошептал: «Слава Богу! Слава Богу!»

...В эту минуту всадник подъехал к нему. Кленси хотел уже назвать по имени Саймона Вудлея...

Но прежде чем произнести эти слова, он заметил нечто, заставившее его хранить молчание. Луна осветила всадника сзади; лицо его находилось в тени, но рост был не Вудлея... Перед Кленси стоял совсем другой человек.

Как только всадник заметил голову без тела и лицо при лунном свете, он громко вскрикнул от ужаса, повернул лошадь и поскакал по равнине.

Кленси тоже закричал; но его крик не остановил всадника, а, напротив, ускорил его бегство.

Глава LXXXIV

НАУГАД

Южное солнце встало над дубовой рощей, в которой Ричард Дарк спал пьяным сном. Поднявшись выше, оно не могло разбудить его; потому что густая листва защищала его от палящих лучей. Его разбудил только топот лошади, которую кусали лесные мухи.

Несколько раз он слышал этот топот, но, будучи еще пьян, не обращал на него внимания.

Проснувшись, он все еще был нетрезв, но не настолько, чтоб не понять, что он забыт товарищами.

Он вскочил на ноги и с испугом оглянулся.

Который час?

Он вынул часы и понял, что забыл с вечера завести их, и они теперь стояли.

Он захотел узнать время по солнцу, но мешала густая листва.

Он вышел на опушку. Лучи золотистого шара почти ослепили его. Диск обозначал около двух часов своего пребывания над горизонтом.

Первой мыслью Ричарда Дарка было, что он проспал слишком много времени.

Он сделал глупость напиться и лечь спать потом.

Это могло иметь неприятные последствия. Может быть, Борласс с шайкой уже прошли, оставив его одного. Два часа, по крайней мере, после рассвета — достаточно для возвращения из миссии. Заезжали ли они на место свидания?

Мысль эта встревожила его; он не знал, что делать. Если товарищи переехали равнину, то ему оставалось только последовать за ними. Но это могло быть опасно. Кто знает, не было ли за ними погони? Очень может быть, что ограбленные колонисты гнались за хищниками, обремененными добычей.

Он знал, что Саймон Вудлей находится в степи и, вероятно, будет руководить преследователями. Ричард Дарк давно уже познакомился с искусством Вудлея как разведчика. Может быть, и погоня уже проехала! Тогда он вдвойне рисковал оставаться на этой обнаженной равнине.

— Два часа дня! Возможно ли? Надо проверить.

И, прикрыв глаза ладонью, он взглянул на небо, измеряя еще раз пространство между желтым диском и темной линией горизонта.

— Нет, — сказал он весело, — еще не прошло двух часов. Я испугался напрасно, они еще не проехали.

Однако на него вновь нашло сомнение.

Каким образом убедиться? Конечно, этого нельзя сделать, оставаясь здесь, тем более, что я умираю от жажды. Еще полчаса этой адской жажды и я не выдержу. Где же взять воды? На этой бесплодной равнине нет ни капли, только в реке, но я не смею ехать по этому направлению. Что же мне делать? Даю им еще полчаса, без сомнения, они приедут прежде. А потом я отправляюсь на условное место. Не знаю, впрочем, найду ли я дорогу. Проклятая лошадь, она так шумит, что слышно за десять миль.

Он возвратился к месту ночлега и отогнал мух; лошадь на некоторое время успокоилась.

Ричарда Дарка мучила жажда, и он не в состоянии был больше переносить ее. Он снова вышел из рощи и еще раз посмотрел на солнце. Это заставило его сердце забиться сильнее. Золотистый диск казался ближе к горизонту. Солнце не подымалось, а опускалось. Он принял запад за восток. Был вечер, а не утро.

Его охватил страх, когда он увидел свою ошибку. Он был уверен, что Борласс и шайка проехали, как и преследователи.

Какого же черта я буду здесь делать? — спрашивал он себя.— Если я попытаюсь переехать равнину, то могу попасться Саймону Вудлею и его товарищам, и это для меня будет равносильно смерти. Я не могу ожидать пощады от этого подлого охотника. Если же я останусь здесь, меня замучит проклятая жажда.

Через час оно сядет, а до тех пор я должен крепиться.

Он вернулся к лошади, посидел там, снова вышел на опушку и так делал до тех пор, пока не село солнце.

Он знал, что сумерки продлятся недолго, и отправился готовить лошадь.

Наконец он выехал из рощи. Луна еще не взошла. Было уже довольно темно, он смело мог продолжать путь. Он знал, что надо было держать на север или почти на север. При отъезде путеводителем ему служил край неба, где зашло солнце и где было еще светло; запад находился у него слева, и поэтому он ехал с уверенностью.

Но вскоре горизонт принял серый цвет и слился с землей.

Дарк смотрел на звезды и искал Большую Медведицу, но туман, поднявшийся над равниной, закрыл это северное созвездие.

Он потерял ориентиры и остановил лошадь. На небе сверкало множество звезд, но он не был настолько знаком с астрономией, чтобы ими руководствоваться; ему были знакомы только Большая и Малая Медведицы, которые, как нарочно, на этот раз были закрыты туманом.

Серебристый свет месяца, появившийся вскоре, несколько успокоил его. Странно! Этот свет, кроткий и нежный, как сама невинность, словно пробуждал в его совести сильнеешие угрызения. Он, однако, думал не о своих преступлениях, а только о том, как бы выпутаться из беды.

Луна указала ему дорогу. Он пустил лошадь вперед. Но вскоре одна вещь привлекла его внимание.

Пугаться было нечего: встретилась стая степных волков, собравшихся, без сомнения, вокруг труп лани или газели.

Любопытство не заставило бы его свернуть в сторону, но волки были на самой дороге.

— Что бы это могло быть? — спросил себя Ричард Дарк и поехал к предмету, казавшемуся очень небольших размеров.

Подъехав ближе, он вдруг испустил такой крик ужаса, что волки разбежались во все стороны.

Но им нечего было бояться, потому что прежде чем крик его затих на равнине, всадник ускакал в карьер, словно дьявол уцепился за хвост его лошади.

В то же время голос, как бы выходявший из земли, закричал ему вслед:

— Убийца! Убийца!

Глава LXXXV ОПЯТЬ ОДИН

Это Чарльз Кленси кричал: «Убийца!»

Радость, озарившая его душу при виде приближающегося всадника, вскоре сменилась унынием, когда он убедился, что это не Вудлей, и перешла в отчаяние, когда глаза его остановились на костюме и головном уборе индейца, ясно различимыми при лунном свете. Он знал, что это не дикарь, а зверь более страшный.

Он узнал Дарка прежде, чем тот успел узнать его или вообразить, что видит его призрак.

Для Кленси эта встреча не имела ничего странного.

Враг его, без сомнения, виделся с разбойниками, которые возвратились обремененные добычей. Борласс, конечно, рассказал ему о жестоком погребении и указал ему дорогу к месту казни. Будучи в отчаянии от потери пленниц, в особенности Елены Армстронг, он ехал отомстить Кленси и предать его еще более мучительной смерти.

Так думал Кленси до того момента, когда увидел, как Дарк дернул назад лошадь, которая взвилась на дыбы, и услышал крик ужаса.

Будучи сам не в состоянии удержать гнев, так долго томивший ему душу, Кленси назвал его убийцей.

Это вырвалось у него невольно. Он думал, что, услышав его крик, испугавшийся злодей вскоре придет в себя и вернется.

Подумав, Кленси догадался, чем объяснялась странная реакция Дарка. Он не виделся еще с Борлассом и не узнал Кленси, когда тот спасал Елену Армстронг. Ему помешала темнота под дубом. Он еще считал себя убийцей и от этого пришел в ужас при виде головы того, кого он умертвил так предательски.

Одумавшись, Кленси стал следить за всадником. Казалось, он ехал без определенной цели, не управляя лошадей, как пьяный или как человек, объятый паническим страхом.

Вскоре Кленси потерял его из вида.

Долго еще потом он слышал стук копыт по твердой почве, становившийся все слабее и слабее и, наконец, затихший.

Отъезд Дарка не особенно облегчил положение Кленси; это могло быть только кратковременным отдыхом. Он скоро приедет к шайке степных разбойников, где узнает все новости, и возвратится с удвоенной жаждой мести. Думая об этом, Кленси почти желал, чтобы враг его остался, убил его и избавил от мучений.

Волки начали собираться опять. Они видели, что враг — человек, сидевший на коне, не причинил им вреда и уехал, не защитив их добычу.

Приветствуя луну своим жалобным воем, они начали собираться один за другим и снова окружили Кленси, подходя то с той, то с другой стороны, с лаем, с воем, с визгом. Их острые клыки сверкали при лунном свете, словно зубы мертвеца...

Для того, кому они угрожали, было все равно — съедят ли его волки или умертвит Ричард Дарк, который, без сомнения, должен был скоро возвратиться. Мысль эта была ужасна и сводила его с ума.

— О Боже! — воскликнул он еще раз.

Глава LXXXVI ПУСТЫЕ ПАЛАТКИ

Струится речка, ее берега поднимаются футов на триста над уровнем воды. Они почти отвесны и образуют две стены утесов, расстояние между которыми равняется почти половине их вышины.

Утесы эти шершавые, усеяны острыми камнями и изборозждены потоками воды. Они похожи на двух исполинов с морщинистыми и страшными лицами, вызывающих друг друга на бой.

В иных местах они сходятся очень близко, потом расходятся опять.

Поток протекает через небольшие долины овальной формы, блестящая зелень которых резко отличается от мрачных утесов.

Путник, который попытался бы идти по берегу описываемого потока, должен бы держаться на вершине одной из отвесных скал, потому что приблизиться к этой глубокой речке нельзя. Здесь у путника перед глазами только бесплодная, безлесая равнина, всюду жалкая растительность.

Реки, подобные описанной, по большей части составляют притоки верхнего Колорадо.

Здесь есть места, которые могут привлечь фермера и охотника: это небольшие долинки над рекою, представляющие вид райских садов на несколько сот футов ниже окружающей равнины.

Одна из подобных долин требует нашего особенного внимания. Если мы пойдем к окраинам утесов и заглянем вниз, то увидим там растительность всех оттенков изумрудной зелени — от самого светлого до самого темного.

Если мы захотим спуститься в этот земной рай, нам надо будет сделать большой обход и пройти по какому-нибудь ущелью, впадающему в долину, но нам трудно будет найти удобопроходимое ущелье. Обыкновенные путешественники едва ли когда-нибудь находили его. Однако нашел кто-то, чему служит доказательством группа палаток, разбитых под прибрежными деревьями.

Они грубы и покрыты отчасти звериными кожами, отчасти холстом.

Никто не может принять их за палатки обыкновенных путешественников, но они не похожи и на индейские. Кому же они принадлежат?

Дымящиеся костры возле палаток, а внутри орудия, утварь, провизия указывают, что палатки еще недавно были заняты. В иных стоят бутылки, глиняные сосуды, наполненные крепкими напитками, водкой, виски; имеются большие запасы табака. Это доказывает, что несмотря на безлюдность лагеря, он не покинут.

Глава LXXXVII

ПЕРЕМЕНА ЦВЕТА КОЖИ

Толпа всадников ехала вниз по ущелью, спускающемуся к речке. Самоуверенный вид, с которым они приближались, доказывал ясно, что это были хозяева палаток.

Узкая тропинка вынуждала их идти гуськом.

По внешнему виду это были индейские воины. Медный цвет кожи, раскрашенные лица, лосиные штаны, головной убор с перьями — все это свойственно индейцам.

Между ними был один человек, отличавшийся от товарищей. По цвету кожи он был мулат, по костюму — невольник с плантации. Хотя он и приехал вместе с воинами, но, очевидно, не принадлежал к их числу. По манере обращения с ним легко было узнать в нем невольника.

Спустившись в долину, они разорвали ряд и толпой бросились к палаткам. Это было непохоже на индейскую дисциплину.

Сомнение это окончательно рассеялось, когда они прибыли в лагерь. Их речь окончательно доказывала, что они не принадлежали к племени команчей.

Сойдя с лошадей и привязав их к деревьям, они вошли в палатки и вскоре вынесли оттуда бутылки и табак; отхлебнув виски, они закурили.

Они не расседлывали лошадей и не раздевались, что сделали бы, если рассчитывали остаться здесь надолго.

Они ждали кого-то.

Вскоре второй отряд, меньше первого, спустился по ущелью, также одетый в команчские костюмы. Человек исполинского роста, очевидно, вождь, ехал впереди.

Он осмотрел лагерь, взглянул на палатки и закричал: — Неужели они еще не прибыли?

Никто не отвечал. Он повторил вопрос.

Первый попавшийся ответил ему:

— Нет, капитан, их еще нет здесь.

Вождь выругался голосом, похожим на рев быка, и соскочил с седла. Спутники его последовали его примеру.

Обращаясь к окружающим, он сказал:

— Я так полагаю, что наши заблудились, переезжая через большую равнину, и поэтому запоздали. Неосторожно было довериться таким двум новичкам. Теперь я это вижу, но поздно. К счастью, с ними нет поклажи. Я думаю, что они отыщут дорогу. Если же нет, то надо

будет кому-нибудь из нас отправиться на поиски. Нам нет необходимости оставаться более дикарями. Я полагаю, что вы хотите сделаться вновь цивилизованными людьми и посетить колонии. Я уверен, что вы не прочь провести месяц или два в обществе сеньорит в Сан-Антонио.

Все единодушно изъявили согласие.

— В таком случае, приготовимся уехать как можно скорее. Если нам придется отправиться на поиски за недостающими товарищами, то нам следует переменить цвет нашей кожи, а также и костюм, который нас стесняет. Он оказал нам добрую услугу и может оказать ее снова.

Оратор, окончив свою речь, сбросил костюм, придававший своеобразную красоту его исполинскому росту.

Он отправился к речке и через десять секунд был по пояс в воде, тщательно обмывая свою кожу, словно человек, выполняющий по всем правилам гидротерапевтическое лечение.

Товарищи последовали его примеру.

Когда все они вышли на берег, то можно было видеть, что между ними не имелось ни одного индейца. Все это были белые.

Глава LXXXVIII ПЕРЕМЕНА КОСТЮМА

Окончив умывание в реке, степные разбойники вошли в палатки.

Они недолго занимались туалетом и выходили один за другим совершенно в разных костюмах: не было двух одинаковых. Один был в лосиной рубашке, в куртке и красивых ноговицах степного охотника; другой — в одежде мексиканского ранчero, состоящей из бархатной куртки, таких же штанов, серапе (плащ или одеяло) и пояса; третий надел светло-голубые бумажные панталоны и такую же блузу луизианского плантатора, другие, не любившие щегольства, оделись в суконные костюмы, принятые в Теннесси.

Головные уборы тоже отличались разнообразием: здесь были шапки и шляпы различных сортов и форм — из енотовых, из кошачьих шкур, из сукна, войлочные, ильковые, панамские, кастровые и мексиканские глянцевиые шляпы с широкими полями.

Борласс появился в своем грубом костюме, подпоясанный, в высоких сапогах, как он разгуливал по улицам Начиточеза.

Личное франтовство не входило в число слабостей техасского разбойника, который в этом отношении не был похож на своих итальянских прототипов Фра-Диаволо и Ринальдини. Но если заокеанский бандит не был так любезен и так щеголеват, как те, зато мог точно так же остановить путешественника и перерезать ему горло.

Грабители переменили и оружие; оставив при себе ружья, пистолеты и ножи, они бросили копья, луки и томагавки. Сложив все это в кучу вместе с индейской одеждой и другими принадлежностями, они отнесли все это в пещеру в ближайшей скале и заботливо спрятали.

Окончив переодевание, разбойники подумали о своих желудках.

В продолжение дня и ночи они поддерживали себя только напитками, обильный запас которых приобрели в последнюю поездку на Колорадо. Они ничего не могли взять из погреба Дюпре, потому что бочонки с серебром достаточно тяжелы.

Теперь они сильно проголодались, а в съестных припасах не имелось недостатка. Среди них были искусные охотники, о чем свидетельствовали антилопа и два медвежьих окорока, висевшие на ветвях деревьев.

Несколько человек приступили уже к приготовлению дичи и жарили ее на вертеле над огромным костром.

В своем пленнике-мулате они нашли драгоценного помощника для кулинарных операций. Никто лучше Юпитера не умел зажарить животное целиком.

Он объяснил им, что был невольником Кленси, от которого терпел жестокое обращение, и в доказательство показал им свою спину, покрытую рубцами. Он выразил большое удовольствие по поводу того, что счастливый случай избавил его от сурового господина. Наконец Юпитер изъявил желание сделаться членом шайки разбойников — полезным и преданным ее слугой.

Будучи принят в качестве последнего, он принялся за свои новые обязанности с таким усердием, что совершенно очаровал грабителей.

Они не сомневались в его верности. Ничего не было удивительного в подобном переходе беглого невольника.

Они занялись обедом, потом пили и курили до тех пор, пока солнце не зашло за утесы и пурпурный цвет заката не окрасил прибрежных деревьев.

Пока они пьянствовали, один из них оставался трезвым.

Хотя Борласс был груб и поддавался чувственности, однако обладал здравым рассудком и коварством. Благодаря этому он стал начальником двадцати техасских разбойников, из которых каждый, подобно ему, находился вне закона и у большей части которых руки были обгарены кровью.

С самого отъезда из Сан-Сабского поселка он находился в дурном настроении. Что стало с Филлом Контреллом и другими товарищами и с пленницами?

Одно время он склонен был считать Контрелла изменником. Не узнал ли последний, что Кленси остался в живых и вследствие этого не решился ли он отстать от шайки, к которой присоединился от безысходности?

Если Кленси был жив, то Контреллу нечего было бояться ответственности перед законом.

Не встретился ли Контрелл ночью с Кленси, который и убил его?

Встреча двух этих людей могла закончиться только смертью одного из них.

Но если Дарк был убит, то Кленси, конечно, убежал бы с обеими пленницами; его не нашли бы блуждающим на охоте, когда его захватили.

Борласс теперь сожалел, что не подверг своего пленника пытке и не вынудил полного и откровенного признания. В то время, когда его люди беззаботно предавались пьянству, он ходил большими шагами между палатками и с беспокойством посматривал на тропинку, ведущую из ущелья, по которой они приехали, и бормотал слова неудовольствия, перемешанные с проклятьями.

Глава LXXXIX МЯТЕЖНАЯ ШАЙКА

Более часа атаман разбойников бродил по лагерю, как тигр по клетке. Он приближался к самому краю, смотрел в темноту и старался уловить стук конских копыт.

Нетерпение его достигло крайнего предела. Несмотря на то, что он был груб телом и душой, он все-таки поддавался чувству любви. Страсть эта была животная и самая низкая, она была очень сильна, овладела им до такой степени, что он охотно отказался бы от своей доли денег, награбленных у Луи Дюпре, лишь бы только обладать любимой девушкой.

Каково же было ему думать, что она была у него во власти, а он так легко дал ей ускользнуть. Он пришел к убеждению, что таков был исход экспедиции.

Но в то же время ему пришла одна мысль, принесшая облегчение. Кленси мог еще быть жив. Если он, Борласс, возвратится к тому месту, где закопал его, и пообещает ему освобождение, то тот признается ему, видел ли он Дарка, в крайнем случае Борласс пригрозит ему пыткой и смертью. Таким путем, по крайней мере, он вышел бы из томившей его неизвестности. Он не мог уснуть, не добившись результата.

Он уже решил ехать, когда другая мысль пришла ему в голову — сделать нечто предварительное. Он допросит сперва мулата и, если нужно, подвергнет его пытке.

Борласс удивлялся, что не подумал об этом раньше. Еще не было поздно, и, пробираясь между палаток, он пошел искать человека смешанной крови.

Он нашел его в обществе знакомого уже нам Фернанда.

Они сидели за флягой виски, общаясь между собой, как братья.

Борласс отвел мулата в сторону и начал вопрос, сперва по-дружески, как бы оказывая полное доверие.

Мулат объяснил, что ничего не знал ни о Филе Контрелле, ни о Ричарде Дарке. Он никогда не слышал ни о том, ни о другом. Он был невольником массы Кленси, который недавно купил его. Масса Кленси прибыл в Техас, чтобы присоединиться к колонии полковника Армстронга. Он сопровождал своего господина на охоте, вот и все.

Рассказ Юпитера казался достоверным.

Юпитер был очень умен. Несчастливая судьба сделала его невольником, но ум, возмущенный этой позорной участью, подсказал ему средство к побегу. Этот ум помог ему обмануть степных разбойников, заставив их поверить ему, что он считал за счастье оставаться с ними в качестве члена шайки.

Юпитер закончил свой рассказ, стоя напротив револьвера, направленного ему в голову.

Испытание это удовлетворило Борласса, и он закончил допрос.

Взошла луна, а ни Фил Контрелл, ни пленницы не приезжали.

Борласс позвал разбойников, сообщил им свои опасения и предложил некоторым выехать на верхнюю равнину на поиски отсутствующих товарищей.

Но они уже слишком много выпили. Атаман не имел больше на них влияния. Они не заботились ни о Филе Контрелле, ни о порученных ему пленниках. Разбойники были в безопасности, ничем не рисковали и веселились.

Предложение Борласса было встречено криками недовольства и руганью. Они отказывались повиноваться ему.

Он рассердился: ревел как разъяренный медведь, угрожая им расправой. Но все были против него, и он понял, что прибегать к крайним мерам бесполезно.

Завтра утром, по их словам, они помогут ему в его поисках, но сегодня надо веселиться и пить, пить, пить...

Чтобы утолить свое горе, он присоединился к ним и пил без меры.

Кончилось тем, что все перепились окончательно, и каждый, кто как мог, отправился искать себе постель.

Одни добрались до палаток, а другие свалились тут же на земле и захрапели под деревьями.

Глава ХС

ДВА ЧЕЛОВЕКА СМЕШАННОЙ КРОВИ

По мере того, как разбойники падали один за другим под влиянием крепких напитков и сна, огни в лагере тоже угасали один за другим. Только один огонек продолжал светиться в небольшой палатке, стоявшей в стороне от прочих.

Два человека сидели в ней, бодрствовали и потягивали виски. Это были мулат Юпитер и метис Фернанд.

Они, судя по всему, выпили много. Они действовали и говорили, как подобает пьяным людям.

Несмотря на это, оба сохраняли хладнокровие, каждый считал товарища пьяным.

Трава внутри палатки могла бы объяснить им причину. Когда они начали пить, она была сухой, а теперь, когда все разбойники спали, она оказалась влажной под ногами у обоих собеседников, которые проливали на нее стаканы незаметно друг от друга.

Время уходило, и Юпитер начал отчаиваться. Он никогда не встречал человека, который мог бы выдержать столько водки, не обезумев от опьянения, как его собеседник, с которым они пили уже давно.

Каждый имел свою цель в этом обоюдном обмане: мулат хотел напоить метиса, чтобы иметь возможность совершить побег, а метис, подозревавший этот замысел, решил быть трезвым, чтобы ему воспрепятствовать.

Что же это значило? Неужели желудок у метиса был стальной, а голова подбита железом?

Товарищ мулата мог бы сказать о нем то же самое. Мулат мог делать то же самое, что делал и метис. Едва только это подозрение мелькнуло у мулата в голове, как он решил следить за движениями метиса. И скоро разобрал, отчего собеседник сохранял такое же хладнокровие, как и Юпитер. Он видел как метис выливал тайком виски.

Мулат испугался. Нет сомнения, что за ним присматривали.

Минуту назад он еще надеялся на освобождение. Пьянство шайки помогало ему. Только один этот метис не терял рассудка и был бдителен, как сторожевая собака.

Каким же образом отделаться от такого бдительного часового?

Было единственное средство. По крайней мере мулату оно казалось единственным. Глаза невольника сверкнули при этом страшным блеском.

Это был блеск зловещий, предсказывавший убийство.

Юпитер быстро сообразил, что он должен убить метиса, или погибнет сам.

Поймав своего товарища, который проливал виски на землю, он наклонился к нему и, засмеявшись, потребовал объяснения этого поступка.

Но едва этот вопрос достиг слуха метиса, как в тот же миг широкое лезвие ножа проникло ему в сердце, и он умер на месте, не испустив ни единого стона.

Разбойники были погружены в глубокий сон, не зная, что близко от них случилось трагическое происшествие.

Муллат тихо вышел, пробираясь молча между храпевшими грабителями, и направился к загородке, в которой стояли лошади.

Он произнес несколько слов вполголоса; одна из лошадей отделилась от других и позволила взять себя за холку. Эта лошадь принадлежала Кленси.

Юпитер нашел сбрую и оседлал лошадь.

Он осторожно отодвинул засовы и тихо вывел лошадь.

Никто ему не препятствовал, не слышно было ни малейшего шума, даже тогда, когда беглец с помощью ножа, захваченного тайком в одной палатке, отрезал веревку, которой была привязана собака Кленси к дереву. Собака, по-видимому, понимала, что необходимо было соблюдать крайнюю осторожность.

И пока пьяные разбойники храпели со всех сторон, муллат выехал из лагеря верхом на коне, с ружьем на плече и пистолетом за поясом. Собака бежала за лошадью.

Глава ХСІ ЛЕГКИЕ ШАГИ

Кленси по-прежнему стоял закопанный в землю по шею, невыносимо страдая душой и телом. Он едва мог втягивать воздух в легкие. Периодически он чувствовал приступы удушья, с которым не может сравниться никакое физическое страдание.

Койоты возвратились с воем и щелкали белыми, ужасными зубами.

О, как он желал бы в эту минуту иметь хоть одну руку свободной, а в этой руке оружие для того, чтобы лишить себя жизни.

Подобное существование хуже агонии — оно невыносимо. Он сожалел даже об уходе Дарка.

Лучше бы он остался и убил его, прекратив таким образом неописуемые мучения.

Он желал себе смерти.

Вероятно, его желание должно было скоро исполниться: волки находились рядом. В эту минуту они подошли ближе, чем когда-либо. Он видел их белые зубы и красные языки в фуге от своего лица. Он чувствовал у себя на лбу их горячее, влажное дыхание. Каждый момент он ожидал их нападения. Закрыв глаза, он призывал смерть.

Но она не являлась, и он снова раскрыл глаза.

Вдруг он увидел, что волки удаляются с поджатыми хвостами.

Но они не спешили. То, что повлияло на эту перемену, казалось, не слишком их встревожило. Напротив, они уходили медленно, уступая почву вершок за вершком, с сожалением и недоверчиво.

Что же это могло значить?

Кленси искал объяснения на равнине, он смотрел вперед, направо и налево, насколько мог повернуть шею.

Но он ничего не видел, что могло бы объяснить перемену в поведении волков; причина должна была находиться сзади.

Он прислушивался, делал предположения.

Нельзя было сомневаться относительно того, что испугало волков снова: Ричард Дарк опомнился от страха, одумался, возвращается... Следующая за тем сцена будет последней — она завершит мщение.

Кленси был уверен, что это Дарк, и старался уловить стук копыт его лошади; но он слышал только шаги чьих-то легких лап, бежавших быстро по земле. Вскоре эти шаги послышались возле его головы и вдруг что-то теплое прикоснулось к его щеке.

Это был язык его собственной собаки.

Глава ХСII

БРА-ФОР

— Слава Богу! — воскликнул Чарльз Кленси при виде верного друга.

Но радость эта длилась не более минуты. Что могла собака сделать для него? Ничего. Правда, она воспрепятствует койотам растерзать его, ну, и что же? Все равно он должен погибнуть?

Пока он рассуждал таким образом, верное животное продолжало лизать ему лоб с легким визгом.

— Откуда могла прийти собака? Они ведь увели ее. Я видел ее привязанной к одному из седел. Убежала она, что ли, и пришла по следу? Или кто-нибудь идет за ней. Юпитер, например?

Он не слышал приближения ни лошади, ни человека на равнине. Первое предположение было вероятнее. Со-

бака вырвалась и убежала к нему по собственному побуждению. Она была одна.

Кленси, снова впадая в отчаяние, посмотрел на животное, продолжавшее ласкаться к нему.

— **Добрый Бра-Фор**, — сказал он, — честная собака, ты пришла, чтобы видеть мою кончину. Ты не можешь спасти меня. Однако мне утешительно видеть тебя, как друга в смертный час. Ты будешь защищать меня до конца, да! Ты будешь держать этих ужасных животных на почтительном расстоянии. Ах, недолго тебе придется быть часовым. Я чувствую себя слабее с каждой минутой. **Добрый Бра-Фор**, побудь около меня. Ты можешь уйти, когда все будет кончено. Я ее не увижу никогда, но тебя может кто-нибудь найти... И она вознаградит тебя за твою верность, я знаю. Подойди ко мне, ложись здесь.

Но Бра-Фор не ложился. Вдруг он перестал ласкать голову своего господина и остановился в наступательной позе. Но намерение его было совершенно другое: животное подчинилось собачьему инстинкту, как называют это люди, хотя собака, если бы могла говорить, сказала бы им, что это не инстинкт, а мысль.

Она начала рыть землю вокруг шеи Кленси.

Сердце ее хозяина снова забилося надеждой; это был шанс освободиться из ужасной тюрьмы, о котором он и не мечтал.

Воодушевленный этою надеждой, Кленси ободрял животное словами, которые она очень хорошо понимала.

— Продолжай, Бра-Фор! Продолжай, добрая собака!

Собака продолжала рыть, обильно отбрасывая землю назад, хотя эта земля и была крепко утоптана и тверда, однако Бра-Фор делал быстро яму вокруг шеи и плеч Кленси. Правое плечо было уже почти откопано. Стоило собаке снять еще немного земли, и рука его могла освободиться. После этого ему уже не составляло бы труда освободиться окончательно.

Он продолжал ободрять собаку словами и уже поверил, что скоро выйдет из ужасной могилы, как вдруг его слух уловил звуки, которые повергли его в отчаяние.

Это был топот лошади с всадником. Он не видел еще их, но, без сомнения, всадник подъезжал сзади.

Это не мог быть никто другой, кроме Ричарда Дарка, который, опомнившись от страха, возвращался, чтобы действовать совсем иначе.

Кленси был уверен, что приближается его конец, что

наступили последние минуты, тогда, когда он был так близок к спасению! Еще каких-нибудь четверть часа и Бра-Фор выпустил бы его на свободу.

Но теперь было поздно, очень поздно! Приходилось умирать.

Не было ли все-таки хоть какой-нибудь надежды на спасение? Он сделал отчаянное усилие выбраться, но тщетно; он находился словно в клещах, как будто его давил груз в несколько тонн. Выбора не было, он должен был покориться своей судьбе.

И какой судьбе? Ему придется видеть Ричарда Дарка перед собой, слышать его насмешки. Это будет повторением сцены, происходившей некогда под кипарисами.

Даже в этот страшный час, последний в своей жизни, Кленси вспомнил о своем унижении.

Но ему некогда было рассуждать об этом. Когда эта мысль мелькнула у него в уме, он услышал, что всадник подъезжает к нему. Темная тень перешла через его голову и удлинилась перед ним, так что он мог теперь видеть фигуру всадника.

Глаза Кленси находились слишком близко к земле, он не мог различить все очертания фигуры. В этом, впрочем, не было надобности, он не сомневался, что сзади стоит всадник в индейском костюме и с перьями.

Собака перестала рыть землю и выскочила навстречу всаднику.

Последний не встретил ее свирепой бранью, какой ожидал Кленси, да и животное не проявляло ни малейшей враждебности. Напротив, собака начала тихо визжать и ласкаться, распознав друга.

Кленси знал ненависть собаки к Дарку, который однажды хотел убить ее. Следовательно, это был не он.

Радость, глубокая, неописуемая радость засветилась в глазах Кленси, когда он увидел Юпитера.

Глава ХСIII

РАЗБОЙНИКИ В ОПАСНОСТИ

На отдаленной границе Техаса, которой не переступал еще цивилизованный человек, не возвещает авроры никакой петух, а тетерев приветствует восходящее солнце резким криком. Стая этих больших птиц, сидевшая в роще по соседству с лагерем степных разбойников, с

приближением дня взлетела на вершины деревьев. Самцы, как обыкновенно, весело прокричали свой громкий вызов, разбудивший грабителей и их вождя.

Борласс, несмотря на то, что в голове его еще бродили винные пары, почувствовал тревогу. Вскочив на ноги, он начал звать Фернанда, потом мулата. Громкий и строгий голос его раздавался между палатками.

Вдруг раздался единодушный крик: «Ушел!», сопровождаемый руганью. До сих пор это было предположение. Оба могли еще спать с похмелья, но вскоре все объяснилось.

Метис лежал в палатке мертвый, в лужах крови, наполовину еще жидкой, наполовину сгустившейся.

Мулата не было. Единственным следом его присутствия в палатке оставалось это окровавленное тело, лежавшее у них перед глазами.

— Где же мулат? — спросили разом несколько разбойников.

— Ушел, — отвечал один голос. — И взял с собой собаку, и, вероятно, какую-нибудь из лошадей.

Разбойники бросились к загородке, где стояли лошади. Она оказалась пустой, в ней не было ни одной лошади; не было даже мула, на которой ехал мулат, когда его захватили. Но тут не было ничего удивительного — ворота стояли открытыми.

Вероятно, они были где-нибудь недалеко. Вскоре беспокойство рассеялось: лошади преспокойно паслись на небольшой лужайке на берегу реки.

Все было налицо, даже мул, кроме одной лошади, принадлежавшей тому человеку, которого разбойники оставили на поживу волкам и коршунам. Это была великолепная боевая лошадь, понравившаяся начальнику шайки, который и присвоил ее себе. Но потеря лошади ничего не значила в сравнении с потерей пленника. Со свойственным ему чутьем Борласс тотчас же догадался об опасности, грозившей ему и его шайке. Мулат был свидетелем их превращения из индейцев в белых.

Он доедет до колонии и известит ограбленных колонистов, а что еще хуже — проводит их к лагерю, к которому знает дорогу. Кроме этого, он мог успеть спасти Кленси из могилы, в которую закопал его Борласс, будучи уверен в собственной безопасности.

Но вождь шайки разбойников еще более тревожился оттого, что Контрелл не является с пленницами. Он

еще мог вынести неудачу своего мщения Кленси, но мысль, что его страсть могла остаться без удовлетворения, была для него выносима. Молодая девушка с розовыми щеками и золотистыми волосами еще не была у него во власти, и он чувствовал, что и не будет никогда.

И грубый разбойник испустил из глубины своей могучей груди вздох. В этом вздохе выразилась сильная, глубокая страсть, было видно, что разбойник отдал бы все: и недавнюю добычу, и саму жизнь — за ее удовлетворение.

Он предложил отправиться на поиски за Филом Контреллом и пленницами на верхнюю равнину, а если нужно, то до брода через Сан-Сабу. Но это предложение никто не поддержал, потому что каждый боялся; они знали, что их лагерь, так удачно избранный, не был больше в безопасности. Из него следовало уезжать как можно скорее.

Но когда Борласс заговорил о собственной их безопасности, они все поняли, как важно было предотвратить встречу беглеца с колонистами. Необходимо было захватить его во что бы то ни стало.

Перед отъездом они наскоро позавтракали и основательно выпили на дороге, после чего оседлали лошадей и навьючили на них деньги.

На этот раз серебро было не в бочонках, а в мешках и карманах. Когда все было готово, шайка села на лошадей и тронулась в путь как раз в тот момент, когда день озарил долину.

Глава ХСIV

ОТДЕЛЕНЫ ДВАДЦАТЬЮ МИЛЯМИ

В ту минуту, когда Борласс и его шайка выбрались на верхнюю равнину, другой отряд всадников показался на противоположном берегу, выехав из Сан-Сабской долины по известному уже ущелью.

Отряд этот состоял из колонистов под предводительством Вудлея, который вел его совместно с охотником Гаукинсом.

Их было двадцать девять человек, хотя в погоню собралось и больше, но было бы неосторожно оставить колонию без защиты. Двадцать вооруженных колонистов

под начальством полковника Армстронга остались в миссии. Молодой плантатор Дюпре, расставшись с невестой, присоединился к отряду преследователей.

Почти в одно время оба отряда выехали на равнину с двух противоположных сторон.

Их разделяло расстояние в двадцать миль, и много пройдет времени, пока суждено им будет встретиться, если даже предположить, что они не отклонятся от прямой линии.

Колонисты не знали, какое выбрать направление: приходилось искать следы разбойников, что было нелегко на сухой, бесплодной почве. Впрочем, таких опытных разведчиков, как Саймон Вудлей и Гаукинс, это не беспокоило.

Они проехали медленно одну или две мили, после чего прибавили шагу и поехали быстрее.

Их торопил Саймон Вудлей: он видел одинокое дерево, возвышавшееся на отдаленной линии горизонта. Необходимость идти по следам отпала.

Глава XCV БЕГСТВО ОТ ПРИВИДЕНИЯ

Ричард Дарк, не помня себя от ужаса, пустился бежать от того, кого считал мертвым. Теперь к угрызениям совести присоединился и суеверный страх.

Лошадь разделяла ужас своего господина. Сверхъестественное появление головы без туловища, присутствие волков, нервное потрясение всадника, сообщившееся ей, крик, выходявший из-под земли, — все это вместе напугало лошадь так же, как и ее хозяина. Дарк мчался, словно сзади была в огне вся степь.

Лошадь его продолжала скакать, но куда? Он и сам не знал, да и не заботился об этом. С момента неожиданной встречи с Вудлеем его преследовало предчувствие близкой гибели, но теперь, когда в дело вмешались еще и сверхъестественные силы, когда привидение в земной форме назвало его по имени и обвинило в убийстве — это было уже не предчувствие, а действительность. Он был глубоко убежден, что его преследовала Немезида.

Совершенно убитый этой мыслью, он предоставил лошадь самой себе и даже не старался держаться в

седле, с которого, может быть, и упал бы, если бы продолжительная практика и привычка не давали ему возможности удержаться машинально.

И только тогда, когда, устав от быстрого бега, лошадь остановилась,— к Дарку возвратилась способность рассуждать.

Одумавшись, он пришел к заключению, что это, скорее всего, был сон. С похмелья ему грезились разные страшные вещи, ужасные фантазмагии, картины, в которых Чарльз Кленси был действующим лицом. Быть может, Ричард Дарк еще не совсем проспался, и эта голова без туловища просто была продолжением его снов, и...

— О, Боже, я не сплю. Что же это значит? Не сошел ли я с ума?

Так говорил беглец, когда его лошадь остановилась, а он, привстав в седле, осматривался кругом блуждающим взором. Он не знал, где он находится.

Лошадь его, давно умиравшая с голоду, наклонила голову и щипала короткую траву.

Луна еще светила, но была уже близко к горизонту.

Он хотел разнуздать голодную лошадь и пустить ее пощипать траву, но еще раз оглянувшись на тень, которая, по мере захождения месяца, все дальше и дальше вытягивалась по равнине. На том месте, где она заканчивалась, внезапно он увидел нечто такое, чего прежде не заметил.

Это был темный предмет, вроде низкорослого дерева или камня, торчавшего на равнине.

Но, продолжая смотреть, он скоро убедился, что это не дерево и не камень, а нечто приближавшееся.

Тень от его собственной головы и мрачный предмет сближались постепенно. В тот момент, когда две тени встретились на серебристой поверхности степи, он увидел молнию, блеснувшую от этой отдаленной фигуры, словно лучи месяца отразились на кусочке стали или, скорее, на ноже.

Ричард Дарк недоумевал; во всяком случае, там должен был находиться человек.

Всадник быстро приближался к нему, словно под влиянием грозной решимости, похожий на ангела-мстителя.

Дарк не стал больше ждать. Задолго до приближения всадника он схватил поводья, вскочил в седло и прищиприл лошадь так, словно его жизнь зависела от быстроты ее бега.

Глава ХСVІ

СКАЧКА ПРИ ЛУНЕ

Вскоре после того, как тень от Юпитера перешла через голову Кленси, последний увидел и свою собственную тень на равнине.

Мулат освободил его из ужасной могилы, и несчастный свободно перевел дух.

Он был очень слаб. Но Юпитер дал ему лекарство — водку, захваченную в лагере разбойников, несколько глотков которой скоро возвратили ему силы.

Кленси нетерпеливо слушал рассказ мулата. Тот, кто был причиной всех его страданий, еще был жив и мог быть недалеко.

Необходимо было следовать за ним и отыскать его...

Сев на свою лошадь и взяв оружие, захваченное Юпитером в палатках, Кленси приготовился к отъезду. Учтывая, что мулат не мог следовать за ним пешком, он посоветовал ему остаться, обещав приехать за ним, так как знал, где его найти. Ему необходимо было догнать Дарка и убить его. Он не боялся последствий. Внутренний голос пророчил ему успех.

Попрошавшись с верным товарищем, Кленси пустил собаку по следу: след был свежий, и животное быстро побежало вперед.

Он поехал не галопом. Он знал, что неосторожно было дать возможность преследуемому услышать конский топот.

Двигаясь рысью, лошадь делала шуму не больше собаки, и обе скользили по степи, словно призраки.

Около часа прошло безрезультатно, но Кленси не сомневался в направлении, доверяя проводнику. Поведение Бра-Фора доказывало, что он не сбился со следа.

Вскоре доверие это подтвердилось. След привел их к той части равнины, где луна сливалась с горизонтом. На фоне ее диска Кленси заметил очертания человека на лошади. При таинственном лунном свете всадник принял исполинские размеры, но Кленси отлично понимал, что это не призрак, а самый обыкновенный человек.

Увеличивая размеры коня и всадника, этот свет увеличивал и венец из перьев на голове всадника. Кленси знал, что это был Ричард Дарк.

Теперь все зависело от быстроты его коня.

— Наконец-то, — сказал он, стиснув зубы, — наконец-

то злодей у меня в руках. Теперь, матушка, или ты будешь отмщена, или я присоединюсь к тебе.

* * *

Всадники летели, озаренные луной, летели настолько быстро, насколько могли скакать их кони.

И тот, и другой молчали, но мысли их были различные: преследователь знал, кто впереди, а преследуемый не знал, кто гонится за ним.

Ричард Дарк оглядывался с испугом. Страшная мысль о привидении головы убитого им человека снова овладела им.

Вонзив шпоры в бока лошади, он скакал по прямой линии к луне, которая в эти минуты касалась горизонта. Он мчался, словно собираясь погрузиться в лунный диск в поисках убежища от привидения. Он замечал, что преследователь выигрывает расстояние, которое постепенно уменьшалось. Он осматривал равнину, стараясь найти место, где мог бы укрыться, но на бесплодной равнине не было ни кустика, а росла только артемизия, неспособная укрыть и зайца.

В последние минуты впереди показался какой-то предмет, закрывший на один миг диск луны, это была скала.

Дарк пришпорил лошадь, заставляя ее сделать последнее отчаянное усилие. Ему удалось добраться до скалы и скрыться за ней. Он остановился и стал ждать преследователя.

Несмотря на охвативший его ужас, он нашел силы поднять ружье и прицелиться в преследователя, независимо от того, был это человек или привидение.

Кленси продолжал преследование. Сердце его билось от радости при виде, как уменьшалось расстояние, отделявшее его от врага. Вскоре он мог утолить жажду, мучившую его с давних пор,— жажду мести.

Он летел во весь дух и вскоре увидел скалу, укрывшую Ричарда Дарка.

Глава ХСVII СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Несмотря на свое нетерпение и решимость убить Дарка, Кленси остановился. Он был не настолько безу-

мен, чтобы дать врагу новый шанс выстрелить в него.

Заметив преимущество, доставшееся врагу, и видя, что подъехать к нему близко будет опасно, он остановил лошадь. Пока он обдумывал, как поступить, за скалой послышался голос:

— Я не знаю, кто вы или что вы, но предупреждаю, чтобы вы не приближались, а не то...

Узнав голос Дарка, в приливе ненависти, Кленси перебил его:

— Убийца! Ваши руки обогреты кровью! Если вы меня не узнаете, то узнаете вскоре. Я тот, которого вы оставили, считая мертвым, под кипарисом в штате Миссисипи; я тот, кто намерен, имея на это право, убить вас в степях Техаса. Ричард Дарк, приготовьтесь принять смертельный выстрел.

Слова эти произвели страшное впечатление на человека, находившегося за скалой. Он думал встретить Саймона Вудлея, но это говорил не Вудлей, а Чарльз Кленси, которого не могло здесь быть.

Дарк испугался этих слов, как будто их произнес ангел-мститель. Не был ли он еще во хмелю, не снилось ли ему все это?

Ружье чуть не выпало у него из рук, но, приняв последнее отчаянное решение и сделав это почти машинально, он поднял ружье, прицелился и выстрелил.

Кленси, ожидавший ответа, увидел огненную струю, беловатый дымок, потом услышал выстрел, и в то же время пуля просвистела мимо его уха.

Он помнил, что Дарк всегда носил двуствольное ружье, и мог во второй раз прицелиться вернее. Кленси же не имел ни малейшей возможности попасть в противника: против него были скала и луна, слепившая глаза. У него был один только заряд, который не следовало тратить на ветер.

Ему оставалось только удалиться на расстояние выстрела, выжидая благоприятного случая к нападению.

Он отъехал на несколько шагов.

Дарк, одумавшись, успокоился, по крайней мере, относительно сверхъестественного. Ведь Кленси мог быть только ранен и вылечиться. Очень может быть, что это он и освободил Елену Армстронг под большим дубом.

Но реальное было для Дарка не менее ужасно, чем призрак, и ясно предсказывало ему его участь, его тяготило предчувствие смерти.

Пока он предавался этим мыслям, Чарльз Кленси думал, как исполнить свое намерение, и старался найти средство приблизиться к неприятелю.

Лай собаки прервал эти размышления. Явился Бра-Фор. Собака не могла поспеть за лошадью и сильно отстала.

Через минуту она была за скалой, и Кленси тотчас отпустил поводья лошади и с ружьем в руке быстро поскакал в том же направлении.

Дарк узнал собаку, вспомнив, как она яростно бросилась на него во время следствия. По-видимому, Немезида со всеми своими адскими легионами вооружилась против него.

Собака подбежала к нему, и прежняя враждебность была ничем в сравнении с тем, что произошло в следующую минуту. Как пантера, она бросилась на него и вонзила зубы ему в икры, что заставило его вскрикнуть от боли и ужаса.

Лошадь, разделяя его ужас и не слушаясь больше поводьев, бросилась от камня, и всадник оказался на виду.

Подоспевший Кленси воспользовался своим преимуществом, навел ружье, выстрелил... и Ричард Дарк упал ничком на землю.

Спрыгнув с седла, Кленси подошел к нему, чтобы не дать собаке растерзать его. Когда он отогнал Бра-Фора и медленно подошел к врагу, последний уже был мертв, перед Кленси лежал только бездыханный труп.

Он наклонился к убитому, чтобы узнать, куда угодила пуля.

— В грудь,— сказал он,— почти в то же место, куда он меня ранил, полагая, что его выстрел был смертельным. Он дождался своего. Господи, прости меня, что я убил человека, но я избавил мир от гнусного чудовища.

Потом, встав с земли и подняв глаза к небу, он сказал торжественно:

— Я сдержал свою клятву. Матушка, ты отмщена!

Глава ХСVIII ОДИНОКИЙ ПЕШЕХОД

Победитель недолго оставался возле убитого врага. Что-то вроде страха напало на Кленси, когда он стоял

возле него. Со смертью Дарка обет его был исполнен, мщение удовлетворено, и более гуманные чувства вступили в свои права.

Дрожь пробежала по его телу при взгляде на черты Дарка, которые были угрюмы даже у мертвого. Несмотря на их отталкивающий вид, Чарльзу Кленси сделалось грустно. В таком настроении он обернулся к Бра-Форту, который еще не успокоился и готов был растерзать труп, если бы ему не мешали. Но он уступил строгим словам и угрожающим жестам своего господина:

Кленси вскочил на лошадь, собираясь на поиски Юпитера. Для этого ему надо было возвращаться назад, и помощь собаки была необходима.

Но он не отъехал и трехсот шагов, как заметил пешего человека. По походке он узнал Юпитера и поскакал ему навстречу.

Юпитер пошел за своим господином, ориентируясь по луне. Потом он услышал выстрелы и заранее понял, что найдет труп, он предчувствовал, это будет труп их общего врага.

Сквозь утренние сумерки он увидел всадника. Он узнал Кленси, возвращавшегося с победой.

Их разговор не занял много времени. Надо было уходить с этого места, но сперва надо было поймать для мулата лошадь Дарка, которая была еще оседлана.

Очень мало труда стоило поймать ее. Она не привыкла быть одна, и сделав один или два круга вокруг скалы, возвратилась к месту, где потеряла своего всадника, и подчинилась тому, кто освободил ее от ноши.

Юпитер быстро подошел к трупу Ричарда Дарка и устремил на него взгляд.

В голове мулата пронеслись самые разнообразные мысли при виде этих рук, бессильно лежавших на земле; эти руки своими полусжатыми пальцами, вроде когтей, напомнили ему, что не раз они держали плетъ, следы от которой до сих пор еще были видны на его спине.

Глава ХСІХ СНОВА ОПАСНОСТЬ

Теперь, когда у обоих было по лошади, Кленси думал только о возвращении к реке Сан-Сабе, а оттуда в миссию.

Но прежде следовало позаботиться о двух вещах — во-первых — найти дорогу, а во-вторых — ехать как можно осторожнее. Они рисковали встретиться с Борлассом и его шайкой. Без сомнения, разбойники будут их преследовать, когда проснутся после ночной попойки. Обнаружив бегство мулата и труп метиса, они, конечно, пустятся в погоню. Бегство Юпитера угрожает их собственной безопасности, и они постараются захватить его.

Предположив, что Юпитер будет искать место, где они закопали Кленси, они непременно устремятся сюда.

Так рассуждал Кленси. Он был убежден, что крайняя осторожность необходима. До сих пор все шло хорошо. Несмотря на зловещие слова, сказанные ему Борлассом перед расставанием, он не беспокоился о Елене Армстронг.

Сообщение Юпитера о лагере рассеяло все сомнения по этому поводу.

Какой же лучший способ избежать возможности снова оказаться в руках у Борласса? Остаться ли за прикрытием скалы до ночи, или немедленно ехать в Сан-Сабе, рассчитывая переехать через равнину незамеченными?

Он знал направление реки по солнцу, и хотя не видел дороги, которая вела бы к ущелью, однако это ничего не значило — лишь бы добраться до утесов, а там уже было легче отыскать выход.

Он торопился узнать, что происходит в колонии, и увидаться с любимой девушкой. Может быть, она оплакивала убитого отца, как и сам он недавно плакал на могиле матери.

Кленси решил ехать, но не с беззаботной смелостью, раскаиваться в которой у него было много поводов, а с крайней осторожностью и благоразумием.

Он начал с осмотра равнины. Ему следовало идти не к своей недавней могиле, а в противоположном направлении. Где же эта дорога? Как ее найти?

Рассуждая об этом, он увидел нечто, побудившее его принять решение. Направо, по направлению к Колорадо, на поверхности равнины что-то блеснуло; это были отдельные точки, находившиеся близко друг к другу.

Кленси вскоре узнал ружейные и пистолетные стволы, ножи, стальные мундштуки и стремяна, блестевшие на солнце.

Это были степные разбойники, ехавшие от Колорадо.

Глава С

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

При виде отряда Кленси заехал за скалу и приказал Юпитеру сделать то же. Скрывшись подобным образом, они могли теперь видеть шайку, не будучи видимы сами.

Приближалась ли она к ним? Если да, то единственным для них средством спасения были их лошади: скала могла скрывать их только до прибытия разбойников.

Кленси с мулатом сошли с лошадей, чтобы лучше спрятаться; Юпитер держал лошадей, в то время, как его господин не спускал глаз с шайки.

Недолго пришлось ему сомневаться в направлении, принятом всадниками.

Они шли не в их сторону, а по прямой линии к утесам, ориентируясь на большое дерево, без сомнения, с целью повернуть оттуда к месту, помнить которое они имели основательный повод.

Кленси вздохнул свободнее. Если только что-нибудь не заставит их свернуть с прямой линии, то ему нечего бояться в настоящую минуту. Но он не мог не подумать о судьбе, которая ожидала бы его, если бы он еще был закопан на равнине.

Он поблагодарил Бога за спасение.

С диаметрально противоположной от разбойников стороны двигался по равнине другой отряд, направляясь к горной цепи. Увидев это, Кленси не мог сдержать крик радости.

Оба отряда находились на одинаковом расстоянии от вершины. Очевидно, дерево служило маяком для обоих. Возвышенность, разделявшая их, мешала им видеть друг друга, в то время как Кленси со своего высокого пункта отлично мог видеть оба отряда.

Мысль, что второй отряд мог состоять из колонистов, выехавших в погоню за разбойниками, вызвала у него радостное восклицание. Вскоре это предположение перешло в уверенность, потому что впереди ехал всадник на лошади не совсем обыкновенной масти. Это был «клея-банк», пестрый и полосатый, словно полукровная зебра. Такая лошадь была у Саймона Вудлея, и, должно быть, охотник предводительствовал отрядом колонистов, приближавшихся справа.

Обе группы двигались быстро и должны были вскоре встретиться.

Очевидно, они и не подозревали, что так близко находятся друг от друга.

Колонистов было около тридцати человек, в то время как шайка разбойников состояла всего из двадцати, но большая часть последних были отчаянные люди, готовые биться до последней капли крови, так как знали, что, попав в плен, им не избежать виселицы. Среди колонистов тоже имелись люди отважные, предводительствовал ими Саймон Вудлей. Наконец, на их стороне был Бог, в то время, как разбойники шли под знаменем дьявола.

Чарльз Кленси не беспокоился за исход битвы, а боялся только одного: что-нибудь могло предостеречь разбойников и дать им возможность ускользнуть от боя. Они, без сомнения, постарались бы убежать от неприятеля, превосходившего их численностью и имевшего на своей стороне закон.

Над каждым отрядом носилась стая коршунов, которые сопровождали всадников. Инстинкт этих хищных птиц всегда подсказывает им, что там, где встречаются два вооруженных отряда, они могут надеяться на добычу. Они знают, что эти отряды враждебны друг другу и что должно произойти кровопролитие.

Борласс не мог не видеть тех коршунов, которые носились над колонистами, так же как и Вудлей не мог не заметить тех, которые летали над разбойниками.

Скорее всего, Борласс подумает, что коршуны летают над головой Кленси, погребенного заживо, а Вудлей со страхом вообразит, что они летают над трупом его старого товарища, а может быть, и над телом Юпитера.

Предположение Кленси оправдалось. Оба отряда продолжали сближаться.

— Слава Богу! — сказал он, оправляясь от страха. — Встреча теперь неизбежна.

Сдерживая по возможности свое нетерпение, Кленси продолжал наблюдать за отрядами, сближавшимися очень медленно. Для обоих подъем вверх сделался труднее; надо было беречь лошадей.

Обе группы можно было сравнить с двумя темными тучами, приближавшимися одна к другой на чистом небе с противоположными электрическими зарядами. Когда они придут в соприкосновение, то, вероятно, польется кровавый дождь.

Местность имела вид крыши; Кленси стоял на верхуш-

ке, в то время как два отряда поднимались с двух сторон. Одинокое дерево изображало трубу, к которой они стремились. Сердце у Кленси готово было выскочить из груди; пульс бился с ужасающей силой. Он ждал развязки.

Обе стаи коршунов встретились в воздухе и соединились.

Вот головы всадников уже на уровне травы. Они показываются.

...Противники увидели друг друга.

Настала роль Кленси.

— Коня, Джуп! — кричит он. — Садись и следуй за мной!

Он вскочил в седло и бросился из-за скалы на равнину.

Два враждебных отряда остановились, увидя друг друга; не слышно криков, только вожди созвали людей для дачи приказаний. Потом наступило временное затишье, прерываемое лишь громким ржанием лошадей и стуком копыт о землю.

Каждый знал, что видит перед собой врага, и несмотря на расстояние, два исполинских вождя узнали друг друга. Охотник испустил крик мщенья, раздавшийся по всей равнине.

Оба отряда рванулись с места, но не навстречу друг другу: один обратился в бегство, а другой стал преследовать.

Глава СІ

РУКОПАШНЫЙ БОЙ

Кленси скакал, направляясь в пространство, разделявшее врагов и постепенно уменьшавшееся. Вскоре он увидел клубы дыма и огненные полосы; он услышал выстрелы, сперва отдельные, а потом перешедшие в батальный огонь. Равнина покрылась густым серым дымом, среди которого боролись мрачные фигуры, освещаемые порой зловещим блеском. Они ревели, словно два враждебных полчища демонов, встретившихся и вступивших в битву в воздушном пространстве.

Кленси думал только о том, как поспеть к бою и помочь ангелам ниспровергнуть демонов в бездну.

Пришпорив лошадь еще раз, он очутился среди схватки.

Кругом царило смятение и раздавались крики. Всадники бились. Пары старались свалить друг друга на землю; одни стреляли из пистолетов, другие выхватывали ножи.

Несмотря на это, Кленси мог видеть, что бой подходит к концу, разбойники изнемогали. Большинство из них было выбито из седел; они на коленях просили пощады, взывая к милости победителей.

Так как колонисты не встречали больше сопротивления, то бой скоро окончился. Победители склонились над побежденными, большинство которых были уже мертвы.

Кленси приехал слишком поздно, чтобы принять участие в схватке. Разбойники получили достойное возмездие за свои дьявольские преступления.

Но где же Саймон Вудлей? Неужели пал в схватке? Неужели убит его старый товарищ?

Кленси искал его, осматривая каждую группу, но нигде его не видел.

— Хейвуд! — кричал он.

Шатаясь, к нему подошел молодой охотник; он был весь в крови и почернел от дыма.

— Где Вудлей?

— Саймон поскакал сюда, — отвечал Хейвуд, указывая рукой, — я видел, как он гнался за великаном Борлассом. Ради Бога, Чарльз Кленси, поспешите к нему; он, может быть, нуждается в вашей помощи.

Кленси не слушал больше. Он направил лошадь сквозь легкое облако дыма, которое уже успело рассеяться. На равнине он увидел двух всадников: один гнался за другим; оба были огромного роста. Разбойник был впереди, охотник настигал его.

Кленси чувствовал невольный страх. Он знал, что Джим Борласс — противник, которым не следовало пренебрегать.

Теперь, доведенный до отчаяния, он будет биться насмерть.

Кленси верил в своего старого товарища, но не мог отрешиться от боязни за него и спешил вперед, надеясь, что может принести ему пользу.

Но не успел он к ним подъехать, как схватка началась.

Они не обменивались ни ружейными, ни пистолетными выстрелами. Они сразу пустили в ход длинные ножи.

Они начали бой верхом, но вскоре оба соскочили с

лошадей и вступили в рукопашный бой, размахивая ножами.

Ужасное зрелище представляли эти два бойца, вступившие в смертельный бой, тем более, что битва происходила в молчании, без слов, без крика. Единственным звуком, достигавшим слуха Кленси, было их прерывистое дыхание.

Кленси, однако, не думал оставаться безучастным зрителем. Он приблизился со взведенным курком, готовясь послать пулю Борлассу, как только представится удобный момент.

Но его помощь оказалась не нужна. Не ружью и не пистолету суждено было нанести смертельный удар вождю степных разбойников. Прежде чем Кленси успел выстрелить, лезвие длинного ножа вонзилось разбойнику между ребер, пробило сердце, и он упал бездыханный.

— Благодаю вас за помощь, Чарльз Кленси, но вы опоздали. Этот негодяй из негодяев не будет больше тревожить Техас. А ведь ловко я свалил его. Но откуда вы? А Ричард Дарк, что с ним? Видели вы его?

— Да.

— Ну, что же вы с ним сделали?

— То же, что вы сделали с ним,— отвечал Кленси, указывая на труп Борласса.

— Хорошо. Теперь посмотрим, что сделалось с другими. Полагаю, что наши распорядились, как следует, и что здешние степи избавлены от самых кровожадных разбойников, какие только когда-либо появлялись в этих местах. Пойдемте, Кленси, оставьте этого разбойника, пусть им хорошенько пообедают эти коршуны. Прощай, Джим Борласс!

ЭПИЛОГ

Надобно ли говорить, что рассказ наш закончен?

После кровопролитной битвы, в которой погибла большая часть степных разбойников, погибли и многие колонисты, победители возвратились в Сан-Сабскую миссию, куда увели пленников. Последних немедленно судили, приговорили к казни и повесили, прежде чем успели похоронить мертвых.

Всеобщая радость царила в колонии.

Она достигла высшей степени в тот день, когда обе красавицы-дочери полковника Армстронга, одетые в под-

венечные платья, решились переменить свои фамилии перед алтарем старинной миссии: одна должна была сделаться миссис Дюпре, а другая — миссис Кленси.

Третья чета была также соединена при этом случае, хотя и не в один и тот же час. Юпитер и Юлия были обвенчаны. Они дали друг другу клятву о взаимной верности, которую сдержали.

Никогда еще в упраздненной миссии не было такой радости, как в день этого свадебного торжества; роскошный пир превзошел все; что монахи могли когда бы то ни было придумать. Дюпре, возвративший свои деньги, не знал пределов своему гостеприимству. Зажарены были целые быки, опорожнялись целые корзины с вином и истреблялись ящики лучших гаванских сигар.

Среди этого роскошного пиршества один только человек не был и не мог быть весел.

Это был молодой доктор Вартон. Причина его уныния была неустранима. Он это знал и решился сделать над собой усилие, чтобы побороть горе, отдавшись своему профессиональному долгу.

Говорят, что он очень успел в жизни. По крайней мере, таково было мнение в Саб-Сабской колонии через много лет, когда она сделалась цветущим поселением и когда возник город на месте прежней миссии. Этот город сделался центром большого округа хлопчатобумажных плантаций. Кленси был владельцем одной из них — самой богатой и самой цветущей.

Город и плантации существуют до сих пор. Рынок его снабжается дичью, поставляемой четырьмя лучшими техасскими стрелками, так как Вудлей, Гаукис, Хейвуд и Туккер — постоянные охотники в этой местности. Часто видят этих достойных представителей охотничьего искусства, отправляющихся в экспедицию или возвращающихся из степи.

На одной из Сан-Сабских плантаций можно также видеть Синего-Билла и его Фебу, окруженных многочисленным потомством.

Позор, которым несчастный сын Ефраима Дарка покрыл своего отца, свел последнего преждевременно в могилу. Невольники его были проданы с аукциона. Полковник Армстронг выкупил Синего-Билла и всех своих прежних невольников и тоже окончательно поселился в Техасе.

ПЕРМЬ
ЯНУС
1992